

**ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК**

2025, Том 5, № 7

Подписано к публикации: 27.06.2025

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

*Атаев Борис Махачевич (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Биданюк Марзият Мугдиновна (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Горшунов Юрий Владимирович (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор
Гумовская Галина Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Епифанцева Наталья Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жирова Ирина Григорьевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Закирова Елена Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимова Мариза Оглановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент
Лисицкая Лариса Григорьевна (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор
Лиходкина Ирина Александровна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Мазирка Ирина Олеговна (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Мощева Светлана Васильевна (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Павлова Елена Касимовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Рогалёва Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Степанова Надежда Сергеевна (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Толкачев Сергей Петрович (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент*

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022г., Elibrary.ru.

Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2782-5329 (online)

DOI: 10.62257/2782-5329-2025-7

E-mail: info@vfn-journal.ru

Сайт: <https://vfn-journal.ru>

Содержание

Абделлатиф М.М.А. Пьеса М. Горького «На дне» на арабской сцене (к истории постановок)	5-11
Алхасова Г.Б., Горбанева А.Н. Анна Каренина как трагическая героиня романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»	12-17
Атаева Д.М., Кадырова К.А. О некоторых особенностях поэтики книги А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»	18-24
Батюнина Е.Ю. Историко-культурное наследие «Московских сказок» А. Кабакова	25-30
Ван Мэнъяо Концепты “прощение” и “извинение” в русском языке: межконцептуальные связи	31-36
Вихрова К.А. Сюжетное функционирование виртуальной реальности в романе Филипа Дика «Лабиринт смерти»	37-42
Воробьева Е.Н. Однодиктемный непарцеллированный зacin в новеллах К. Мэнсфилд	43-48
Гумерова Д.Н., Власов М.К. Лексико-семантическая характеристика урбанонимов китайских парков	49-54
Циленко Л.П., Закирова Е.С., Медведева Е.П. Лингво-правовой анализ терминов международного воздушного права	55-66
Ильясов И.И. Лексика лакского языка с точки зрения сферы употребления	67-71
Кушиева А.Н., Агларова З.М. Ономастические реалии в современной антиутопии (на материале трилогии С. Коллинз The Hunger Games)	72-77
Науменко А.И. Эволюция медиадискурса: от социально-исторических основ к цифровой трансформации и новым горизонтам исследования	78-85
Рамадханиах Ризкина Мотивировочные признаки зоонимов в русском и индонезийском научно-популярном тексте	86-93
Родионова Ю.А. Англицизмы в официальной документации ми просвещения России в условиях языковой политики 2023 года: от свободы заимствования к нормативной селекции	94-102
Сальников О.В. Особенности перевода советских политических текстов	103-107
Скрипникова Н.Н., Лютая К.А. Влияние студенческих комьюнити на цифровой дискурс современного университета	108-112
Черкасова И.П. Концептуализация гуманизма в романе А. Грина «Золотая цепь»	113-118
Александров С.Ю., Буракова А.И., Шарифуллина С.В. Эффективность медиамаркетинга в книжной отрасли	119-130
Самарская С.В., Гордиенко Д.Я. Влияние компьютерных технологий на современную лингвистику	131-135

Курляндская О.Г.

Грамматико-синтаксические трансформации при переводе с русского языка на арабский и английский: обоснование идентичности

136-143

Логвина С.А.

Когнитивно-прагматические основания дискурсивной природы эвфемизма

144-157

Уздеева Т.М.

Концепт «дорога» в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» и повести Н.С. Лескова «Очарованный странник»

158-162

Чалаева П.Ш., Омарова Г.Р.

Семантические особенности паремиологических единиц лакского языка

163-168

Чуев А.А.

Прагмалингвистические особенности устной речи советской и российской молодёжи

169-177

Сакаева Л.Р., Иванова Т.К., Сорокина Т.В., Хэ Еми

Исследование метеорологической лексики (на материале фразеологических единиц русского и китайского языков)

178-181

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.161.1

¹Абделлатиф М.М.А.

¹Санкт-Петербургский государственный университет

Пьеса М. Горького «На дне» на арабской сцене (к истории постановок)

Аннотация: пьеса Максима Горького «На дне» оказала значительное влияние на развитие арабской театральной традиции, став не только объектом сценических адаптаций, но и важным инструментом осмыслиения острых социальных и философских проблем. Такие темы, как бедность, социальное неравенство, отчуждение и поиски человеческого достоинства, оказались близки и актуальны для арабского зрителя, особенно в условиях колониального и постколониального опыта. Постановки «На дне» в арабских странах продемонстрировали высокий потенциал произведения Горького как источника для театральных экспериментов, творческой интерпретации и межкультурного диалога. Арабские режиссёры и драматурги, адаптируя пьесу к местным реалиям, подчеркивали универсальность её проблематики, одновременно раскрывая национальные особенности восприятия социальной несправедливости. Таким образом, «На дне» стало не только примером художественного влияния русской литературы на арабский театр, но и важной ступенью в развитии социального реализма в арабской драматургии. Влияние пьесы ощущается до сих пор – она продолжает вдохновлять новых авторов, способствуя формированию критического сознания и стимулируя общественные дискуссии по вопросам морали, свободы и социальной ответственности.

Ключевые слова: Максим Горький, пьеса «На дне», арабский театр, социальный реализм, театральная адаптация, культурный диалог, социальная несправедливость, философия, арабская драматургия, сцена, режиссёрские интерпретации, арабская культура, постколониальные проблемы

Для цитирования: Абделлатиф М.М.А. Пьеса М. Горького «На дне» на арабской сцене (к истории постановок) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 5 – 11.

Поступила в редакцию: 23 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹Abdellatif M.M.A.

¹Saint Petersburg State University

M. Gorky's play «At the Bottom» on the Arabian stage (a history of its staging)

Abstract: Maxim Gorky's play «At the Bottom» had a significant impact on the development of the Arab theatrical tradition, becoming not only an object of stage adaptations, but also an important tool for comprehending acute social and philosophical problems. Themes such as poverty, social inequality, alienation and the search for human dignity proved to be close and relevant to Arab audiences, especially in the context of the colonial and post-colonial experience. Arab productions of "At the Bottom" have demonstrated the high potential of Gorky's work as a source for theatrical experimentation, creative interpretation and intercultural dialog. Arab directors and playwrights, adapting the play to local realities, emphasized the universality of its problems, while revealing the national peculiarities of the perception of social injustice. Thus, «At the Bottom» became not only an example of the artistic influence of Russian literature on the Arab theater, but also an important stage in the development of social realism in Arab dramaturgy. The play's influence is still felt today – it continues to inspire new authors, contrib-

uting to the formation of critical consciousness and stimulating public debate on issues of morality, freedom and social responsibility.

Keywords: Maxim Gorky, play «At the Bottom», Arab theater, social realism, theatrical adaptation, cultural dialogue, social injustice, philosophy, Arab dramaturgy, stage, directorial interpretations, Arab culture, postcolonial problems

For citation: Abdellatif M.M.A. M. Gorky's play «At the Bottom» on the Arabian stage (a history of its staging). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 5 – 11.

The article was submitted: May 23, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Пьеса Максима Горького «На дне» (1902) занимает уникальное место в истории мировой драматургии как произведение, сочетающее реалистическую театральную форму с глубоким философским содержанием. Созданная на рубеже веков, в период социального и духовного кризиса, пьеса отражает ключевые идеи, волновавшие российское общество начала XX века, и одновременно поднимает универсальные вопросы, связанные с человеческим страданием, достоинством и поиском смысла жизни. Благодаря своей художественной и идеологической многоплановости, пьеса стала важным этапом развития театра социалистического реализма, повлияла на режиссёрские подходы XX века и продолжает оставаться актуальной в различных культурных контекстах.

Особый интерес вызывает восприятие и адаптация пьесы в арабских странах, где с середины XX века наблюдается рост интереса к русской литературе и театру. Арабские переводы и театральные постановки «На дне» демонстрируют не только межкультурное взаимодействие, но и процессы локализации произведения, направленные на интерпретацию универсальных тем пьесы в свете собственных социальных и политических реалий. Изучение этих процессов позволяет проследить, как художественное произведение может быть переосмыслено в ином культурном контексте, сохранив при этом свою философскую глубину и общественную значимость.

Цель настоящей статьи – проанализировать переводы и сценические интерпретации пьесы «На дне» в арабском мире, выявить особенности адаптации произведения к специфике различных арабских стран, а также рассмотреть влияние локальных культурных кодов на восприятие образов и тем пьесы.

Материалы и методы исследований

Методологической основой данного исследования выступает комплексный подход, сочетающий элементы сравнительного литературоведения, культурной антропологии и театроведческого анализа. Для выявления специфики арабских переводов и постановок пьесы «На дне» применялись следующие методы:

1. Контент-анализ переводов;
2. Историко-культурный анализ;
3. Сравнительный театроведческий анализ;
4. Интерпретативный метод.

Материалом для исследования послужили: опубликованные переводы пьесы на арабский язык; театральные постановки в арабских странах (включая видеозаписи, рецензии и интервью); научные и публицистические работы арабских и российских исследователей.

Результаты и обсуждения

Пьеса Максима Горького «На дне» (1902) занимает ключевое место в истории мировой драматургии благодаря своей универсальной социальной и философской значимости. Будучи порождением эпохи глубоких общественных изменений, она отражает напряжённую динамику социального и духовного кризиса, характерного для России конца XIX – начала XX века. Горький через свою драматургию стремился не только запечатлеть реалии своего времени, но и выявить универсальные вопросы человеческого существования.

Произведение представляет собой важный этап в развитии театрального искусства, где драматургия используется как инструмент для исследования социально-философских проблем. Уникальность пьесы заключается в её способности одновременно быть отражением конкретной исторической эпохи и обращаться к вечным вопросам человеческой природы. Этот синтез обусловил её значимость для последующих поколений театральных деятелей и исследователей.

Пьеса «На дне» стала основой для формирования новых подходов в театральном искусстве, особенно в рамках реалистической и социально-критической традиции. Её постановка в 1902 году Константином Стаси

ниславским на сцене Московского художественного театра заложила основу для дальнейшего развития системы театрального реализма, ориентированной на глубокий психологизм и социальную правду. Тем самым Горький оказал значительное влияние на становление театральной эстетики XX века [3, с. 145-150].

Международное признание пьесы объясняется её универсальностью и актуальностью для различных культурных и социальных контекстов. Переведённая на множество языков, она неизменно вызывает интерес у режиссёров, стремящихся адаптировать её к условиям своей аудитории. Например, адаптации пьесы в арабских странах позволяют исследовать пересечение оригинального текста с локальными реалиями, подчёркивая универсальный характер её идей и образов.

Переводы пьесы Максима Горького «На дне» на арабский язык стали важным этапом её распространения в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Впервые интерес к пьесе проявился в середине XX века, когда в арабском мире усилился интерес к русской культуре, литературе и искусству. Эти переводы выполняли двойную функцию: с одной стороны, они популяризовали русскую классику, с другой – позволяли арабским читателям и зрителям осмысливать универсальные темы, которые поднимались в произведении.

Одним из первых известных переводов является работа профессора Фуада Давары, выполненная в 1963 году и опубликованная в каирском журнале «Аль-Маджала». Перевод был выполнен с высокой точностью и адаптирован для арабского читателя, что сделало пьесу доступной для театральной адаптации. Давара, будучи видным культурологом, стремился сохранить тон и стиль оригинала, избегая излишней локализации, чтобы донести до арабской аудитории дух русской литературы [8, с. 45-58].

Среди других значимых переводчиков стоит упомянуть Юсефа Валида, который представил новую версию текста в 1970-х годах. Его перевод был опубликован в Ливане и приобрёл популярность благодаря включению подробных комментариев и пояснений, необходимых для понимания культурного и исторического контекста пьесы. Валида интересовало не только содержание произведения, но и способы, которыми его можно адаптировать к потребностям арабской театральной сцены [4, с. 99-120].

Важно отметить, что переводы «На дне» варьировались в зависимости от страны и эпохи. Например, в Сирии переводы были ориентированы на театральное воплощение, тогда как в Египте текст часто использовался в образовательных целях. Это разнообразие подходов демонстрирует, насколько широко пьеса Горького интерпретировалась в арабском мире.

Важной характеристикой арабских переводов является их ориентация на сохранение философской глубины произведения. Переводчики стремились подчеркнуть универсальность вопросов, поднимаемых в пьесе, таких как социальная справедливость, моральное разложение и поиск смысла жизни. Вместе с тем они учитывали специфику арабского менталитета и культуры, адаптируя отдельные образы и диалоги для местной аудитории.

История постановок пьесы Максима Горького «На дне» в арабских странах является ярким примером того, как произведение может преодолеть границы времени, языка и культуры, став частью театрального наследия другого региона. Благодаря универсальности тематики, связанной с человеческим достоинством, социальной несправедливостью и поиском истины, пьеса Горького нашла отклик в арабском мире. Развитие этой истории включает множество постановок, каждая из которых вносила свой вклад в адаптацию произведения к местным реалиям [3 с. 145-150].

Одной из первых арабских стран, где была поставлена пьеса «На дне», стал Египет. В 1960-х годах, на волне растущего интереса к русской литературе, театр Дворца культуры Анфуши в Александрии представил адаптацию, выполненную режиссёром Ибрагимом Аль-Фарном. Эта постановка оказалась значимым событием для театральной общественности. Аль-Фарн сделал акцент на социальных аспектах пьесы, связывая её с бедностью, экономическим неравенством и моральным разложением, характерными для египетской действительности того времени [11, с. 50-63].

Особенностью постановки стал её социальный реализм. Сценография и костюмы воссоздавали атмосферу нищеты и отчаяния, а актёрская игра подчёркивала психологическую глубину персонажей. Аль-Фарн использовал минималистический подход, чтобы сосредоточить внимание зрителей на диалогах и внутреннем мире героев. Как отмечали критики, «эта постановка не только отразила проблемы низших слоёв общества, но и стала зеркалом для зрителей, которые увидели в персонажах пьесы собственные тени».

Сирия стала ещё одной страной, где пьеса «На дне» получила широкое признание. В 1980-х годах Высший институт драматического искусства в Дамаске включил пьесу в учебную программу, а студенты под руководством режиссёра Орвы Аль-Араби поставили её на сцене театра «Асаад Фадда». Постановка в Дамаске выделялась своим экспериментальным подходом: Аль-Араби использовал сочетание реализма и символизма, чтобы подчеркнуть философскую глубину текста [1, с. 149].

Сценическое пространство было организовано таким образом, чтобы зрители ощущали себя частью мрачного мира ночлежки. Грязные матрасы, полуразрушенные стены и тусклое освещение создавали атмосферу разрухи и безысходности. Актёры в своих ролях демонстрировали внутренние противоречия и страдания, что усиливали драматизм происходящего на сцене. Как подчёркивал Аль-Араби, «персонажи Горького продолжают говорить с нами, потому что их вопросы о смысле жизни и справедливости универсальны».

В Палестине пьеса была представлена на сцене театра «Иштар» в Рамалле под руководством режиссёра Саджи Демири. Эта постановка стала ярким примером интеграции национальных элементов в канву русской драматургии. Демири включил в спектакль стихи палестинского поэта Махмуда Дарвиша, что усилило эмоциональную связь между зрителями и происходящим на сцене [9, с. 150-160].

Сценография постановки была простой, но выразительной. Символы сопротивления и борьбы за свободу, характерные для палестинской культуры, органично вплетались в сюжет пьесы. В результате зрители видели в героях не только маргиналов русской ночлежки, но и образ страдающего палестинского народа. Как отметил Демири: «Эта пьеса помогает нам лучше понять себя, потому что она говорит о фундаментальных ценностях, которые мы все разделяем: борьбе, надежде и вере в лучшее» [9, с. 150-160].

Помимо Египта, Сирии и Палестины, пьеса «На дне» ставилась в Ираке, Ливане и Алжире. Каждая из этих постановок предлагала своё прочтение текста. В Ираке акцент делался на философской составляющей пьесы, а в Ливане режиссёры стремились подчеркнуть её поэтическую составляющую. В Алжире постановки «На дне» использовались как способ осмысливания проблем постколониального общества, где вопросы социальной справедливости оставались особенно актуальными [7, с. 50-63].

Критики в арабском мире по-разному оценивали постановки пьесы. Одни подчёркивали её универсальность и актуальность для арабской аудитории, другие указывали на трудности перевода и адаптации. Так, исследователь Ибрагим Аль-Арис писал: «Горький – это голос тех, кто находится на обочине общества, и его пьеса становится зеркалом, в котором каждый зритель видит свои собственные противоречия и слабости» [2, с. 89-103].

В то же время некоторые критики отмечали, что локализация пьесы иногда приводила к потере её оригинального духа. Например, изменения в диалогах и сюжетных линиях, внесённые для того, чтобы сделать текст более понятным местной аудитории, иногда лишали пьесу её философской глубины.

Пьеса «На дне» не только нашла отражение в многочисленных постановках на арабской сцене, но и стала объектом глубокого культурного осмысливания. Рассмотрев историю спектаклей и ключевые интерпретации режиссёров, важно понять, как произведение Горького было адаптировано к арабским реалиям и какие особенности придали ему новое звучание в этом культурном контексте.

Пьеса Горького глубоко проникнута идеями социальной несправедливости и философскими раздумьями о человеческом достоинстве. Эти темы нашли отклик в арабской культуре, где драматургия часто используется как инструмент социального анализа и критики. В арабских странах постановка «На дне» нередко служила средством привлечения внимания к местным проблемам бедности, коррупции и отсутствия равенства.

Так, в странах Северной Африки режиссёры стремились подчеркнуть параллели между российским обществом эпохи Горького и социальными условиями в постколониальном Магрибе. Например, в алжирских интерпретациях персонажи пьесы рассматривались через призму колониального наследия, а их страдания связывались с борьбой за национальную идентичность [1, с. 38].

Одной из ключевых особенностей постановок в арабском мире стала переработка диалогов и сюжетных линий, направленная на усиление их актуальности для местной аудитории. Например, речь персонажей нередко адаптировалась к особенностям арабского языка, а их образы дополнялись элементами, характерными для конкретных социальных и культурных слоёв. Персонаж Луки в арабских интерпретациях зачастую приобретал черты мудреца или суфийского философа, что усиливало его роль как духовного наставника.

В некоторых постановках менялись акценты в сюжете. Так, конфликты между героями и их рассуждения о правде и лжи перерабатывались с целью осмысливания вопросов морали и этики, важных для арабской аудитории. Это делало пьесу ближе зрителям и помогало глубже раскрыть её философское содержание [4, с. 99-120].

Сценографические решения и использование символики играли важную роль в арабских постановках «На дне». Например, в сирийской версии спектакля режиссёр Орв Аль-Араби активно использовал игру света и тени, чтобы подчеркнуть контраст между надеждой и отчаянием, между светом истины и тьмой лжи. Подобные элементы визуального искусства помогали аудитории почувствовать атмосферу произведения, несмотря на различия в культурных кодах [11, с. 50-63].

Музыкальное сопровождение также выступало важным элементом арабских постановок. В спектаклях часто использовались традиционные мелодии или народные песни, которые связывали героев пьесы с араб-

ской культурной идентичностью. Например, в палестинской постановке пьесы музыкальные фрагменты, основанные на поэзии Махмуда Дарвиша, усиливали эмоциональный накал сцен и акцентировали внимание на теме борьбы за человеческое достоинство.

Режиссёры арабских стран стремились найти баланс между уважением к оригинальному тексту и внедрением собственных творческих идей. Постановки часто экспериментировали с жанровыми формами, совмещая элементы реализма с символизмом, эпической драмой или даже документальным театром. Такие подходы позволяли не только переосмыслить произведение Горького, но и внести в него актуальные для арабской культуры идеи.

Например, в Ираке режиссёр Самир Азиз представил постановку, в которой элементы русской ночлежки переплетались с визуальными образами бедных районов Багдада. Это создавало эффект узнаваемости для зрителей и подчёркивало, что проблемы пьесы остаются универсальными.

Пьеса «На дне» в арабских странах часто рассматривалась как произведение, способное задать неудобные вопросы и стимулировать общественные дискуссии. В Египте, Ливане и Иордании спектакли становились поводом для обсуждений, в ходе которых зрители высказывали своё мнение о социальных проблемах, поднятых Горьким. Это подтверждало роль театра как инструмента социального диалога [13, с. 150-170].

Как отметил ливанский критик Ибрагим Аль-Арис: «Пьеса Горького показывает, что социальное неравенство – это не просто проблема одной эпохи или одной страны. Это вопрос, который требует универсального осмысления» [2, с. 89-103]. Такое восприятие произведения способствовало его интеграции в арабскую театральную традицию.

Пьеса Максима Горького «На дне» сыграла важную роль в формировании и развитии арабского театра, став не только образцом социального реализма, но и инструментом для глубокого осмысления социальных и культурных проблем. Её постановки позволили арабским режиссёрам экспериментировать с формой, содержанием и сценографическими решениями, что существенно повлияло на развитие театрального искусства региона. В этом разделе мы рассмотрим, как пьеса повлияла на становление арабской театральной школы, восприятие её зрителями и критиками, а также её долгосрочное влияние на драматургию.

Появление пьесы «На дне» в арабском театральном пространстве совпало с усилением интереса к социальным темам в региональной драматургии. Социальный реализм, представленный в произведении Горького, нашёл отклик у арабских драматургов, которые стремились показать жизнь простых людей и анализировать причины их страданий. Например, египетский драматург Юсуф Идрис, вдохновляясь Горьким, создавал пьесы, посвящённые проблемам бедности, социальной несправедливости и морального упадка.

Арабские театральные критики отмечали, что пьеса Горького научила местных драматургов уделять больше внимания деталям быта и психологии персонажей. Как писал сирийский исследователь Халид Атар, «Горький показал, что в каждом персонаже можно найти внутренний конфликт, который отражает более широкие социальные процессы».

Многие арабские режиссёры рассматривали пьесу «На дне» как возможность для новаторских экспериментов. В частности, сирийский режиссёр Орва Аль-Араби адаптировал её для учебных постановок в Высшем институте драматического искусства в Дамаске, используя пьесу для обучения актёров мастерству реалистичной игры [11, с. 50-63]. По словам Аль-Араби, «Горький – это школа, которая учит видеть истину через призму страдания» [9, с. 150-160].

В Египте пьеса была использована в театральной практике для изучения социальной драмы. Режиссёры экспериментировали с формами подачи материала, объединяя реализм с элементами символизма. Например, постановка на сцене Каирского оперного театра включала использование световых эффектов, подчёркивающих контраст между мрачной реальностью и надеждой героев на лучшее будущее.

Зрители в арабских странах воспринимали пьесу «На дне» как глубоко актуальное произведение. В каждом регионе её постановка находила свои отклики, обусловленные социальными и культурными реалиями. Например, в Ираке пьеса ассоциировалась с бедностью и коррупцией, а в Палестине – с борьбой за национальную свободу.

Как отмечала палестинская актриса Рания Халид, принимавшая участие в постановке пьесы в Рамалле, «Горький не просто рассказывает о бедных людях, он раскрывает их душу, а это позволяет зрителям увидеть себя в героях». В Египте зрители находили в пьесе аналогии с проблемами рабочего класса, что делало спектакли на её основе особенно популярными.

Критики в арабском мире неоднозначно оценивали влияние пьесы «На дне». С одной стороны, её хвалили за универсальность тем и глубокое раскрытие человеческой природы. С другой стороны, некоторые критики указывали на трудности адаптации пьесы к арабской сцене. Так, ливанский критик Ибрагим Аль-

Арис писал: «Проблемы, поднятые Горьким, универсальны, но их интерпретация требует тонкого подхода, чтобы избежать искажения оригинального смысла» [2, с. 89-103].

Пьеса «На дне» оказала значительное влияние на формирование драматургической традиции в арабском мире. Её постановки стали образцом для местных авторов, которые черпали вдохновение в её сюжетах, образах и философских идеях. Более того, благодаря переводам и постановкам пьеса стала связующим звеном между русской и арабской театральными культурами [15, с. 166-167].

Как отмечал алжирский режиссёр Самир Азиз, «пьеса Горького научила нас тому, что театр должен быть не только искусством, но и зеркалом общества». Этот принцип лег в основу многих арабских пьес, которые исследовали социальные проблемы, вдохновляясь реализмом Горького.

Пьеса Максима Горького «На дне» занимает особое место в арабской театральной традиции, объединяя глубокую философскую основу с универсальной тематикой, близкой зрителям во всём мире. Проведённое исследование позволило проследить путь этого произведения от первых переводов до современных постановок, которые продолжают вдохновлять арабских режиссёров и драматургов.

Анализ историй переводов показал, что усилия переводчиков сыграли ключевую роль в адаптации пьесы для арабской аудитории. Их интерпретации стали не только средством передачи содержания, но и инструментом осмысливания социальных проблем, актуальных для арабских стран.

История постановок пьесы свидетельствует о её значении для развития театрального искусства региона. Каждая постановка обогащала пьесу новым содержанием, отражая уникальный социальный и культурный контекст страны. Например, в Египте пьеса акцентировала внимание на классовом неравенстве, в Палестине – на борьбе за национальную идентичность, а в Сирии – на философских аспектах человеческой природы [11, с. 50-63].

Особенности интерпретации пьесы на арабской сцене подчёркивают её универсальность. Сочетание локальных культурных элементов с оригинальной концепцией Горького сделали пьесу «На дне» не только инструментом для анализа социальных противоречий, но и мостом между русской и арабской культурами.

Кроме того, пьеса оказала значительное влияние на развитие социального реализма в арабской драматургии. Её философские вопросы, поднятые Горьким, послужили основой для создания новых произведений, способствовавших росту социального театра в регионе.

Выводы

Таким образом, пьеса «На дне» остаётся не просто классическим произведением русской литературы, но и важным компонентом арабского театрального наследия. Её история в арабском мире свидетельствует о возможности культурного диалога, в котором театр становится универсальным языком для понимания человеческой природы и осмысливания сложных вопросов общества. Перспективы дальнейших исследований могут включать детальное изучение отдельных постановок, анализ творческой роли арабских режиссёров, а также сравнительный анализ интерпретаций пьесы в различных культурных контекстах.

Список источников

1. Али-Заде Э.А. История литературы Сирии XIX-XX веков. М.: Восточная литература, 2007. 414 с.
2. Аль-Арис И. Театральная критика и адаптация классики: Проблемы Горького в арабском контексте // Арабская сцена: анализ и критика. Бейрут: Аль-Масри, 1990.
3. Анненков Ю.П. Максим Горький // Неман. 1990. № 2. С. 145 – 150.
4. Валида Ю. Адаптация и перевод пьесы «На дне» на арабский язык // Русская литература в арабском мире. Бейрут: Ливанская академия, 1975. С. 99 – 120.
5. Горбов Д. Путь М. Горького. М.: Артель писателей, 1928. 139 с.
6. Горький М. На дне. Мактабат Маср, 1962.
7. Горький М. На дне: Пьеса. М.: СтрекозаПресс, 2002. 154 с.
8. Давара Ф. Перевод пьесы Максима Горького «На дне» на арабский язык // Аль-Маджалила. 1963. № 12. С. 45 – 58.
9. Демири С. Влияние русской драматургии на палестинский театр // Театр и сопротивление: истории постановок. Рамалла: Аль-Иштар, 1982. С. 150 – 160.
10. Долинина А.А. Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. Просветительский роман 1870-1914 гг. М.: Наука, 1973. 272 с.
11. Идрис Ю. Адаптация пьесы «На дне» в арабском театре: Эксперимент и традиция // Арабская театральная практика. Амман: Университет Иордании, 1992. С. 50 – 63.
12. Крымский А.Е. История новой арабской литературы XIX–начала XX вв. М.: Наука, 1971. 794 с.

13. Станиславский К.В. Работы по театральному искусству: с. 1902 г. и постановка пьесы Горького // Театр в контексте времени. М.: Театральное искусство, 2005. С. 150 – 170.
14. Юнис М. Классические русские писатели и арабская литература. Багдад, 1985.
15. Юсупов Д. Иракская литература // Краткая литературная энциклопедия. Москва, 1966. Т. 3. С. 166 – 167.

References

1. Ali-Zade E.A. History of Syrian Literature of the 19th-20th Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007. 414 p.
2. Al-Aris I. Theater Criticism and Adaptation of the Classics: Gorky's Problems in the Arabic Context. The Arabic Stage: Analysis and Criticism. Beirut: Al-Masri, 1990.
3. Annenkov Yu.P. Maxim Gorky. Neman. 1990. No. 2. P. 145 – 150.
4. Valida Yu. Adaptation and Translation of the Play "The Lower Depths" into Arabic. Russian Literature in the Arab World. Beirut: Lebanese Academy, 1975. P. 99 – 120.
5. Gorbov D. The Path of M. Gorky. Moscow: Artel of Writers, 1928. 139 p.
6. Gorky M. At the Bottom. Maktabat Masr, 1962.
7. Gorky M. At the Bottom: A Play. Moscow: StrekozaPress, 2002. 154 p.
8. Dawara F. Translation of Maxim Gorky's Play "At the Bottom" into Arabic. Al-Majalla. 1963. No. 12. P. 45 – 58.
9. Demiri S. The Influence of Russian Drama on the Palestinian Theater. Theater and Resistance: Stories of Productions. Ramallah: Al-Ishtar, 1982. P. 150 – 160.
10. Dolinina A.A. Essays on the History of Modern Arabic Literature. Egypt and Syria. Enlightenment Novel 1870-1914. Moscow: Nauka, 1973. 272 p.
11. Idris Yu. Adaptation of the play "The Lower Depths" in the Arab theater: Experiment and tradition. Arab theater practice. Amman: University of Jordan, 1992. P. 50 – 63.
12. Krymsky A.E. History of new Arabic literature of the 19th – early 20th centuries. Moscow: Nauka, 1971. 794 p.
13. Stanislavsky K.V. Works on theatrical art: c. 1902 and the production of Gorky's play. Theater in the context of time. Moscow: Theater Art, 2005. P. 150 – 170.
14. Yunis M. Classical Russian writers and Arabic literature. Baghdad, 1985.
15. Yusupov D. Iraqi literature. Brief literary encyclopedia. Moscow, 1966. Vol. 3. P. 166 – 167.

Информация об авторах

Абделлатиф М.М.А., кафедра истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет, st123144@student.spbu.ru

© Абделлатиф М.М.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.161.1

¹Алхасова Г.Б., ¹Горбанева А.Н.

¹Дагестанский государственный университет

Анна Каренина как трагическая героиня романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»

Аннотация: целая эпоха огромного исторического значения с ее надеждами, страстями, тревогами отразилась в книге Л.Н. Толстого «Анна Каренина». В тоже время этому многообразию содержания романа придают единство и цельность, цементируют его три основные мысли, три взаимосвязанных круга тем и проблем, которые дают основание охарактеризовать «Анну Каренину» как роман семейный, социальный и философский. В статье рассматривается образ Анны Карениной как трагической героини, выявлены черты, при сущие героям такого типа: бескомпромиссность, искренность, страсть, логичность того, что с ними происходит. Именно такая трактовка образа помогает понять идеиный смысл романа. Кроме того, в статье обращено внимание на особенность композиции романа, его двухгеройность, а также на антитезу, которая стала наиважнейшим приемом поэтики романа.

Трагедия Анны Карениной в своем главном содержании связана как с особенностями её личности, так и с характером её любви. В романе Толстого представлены разные типы любви, и не только те, которые в работе Платона определялись как «любовь небесная» и «любовь земная». Типология любви в «Анне Карениной» более сложна: здесь можно говорить, как минимум, о двух типах высокой любви и нескольких типах любви низменной.

Ключевые слова: Анна Каренина, роман, драма, сюжет, Толстой, герой, композиция, сюжетная линия, Левин, многообразие, взаимосвязи, содержание

Для цитирования: Алхасова Г.Б., Горбанева А.Н. Анна Каренина как трагическая героиня романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 12 – 17.

Поступила в редакцию: 23 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹Alkhasova G.B., ¹Gorbaneva A.N.

¹Dagestan State University

Anna Karenina as the tragic heroine of Leo Tolstoy's novel “Anna Karenina”

Abstract: an entire era of enormous historical significance with its hopes, passions, and worries is reflected in L.N. Tolstoy's book "Anna Karenina". At the same time, this diversity of the novel's content is given unity and integrity, cemented by three main ideas, three interrelated circles of themes and problems, which give grounds to characterize "Anna Karenina" as a family, social, and philosophical novel. The article examines the image of Anna Karenina as a tragic heroine, revealing the traits inherent in heroes of this type: uncompromisingness, sincerity, passion, and the logic of what happens to them. It is this interpretation of the image that helps to understand the ideological meaning of the novel. In addition, the article draws attention to the peculiarity of the novel's composition, its two heroes, as well as the antithesis, which has become the most important technique of the novel's poetics.

The tragedy of Anna Karenina in its main content is associated with both the characteristics of her personality and the nature of her love. Tolstoy's novel presents different types of love, and not only those defined in Plato's

work as "heavenly love" and "earthly love." The typology of love in *Anna Karenina* is more complex: here we can speak of at least two types of high love and several types of base love.

Keywords: *Anna Karenina*, novel, drama, plot, Tolstoy, hero, composition, storyline, Levin, diversity, interrelationships, content

For citation: Alkhasova G.B., Gorbaneva A.N. *Anna Karenina* as the tragic heroine of Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina". *Philological Sciences Bulletin*. 2025. 5 (7). P. 12 – 17.

The article was submitted: May 23, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Роман Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина» создавался в семидесятые годы 19-го столетия в преддверии глубочайшего духовного перелома в мировоззрении писателя. Второй крупный роман, в отличие от первого, был посвящен современности и затрагивал самые актуальные проблемы невероятно сложной эпохи. Особое внимание привлекла главная героиня романа. Понимание Анны Карениной как характера трагического является важной предпосылкой адекватного истолкования как этого сложного образа, так и романа, его проблематики и поэтики в целом.

Образ героини, её трагическая судьба всегда находились и до сих пор находятся в центре споров о романе. Уже самые первые читатели романа, познакомившиеся с ним в 1877 году, «сразу разделились на две «партии» – «защитников» и «судей» Анны». Вопрос о виновности или невиновности героини часто принимал форму вопроса об авторской точке зрения и оценке: «Осуждает или оправдывает Толстой Анну Каренину?.. Гениальный прокурор или гениальный адвокат Анны Карениной создал трагическое произведение. Что делает характер Анны Карениной трагическим? В первую очередь это, конечно, духовная содержательность и красота её личности, которые чувствует Кити при первой встрече с нею: «Кити чувствовала, что Анна была совершенно проста и ничего не скрывала, но что в ней был другой какой-то высший мир недоступных для неё интересов, сложных и поэтических» [4, с. 83].

Материалы и методы исследований

Материалом для данного исследования послужил роман Льва Толстого «Анна Каренина». Методы исследования: сравнительно-исторический, сравнительно-типологический.

Результаты и обсуждения

Драма Анны и её трагический исход неразрывно связаны с «серьезным нравственным чувством», которое героиня носит в себе и которое заставляет её судить себя раньше и строже, чем это сделают другие. «В этом отношении она также является героиней трагической и отличающейся от других персонажей, безнравственных или находящихся вне нравственности. «Эта сторона душевной структуры личности Анны выявляется в разговоре её с Бетси Тверской, имеющем при живом муже двух любовников: «Я понимаю вас и понимаю Лизу», – говорит Бетси. – Лиза – это одна из тех наивных натур, которые, как дети, не понимают, что хорошо и что дурно. По крайней мере она не понимала, когда была очень молода. И теперь она знает, что это непонимание идет к ней. Теперь она, может быть, нарочно не понимает... Но все-таки это ей идет. Видите ли, на одну и ту же вещь можно смотреть трагически и сделать из неё мученье, и смотреть просто и даже весело. Может быть вы склонны смотреть на вещи слишком трагически» [6, с. 332].

Трагедия Анны Карениной в своем главном содержании связана как с особенностями её личности, так и с характером её любви. В романе Толстого представлены разные типы любви, и не только те, которые в «Пире» Платона определялись как «любовь небесная» и «любовь земная». Типология любви в «Анне Карениной» более сложна: здесь можно говорить, как минимум, о двух типах высокой любви и нескольких типах любви низменной.

В исследовании З.Д. Днепрова те же две разновидности любви характеризуются более точно и адекватно как любовь- страсть и любовь- чувство. В «Анне Карениной» через весь роман проходят два вида высокой любви, распределенные между главными лицами: страсть в её трагической сущности и чувство в его сущности гармонической» [3, с. 62]. Исследователь прав, характеризуя страсть Анны и чувство Левина как «два вида высокой любви», в отличие от того, что называл любовью Стива Облонский («а тут вдруг подвернется любовь»), или от того, о чем вспоминает Анна перед гибелю («Вспомнив об Алексее Александровиче ... и вспомнив то чувство, которое было между ними и которое тоже называлось любовью, вздрогнула от отвращения») [2, с. 361].

В соединении с искренностью и правдивостью Анны, с её бескомпромиссным отрицанием лжи и фальши за любовь- страсть возвышает Анну до героини трагической, определяет открытость её поведения и по отношению к мужу, и по отношению к светскому обществу и его лицемерной морали. Анна не может: принять предложение Каренина оставить все как есть, лишь бы не были нарушены нормы светской жизни; вступить на путь Бэтси; приспособливаться и лгать себе и другим, как это делает Стива; согласиться, подобно Долли, на неполноту в осуществлении своих самых высоких человеческих стремлений. Любовь- страсть преображает Анну во многих отношениях и поднимает на новую духовную высоту. «Он смотрел на неё и был поражен новою, духовною красотой её лица» [7, с. 156], – такой видит Анну Вронский в салоне княгини Бетси. Но такое же впечатление она производит и на художника Михайлова, который напишет её портрет, и на Левина, который увидит и сам этот портрет и оригинал – Анну в единственную встречу между ними.

Вот Анна на бале глазами Кити: «Она была прелестна в своем простом черном платье, прелестны были её полные руки с браслетами, прелестная твердая шея с ниткой жемчуга, прелестно вьющиеся волосы расстроившейся прически, прелестны грациозные легкие движения маленьких ног и рук, прелестно это красивое лицо в своем оживлении; но было что-то ужасное и жестокое в её прелести» [1, с. 95]. Или вот другой взгляд – Каренина: «каждый раз, как он начинал говорить с ней, он чувствовал, что тот дух зла и обмана, который владел ею, овладевал и им» [5, с. 167].

Стихийный, неукротимый и разрушительный характер любви- страсти Анны ассоциируется в романе с природными стихиями – метелью (эпизод на станции Бологое) и пожаром: «Лицо её блестело ярким блеском; но блеск этот был не веселый – он напоминал страшный блеск пожара среди темной ночи» [10, с. 163]. Действия Анны поэтому приносят страдания многим людям: Кити, мужу, сыну, не находит она счастья и с Вронским [2, с. 98].

Героине романа Толстого в разное время давались разные оценки, и совершенно по-разному виделась исследователям точка зрения на эту героиню самого писателя. С одной стороны, главной задачей Толстого было изобразить современное общество, поскольку роман о современности в отличие от его первого романа «Война и мир». Толстой подвергает критике и светское общество, где нет места искренним чувствам, и изображает его в состоянии тяжелейшего кризиса как экономического, так и нравственного. С другой стороны, Толстой изображает свою героиню жертвой, трагической героиней, но не снимает с неё ответственности за те шаги, которые он не мог принять ни в каком человеке. Писатель сосредоточил внимание на той борьбе, которая разворачивается внутри героини. Этим и можно объяснить тот финал, который ставит точку в романе. Толстого интересовала не просто любовная история с печальным финалом, ему было важно показать то, что всецело заполняет героиню. Сначала это страсть, затем стыд и боль. Она не похожа на тех грешниц, которых мы встречали в библейских притчах или в произведениях с подобной тематикой. Она совершают осознанный выбор, она не является жертвой обстоятельств. Её жизнь складывается так, что в ней есть все, кроме любви. Появление Вронского смутило, а затем разожгло пламя, о существовании которого Анна и сама не подозревала. Сила чувства, которая испытывает героини, мешает ей считаться с доводами рассудка. И кажется ей, что сопротивляться ему бессмысленно. Она полагаться на судьбу. В её словах о том, что она не виновата, ведь это Бог сделал её такой, мы можем услышать стремление найти себе оправдание. Она практически сразу поняла, что в её душе произошли какие-то изменения, и это её пугало. Уезжая из Москвы в Петербург, она спрашивает себя: «я сама или другая?». Совершенно очевидно, что она уже почувствовала необратимые изменения в себе, ей уже совсем не хочется возвращаться ту жизнь, которую она вела на протяжении многих лет, потому что поняла, что в этой жизни не было самого важного, а ей очень хотелось самой жить. Настоящая жизнь у неё теперь ассоциировалась с Вронским. Увидев близких, мужа и сына, она испытывает очень странное чувство, как будто они её разочаровали. Уши, на которые она никогда раньше не обращала внимания, вдруг показались ей не приятными и даже отвратительными. И даже сын, которого она безмерно любила, испытывала к нему невероятную нежность, теперь показался ей каким-то не совершенным. Вероятно, потому что она понимала, что ей придётся делить эту любовь между Серёжей и Алексеем Вронским, это не могло не приносить ей страданий. Совершенно иначе Анна смотрит и на тот круг, в котором она находилась на протяжении тех же долгих лет. Она остро почувствовала фальшь, которая, конечно, не появилась вдруг. «Ей показалось, что ложь, и все они притворяются» [1, с. 130]. В обществе тоже быстро заметили перемены в Анне. Отмечая, что в ней появилось что-то странное, что она совсем не такая, какой была, общество уже приготовило грязь, которую оно радостно бросит в неё. И такой момент настал. Общество получило доказательства её связи с Вронским и обрушило на неё все свое презрение.

Кульминацией в линии Анны станет сцена родов, где раскрываются и Анна Каренина, и ее муж, и Вронский. Именно в этой сцене она признается, что в ней есть другая и она её боится. Она просит прощения у мужа, но она делает это не потому что боится наказания за грехи в загробной жизни. Для Анны важно было

быть и любящей женщиной и безупречной матерью, но это в жизни не соединимо. В то же время, Толстому было важно показать, что его героиня не лицемерная светская львица, которая спокойно существует во лжи. Анна Каренина практически сразу признается в своем грехе мужу, что говорит о ней как в человеке, которому трудно лгать, она не утратила способности краснеть. Толстой обращает на это внимание, для него это важно. Показывая борьбу тёмного и светлого в отдельно взятом человеке, а у Толстого такая борьба происходит практически в каждом герое, писателю трудно избежать осуждения своей героини, но, надо признать, что в его глазах и Алексей Каренин, и Алексей Вронский гораздо более грешны и виновны. Муж Анны показан, как и практически все герои этого произведения, с двух сторон [5, с. 56]. Толстой не отказывает ему в проявлении благородства в тот момент, когда его жена близка к смерти. Но в тоже время, Толстой показывает и неизменные чувства, которые овладевают им самые разные эпизоды его жизни. Он жаждет наказания своей жены, жаждет мести, хочет, чтобы она страдала страшно и мучительно. Считая себя хорошим человеком, настоящим христианином, он редко проявляет сострадание к людям, считая это непозволительной слабостью. Он абсолютно уверен в собственной непогрешимости, и трактует Библейские строчки так, как ему выгодно. Поскольку верит он не сердцем, а разумом, подстраивая под себя. Вронский же, совершая грех абсолютно не думает о том, что кому-то он причиняет страдания. Более того, полюбив женщину, он нисколько не думает о том, какая судьба её ждёт. Из тщеславия он соблазняет замужнюю женщину, и ее чувства ему льстят. Свете этого в свете это следует сделать вывод, что Толстой старается показать, что она гораздо менее греховна, чем те, кто её окружает. Более того, Толстой показывает, что те люди, которые согласно божиим законам гораздо более греховны, остаются безнаказанными. Следует помнить, что эпиграфом к роману служит евангельская цитата: «Мне отмщение, и Аз воздам». Смысл его трактуется по-разному [1, с. 82]. Если взять прямой смысл этого высказывания, то, безусловно, здесь звучит мысль о том, что все грехи будут наказаны. Существует мнение, что сам Толстой имел в виду несколько иное значение: никто не имеет право судить Анну, поскольку это право принадлежит только Богу. Мы склонны согласиться с этой точкой зрения, поскольку окружение героини предстаёт жестоким и лицемерным. Смерть героини ставит точку в её истории. Перед самой смертью, она вспоминает о том, какой была ее жизнь до замужества, о чем она думала и мечтала, и она осознают, что путь, по которому она пошла, был ошибочным, хотя ничего уже изменить нельзя. Мнение Толстого было высказано им вполне отчётливо, он считал, что именно соблюдая божьи законы можно достичь счастья. История другого героя, Константина Левина, служит этому подтверждением. Не случайно в романе в семи из восьми частей дается параллельно история Анны и Левина, хотя пересекаются эти герои крайне мало, и на первый взгляд, они выглядят абсолютно автономными героями. Оба персонажа переживают своей трагедии, у каждого из них в жизни происходит драма. Анна Каренина – это трагическая героиня. Есть несколько признаков этому: трагических героев отличает некоторая закономерность того, что с ними происходит. Это следствие той бескомпромиссности, неспособности смириться с обстоятельствами.

На особенности построения романа «Анна Каренина» обращали внимание практически все исследователи. Мы уже здесь говорили о том, что двугеройность романа определила его композицию. Но следует помнить, что роман Толстого – это философское произведение, и различные сюжетные линии, различные герои выражают свои определённые концепции [1, с. 86]. В романе «Анна Каренина» оба главных героя проходят свой путь, получает свой опыт и эти два пути подводят нас к той общей мысли, которую хотел выразить писатель. Сюжетная линия Анны – это трагическая линия с трагическим финалом. Сюжетная линия Левина демонстрирует обретения героем какого-то знания, истины, которая примиряет его с жизнью. Объединяющим элементом является любовь. Толстой исследует разные типы любви, мы об этом уже говорили, за разными типами любви стоит разное понимание смысла жизни, разные модели жизненного поведения. Толстой изображает конфликт между физической любовью и духовной, и он не предполагает того, что этот конфликт может быть разрешим. Композиция романа имеет такую особенность, что в ней очень слабы фабульные связи. Но Толстой использует целый ряд приемов, который не всем оказались понятными, но они позволили свести воедино эти, казалось бы, совершенно не связанные между собой сюжетные линии. Поскольку они показывают разные решения одного и того же вопроса. Соединены линии и тем, например, как много герои размышляют о жизни и смерти. В своей героине Толстой выделяет чувство близкой развязки, развязки страшной и трагической. Она или думает о самоубийстве, или совершает его в итоге. Левин тоже задумывается о самоубийстве. Этот выход из сложившихся ситуаций, из того постоянного ощущения, что он недоволен собой и жизнью подсказывает ему его разум. Таким образом, два героя сближаются и в этом. Наличие философской дилеммы и стремление изобразить её разрешения с помощью разнообразных сравнений или противопоставлений, контрастов и аналогий позволяет показать ему иногда диаметрально противоположные решения. Естественно в этом смысле обратиться к такой сложной теме как жизнь и смерть,

чувства и разум [9, с. 21]. На протяжении всего текста мы можем видеть, что писателем используются сравнение, которые сближают противоположные явления, это характерно для стиля писателя, также как характерны для него использование метафор, символов, которые нужны не только для художественной выразительности в данном случае, а для более глубокого выявления нравственной позиции героя [8, с. 543]. Все поступки героев получают оценку, это было принципиально важно для Толстого. Так, например, рисуя свою героиню в достаточно благополучном состоянии, когда она наконец была счастлива, писатель все время подчёркивает, что Анна возвращается в своих мыслях к тому злу, которое она причинила мужу. То есть безоблачное счастье Анны отравлялось этими воспоминаниями. И здесь Толстой дают оценку, называя измену Анны злом. Изображая чувство героини, писатель подчёркивает невозможность претензии на безоблачное счастье. И дополняется это тем, что испытывает Вронский рядом с Анной. Он ведь думал, что получит гору счастья, а получил только песчинку. Параллельно изображается Левин в своих стремлениях быть счастливым и в поисках ответа на вопросы, которые встают перед ним и мучают его. Левин нуждается в духовной пище, в одном из фрагментов он называет себя голодным животным, который ищет подпитки. Подобно тому, как Анна все время нуждается в любви, Левин все время нуждается в духовном наполнении. Философское содержание романа обусловила его композицию, обусловила использования разнообразных приемов, естественно, что роман этот дуалистический, внутри художественного пространства сочетается и философское содержание, и образность, и символичность, связанные с героями, и в то же время нам понятна авторская позиция. Толстой в этом романе еще не выступает как проповедник и учитель, но в каждой строке мы ощущаем его незримое присутствие [8, с. 541].

Вопрос о связи двух сюжетных линий Левина и Анны – это вопрос о художественной целостности романа, о его единстве. Мы достаточно много сказали о том, что Анна и Левин это две совершенно разные фигуры, практически всегда противопоставляемые автором. Храпченко совершенно справедливо отметил, что при всех отличиях, они действительно существенные, поскольку у них абсолютно различные отношения к миру, к проблемам, к людям. Но вместе с тем в них есть одно, но очень важное общее. Это отрыв от общепринятого, отстраненность от своей среды. У Левина она была видна практически сразу, Анна чувствует отчуждение несколько позже. Некоторые следователи видели связь между этими героями только на уровне сюжета, поскольку все в романе вращалось вокруг проблемы счастья в человеческой жизни. Действительно, роман начинается с фразы, которая стала крылатой, о том, что все счастливые семьи похожи друг на друга. Но, на самом деле, не только этот вопрос позволяет свести две линии к одному знаменателю. У Анны и Левина есть то, что их объединяет, но связь эта внутренняя. Оба духовно богатые, но выбравшие совершенно разные линии жизненного поведения. Нельзя не отметить, что два абсолютно равноправных героя в романе показаны в совершенно разных состояниях человека. В Анне все время подчёркнута телесная сторона, тогда как в Левине – духовная.

Выводы

В настоящей статье, посвященной главной героине романа Льва Толстого «Анна Каренина», мы пришли к определенным выводам: существует несколько признаков, согласно которым мы можем назвать Анну Каренину трагической героиней: искренность, бескомпромиссность, требовательность к самой себе, а не к другим и, вероятно, прежде всего, сам характер ее любви. Толстой создает образ, отличающийся духовной содержательностью и красотой.

Список источников

1. Айгюн П.А. Психоаналитический контекст в художественной литературе (на материале образа Анны Карениной в одноименном романе Л.Н. Толстого) // Человеческий капитал. 2020. № 3 (135). С. 76 – 82.
2. Берковский Н.Я. Мир, создаваемый литературой. М., 1989. С. 289.
3. Днепров В.Д. Искусство человековедения. Л., 1985. С. 62.
4. Захаров С.Е. Осмысление любви и брака в романе Л.Н. Толстого "Анна Каренина" // Трибуна ученого. 2020. № 7. С. 305 – 311.
5. Зинченко Т.Е. Осмысление темы греха в романе Л.Н. Толстого "Анна Каренина" // Научные известия. 2022. № 26. С. 53 – 56.
6. Костина И.У. Конфликт личности и общества в произведениях Льва Толстого: «Анна Каренина» и «Воскресение» // Вестник Тверского государственного университета. 2015. С. 78 – 84.
7. Кривая Ю.А. Семья и мораль в «Анне Карениной» Л.Н. Толстого // Студенческий вестник. 2024. № 23-1 (309). С. 21 – 23.
8. Нишанов Я.И. Сила счастливой семьи в романе Толстого "Анна Каренина" // Молодой ученый 2021. № 48 (390). С. 541 – 543.

9. Орлова С.В. Мысль семейная в романе Толстого "Анна Каренина" // Студенческий. 2021. № 19-3 (147). С. 81 – 83.

10. Прокудин Б.А. Общественный идеал в романе Л.Н. Толстого "Анна Каренина" // Диалог со временем. 2020. № 71. С. 192 – 203.

References

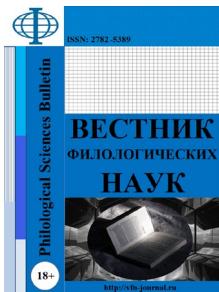
1. Aygun P.A. Psychoanalytic context in fiction (based on the image of Anna Karenina in the novel of the same name by L.N. Tolstoy). Human capital. 2020. No. 3 (135). P. 76 – 82.
2. Berkovsky N.Ya. The world created by literature. M., 1989. 289 p.
3. Dneprov V.D. The art of human studies. L., 1985. 62 p.
4. Zakharov S.E. Understanding love and marriage in L.N. Tolstoy's novel "Anna Karenina". Tribune of the scientist. 2020. No. 7. P. 305 – 311.
5. Zinchenko T.E. Understanding the theme of sin in the novel by L.N. Tolstoy's "Anna Karenina". Scientific News. 2022. No. 26. P. 53 – 56.
6. Kostina I.U. Conflict of personality and society in the works of Leo Tolstoy: "Anna Karenina" and "Resurrection". Bulletin of Tver State University. 2015. P. 78 – 84.
7. Krivaya Yu.A. Family and morality in "Anna Karenina" by L.N. Tolstoy. Student Bulletin. 2024. No. 23-1 (309). P. 21 – 23.
8. Nishanov Ya.I. The power of a happy family in Tolstoy's novel "Anna Karenina". Young scientist 2021. No. 48 (390). P. 541 – 543.
9. Orlova S.V. Family Thought in Tolstoy's Novel "Anna Karenina". Student. 2021. No. 19-3 (147). P. 81 – 83.
10. Prokudin B.A. Social Ideal in L.N. Tolstoy's Novel "Anna Karenina". Dialogue with Time. 2020. No. 71. P. 192 – 203.

Информация об авторах

Алхасова Г.Б., кафедра русской литературы, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, alkhasova_gulnara@mail.ru

Горбанева А.Н., кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

© Алхасова Г.Б., Горбанева А.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 821.161.1

¹Атаева Д.М., ¹Кадырова К.А.

¹Дагестанский государственный университет

О некоторых особенностях поэтики книги А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые аспекты поэтики «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына – произведения, ставшего не только литературным, но и историческим памятником эпохи советских репрессий. Особое внимание уделяется новаторскому характеру книги, сочетающей черты художественного повествования, документального исследования и публицистики. Авторы анализируют место «Архипелага ГУЛАГ» в контексте лагерной прозы, творчества Солженицына и мировой литературы XX века, подчеркивая его роль в развенчании мифов о советской системе.

Центральное место в исследовании занимает анализ заглавия, которое метафорически отражает суть ГУЛАГа как «архипелага» – разрозненной, но единой системы лагерей, существующей параллельно с «большой землей». Рассматривается проблематика произведения, включающая вопросы дегуманизации личности в условиях тоталитаризма, духовного сопротивления и нравственного выбора. Важное значение придается системе образов, где каждый персонаж, будь то жертва, палач или свидетель, становится частью масштабной трагедии.

В статье детально исследуются субъектно-объектные отношения, позволяющие Солженицыну совмещать личный опыт с исторической хроникой. Особый акцент сделан на пространственно-временной организации текста: лагерный хронотоп представлен как замкнутый антимир, где время течет иначе, а пространство ограничено колючей проволокой. Анализируется также взаимодействие «своего» и «чужого» слова в повествовании, где голос автора соседствует с свидетельствами узников, документами и даже языком пропаганды.

В качестве идейного стержня выделены две взаимосвязанные темы: разрушение человеческой души в условиях насилия и ее возможное возрождение через духовное прозрение. Авторы подчеркивают, что Солженицын не ограничивается обличением системы – он предлагает читателю путь осмыслиения трагедии, основанный на христианских ценностях и исторической памяти. Роль автора трактуется как многосторонняя: он выступает и как летописец, и как исследователь, и как проповедник, что сближает «Архипелаг» с традициями древнерусской литературы и библейской притчи.

Статья опирается на труды ведущих литературоведов (Ж. Нива, А. Урманов, В. Курицын), а также на сопоставительный анализ с другими произведениями лагерной темы (В. Шаламов). Отмечается, что «Архипелаг ГУЛАГ» остается актуальным не только как исторический документ, но и как художественный текст, где форма и содержание образуют уникальный синтез.

Работа представляет собой систематизированное исследование поэтики Солженицына, включающее жанровый, структурный и семантический анализ. Материалы статьи могут быть полезны филологам, историкам и всем, кто интересуется литературой о тоталитаризме и проблемами художественного осмыслиения трагических событий XX века.

Ключевые слова: Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ», поэтика, лагерная проза, тоталитаризм, хронотоп, система образов, авторская позиция, историческая память

Для цитирования: Атаева Д.М., Кадырова К.А. О некоторых особенностях поэтики книги А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 18 – 24.

Поступила в редакцию: 23 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹Ataeva D.M., ¹Kadyrova K.A.

¹Dagestan State University

On some features of the poetics of A.I. Solzhenitsyn's book "The Gulag archipelago"

Abstract: the article examines the key aspects of the poetics of "The Gulag Archipelago" by A.I. Solzhenitsyn – a work that has become not only a literary but also a historical monument of the era of Soviet repression. Special attention is given to the innovative nature of the book, which combines features of artistic narrative, documentary research, and journalism. The authors analyze the place of "The Gulag Archipelago" in the context of camp prose, Solzhenitsyn's oeuvre, and 20th-century world literature, emphasizing its role in debunking myths about the Soviet system.

A central focus of the study is the analysis of the title, which metaphorically reflects the essence of the Gulag as an "archipelago" – a fragmented yet unified system of camps existing parallel to the "mainland." The work's thematic concerns include issues of dehumanization under totalitarianism, spiritual resistance, and moral choice. Significant importance is attributed to the system of images, where each character, whether a victim, executioner, or witness, becomes part of a larger tragedy.

The article investigates subject-object relationships that allow Solzhenitsyn to merge personal experience with historical chronicle. Particular emphasis is placed on the spatial-temporal organization of the text: the camp chronotope is presented as a closed anti-world, where time flows differently and space is confined by barbed wire. The interaction of "own" and "alien" voices in the narrative is also analyzed, where the author's voice coexists with testimonies of prisoners, documents, and even propaganda language.

Two interrelated themes are highlighted as the ideological core: the destruction of the human soul in conditions of violence and its possible revival through spiritual awakening. The authors emphasize that Solzhenitsyn does not limit himself to denouncing the system – he offers the reader a path to understanding the tragedy based on Christian values and historical memory. The role of the author is interpreted as multifaceted: he acts as a chronicler, researcher, and preacher, linking "The Archipelago" to the traditions of ancient Russian literature and biblical parable.

The article draws on the works of leading literary scholars (Zh. Niva, A. Urmanov, V. Kuritsyn) and includes a comparative analysis with other works on the camp theme (V. Shalamov). It is noted that "The Gulag Archipelago" remains relevant not only as a historical document but also as a literary text, where form and content create a unique synthesis.

This work represents a systematic study of Solzhenitsyn's poetics, encompassing genre, structural, and semantic analyses. The materials of the article may be useful for philologists, historians, and anyone interested in literature about totalitarianism and the artistic interpretation of the tragic events of the 20th century.

Keywords: Solzhenitsyn, "The Gulag Archipelago," poetics, camp prose, totalitarianism, chronotope, system of images, author's position, historical memory

For citation: Ataeva D.M., Kadyrova K.A. On some features of the poetics of A.I. Solzhenitsyn's book "The Gulag archipelago". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 18 – 24.

The article was submitted: May 23, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

В последнее время творчество А. Солженицына, хоть и с опозданием, заняло прочное место в литературном процессе, стало явлением русской и мировой культуры. Его произведения «Один день Ивана Денисовича», «В круге первом», «Архипелаг Гулаг» открыли запретную прежде тему репрессий, задали новый уровень художественной правды. К числу самых известных его работ, имеющих огромное значение, относится «Архипелаг ГУЛАГ».

Цель исследования: Изучение особенностей поэтики книги А. Солженицына «Архипелаг Гулаг».

Материалы и методы исследований

Объектом исследования является произведение А. Солженицына «Архипелаг Гулаг». Методологическую основу составляют изучение этого произведения крупными литературоведами. Об особенностях жанра и композиции следует особенно выделить труд предшествующих исследователей, которые проделав огромную работу вносили новые стороны в освещении данной проблемы. Нами же был систематизирован материал, полученный в ходе исследования предшествующей исследовательской литературы и самого текста художественного произведения.

Для определения методов исследования необходим комплексный подход. Можно выделить следующие методы: источниковедческий, структурный, семантический и композиционный анализ, сопоставительный, сравнительный и типологический.

Это обобщающее произведение, в котором с болью и особым накалом говорится о величайшей народной трагедии. Эта книга знакомит читателей с лагерным миром, властью и идеологией, породившей его. Это «энциклопедия лагерной жизни». Создать труд такого масштаба стало возможным благодаря собранному автором обширному историческому материалу, его личному опыту и показаниям свидетелей, бывших узников советских концлагерей (227 человек, а после доработки в 1979 году число их доросло до 257). «Если для писателей-соцреалистов подлинной историей советского государства была череда «великих свершений» и «побед», то для автора «Архипелага» единственно реальной историей страны Советов является «история нашей канализации», то есть ГУЛАГа, всё же остальное – жалкие декорации, камуфляж. Таким образом, А. Солженицын ставил перед собой очень масштабную задачу – рассказать подлинную историю первого «рабоче-крестьянского» государства» [1, с. 209-210].

Результаты и обсуждения

А. Солженицын говорил, что в своей книге он выступил в роли «летописца лагерной жизни», и это авторское высказывание имеет не только переносный, но и буквальный смысл.

«Архипелаг ГУЛАГ», действительно, имеет сходство с таковой жанровой формой древнерусской литературы, как летопись. Как известно, в летописные своды включался весьма пёстрый и разнородный материал: хроника наиболее значительных событий русской истории, сказания, легенды, апокрифы, «жития», «хождения», фольклорный материал, греческие исторические хроники и т.д.

Автор «Архипелага» тоже организовывает весь собранный и разноплановый и разносторонний материал в подобие грандиозного «летописного свода», в характерное для древнерусской летописи «анфиладное построение».

Но есть и иная точка зрения, некоторые критики считают, что попытка причислить это произведение только к летописи не всегда оправданна: «Историческая точность Солженицына далека от бесстрастной объективной летописи событий. При всей верности документам, воспоминаниям, письмам страстное неприятие кровавых ужасов истребления собственного народа отличает главную книгу Солженицына-публициста «Архипелаг ГУЛАГ» от того, что делали историки до него» [2, 4].

Говоря об особенностях поэтики, в первую очередь нужно обратить внимание на раскрытие смысла заглавия для понимания сути произведения. Заглавие – это не только синтаксическая позиция, но и особенный элемент текста, который сочетает несколько функций. Так и заглавия произведений А.И. Солженицына своеобразны и обращают на себя внимание, часто они метафоричны. Критик В. Курицын отмечает: «Что мы можем сказать о собственно метафоре архипелага, вынесенной в название книги? <...>. Речь идет о мистической или виртуальной стране, существующей наравне с реальной страной № 1 – как в силуэтах града земного может просвечивать град небесный. <...> работает большое количество не увязываемых в единых целых законах, указах, юридических институтций, в провалах между которыми осуществляется тотальное наказание» [3, с. 167-168].

Автор сразу же четко обозначает хронотоп произведения. Действие будет разворачиваться в лагерном мире. Но такой заголовок имеет и чисто символическое значение. Читатель понимает, что породило таинственный Архипелаг: власть и идеология, а если смотреть шире – то это вся страна, принявшая этот самый лагерный мир. На это особое внимание уделялось в работах современных исследователей, как П. Паламарчук, А.В. Урманов, В. Курицын и А. Ранчин. Опираясь на точное лексическое значение слов, составляющих название, можно объяснить его метафоричность: ГУЛАГ – Главное Управление Лагерей и обобщающее слово, которым автор называет лагерную страну, лагерный мир, трагический символ эпохи репрессий. На соотнесенность «Архипелага ГУЛАГа» с «Одиссеей» обратил внимание Ж. Нива: «Можно сказать, что весь предшествовавший мир, вся человеческая история до ГУлага служит метафорой ГУЛАГовской вселенной. И в первую очередь Одиссея Гомера, с ее эгейской экуменой, ее островным архипелагом, которого каждое

утро касаются персты Эос-Зари. У Солженицына одиссея приобретает зловещий смысл, архипелаг уходит в подполье, корабли его – смрадные «вагон-заки», «каравана невольников» [4, с. 184].

Итак, заглавие в «Архипелаге ГУЛАГ» передает проблему произведения и представляет основную тему, что позволяет читателю иметь представление о круге жизненных явлений, которые отражены автором в нем. Не только название книги, но и подзаголовки глав служат выражению авторской концепции.

Заявленный в названии вектор реализуется в проблематике. Описывая процедуру попадания за стены ГУЛАГа, Солженицын дает читателю прочувствовать отчаяние ни в чем не повинных людей, у которых даже своей политической убежденности в неправомерности происходящего нет. И тут автор показывает, как одинок человек в такой ситуации и почему он одинок.

Автор передает атмосферу враждебности, недружелюбия, описывает ряд важнейших способов, которые используются для вербовки стукачей на воле и в заключении (а позже продемонстрирует и освобождение от их гнета в главах о забастовке-голодовке зэков).

Каждая глава каждого тома поднимает ряд проблем, раскрывая то, о чем нельзя было даже упоминать. Из Посвящения: «всем, кому не хватило жизни об этом рассказать. И да простят они мне, что я не все увидел, не все вспомнил, не обо всем догадался» [5, с. 5].

Автор также поднимает проблему прав и свобод отдельной личности в тоталитарном государстве, которое он называет Драконом, а порожденную им сеть тюрем и лагерей представляет, как раковую опухоль на теле страны.

В главе 6 («Та весна») 1-го тома он пишет уже не о политических, а о пленных, которые вернулись на родину, только для того чтобы продолжить сидеть в лагерях. Их везли этапами, кого-то оставляли ненадолго, но своей судьбы им не удалось избежать. Здесь есть подробные рассуждения не просто героя-повествователя и свидетеля, но ученого, который указывает, что даже в языке ошибка и эти люди не изменники родине и изменники родины: «Это были не изменники ей «родине», а ее изменники. Не они несчастные изменили Родине, но расchetливая Родина изменила им, и притом трижды. И теперь третий раз бессовестно она их предала, заманив материнской любовью («Родина простила! Родина зовет!») и накинув удавку уже на границе» [5, с. 219].

В лагерях эти пленные, как и политические, становятся ненавистны всем, даже «блатарям» внушают, что они преступники, но не враги народа.

В критике Солженицына обычно противопоставляют Шаламову, но «В «Колымских рассказах» человека спасают (если спасают) культура, интеллект, одинокое противостояние злу. В «Архипелаге» в той же роли выступают религия, общественное мнение, семейная и родовая память» [6, с. 224].

В первом же томе поднимаются вопросы верующих, которые терпят постоянные притеснения и молча, погибают, не отступив от своей веры и сохранив себя и свои убеждения. Трудно не почувствовать глубокую симпатию и уважение к тому, что эти невинно-осужденные, преследуемые, гонимые властями люди продолжают поддерживать друг друга, остаются людьми (священника отца Иеракса после возвращения из поездки должны были задержать, но прихожанки не допустили его домой, 8 лет перепрятывали с квартиры на квартиру) [7, с. 17].

Вторая часть описывает пути, которыми добираются заключенные в страну ГУЛАГа. В этом непростом путешествии они уже испытывают унижения, власть над ними и блатных и конвоиров (описание этапов и собственный опыт).

Второй том содержит главы, посвященные женщинам, детям и инвалидам в лагерях.

Поднимается проблема детского труда. В лагерях и детям не просто, ведь теперь уже с 12 лет они получают сроки наравне с взрослыми. Им посвящена глава 17 «Малолетки», в которой описывается положение младших детей и тех, кто постарше. Малолетки в лагере – это отдельная сила, а их сплоченность и отсутствие нравственных ограничений (откуда бы им взяться в лагере, где царит атмосфера правоты, только сильного и отсутствия нравственности вообще) делают их опасными и жестокими. В детях воспитываются новое поколение людей, для которых воры – пример для подражания [10, с. 81].

Положение женщин в лагере не лучше. Они беззащитны перед насилием, жестокостью и нравами ГУЛАГа. Проблема материнства: родится ли ребенок здоровым, дадут ли увидеться с ним потом, что его ждет? Множество подобных вопросов встает перед будущей матерью здесь. Автор показывает, какие причины толкают женщин рожать в неволе: желание этим доказать свое существование, иметь что-то дорогое или же просто иметь послабление в содержании (блатные зэчки рисуются лишенными материнского инстинкта, а доказательством тому служит чудовищная сцена на ташкентском вокзале мамка бросила с размаху ребенка на каменный пол). Матери-заключенные не матери вовсе, а мамки. Где окажется ребенок такой женщины в детдоме или же попадет в другую семью? Она этого не будет знать.

Важнейшей отличительной чертой солженицынской поэтики являются антиномии, на что, помимо всего прочего, обратил внимание критик А. Ранчин. Именно антиномические соединенные мотивы возрождения и уничтожения образуют смысловой контрапункт текста. А. Ранчин также отметил в своей работе наличие двух мотивов: возрождения и уничтожения слова. Он пишет следующее: «Надругательство над словом – метонимия насилия над телом и душой» [8].

К примеру, автор пытается понять, в чем истоки появления людей-душегубов, как может человек достичь такой степени нравственного падения, почему обостряется душевная черствость, безверие. И вместе с тем, как происходит душевное преображение, что влияет на то, чтобы человек в таких условиях обратился к Богу. В этой связи кульминационной является четвертая часть, которая называется «Душа и колючая проволока». Особенно важной для понимания авторской идеи является первая часть «Восхождение», в которой автор задается вопросом: «неужели в лагере нельзя возвыситься душой?» Отвечает на этот вопрос он, передавая нам судьбы тех особенных людей, которые возвысились душой (Н.К. фон Мекк и А.Ф. Величко).

Жанр «опыт художественного исследования» предполагает ряд особенностей, которые относятся и к Автору, его роли и функциям, так и к персонажам. Система образов исследования «Архипелаг ГУЛАГ» строится особым образом, что позволило задействовать огромное количество не просто персонажей, но довольно ярких образов. Каждый из многочисленных персонажей – особенный человек, имеющий трагическую судьбу и сыгравший свою роль в истории.

Образы можно разбить на «вольняшек» и зэков, которые разделены множеством самых разных черт, в том числе и индивидуализирующих. Но есть и общие черты. Чаще всего встреча с новым персонажем складывается при одних и тех же обстоятельствах: либо рассказчик и персонаж вместе проходят через «Машину», либо он ее орудие. Таким образом происходит и деление на «своих» и «чужих». Автор при необходимости, довольно часто, рисует портрет, причем набрасывает его в нескольких предложении, словно мазки опытного художника ложатся они на полотно исследования Автора-ученого. Социальный статус, роль в общественно-политической жизни страны на период описываемых событий (и не только), поведение при встрече с «Машиной» (судебные инстанции), интересные черты характера, которые при этом удалось выяснить – все это плоды упорного исследования, анализа, кропотливой работы, не только Ученого (социолога, историка, политика и т.д.), но и просто плоды многолетнего труда художника слова, который не просто набирал множество слов, объединенных общностью формы, целей, общей направленности.

По словам Спиваковского, «Архипелаг ГУЛАГ» – это сотрясающая душу, книга о мерзости и величии человеческого духа в ситуации, когда, казалось бы, не может быть места чему бы то ни было, кроме экзистенциального отчаяния. И далеко не случайно, что эта трагически-светлая поэма о народной немоте и боли каждый год переиздается на самых разных языках, снова и снова... Она изменила сознание людей во всем мире. Это важная составляющая культурного багажа современного человека» [9, с. 76].

Таким образом, для анализа системы образов важно отметить огромную роль Автора, который предстает перед читателем сразу и как автобиографический персонаж, и как автор-повествователь. Иногда он уступает место повествователя другим персонажам, чтобы достоверней и полней было содержание (Фан Фаныч, Георгий Тэнно).

Образы в данном исследовании можно противопоставлять друг другу по различным критериям: например, мир воли, где существуют вольняшки (может быть даже временно пока не переведут и их на зону) и мир ГУЛАГа, где отбывают свои сроки зэки. Зэки делятся в свою очередь на привилегированных блатных (настоящие преступники-бытовики) и приблатненных, которым противопоставлены политические (или как их чаще называют враги, фашисты и т.д.).

Мужчины и женщины до какого-то периода находятся вместе, но затем разделяются. Взрослые на зоне подают пример, как нужно выживать в таком мире, и дети прекрасно приспосабливаются (однако у них чувствуется единство, которое отличает их от расчетливых старших, бросающих своих при первой же угрозе) [11, с. 62].

Автор точно передает обстановку при помощи несобственно-прямой речи, повествования от лица автора-повествователя, а также собирательного персонажа Фан Фаныча, что создает эффект многоголосия. Именно это позволяет осветить историю ГУЛАГа, деятельность которого протекала в обстановке строгой секретности.

Жестокий произвол и насилия, бесправие и унижение человеческого достоинства, изощрённые издевательства и каторжный труд описаны подробно, отчетливо и полно выражена авторская позиция. Именно присутствие рассказчика позволяет отличить книгу от документальной хроники. Также автор опасается,

что история может повториться. И это одна из причин, по которой он отказался от Государственной премии РСФСР, присуждённой ему в 1990 г. за «Архипелаг ГУЛАГ».

Проблематика произведения довольно обширна и включает множество, как простых вопросов, так и вечных, имеющих общечеловеческое значение. Отсюда библейские мотивы борьбы добра со злом, причем злом в человеке и вне него.

Система образов так же имеет ряд отличительных особенностей, как, например, большое количество действующих лиц, которые лишь мелькают перед нами, а после мы и не встречаем их нигде, но есть и такие, которые встречаются сразу в нескольких главах. И все это автор делает сознательно, о чем сам же и пишет, образно заявляя о том, что он распределил их судьбы, подчиняя план книги контурам Архипелага.

Выводы

Итак, А.И. Солженицын создает свое произведение, основываясь на принципах Истины, Красоты, Добра. Он пишет и живет «не по лжи». Определяя вслед за автором жанр «Архипелага Гулага» как «опыт художественного исследования», можно увидеть, как органически соединяются в этом произведении временное и вневременное, острая социальная и национальная проблематика и универсализм.

Список источников

1. Урманов А.В. Творчество Александра Солженицына. М.: Флинта, 2004. С. 209 – 210.
2. Княжицкий А.И. На пути к Солженицыну // Русская словесность. 2008. № 5. С. 4.
3. Курицын В. Случаи власти («Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына) // Россия-Russia. Новая серия. М.: Венеция, 1998. Вып. 19. С. 167 – 168.
4. Нива Ж. Солженицын. Перевел с фр. С. Маркиш в сотрудничестве с автором. М.: Художественная литература, 1992. С. 184.
5. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ: 1918-1956: в 3 кн. Опыт художественного исследования. М.: Астрель, 2009. 552 с.
6. Сухих И. Сказание о тритоне (1958-1968) «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына // Звезда. 2001. № 12. С. 224.
7. Цколия К.Р. Размышления о человечности в художественной литературе // Вестник Российского университета дружбы народов. 2023. № 4. С. 170 – 173.
8. Спиваковский П.Е. Академик Александр Исаевич Солженицын (1918-2008) // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. Т. 67. № 6. С. 76.
9. Глухова Н.И. Восприятие пространства несвободы в поэтических произведениях А.И. Солженицына // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25. № 1. С. 135 – 142.
10. Федотова О.С. Условия успешного коммуникативного взаимодействия «автор-читатель» в письменном дискурсе // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2022. Т. 11. № 6. С. 10 – 13.
11. Ранчин А. «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына как художественный текст: некоторые наблюдения. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/40042.php?PRINT=Y>.

References

1. Urmanov A.V. The Works of Alexander Solzhenitsyn. Moscow: Flinta, 2004. P. 209 – 210.
2. Knyazhitsky A.I. On the Way to Solzhenitsyn. Russian Literature. 2008. No. 5. 4 p.
3. Kuritsyn V. Cases of Power (A.I. Solzhenitsyn's "The Gulag Archipelago"). Rossiya-Russia. New Series. Moscow: Venice, 1998. Iss. 19. P. 167 – 168.
4. Niva J. Solzhenitsyn. Translated from French by S. Markish in collaboration with the author. Moscow: Fiction, 1992. 184 p.
5. Solzhenitsyn A.I. The Gulag Archipelago: 1918-1956: in 3 books. An essay in artistic research. Moscow: Astrel, 2009. 552 p.
6. Sukhikh I. The Tale of the Triton (1958-1968) "The Gulag Archipelago" by A. Solzhenitsyn. Zvezda. 2001. No. 12. 224 p.
7. Tskolia K.R. Reflections on Humanity in Fiction. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. 2023. No. 4. P. 170 – 173.
8. Spivakovsky P.E. Academician Alexander Isaevich Solzhenitsyn (1918-2008). Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series of Literature and Language. Vol. 67. No. 6. 76 p.
9. Glukhova N.I. Perception of the space of unfreedom in the poetic works of A.I. Solzhenitsyn. Bulletin of the Southern Federal University. Philological sciences. 2021. Vol. 25. No. 1. P. 135 – 142.

10. Fedotova O.S. Conditions for successful communicative interaction "author-reader" in written discourse. Scientific research and development. Modern communication studies. 2022. Vol. 11. No. 6. P. 10 – 13.

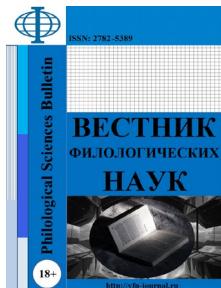
11. Ranchin A. "The Gulag Archipelago" by A.I. Solzhenitsyn as a fiction text: some observations. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/40042.php?PRINT=Y>.

Информация об авторах

*Атаева Д.М., кафедра русской литературы, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала,
Jenny2002@list.ru*

Кадырова К.А., кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

© Атаева Д.М., Кадырова К.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 82.091:82-1

¹ Батюнина Е.Ю.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Историко-культурное наследие «Московских сказок» А. Кабакова

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы импликации лингвистического и историко-культурного комментирования как подходов к анализу текста, которые помогают глубже понять его значение и контекст, создать более полное и многослойное понимание текста, его значения и влияния на читателя, освещена многогранность проблемы и, следовательно, необходимость ее более глубокого изучения. Автором проводится лингвистическое и историко-культурное исследование сказки А. Кабакова «Проект “Бабилон”», даются подробные объяснения отдельных прецедентных единиц, проводится изучение литературной сказки с учетом постмодернистского этапа развития литературы, сюжет которой концентрируется вокруг персонажей – функций. В основе методологии исследования лежит анализ научных публикаций отечественных и зарубежных авторов, посвященных данной проблематике, также методы анализа лингвистического и исторического контекста использованы с целью выявления эволюции сюжетных структур литературной сказки. Результаты научной работы представлены в виде рекомендаций по проведению лингвистического и историко-культурного комментирования в сфере анализа художественного текста.

Ключевые слова: лингвистическое комментирование, историко-культурное комментирование, художественный текст, анализ художественного текста, ирония, гротеск

Для цитирования: Батюнина Е.Ю. Историко-культурное наследие «Московских сказок» А. Кабакова // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 25 – 30.

Поступила в редакцию: 23 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹ Batyunina E.Yu.

¹ Kazan (Volga Region) State University

Historical and cultural heritage of A. Kabakov's "Moscow Tales"

Abstract: the article deals with the issues of implication of linguistic and historical-cultural commenting as approaches to text analysis that help to better understand its meaning and context, create a more complete and multi-layered understanding of the text, its meaning and impact on the reader, highlights the versatility of the problem and, consequently, the need for its more in-depth study. The author conducts a linguistic and historical-cultural study of A. Kabakov's fairy tale "Project Babylon", gives detailed explanations of individual precedent units, studies the literary fairy tale taking into account the postmodern stage of literature development, the plot of which is concentrated around characters – functions. The methodology of the research is based on the analysis of scientific publications of domestic and foreign authors devoted to this issue; also the methods of analysis of linguistic and historical context are used to identify the evolution of plot structures of a literary fairy tale. The results of the scientific work are presented in the form of recommendations for conducting linguistic and historical-cultural commenting in the field of literary text analysis.

Keywords: linguistic commentary, historical and cultural commentary, literary text, analysis of literary text, irony, grotesque

For citation: Batyunina E.Yu. Historical and cultural heritage of A. Kabakov's "Moscow Tales". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 25 – 30.

The article was submitted: May 23, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы заключается в необходимости системной импликации лингвистического и историко-культурного комментирования художественных текстов с целью глубокого понимания их содержания в контексте языковых норм и культурных реалий эпохи, что позволяет преодолеть смысловые барьеры, связанные с временной дистанцией, и раскрыть заложенные автором идеи в их первоначальном значении. Такой подход не только способствует адекватной интерпретации произведений, но и обеспечивает их корректное включение в современный научный и образовательный дискурс, демонстрируя взаимосвязь языка, истории и культуры в процессе смыслопорождения.

Цели и задачи исследования.

Целью исследования является комплексное лингвистическое и историко-культурное комментирование рассказа А. Кабакова «Проект “Бабилон”».

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: рассмотреть смысловые сегменты лингвистического и историко-культурного комментирования и доказать эффективность их импликации при анализе художественного текста; провести комплексный анализ рассказа А. Кабакова «Проект “Бабилон”».

В ходе исследования мы предположили, что комплексный лингвистический и историко-культурный анализ рассказа А. Кабакова «Проект “Бабилон”» позволит выявить специфику авторского стиля, включая особенности лексики, синтаксиса и нарративных стратегий, которые формируют уникальную художественную реальность текста. Исследование историко-культурного контекста, отражённого в произведении, даст возможность проследить связь между советской и постсоветской эпохами, раскрывая механизмы презентации социальных и политических трансформаций в художественном дискурсе. Интеграция лингвистических и культурологических методов анализа будет способствовать более глубокому пониманию идиостиля А. Кабакова, а также выявлению интертекстуальных связей и символических слоёв, которые определяют смысловую многомерность рассказа.

Материалы и методы исследований

Методика работы при исследовании вопроса системной импликации лингвистического и историко-культурного комментирования художественных текстов предполагала последовательное проведение анализа теоретических источников, их тематической систематизации и содержательной интерпретации с учетом достижений как российской, так и мировой науки по исследуемой проблеме. Для проведения комплексного лингвистического и историко-культурного комментирования рассказа использовались методы контекстуального и дискурс-анализа, позволяющие выявить взаимосвязь языковых структур с культурно-историческими реалиями, а также сравнительно-исторический метод, направленный на реконструкцию генезиса и трансформации смысловых слоёв текста. Интеграция указанных методов обеспечила многоаспектную интерпретацию художественного текста как сложного семиотического пространства, функционирующего в диахронической и синхронической перспективах.

Результаты и обсуждения

Решение первой исследовательской задачи потребовало рассмотрения смысловых сегментов лингвистического и историко-культурного комментирования и анализа эффективности их импликации при анализе художественного текста.

В исследованиях С.Н. Бабуlevич и Т.Ф. Кузеной [2], Ю.И. Бокатиной [3, 4] указывается, что лингвистическое комментирование включает в себя анализ языковых особенностей текста: изучение лексики, грамматики, синтаксиса, стилистических приемов и других языковых элементов. Лингвистический анализ помогает выявить, как язык используется для передачи смысла, эмоций и намерений автора. Историко-культурное комментирование фокусируется на контексте времени и культуры, в которых был создан текст. Это может включать в себя изучение исторических событий, социальных условий, культурных традиций и норм, которые могли повлиять на содержание и форму произведения. Такой анализ помогает понять, как текст отражает или взаимодействует с культурными и историческими реалиями своего времени. В работе Д.А. Бастикова [1] сделан акцент на возможном комплексном использовании лингвистического и истори-

ко-культурного комментирования для создания более полного и многослойного понимания текста, его значения и влияния на читателя.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что комплексное применение лингвистического и историко-культурного комментирования при анализе художественного текста обладает значительной ценностью, поскольку позволяет не только декодировать формальные языковые структуры, но и реконструировать глубинные смысловые слои, обусловленные конкретными социокультурными и историческими контекстами их создания.

При решении второй исследовательской задачи мы провели комплексный анализ рассказа А. Кабакова «Проект «Бабилон»» [5]. Исследователи достаточно часто обращаются к анализу творчества А.А. Кабакова и конкретно данного рассказа. Так, Е.В. Пономарева исследует принципы гротескного миромоделирования [6], О.В. Сизых рассматривает механизм действия метафоры небытия [8], А.Н. Симонова анализирует жанровый канон [9, 10], В.С. Шутемова рассматривает юмор как средство выражения авторской позиции [11].

Несмотря на то, что жанр «Московских сказок» А. Кабакова определен уже в названии, с композиционной структурой сказки, как ее понимает В.Я. Пропп [7], произведения, составляющие сборник, не имеют ничего общего. Напротив, все сказки, входящие в цикл, имеют признаки постмодернистской поэтики, основными атрибутами которой является монтажность композиции, интертекстуальность, скрытая за отсылками к морфологическим составляющим сказок, эстетическая игра с окружающим предметными миром и литературными источниками.

Особенностью композиционного решения сказок А. Кабакова является завершенность. Как правило, все намеченные сюжетные линии, доводятся до конца. Например, истории всех, кому на пути (на трассе) встретилась машина-призрак из сказки «Голландец», автор приводит к логическому концу. Так, мы узнаем о смерти Руслана Абстулханова, который так и не смог поверить, что его внедорожник-джип обогнал какой-то «лоховской сарай», о внезапном исчезновении гаишника Профосова, перекрестившегося на «неический пассат», пока он стоял на режимной трассе и о пропаже Олеси Грунт, не посетившей даже неделю высокой моды.

В своих сказках А. Кабаков свободно смешивает существующие сказочные, притчевые и даже анекдотические сюжеты, опираясь при этом на древнюю традицию сказа и объемный интертекст, отчего повествование выходит на совершенно новый уровень, формируя уникальный художественный образ – срез российской действительности эпохи 1990-х годов. Система образов современных сказок А. Кабакова в целом сопоставима с типологией сказочных персонажей, разработанной В.Я. Проппом, который, как известно, выделяет семь типов действующих лиц, согласно их функциям.

Представим результаты проведенного лингвистического и историко-культурного комментирования сказки А. Кабакова «Проект «Бабилон»».

В философском дискурсе понятие «Вавилонской башни», к которому отсылает название сказки А. Кабакова, обозначает некий грандиозный и бессмысленный проект, символизирующий бездуховность человека, отрицание жизни и саморазрушение.

Пропели по радио контактный телефон, начинающийся для простоты запоминания с трех шестерок...

Три шестерки – 666 – число зверя, под ним в последней книге «Нового завета» «Откровение Иоанна Богослова» скрывается имя ставленника Сатаны – Антихриста.

... когда обнаруживалось, что «у.е.» – это условные евро, а не нормальные баксы...

Под аббревиатурой у.е. или условными единицами в странах бывшего СССР подразумевали иностранную валюту (доллары или евро). «Бакс», согласно «Толковому словарю Ожегова», один доллар США.

И никто в связи с воздушностью покупок и песчаной основой предприятия не вспоминал широко известных идиом – все эти старинные идиомы среднему классу до фонаря...

Вероятно, имеются ввиду фразеологизмы «строить воздушные замки» (предаваться необычным мечтам, придумывать неосуществимые планы) и «строить на песке» (делать что-либо ненадежно, без достаточных оснований).

... возле метро еще и клиника, где липосакцию делают... – липосакция...

Липосакция – один из способов снижения веса путем вакуумного отсасывания лишнего жира и хирургического удаления жировых отложений. Достаточно дорогостоящая косметическая процедура с недоказанной эффективностью, лишний вес после ее проведения, как правило, возвращается.

... казино далеко, это да. Ближайшее в Брюханове, но туда, конечно, одни местные ходят...

До 2009 г. в Москве и по всей России казино существовали легально. После 1 июля 2009 г. азартные игры могут осуществляться только на определенных территориях, в которые Москва не входит.

... если Пасха бывала поздняя, под конец лед обычно проваливался, и обе стороны оказывались одновременно в положении известных псов-рыцарей...

Имеется в виду Ледовое побоище (прецедентная ситуация), где в 1242 г. на льду Чудского озера столкнулись русская дружины под предводительством А. Невского и войско Ливонского ордена. По легенде, ливонские псы-рыцари, закованные в тяжелые латы, провалились под лед, благодаря чему русские смогли одержать победу.

... с грузовыми дворами и градирнями...

Градирня – устройство (сооружение) для охлаждения горячей воды на промышленных предприятиях.

Потому что кто же из нас не помнит такое крылатое выражение, как «птенцы гнезда Петрова»?

Выражение (прецедентное имя) из поэмы «Полтава» (1828-1829) А.С. Пушкина. Так поэт назвал ближайших сподвижников Петра Первого:

За ним вослед неслась толпой

Сии птенцы гнезда Петрова.

... что соединит порвавшуюся было связь времен с Россией, которую мы едва не потеряли...

Аллюзия на документальный фильм «Россия, которую мы потеряли», снятый в 1991 г. С. Говорухиным. В фильме отчетливо звучит ностальгия по дореволюционной России.

А за забором ворочался голливудским ящером экскаватор и сутились в глубине нулевого цикла таджики...

«Нулевой цикл» – комплекс, включающий работы по инженерной подготовке территорий и строительству подземной части здания. В нулевой цикл входят: земляные работы по вертикальной планировке территории, устройство постоянных и временных дорог и т.п.

... въезжали еще не ставший привычным даже в нашем городе автомобиль Bentley особо британского синего цвета и суровая машина Hummer-2... – Bentley и Hummer – название марок машин класса люкс, ассоциирующихся с новыми русскими.

... офицера внутренних войск, когда-то называвшихся войсками МГБ...

МГБ – Министерство государственной безопасности СССР один из центральных органов государственной власти в Советском Союзе, заведовавший вопросами госбезопасности. Преемник НКВД.

Работает компания в тесном взаимодействии со столичным правительством, так что даже самому отмороженному и в голову не придет наехать при такой крыше...

Слово-знак «отмороженный» на бандитском арго «очень опасный и дерзкий человек. Способный на самые тяжелые преступления». Синоним: отморозок. «Крыша» – бандиты или милиция, обеспечивающее защиту. «Наехать» – идти на конфликт, искать ссоры.

... ни бюста Пушкина на колонне, превышающей, как и было велено поэтом, александрийский столп...

Образ, использованный А.С. Пушкиным в стихотворении «Памятник» (1836 г.): Вознесся выше он главою непокорной / Александрийского столпа.

К слову: его, этот дом, хорошо видно с поворота на Николину Гору...

Николина гора – поселок в Подмосковье, известное место, где строились дачи советской аристократии – деятелей науки и культуры. Символ богатой жизни.

... или даже поужинать, как положено, с достойным вином, которое деликатно поможет выбрать этот, как его... сомелье, да.

От фр. sommelier. «Служащий дорогого ресторана, ведающий спиртными напитками; специалист по винам».

Основными рекомендациями по проведению лингвистического и историко-культурного комментирования в сфере анализа художественного текста, которые мы разработали в ходе исследования, являются следующие. Рекомендуется прежде всего обеспечить комплексный подход, сочетающий анализ языковых особенностей (лексики, грамматических структур, стилистических приемов) с реконструкцией исторического контекста и культурных реалий эпохи создания произведения, что позволяет выявить глубинные смысловые слои и авторские интенции. Особое внимание следует уделять междисциплинарному взаимодействию, привлекая методы смежных гуманитарных наук – социолингвистики, когнитивистики и культурной антропологии, что способствует более полной интерпретации текста как сложного семиотического пространства. Важным аспектом является также учет читательской рецепции разных исторических периодов, поскольку динамика восприятия художественного произведения может служить дополнительным маркером как его лингвокультурной специфики, так и трансформации культурных кодов в диахронической перспективе.

Выводы

Мы провели лингвистическое и историко-культурное комментирование и постарались дать объяснения отдельным прецедентным единицам, встретившимся в тексте сказки «Проект “Бабилон”». По итогам исследовательской работы мы пришли к следующим существенным выводам. Основными способами конструирования художественного образа в сказках А.А. Кабакова являются ирония и гротеск. В целом, текст сказок, как и любой другой художественный текст, можно рассматривать и анализировать на разных уровнях и с разных точек зрения. Например, как литературную сказку с учетом постмодернистского этапа развития литературы, сюжет которой концентрируется вокруг персонажей – функций.

Интеграция лингвистического и историко-культурного подходов к анализу текста открывает новые перспективы в интерпретации художественных произведений, обеспечивая комплексное понимание их семантических и стилистических особенностей. Применение лингвистического анализа даёт возможность исследовать индивидуальные авторские стратегии речевой организации, включая специфику лексического отбора с учётом стилистических и эмоционально-экспрессивных коннотаций, синтаксическое построение высказываний, а также систему образных средств и тропов, которые в совокупности формируют уникальную поэтику произведения. Особую значимость приобретает исследование того, как языковые элементы участвуют в создании глубинных смысловых структур и концептуальных связей, отражающих мировоззренческие позиции автора и культурные коды эпохи.

Историко-культурный анализ текста раскрывает его глубинные смыслы через призму конкретной эпохи, демонстрируя неразрывную связь между художественным произведением и породившей его социокультурной средой.

Такой подход предполагает многоуровневое исследование: от реконструкции базовых исторических условий (социально-политической ситуации, экономических реалий, идеологических установок) до анализа специфических культурных кодов, повлиявших на авторский замысел. Особое значение приобретает выявление причинно-следственных связей между контекстом эпохи и художественными решениями автора – выбором тематики, системой образов, стилистическими особенностями.

Импликация лингвистического и историко-культурного подходов к анализу текста формирует методологическую основу для всестороннего изучения художественного произведения, где лингвистический анализ раскрывает архитектонику текста через призму языковых структур, а историко-культурный контекст выступает ключом к пониманию генезиса и эволюции его смысловых парадигм. Такой интегративный подход позволяет не только декодировать поверхностные уровни текстовой организации (стилистические особенности, нарративные стратегии, систему тропов), но и реконструировать имплицитные смыслы, детерминированные спецификой культурно-исторического дискурса эпохи создания произведения.

Список источников

1. Бастиров Д.А. Комментирование художественного текста при формировании лингвокультурной компетенции иностранных учащихся // Филология и культура. 2021. № 4 (66). С. 243 – 249.
2. Бабулович С.Н., Кузенная Т.Ф. Историко-лингвистическое комментирование в контексте обучения русскому языку в школе // Вестник Мининского университета. 2018. Т. 6. № 1. С. 7 – 18.
3. Бокатина Ю.И. Историко-лингвистическое комментирование в контексте компетентностного подхода к обучению русскому языку // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 6-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32248> (дата обращения: 02.04.2025).
4. Бокатина Ю.И. Историко-лингвистическое комментирование на уроках русского языка в современной школе // Проблемы современного филологического образования: сборник научных статей XII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 22 апреля 2022 г. М.: МГПУ, 2022. С. 85 – 91.
5. Кабаков А.А. Проект «Бабилон» // А.А. Кабаков. Московские сказки. М.: Вагриус, 2006. 304 с.
6. Пономарева Е.В. Несказочные сказки Александра Кабакова // Уральский филологический вестник. 2014. № 4. С. 142 – 153.
7. Пропп В.Я. Морфология сказки: 2-е изд. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1969. 168 с.
8. Сизых О.В. Механизм действия метафоры небытия в рассказе А.А. Кабакова «Проект “Бабилон”» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2 (58). Т. 2. С. 200 – 203.
9. Симонова А.Н. Жанровый канон в «Московских сказках» А. Кабакова // Пушкинские чтения – 2008: материалы XIII междунар. науч. конф. / под общ. ред. В.Н. Скворцова, отв. ред. Т.В. Мальцева. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. С. 263 – 266.

10. Симонова А.Н. Феномен А. Кабакова // Ломоносов: материалы XVII междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Секция «Филология». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 666 – 669.

11. Шутемова В.С. Юмор как средство выражения авторской позиции в сказках А. Кабакова и Л. Петрушевской // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 1 (48). С. 80 – 82.

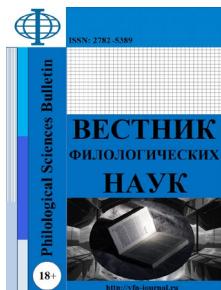
References

1. Bastrikov D.A. Commenting on a literary text in the formation of linguocultural competence of foreign students. *Philology and Culture*. 2021. No. 4 (66). P. 243 – 249.
2. Babulevich S.N., Kuzennaya T.F. Historical and linguistic commenting in the context of teaching Russian at school. *Bulletin of Minin University*. 2018. Vol. 6. No. 1. P. 7 – 18.
3. Bokatina Yu.I. Historical and linguistic commenting in the context of a competence-based approach to teaching Russian. *Modern problems of science and education*. 2022. No. 6-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32248> (date of accessed: 02.04.2025).
4. Bokatina Yu.I. Historical and linguistic commentary in Russian language lessons in a modern school. *Problems of modern philological education: collection of scientific articles of the XII All-Russian scientific and practical conference*. Moscow, April 22, 2022. Moscow: Moscow State Pedagogical Univ., 2022. P. 85 – 91.
5. Kabakov A.A. Project "Babilon". A.A. Kabakov. Moscow fairy tales. Moscow: Vagrius, 2006. 304 p.
6. Ponomareva E.V. Non-fairy tale tales of Alexander Kabakov. *Ural philological vestnik*. 2014. No. 4. P. 142 – 153.
7. Propp V.Ya. Morphology of the fairy tale: 2nd ed. M.: Main Editorial Board of Eastern Literature of the Nauka Publishing House, 1969. 168 p.
8. Sizykh O.V. The Mechanism of Action of the Metaphor of Non-Existence in A.A. Kabakov's Story "The Babylon Project". *Bulletin of the Kemerovo State University*. 2014. No. 2 (58). Vol. 2. P. 200 – 203.
9. Simonova A.N. Genre Canon in A. Kabakov's "Moscow Tales". *Pushkin Readings – 2008: Proc. of the XIII International. Scientific Conf. / under the general editorship of V.N. Skvortsov, responsible editor T.V. Maltsev*. SPb.: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2008. P. 263 – 266.
10. Simonova A.N. Phenomenon of A. Kabakov. *Lomonosov: Proc. XVII Intern. Conf. of Students, Postgraduates and Young Scientists. Section "Philology"*. Moscow: Publishing House of Moscow University, 2010. P. 666 – 669.
11. Shutemova V.S. Humor as a Means of Expressing the Author's Position in the Fairy Tales of A. Kabakov and L. Petrushevskaya. *Cultural Life of the South of Russia*. 2013. No. 1 (48). P. 80 – 82.

Информация об авторах

Батюнина Е.Ю. преподаватель, подготовительный факультет для иностранных учащихся, кафедра русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), г. Казань, korralet@mail.ru

© Батюнина Е.Ю., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.161

¹ Ван Мэнъяо

¹ Московский педагогический государственный университет

Концепты “прощение” и “извинение” в русском языке: межконцептуальные связи

Аннотация: в статье исследуются межконцептуальные связи между концептами прощение и извинение в русской языковой картине мира. На основе анализа данных из словарных источников и примеров художественного текста автор демонстрирует, что их взаимодействие отражает уникальность русской культуры, включая практические особенности повседневного общения и метафизический идеал духовного очищения. Особое внимание уделяется лингвокультурным маркерам: анализируется роль этикетных формул («извини(те)» и «прости(те)»), их связь с православной традицией и русской ментальностью. Результаты исследования могут быть использованы для понимания русской концептосферы и языкового сознания русского человека.

Ключевые слова: концепт, концепт прощение, концепт извинение, межконцептуальные взаимосвязи

Для цитирования: Ван Мэнъяо. Концепты “прощение” и “извинение” в русском языке: межконцептуальные связи // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 31 – 36.

Поступила в редакцию: 23 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹ Wang Mengyao

¹ Moscow Pedagogical State University

The concepts “forgiveness” and “apology” in the Russian language: interconceptual links

Abstract: the article investigates the interconceptual links between forgiveness and apology in the Russian linguistic picture of the world. Based on the analysis of data from dictionary sources and examples of fiction text, the author demonstrates that their interaction reflects the uniqueness of Russian culture, including practical features of everyday communication and the metaphysical ideal of spiritual purification. Particular attention is paid to linguocultural markers: the role of etiquette formulas («извините» and «простите») and their connection with Orthodox tradition and Russian mentality are analysed. The results of the study can be used to understand the Russian conceptosphere and clarify the linguistic consciousness of the Russian person.

Keywords: concept, the concept forgiveness, the concept apology, inter-conceptual interrelationships

For citation: Wang Mengyao. The concepts “forgiveness” and “apology” in the Russian language: interconceptual links. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 31 – 36.

The article was submitted: May 23, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

В рамках современной российской лингвистической концептологии особый интерес представляют морально-этические концепты, с помощью изучения которых можно исследовать языковое сознание русского народа и концептосферу русского языка. Концепты прощение и извинение, занимающие важное место в рус-

ской коммуникативной культуре, отражают сложное взаимодействие между языковыми формами и культурными традициями. Целью данной работы является выявление когнитивных признаков данных концептов посредством анализа репрезентаций концептов в лексикографических источниках и в текстах художественных произведений.

Задачи данного исследования заключаются в следующем: выявить когнитивные признаки исследуемых концептов на основе анализа их дефиниций в лексикографических источниках; охарактеризовать языковые средства репрезентации концептов прощение и извинение в художественном дискурсе; обобщить результаты анализа для формулирования выводов об особенностях данных признаков в русской лингвокультуре.

Материалы и методы исследований

Методами исследования послужили концептуальный анализ, лексикографический анализ, анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ, интерпретационный анализ, семантический анализ и сравнительно-сопоставительный метод.

Объектом исследования выступают лингвокультурные концепты прощение и извинение, рассматриваемые как ментальные образования в русской языковой картине мира, а предметом исследования являются их когнитивные признаки, понимаемые как смысловые компоненты, составляющие содержание исследуемых концептов. В качестве материала исследования послужили данные лексикографических источников, включая Этимологический словарь русского языка М. Фасмера, Толковый словарь русского языка В.И. Даля, Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Новый объяснительный словарь синонимов русского языка Ю.Д. Апресяна, В.Ю. Апресяна и Е.Э. Бабаевой, а также корпусные данные: примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и тексты художественных произведений.

Результаты и обсуждения

Концепты в когнитивной лингвистике обычно понимаются как те идеальные, абстрактные единицы, которыми оперирует человек в процессе мыслительной и вербальной деятельности; в языке концепт может вербализоваться посредством различных языковых единиц: отдельных слов, словосочетаний, фразеологических единиц, предложений и целых текстов [3, с. 39-43]. Для исследования концепта прощение необходимо рассмотреть связанный с ним концепт извинение, поскольку прощение и извинение практически являются синонимами в повседневном обиходе и на политическом уровне [9, с. 46]. Изучению и обсуждению феномена прощения и извинения с лингвистической, философской и социологической точек зрения посвящены работы российских и зарубежных ученых.

Существительное прощение как основное средство репрезентации концепта прощение происходит от глагола прощать (простить), далее из праславянского языка *prostiti, от которого в числе прочего произошли: древнерусское слово простити, также «исцелить». В древнерусском языке глагол простити означал не только «избавить от вины», но и «освободить» (например, от долгов, обязательств или физических ограничений). Связано с *prostъ, которое в древнерусском языке означало «прямой, свободный, открытый, пристой» [10, с. 380]. А лексема извинение этимологически связано со словом вина. Вина в этимологическом словаре объясняется «причина, основание» [11, с. 316]. В словаре В.И. Даля слово вина понимается как «начало, причина, источник, повод, предлог // Провинность, проступок, преступление, прегрешение, грех (в знач. проступка), всякий недозволенный, предосудительный поступок...» [4, с. 75]. Основные лексические средства репрезентации концепта прощение и извинение также встречаются в толковых словарях русского языка. В «Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова» не содержится отдельного толкования слова прощение, но можно уточнить толкование глагола простить: совершенный вид, кого-что и что кому-чему. 1. Не поставить в вину чого-н., извинить. Простить шалуна. Простить невольную ошибку. Простите, я сказал это непреднамеренно. 2. Освободить от какого-н. обязательства. Простить долг кому-н. 3. Повелительное наклонение прости(те) употребляется также в значении прощай (устар.). Последнее прости (сказать; высок.) – проститься навеки (с умершим) [7, с. 503]. извинение толкуется как: 1. см. извиниться. (1. Попросить прощения; 2, чем. Привести что-н. в своё оправдание (устар.)) 2. Основание для оправдания. Леность не может служить извинением [7, с. 203]. В том же словаре также дается толкование извинить: совершенный вид глагола, кого-что. 1. То же, что простить (в 1 знач.). Извините за беспокойство. 2. Оправдать чем-н. (устар.) Извинить поступок молодостью [7, с. 203]. На основе представленных словарных толкований можно выявить следующие основные аспекты.

Слова «прощение» и «извинение» соотносятся с глаголами «простить» и «извинить», образуя в сочетании с императивом «просить» перформативные высказывания «Прошу прощения» и «Прошу извинения», которые выступают в русском коммуникативном этикете как вежливые формулы извинения [5, с. 66]. Например:

Я ошибся. Прошу прощения. Прощаю, – величественно кивнул я (Вера Белоусова. Второй выстрел);

Я даже не знаю, как вас зовут. Но искренне прошу извинения (Сергей Романов. Парламент).

В основном «простить» и «извинить» используются в диалоге, где они выполняют функцию просьбы и употребляются в форме повелительного наклонения. «Прости/те» как широкоупотребительная форма извинения, просьбы о прощении. От синонимичной формы «Извини/те» отличается большей употребительностью в сфере обиходно-разговорной речи и просторечия [2, с. 423]. Например:

Простите, я не знал, что это слишком гласно. Княгиня (А.С. Грибоедов. Горе от ума);

Я понимаю. Простите, я надоела вам. Нина показывается около дома; она рвет цветы (А.П. Чехов. Чайка);

Какие же глупости... но извините, это слишком нескромно... (М.Ю. Лермонтов. Два брата);

Ma chère Фидель, ты извини меня, что так давно не писала (Н.В. Гоголь. Записки сумасшедшего).

«Прости/те» употребляется в основном в устном контактном общении как форма извинения за неловкое поведение, доставленное беспокойство, неудобство, незначительный проступок. Например:

Простите, я опять зафилософствовался. Позвольте продолжать, господа (А.П. Чехов. Три сестры);

– Если моя просьба неуместна, то, пожалуйста, простите меня (Л.Н. Толстой. Воскресение);

– Простите за нескромность, – возвысил он голос, – но ведь вы знаете, я был нарочно извещен (Ф.М. Достоевский. Бесы).

Также «Прости/те» употребляется при извинении за невольное или вынужденное нарушение норм этикета:

Простите, Шарлотта Ивановна, я не успел еще поздороваться с вами (А.П. Чехов. Вишневый сад);

«– Нет, вы меня, Дмитрий Иванович, простите, если я не то делаю, что вы хотите», – сказала она, глядя ему в глаза своим косым таинственным взглядом (Л.Н. Толстой. Воскресение).

Прости(те) используется как обычный знак внимания, вежливости:

Двери? – оживился Гриша. Простите, вас как звать? Петр Сергеевич, очень приятно (В.О. Пелевин. Желтая стрела);

В общем, заходит Артур к машинисткам и говорит: Простите, я думал, это есть уборная (С.Д. Довлатов. Чемодан).

«Простить» и «извинить» позволяют обратить внимание на чувства субъекта, который готов «не держать зла» на обидчика, как бы стерев его плохой поступок и аннулировав (забыв) его вину перед собой:

Павел Федорович Протасов: Я понимаю, ты обижена... прости, извини, забудь! (Максим Горький. Дети солнца (сцены));

Простите меня, забудьте меня: я не стою вас (И.С. Тургенев. Дым);

Извини и не дуйся: не если, а когда (Михаил Блехман. В-р // «Ковчег»); (Говорящий хочет, чтобы собеседник не сердился);

Милое мое дитя, прости... Прости свою грешную мать. Прости меня, несчастную (А.П. Чехов. Чайка);

Но у глаголов «простить» и «извинить» существуют различия. «Простить» является словом с наиболее широким значением. И «простить», и «извинить» сосредоточены на снятии вины; в отличие от «извинить», «простить» также подчеркивает отказ прощающего от наказания. Например:

Началось целое дело, и княгиня два часа, со слезами на глазах, умоляла свою родственницу простить Катю и позволить ее не наказывать, взяв в соображение, что она больна (Ф.М. Достоевский. Неточка Незванова).

Еще одно различие между «простить» и «извинить» заключается в том, что в случае с просьбой о прощении первое предполагает большую искренность говорящего, искреннее раскаяние, сожаление о содеянном, а иногда даже стыд. Но для «извинить» этого не обязательно [6].

Или с сознанием правоты и с гордым спокойствием примет мое раскаяние и простит меня? (Л.Н. Толстой. Семейное счастье);

Я всё, всё скажу ему, всё выплачу перед ним слезами раскаяния, – думала я, – и он простит меня» (Л.Н. Толстой. Семейное счастье);

Волнуемая стыдом и отчаянием, Полинька с ужасом припоминала свои оскорбительные слова, свои подозрения, все поведение свое с горбуном и готова была упасть на колени перед умирающим, чтоб он простил ее и сколько-нибудь облегчил ее совесть (Н.А. Некрасов, А.Я. Панаева. Три страны света);

Этимология и словарные дефиниции ключевых лексем репрезентации концептов прощение и извинение также раскрывают их глубинные культурные связи: глагол «простить», восходящий к праславянскому *prostъ («прямой, свободный»), исторически объединял физическое освобождение (от долгов) и моральное очищение (от вины). В современном значении это слово сохранило оба смысла: как прощение в моральном смысле (как в религии, например: Прости меня Бога ради. Бог простит, сказала Ксения (Евгений Водолазкин. Лавр); Ну это зависит от Бога: помиловать его, даровать прощение или нет (Владислав Крапивин, Ди-

митрий Струев. Дорога негаснущей надежды)), так и официальное прекращение обязательств (как в юриспруденции, например: уточняется, что формы реструктуризации задолженности могут быть разными, включая прощение долга в особых ситуациях и отказ от взыскания на заложенное по обязательствам имущество (Пострадавшим от стихии на юге России предложили реструктурировать кредиты // Парламентская газета, 2021.07.13)). В отличие от этого, извинение, связанное с виной как причиной и провинностью, развились в инструмент социального компромисса, где рациональное объяснение смягчает конфликт, но не устраняет его полностью (например: Мы, конечно, приносим извинения за шум, но пилу включаем только днем, соблюдаем все правила, в десять вечера работа прекращается, поэтому претензии... (Дарья Донцова. Доллары царя Горюха)).

С точки зрения культурно-антропологического подхода «простить» и «прощение» в русском языке связаны с религиозным мировоззрением, особенно с христианской традицией, где прощение грехов воспринимается как акт божественной милости и духовного преображения [8, с. 80]. Например: Простите ради Христа, – повторил Иван Петрович и низко поклонился (Л.Н. Толстой. Декабристы); Бог ему простит – и, надеюсь, вам также! (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени). В православной традиции, как уточняет Е.В. Алтабаева, «прощение в православии концептуально было связано с идеей освобождения, оставления, отпущения обид, грехов» [1, с. 9]: Этот обряд прежде всего покаянный, а в ответ на наше покаяние Господь изливает на нас Свою благодать прощения грехов и телесного исцеления. [митрополит Антоний (Блум). Страстная седмица]. А концепт извинение в русском языке имеет следующие коннотации: он может означать искреннее оправдание, проявление вежливости или даже скрытый отказ. Например:

Вы извините меня, что я не привез вам гостинца, потому что, признаюсь, не знал даже, живете ли вы на свете, но теперь, как приеду, непременно привезу (Н.В. Гоголь. Мертвые души); Извините, что я вас так много утружаю присутствием моей малой особы, которая в присутствии вашем... (Н.А. Некрасов. Без вести пропавший пиита) (искреннее оправдание).

Извините, господа, на одну минуточку вас оставлю (Н.В. Гоголь. Игрохи); «Ах, извините!» говорил Чичиков очень учиально, схвативши его за обе руки: «у нас было столько дел; но завтра же всё будет сделано, завтра непременно, право, мне даже совестно!» (Н.В. Гоголь. Мертвые души. Том первый) (проявление вежливости).

Тут уж, извини, я тебя поддержать никак не могу (Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру); Извините, Алексей Петрович, мне нельзя исполнить вашего желания: в среду я еду в деревню, а завтра приеду с вами проститься (И.А. Гончаров. Лихая болесть)) (скрытый отказ).

Стоит отметить, что «Извиняюсь» как разговорная форма несёт односторонний характер: самовосприятие вины без требования реакций, в отличие от этикетной просьбы «извините». Этикетная норма «извините» остается предпочтительной для демонстрации подлинного раскаяния, так как включает признание ответственности и готовность к восстановлению коммуникативного баланса. Ср. Извиняюсь, товарищ генерал. Кстати, усвойте, лейтенант Ночкин, поборник патриархата: говорить «извиняюсь» невежливо. Это значит: «извиняю себя», «снимаю с себя вину». Воспитанные люди говорят: «Извините» или «Извините, пожалуйста», а по уставу: «Виноват». Поняли? Понял. Извиняюсь, товарищ генерал. И. Грекова. На испытаниях.

Выводы

Как справедливо отмечает Е.В. Алтабаева, концепт прощение имеет «разветвленные межконцептуальные связи с концептами ВИНА, ИЗВИНЕНИЕ, ПОКАЯНИЕ, ИСКУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ, ПОМИЛОВАНИЕ, ОТПУЩЕНИЕ, ГРЕХ, ДУША, БОГ, ВЕРА, РЕЛИГИЯ, ЧЕЛОВЕК, МИР, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО, СУДЬБА, ОБИДА, СМИРЕНИЕ, РАСКАЯНИЕ» [1, с. 11]. Изучение концептов, связанных с концептом прощение, помогает нам раскрыть новые коннотации презентаций концепта прощение. В русском языке концепты прощение и извинение являются двумя схожими концептами, но они проявляют свою специфику через конкретные коммуникативные ситуации и культурные контексты. Прощение – это внутренний процесс психологической адаптации, предполагающий отказ от негативных эмоций (обиды, гнева) и пересмотр субъективных представлений о конфликте, независимо от внешнего поведения обидчика. В отличие от этого, извинение – это социальное компенсаторное поведение, направленное на восстановление коммуникативного баланса путем верbalного или реального признания факта нарушения норм. Хотя оба концепта связаны с преодолением межличностных конфликтов, их функции принципиально различны: прощение фокусируется на изменении личностного отношения к ситуации (субъект-объектная динамика), тогда как извинение предполагает формальное урегулирование последствий поступка в системе социальных ожиданий (субъект-субъектное взаимодействие). В общем, прощение и извинение связаны, но

не взаимозаменяемы. Концепты прощение и извинение, будучи внешне близкими в русской языковой картине мира, раскрывают глубинное семантическое и культурное расхождение, уходящее корнями в историю, религию и социальные практики.

Список источников

1. Алтабаева Е.В. Концептуализация прощения в русском языковом сознании // Дискурсивные практики в цифровую эпоху: традиции и инновации: сборник статей по материалам Международной научной конференции. Нижний Новгород, 4-5 апреля 2024 г. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2024. С. 6 – 13.
2. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций: 4-е изд., испр. и доп. М-во обр. и науки РФ. Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоциация лингвистов-когнитологов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современное описание / сост. Ю.М. Медведев. М.: Издательство АСТ, 2023. 735 с.
5. Ли Сюэянь. Концепт "извинение" в языковой картине мира русских с точки зрения носителя китайского языка и культуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2006. № 1. С. 66 – 71.
6. Апресян Ю.Д., Апресян В.Ю., Бабаева Е.Э. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2004. 1488 с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений: 27-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс», 2012. 736 с.
8. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / пер. с нем. Е. Арапова. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.
9. Томильцева Д.А. извинение и прощение: различия в социальных аспектах употребления // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 8 (52). С. 45 – 49.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: 2-е изд., стер. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка (А-Д) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева, под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 576 с.

References

1. Altabaeva E.V. Conceptualization of forgiveness in the Russian linguistic consciousness. Discursive practices in the digital age: traditions and innovations: a collection of articles based on the materials of the International scientific conference. Nizhny Novgorod, April 4-5, 2024. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2024. P. 6 – 13.
2. Balakai A.G. Dictionary of Russian speech etiquette: 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: AST-PRESS, 2001. 672 p.
3. Boldyrev N.N. Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics: a course of lectures: 4th ed., corrected and enlarged. Moscow State University of Education and Science of the Russian Federation. Tambov State University named after G.R. Derzhavina, Russian Association of Cognitive Linguists. Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2014. 236 p.
4. Dahl V.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language: Modern Description. Compiled by Yu.M. Medvedev. Moscow: AST Publishing House, 2023. 735 p.
5. Li Xueyan. The Concept of "Apology" in the Linguistic Picture of the World of Russians from the Point of View of a Native Speaker of the Chinese Language and Culture. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Educational Issues: Languages and Specialty. 2006. No. 1. P. 66 – 71.
6. Apresyan Yu.D., Apresyan V.Yu., Babaeva E.E. New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language: 2nd ed., corrected and add. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 1488 p.
7. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language: Approx. 100,000 Words, Terms, and Phraseological Expressions: 27th ed., corrected. Moscow: OOO Izdatelstvo Onyx, 2012. 736 p.
8. Rathmayr R. Pragmatics of Apology: A Comparative Study Based on the Russian Language and Russian Culture. Trans. from German by E. Aralova. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2003. 272 p.
9. Tomiltseva D.A. Apology and Forgiveness: Differences in Social Aspects of Use. Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2010. No. 8 (52). P. 45 – 49.

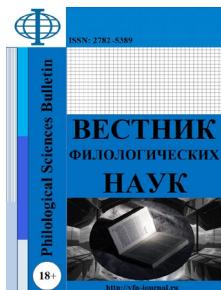
10. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: 2nd ed., erased. Trans. from Germ. and add. O.N. Trubacheva. M.: Progress, 1987. Vol. 3. 832 p.

11. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language (A-D). Trans. from Germ. and add. O.N. Trubacheva, ed. and with a preface of B.A. Larina. M.: Progress, 1986. Vol. 1. 576 p.

Информация об авторах

Van Мэнъяо, кафедра русского языка, Московский педагогический государственный университет,
949865328@qq.com

© Van Мэнъяо, 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.111

¹ Вихрова К.А.

¹ Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица

Сюжетное функционирование виртуальной реальности в романе Филипа Дика «Лабиринт смерти»

Аннотация: в статье рассматриваются особенности функционирования виртуальной реальности в романе американского фантаста Филипа К. Дика «Лабиринт смерти». Выбор материала исследования обусловлен тем, что поле виртуальной реальности в этом произведении становится инструментом обсуждения ключевых для фантаста философских и религиозных мотивов. В рамках статьи исследуются вопросы трансформации восприятия реальности в ситуации радикальной онтологической неопределенности, которая возникает, когда разрушается полиэнцефалитный симуляционный мир, продукт взаимодействия человеческого сознания и компьютерной системы. Особое внимание уделяется системе имен персонажей как одному из инструментов символической организации художественного мира. Методология исследования представлена обзором научных работ, посвященных как творчеству Филипа Дика в целом, так и религиозно-философским аспектам его наследия, в частности. В результате проведенного анализа выявлено, что виртуальная реальность в романе функционирует, с одной стороны, как рекреационно-терапевтическая зона для сглаживания последствий психоэмоционального напряжения персонажей, оказавшихся в ловушке затерянного в космосе «корабля поколений»; с другой – как форма онтологического испытания, отражающая экзистенциальный кризис, переживаемый из-за утраты устойчивой картины мира, и поиски метафизического смысла.

Ключевые слова: Филип К. Дик, научная фантастика, виртуальная реальность, Лабиринт смерти, фикциональная реальность, инаковость, симуляция

Для цитирования: Вихрова К.А. Сюжетное функционирование виртуальной реальности в романе Филипа Дика «Лабиринт смерти» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 37 – 42.

Поступила в редакцию: 23 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹ Vikhrova K.A.

¹ St. Petersburg State Academy of Art and Design named after A.L. Stieglitz

The narrative functioning of virtual reality in Philip K. Dick's novel «A Maze of Death»

Abstract: the article deals with the peculiarities of virtual reality functioning in the novel of American science fiction writer Philip K. Dick «A Maze of Death». The choice of the research material is conditioned by the fact that virtual reality in this text becomes a tool for discussing philosophical and religious motifs key for the writer. The article explores the issues of transformation of reality perception in a situation of radical onto-logical uncertainty, which arises with the destruction of a polyence-phaletic simulation world, a product of interaction between human consciousness and computer system. Special attention is paid to the system of character names as one of the tools of symbolic organisation of the artistic world. The research methodology is represented by a re-

view of critical works devoted both to the works of Philip K. Dick in general and to the religious and philosophical aspects of his heritage in particular. The analysis reveals that virtual reality in the novel functions, on the one hand, as a recreational-therapeutic zone for smoothing out the consequences of psycho-emotional tension of the characters trapped in the 'generation ship' lost in space; on the other hand, as a form of ontological testing, reflecting the existential crisis experienced due to the loss of a stable picture of the world and the search for metaphysical meaning.

Keywords: Philip K. Dick, science fiction, virtual reality, *A Maze of Death*, fictional reality, otherness, simulation

For citation: Vikhrova K.A. The narrative functioning of virtual reality in Philip K. Dick's novel «A Maze of Death». Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 37 – 42.

The article was submitted: May 23, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы обусловлена растущим интересом к функционированию виртуальной реальности, которое давно прекратило быть проблемным полем научно-фантастической литературы, превратившись в важнейшую культурно-философскую концепцию. В рамках изучения разных аспектов виртуальной реальности проводятся исследования феноменов мышления и восприятия, границы истины и убеждений. Одним из писателей, предвосхитивших размышления о виртуальном пространстве, стал американский фантаст Филип Киндред Дик (Philip Kindred Dick, 1928-1982). Его творческое наследие привлекает внимание как западных, так и отечественных исследователей. Среди наиболее значимых исследований, посвященных его текстам, можно выделить монографию Дж. Веста [16], в которой произведения писателя рассматриваются сквозь призму постмодернистской эстетики; исследование У. Росси [14], в котором внимание сосредоточено на проблеме онтологической неопределенности как ключевом элементе диковинского мира; работу Л. Куцукалич [10] в которой подчеркивается философская значимость рассуждений Дика, предвосхитивших вызовы и парадоксы цифровой эпохи. Особое место занимает фундаментальное исследование П. Уоррик [17], одной из первых систематизировавшей наследие Дика и принимавшей участие в подготовке к публикации его рассказов. Среди работ отечественных литературоведов выделяются исследования О.Ю. Анцыферовой, рассматривающей тексты Дика в контексте трансгуманизма [2], а также в постколониальном, антропологическом и теологическом аспектах [1].

Как отметил литературный критик в статье, выпущенной в журнале «The New York Times» через четверть века после смерти писателя, творчество Дика отличается ярко выраженным визионерским характером и тяготеет к сюрреалистической образности; его можно рассматривать как американского наследника трансценденталистской традиции, восходящей к Ральфу Уолдо Эмерсону, сформулировавшему идею «доверия к себе» [13]. Однако у Дика эта идея оборачивается противоположностью: его персонажи переживают состояние глубокой экзистенциальной нестабильности, связанной с утратой доверия к собственному восприятию, с разрушением целостной картины мира. Их видение реальности радикально нарушено как вследствие особенностей индивидуального восприятия, так и под влиянием внешних условий, присущих фантастическому пространству романов. Ключевую роль в интерпретации произведений писателя играет категория инаковости, понимаемая как форма отчуждения – человека от самого себя, результатов своей деятельности и трансцендентного начала [1].

Исследование природы реальности и механизмов человеческого восприятия, проводимое Диком на философско-художественном уровне, получает воплощение в сюжетной структуре множества произведений: в его романах и рассказах активно осмысливаются такие явления, как альтернативные исторические траектории (например, в романе «Человек в высоком замке» («The Man in the High Castle», 1962)), параллельные реальности («Когда наступит прошлый год» («Now Wait for Last Year», 1966)), различные формы психических нарушений и зависимостей («Помутнение» («A Scanner Darkly», 1977)). При этом создаваемые Диком миры могут быть как «аутентичными», т.е. обладающими онтологической стабильностью и устойчивостью, так и симулятивными, иллюзорными. Герои Дика нередко оказываются то в измененных версиях прошлого, настоящего или будущего, влияющих на структуру других уровней бытия, то в замкнутых пространствах собственного сознания (в сновидениях, галлюцинациях, религиозных видениях), не имеющих прямого воздействия на объективную действительность, но радикально трансформирующих внутреннюю реальность субъекта [7].

Так, в сравнительно мало изученном романе Дика «Лабиринт смерти» («A Maze of Death», 1969) [3] особенности работы человеческого сознания рассматриваются в контексте функционирования виртуальной реальности, которая приобретает особый статус: это не фон, а полноценный сюжетообразующий элемент, определяющий поведение персонажей и логику развития повествования. Цели и задачи исследования состоят в попытке ответить на вопрос об особенностях художественного воплощения, функциях и аксиологическом статусе виртуальной реальности в романе Дика «Лабиринт смерти».

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужил текст романа Филипа Дика «Лабиринт смерти». Данное произведение было выбрано, поскольку в нем виртуальная реальность функционирует как инструмент исследования ключевых для писателя философских и онтологических мотивов: утраты границы между реальным и иллюзорным, религиозного поиска как потенциальной формы выхода за пределы эмпирического опыта. Особое значение также имеет то обстоятельство, что сама структура романа деконструирует художественную реальность, внутри которой герои переживают не только физическую, но и духовную дезориентацию. Таким образом, в рамках изучения функционирования виртуального пространства в тексте появляется возможность проанализировать его включение в нарратив в качестве фактора разрушения устойчивой картины мира.

В статье применяется метод интертекстуального анализа, а также описательно-аналитический метод. Они позволяют выявить культурные, философские и религиозные коды и проанализировать сюжетные и композиционные особенности романа.

Результаты и обсуждения

В кратком предисловии к роману Филип Дик проблематизирует «реальность» событий художественного произведения: он предупреждает, что в тексте «весьма субъективное отношение к происходящему», и побуждает читателя воспринимать описываемые события «опосредованно, через сознание персонажа» [3, с. 7]. Характерно, что иллюзия реальности/реалистичности поддерживается в романе типичным для произведений фантаста повествованием от ограниченного третьего лица с постоянным изменением фокального персонажа, унаследованным от Альфреда ван Богта, автора предыдущего поколения, оказавшего на Дика значительное влияние [9].

В центре сюжета «Лабиринта смерти» оказываются четырнадцать колонистов, прилетевших на планету Дельмак-Ноль: это тринадцать специалистов, заключивших контракт с неизвестными условиями, и теолог, прибывший ради молитвы единому божеству этого мира. Условия жизни на пустынной планете тяжелы, а наниматель не выходит на связь. Напряженную ситуацию усугубляют таинственные убийства, вынуждающие колонистов исследовать планету. В результате они обнаруживают желатиновые кубы – тенчи, – разговаривающие цитатами из древнекитайской «Книги перемен», которая часто возникает на страницах романов Дика [4, с. 205], и загадочное Здание, куда устремляются в поисках ответов, однако получают лишь голографические надписи в соответствии со своими жизненными установками. В группе царит паранойя и враждебность, выливающиеся в ожесточенные конфликты. Наконец, колонисты обнаруживают у себя на коже вытатуированную надпись: «Пегасус-Девять». Они обращаются с вопросами к тенчу, но тот взрывается, инициируя разрушение всего окружающего мира, фактически – симуляционной реальности. Члены группы приходят в себя на борту сбившегося с курса «корабля поколений» – «Пегасуса-Девять», – к ним возвращается память и приходит понимание, что мир Дельмака-Ноль – продукт полиэнцефалической иллюзии, которую они сами создали с помощью бортового компьютера, оказавшись в западне мертвой звезды.

С самого начала становится очевидным, что особую роль в «Лабиринте смерти» играет система говорящих имен. Одним из наиболее значимых в этом контексте является имя Сета Морли, чьими глазами видится большинство событий. Его интерпретация допускает несколько культурно-мифологических трактовок. С одной стороны, имя отсылает к древнеегипетскому божеству разрушения, хаоса и пустыни. «Древнеегипетская ипостась» – зловещая и неоднозначная фигура, связанная с насилием, смертью и изоляцией, – соответствует внутреннему кризису героя его фактической отчужденности и амбивалентной природе окружающего мира. С другой стороны, библейский Сет (в русскоязычной традиции – Сиф) – третий сын Адама и Евы, рожденный после убийства Авеля, призванный восстановить прерванную линию человеческого рода. Известно, что Филип Дик живо интересовался древними эзотерическими учениями [5], а, согласно каббалистическим толкованиям, именно Сифу Адам передал эзотерическое знание, что делает этого персонажа «Лабиринта смерти» носителем глубинной духовной преемственности. Такое двойственное значение имени Сета Морли – между символикой разрушения и миссией духовного продолжения – подчеркивает антагонистическое напряжение между гибелью и надеждой, хаосом и откровением, проходящее через весь роман. Говорящие имена других персонажей также нередко несут религиозные, философские или иронические коннотации: так, фамилия То-

ни Дункльвельта – происходит от немецкого «Dunkelwelt» («темный мир»), Игнаца Тага – от английского «thug» («головорез»), Бена Толчифа – от английского «tallchief» («высокий вождь, начальник») и т.д. Это формирует дополнительный смысловой пласт, усиливающий общее ощущение симуляционной, тщательно сконструированной реальности.

Кроме того, роман отличает сложная рекурсивная художественная техника. Основное действие происходит в режиме формульного детектива в духе «Десяти негритят» («Ten Little Niggers», 1939) Агаты Кристи [15], который оборачивается психоделическим, галлюцинаторным ужасом. Трансформацию инициирует недоверие персонажей к себе (собственному восприятию), друг другу и окружающей реальности, отсутствие добровольного и честного взаимодействия. Фактическая реальность «Пегасуса-Девять» наполнена нарастающей (авто)агрессией, переносимой в виртуальный мир. Переход в иллюзию оказывается необходимым не только для экономии энергии корабля, но и для ослабления деструктивных побуждений членов экипажа. Конституирующими элементом повествования в «Лабиринте смерти» – как и во многих других произведениях Дика [8] – выступает всеобщая паранойя.

Повествование «закольцовывается», когда Сету является бог из полизэнцефалитной симуляции, и герой просит его о смерти и перерождении в виде кактуса, чтобы «ощущать солнце и не забывать о себе» [3, с. 312]. Это отчетливое свидетельство взаимопроникновения реального и виртуального в психике персонажа. В связи с сценой явления бога возникает вопрос о границе между материальным и психическим: результатом функционирования внутреннего мира персонажа, явленного в виртуальности, становится его самоубийство в подлинной реальности. Однако это самоубийство окружено знаками виртуальности: Сет испытывает все то же отчаяние, что и на Дельмаке-Ноль, он апеллирует к симуляционному богу и изобретенной в симуляции религии. Смерть выводит Сета из мучительного ожидания помощи в реальности и необходимости проводить время в симуляции, которая никогда ничем хорошим не оканчивается. Хотя у персонажей случались более удачные опыты, длившиеся несколько месяцев симуляционного времени, в итоге они все равно приходили к насилию. Так импульсы их психики, подавленной реальностью, находили выход в симуляции, материальный мир воздействовал на симуляционный.

«Лабиринт смерти» представляет собой научно-фантастический текст, в котором технология и мистика переплетаются в основании своеобразной метафизики человеческого существования. Центральную роль в симуляционном измерении играет фигура Заступника, которому поклоняются герои, и Разрушителя Формы, Божество-над-Божеством. Эта религиозная система, очевидно, восходит к гностическим представлениям, которые нередко эксплицируются и в других текстах Дика [6]. Персонажи «Лабиринта смерти» оказываются в ситуации, аналогичной гностической концепции: они заточены в ложном мире, созданном не благим Богом, а неким симулякром, что отражает их подсознательное недоверие к эмпирическому и технологически сконструированному бытию. Религиозная вера героев становится ловушкой, поскольку обращена к инстанции, существование которой поставлено под сомнение.

Особое внимание в романе уделено мотиву откровения, которое оборачивается откровением ужаса: осознание того, что вся реальность – виртуальная симуляция, помещенная в сознание нескольких людей которым суждено умереть на борту дрейфующего корабля, затерявшегося в бесконечной тьме Вселенной [12]. Это откровение не приближает их к истине или спасению, но, напротив, усиливает чувство онтологической дезориентации. При этом финал романа сохраняет амбивалентность: несмотря на разоблачение симуляции, Сет Морли продолжает верить и молиться: это жест экзистенциальной надежды, свидетельство невозможности окончательного отказа от веры даже в условиях ее полной дискредитации.

Выводы

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что в романе «Лабиринт смерти» Филип Дик проводит художественно-философское изучение виртуальной реальности и ее функций. Формально потенциал симуляции сводится к психологической терапии и рекреации: погружения в симуляцию позволяет персонажам отвлечься от ужаса своего безнадежного положения и снизить уровень агрессии, который неизбежно повышается в замкнутом пространстве затерявшегося космического корабля. С другой стороны, виртуальная реальность выступает еще одним средством отчуждения, ставящим под вопрос адекватность человеческого восприятия: раз за разом конструируя новые миры у себя в сознании с помощью бортового компьютера, обитатели корабля неизбежно приходят к разочарованию от тщетности попыток изменить разрушительный сценарий грядущей катастрофы.

Религиозное измерение в «Лабиринте смерти» неотделимо от темы виртуальной реальности. Дик демонстрирует, как вера используется для легитимации искусственной онтологической системы, но также и в качестве «последней линии обороны» человеческого сознания перед лицом пустоты.

Одним из перспективных направлений дальнейшего исследования может стать сопоставительное изучение «Лабиринта смерти» с другими текстами писателя, в частности, с романом «Когда наступит прошлый год», в котором моделирование реальности осуществляется через искусственно вызванные психические состояния и перемещения в субъективно переживаемое прошлое. Кроме того, представляется важным провести более детальный анализ религиозно-мистических аллюзий и гностических мотивов в «Лабиринте смерти», что позволит реконструировать систему философской метафизики этого художественного мира.

Список источников

1. Анцыферова О.Ю. Осмысление проблемы инаковости Филиппом К. Диком: постколониальный, антропологический и теологический аспекты // Филология и культура. 2019. № 2. С. 114 – 121.
2. Анцыферова О.Ю. Фантастические миры Филипа К. Дика // Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX-XXI вв.: коллективная монография. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 227 – 233.
3. Дик Ф. Лабиринт смерти / пер. с англ. Г. Корчагина. М.: Эксмо, 2022. 320 с.
4. Сутин Л. Филип К. Дик. Жизнь и Всевышние вторжения / пер. с англ. Е. Беренштейна. М.: Эксмо, 2020. 608 с.
5. Canaan H. Time and Gnosis in the Writings of Philip K. Dick // Hungarian Journal of English and American Studies. 2008. Vol. 14. No. 2. P. 335 – 355.
6. DiTommaso L. Gnosticism and Dualism in the Early Fiction of Philip K. Dick // Science Fiction Studies. 2001. Vol. 28. No. 1. P. 49 – 65.
7. Enns A. Media, Drugs, and Schizophrenia in the Works of Philip K. Dick // Science Fiction Studies. 2006. Vol. 33. No. 1. P. 68 – 88.
8. Freedman C. Towards a Theory of Paranoia: The Science Fiction of Philip K. Dick. Science Fiction Studies. 1984. Vol. 11. No. 1. P. 15 – 24.
9. Huntington J. Philip K. Dick: Authenticity and Insincerity // Fiction Studies. 1988. Vol. 15. No. 2. P. 152 – 160.
10. Kucukalic L. Philip K. Dick: Canonical Writer of the Digital Age. London: Routledge, 2008. 192 p.
11. Lem S. Philip K. Dick: A Visionary among the Charlatans // Science Fiction Studies / trans. by R. Abernathy. 1975. Vol. 2. No. 1. P. 54 – 67.
12. Palmer Ch. Generation Starships and After: 'Never Anywhere To Go But In'? // Extrapolation. 2003. Vol. 44. No. 3. P. 311 – 330.
13. Philip K. Dick: A pulp sci-fi writer finally wins respect May // The New York Times. 2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/05/09/arts/09iht-pulp.1.5634129.html> (дата обращения: 03.04.2025).
14. Rossi U. The Twisted Worlds of Philip K. Dick: A Reading of Twenty Ontologically Uncertain Novels. Jefferson: McFarland, 2011. 316 p.
15. Suvin D. Goodbye and Hello: Differentiating Within the Later P.K. Dick // Extrapolation. 2002. Vol. 43. No. 4. P. 368 – 397.
16. Vest J.P. The Postmodern Humanism of Philip K. Dick. Lanham: The Scarecrow Press, 2009. 248 p.
17. Warrick P.S. Mind in Motion: The Fiction of Philip K. Dick. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1987. 248 p.

References

1. Antsyferova O.Yu. Understanding the Problem of Otherness by Philip K. Dick: Postcolonial, Anthropological, and Theological Aspects. Philology and Culture. 2019. No. 2. P. 114 – 121.
2. Antsyferova O.Yu. Fantastic Worlds of Philip K. Dick. Paradigms of Transition and Images of the Fantasy World in the Artistic Space of the 19th – 21st Centuries: Collective Monograph. Nizhny Novgorod: National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2019. P. 227 – 233.
3. Dick F. Labyrinth of Death. Translated from English by G. Korchagin. Moscow: Eksmo, 2022. 320 p.
4. Sutin L. Philip K. Dick. Life and the Most High Incursions. Trans. from English E. Berenstein. M.: Eksmo, 2020. 608 p.
5. Canaan H. Time and Gnosis in the Writings of Philip K. Dick. Hungarian Journal of English and American Studies. 2008. Vol. 14. No. 2. P. 335 – 355.
6. DiTommaso L. Gnosticism and Dualism in the Early Fiction of Philip K. Dick. Science Fiction Studies. 2001. Vol. 28. No. 1. P. 49 – 65.

7. Enns A. Media, Drugs, and Schizophrenia in the Works of Philip K. Dick. *Science Fiction Studies*. 2006. Vol. 33. No. 1. P. 68 – 88.
8. Freedman C. Towards a Theory of Paranoia: The Science Fiction of Philip K. Dick. *Science Fiction Studies*. 1984. Vol. 11. No. 1. P. 15 – 24.
9. Huntington J. Philip K. Dick: Authenticity and Insincerity. *Fiction Studies*. 1988. Vol. 15. No. 2. P. 152 – 160.
10. Kucukalic L. Philip K. Dick: Canonical Writer of the Digital Age. London: Routledge, 2008. 192 p.
11. Lem S. Philip K. Dick: A Visionary among the Charlatans. *Science Fiction Studies* / trans. by R. Abernathy. 1975. Vol. 2. No. 1. P. 54 – 67.
12. Palmer Ch. Generation Starships and After: ‘Never Anywhere To Go But In’? *Extrapolation*. 2003. Vol. 44. No. 3. P. 311 – 330.
13. Philip K. Dick: A pulp sci-fi writer finally wins respect May. *The New York Times*. 2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/05/09/arts/09iht-pulp.1.5634129.html> (date of access: 03.04.2025).
14. Rossi U. The Twisted Worlds of Philip K. Dick: A Reading of Twenty Ontologically Uncertain Novels. Jefferson: McFarland, 2011. 316 p.
15. Suvin D. Goodbye and Hello: Differentiating Within the Later P.K. Dick. *Extrapolation*. 2002. Vol. 43. No. 4. P. 368 – 397.
16. Vest J.P. The Postmodern Humanism of Philip K. Dick. Lanham: The Scarecrow Press, 2009. 248 p.
17. Warrick P.S. Mind in Motion: The Fiction of Philip K. Dick. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1987. 248 p.

Информация об авторах

Вихрова К.А., старший преподаватель, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, г. Санкт-Петербург, r2654256@gmail.com

© Вихрова К.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки)
УДК 81-11

¹ Воробьева Е.Н.

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Однодиктемный непарцеллированный зачин в новеллах К. Мэнсфилд

Аннотация: в работе анализируются монодиктемные непарцеллированные зачины в творчестве известной британской писательницы-новеллистки Кэтрин Мэнсфилд. Монодиктемный непарцеллированный зачин представляет собой структурно неосложненный элементарный тип зачина литературного произведения, графически оформленный в один абзац и объединенный одной микротемой. Интродуктивный сегмент новеллы рассматривается с опорой на понятие диктемы, обладающей особой текстостроительной функцией. Научные изыскания в области парадигматического синтаксиса, одним из направлений которого явилось учение о диктемной организации текста, открыли дополнительные возможности исследования индивидуального стиля автора литературного произведения. Таким образом, работа позволяет взглянуть на проблему описания идиостиля писателя с нового ракурса, рассмотрев его с позиций синтаксической теории текста. В этом заключается новизна проводимого исследования. Целью данной работы является изучение текстоорганизующего потенциала однодиктемного непарцеллированного зачина в новеллах К. Мэнсфилд. В результате проведенного анализа практического материала была выявлена частотность однодиктемного непарцеллированного зачина в творчестве английской писательницы, выделены структурно-тематические варианты зачинов данного типа, выявлены особенности их организации, описан их текстоорганизующий потенциал.

Ключевые слова: диктема, зачин, парцеляция, композиционно-речевая форма, экспрессивность

Для цитирования: Воробьева Е.Н. Однодиктемный непарцеллированный зачин в новеллах К. Мэнсфилд // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 43 – 48.

Поступила в редакцию: 23 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹ Vorobyova E.N.

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia

Single-dicteme unparcellated introductory unit in the short stories by K. Mansfield

Abstract: the paper analyzes the monodictemic unparcellated introductory units in the literary works of the famous British short story writer Katherine Mansfield. A monodictemic unparcellated introductory unit is a structurally uncomplicated elementary type of the beginnings of a literary work, graphically framed in one paragraph and united by one microthème. The introductory segment of the short story is considered on the concept of a dicteme, which has a specific textual function. Scientific research in the field of paradigmatic syntax, one of the directions of which was the doctrine of the dictemic organization of the text, opened up additional possibilities for studying the individual style of the author of a literary work. Thus, the work allows us to look at the problem of describing the writer's individual style from a new perspective, considering it from the standpoint of the syntactic theory of the text. This is the novelty of the conducted research. The purpose of this work is to study the text-organizing potential of a single-dicteme unparcellated introductory unit in K. Mansfield's stories. As a result of the analysis of the practical material, the frequency of single-topic unparcellated introductory units in the works of the English writer was

disclosed, structural and thematic variants of the introductory units of this type were identified, the features of their organization were revealed, and their text-organizing potential was described.

Keywords: *dicteme, introductory unit, parcellation, compositional-speech form, expressiveness*

For citation: Vorobyova E.N. Single-dicteme unparcellated introductory unit in the short stories by K. Mansfield. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 43 – 48.

The article was submitted: May 23, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

В стилистике декодирования начало литературного текста наряду с его заглавием, эпиграфом и концом входят в понятие сильной позиции и играют ключевую роль в декодировании авторского замысла. Именно они, как считается, выполняют функцию выдвижения и играют весомую роль в раскрытии темы и идеи художественного произведения. Под выдвижением понимается «помещение на первый план важнейших смыслов текста как сложного единства суждений и эмоций». Таким образом, функция выдвижения связана с установлением иерархии смыслов, фиксацией внимания на ключевых моментах, установлением связи между близкими и дистантными элементами, усилением эмоциональности и экспрессивности [1, с. 227-228]. Обращение к зачину новеллы представляет интерес как в плане изучения типологии зачинов, так и в плане анализа их типов в индивидуальном стиле автора. Этим и определяется актуальность проведенного исследования.

Зачин художественного произведения может соответствовать различным композиционно-речевым формам. Композиционно-речевые формы – это «сложные функциональные текстово-речевые единства, структурирующие мысль, упорядочивающие ее развитие и придающие ей целостность и законченность» [5, с. 74]. В соответствии с фундаментальными типами внутритекстовых связей выделяются следующие композиционно-речевые формы: «описание» (пространственное соположение), «сообщение» (временное следование) и «рассуждение» (связь логического развития) [5, с. 76].

Теоретической базой исследования послужило учение М.Я. Блоха о диктеме как элементарной единице текста [3, 4], а также системные исследования структурно-семантических и коммуникативно-функциональных особенностей зачинов текстов в работах В.В. Силаева [8-10].

Понятие диктемы было введено в трудах профессора М.Я. Блоха в рамках дискуссии о коммуникативных единицах языка. Диктема признается элементарной тематической единицей связной речи и, соответственно, текста, формируемой предложениями. По замечанию З.Д. Асратян, диктема «заполняет место между предложением и целым текстом» [2, с. 142]. Являясь базовой единицей тематизации, диктема служит основой для реализации текстовых категорий связности и цельности [4, с. 178]. Помимо тематизации в диктеме выявляются также и такие важнейшие функционально-знаковые аспекты речи как номинация, предикация и стилизация [3, с. 63].

В синтаксисе текста зачин определяется как «синтаксическое образование, занимающее начальную позицию в синтаксическом построении более высокого уровня – тексте – и входящее в это построение на положении составляющей его композиционной структуры» [8, с. 3-4]. В настоящий момент исследователи определяют объем начало текста рассказа от одного предложения до четырех абзацев [7]. Информационное содержание зачина описывается через его диктемный строй, «семантико-синтаксический облик его диктем» [8, с. 10]. Среди базовых типов зачина литературного произведения в первую очередь выделяется монодиктемный непарцеллированный зачин, равный одному абзацу [8, с. 14].

Материалы и методы исследований

В связи с поставленной в работе целью определяются следующие задачи исследования: анализ продуктивности монодиктемного непарцеллированного зачина; описание композиционно-речевых форм, организующих зачин данного типа; выявление их структурно-семантических особенностей, способствующих развертыванию текста, в центре которого находится внутренний мир действующего лица.

Для решения поставленных задач в работе использовалась комплексная методика лингвистического исследования. Основным методом являлся аналитико-описательный метод, а также элементы контекстуального и статистического анализов.

Материалом данного исследования послужили произведения мастера психологической новеллы начала XX века К. Мэнсфилд: Mansfield K. Collected Short Stories. Bungay, 1984. Всего было рассмотрено 59 новелл. Новелла К. Мэнсфилд отличается камерностью и представляет собой этюд на психологическую тему.

Результаты и обсуждения

По наблюдениям над фактическим материалом было установлено, что монодиктемные непарцеллированные зачины составляют 25% от общего количества рассмотренных зачинов новелл К. Мэнсфилд. Данный тип зачина представлен различными структурно-тематическими вариантами. Наиболее часто в этой группе зачинов встречается композиционно-речевая форма «сообщение о состоянии и переживании персонажа» (около 50%). Обратимся к примеру: 1) *When she opened the door and saw him standing there she was more pleased than ever before, and he too, as he followed her into the studio, seemed very, very happy to have come (Psychology).*

Диктема данного зачина организована по образцу причинно-результативного комплекса. Один из членов этого комплекса выражает состояние и реакцию действующих лиц и представлен составными именными сказуемыми. В первом случае экспрессивность именной части составного сказуемого увеличивается за счет употребления сравнительной степени, а во втором – повторением усилительного наречия. Второй член комплекса выражает причину возникновения данного состояния.

Но диктема такого типа не всегда организуется по данному образцу, прямая характеристика состояния героя может отсутствовать. В этом случае автором используются другие приемы для передачи внутреннего состояния героя. В примере, представленном ниже, радостное и возбужденное состояние героини передается рядом однородных сказуемых, выраженных акциональными глаголами. Глаголы действия вносят в сообщение динамизм и повышают его экспрессивность. Например: 2) *On those hot days Eve – curious Eve – always carried a flower. She snuffed it and snuffed it, twirled it in her fingers, laid it against her cheek, held it to her lips, tickled Katie's neck with it and ended, finally, by pulling it to pieces and eating it petal by petal (Carnation).*

В следующем примере К. Мэнсфилд изображает настроение героини путем использования модального составного глагольного сказуемого, где значимая часть представлена однородными инфинитивами, которые также вносят в характеристику персонажа динамику, которая повышает эмоциональность его образа. Автор усиливает это впечатление использованием нес собственно прямой речи в конце предложения: 3) *Although Bertha Young was thirty she still had moments like this when she wanted to run instead of walk, to take dancing steps on and off the pavement, to bowl a hoop, to throw something up in the air and catch it again, or stand still and laugh at – nothing – at nothing, simply (Bliss).*

Значимая часть глагольного сказуемого может быть также выражена однородными причастиями. Как и в предыдущих примерах, однородные члены помогают читателю представить весь спектр чувств героинь, их сильное эмоциональное и умственное напряжение: 4) *The week after was one of the busiest weeks of their lives. Even when the went to bed it was only their bodies that lay down and rested; their minds went on, thinking things out, talking things over, wondering, deciding, trying to remember... (The Daughters of the Late Colonel).*

Все вышеприведенные примеры зачинов инициируют текст, в центре которого находится внутренний мир действующего лица. Для подобных зачинов характерно создание яркого психологического образа, имеющего важное значение для последующей текстоорганизации. Зачин данного типа организует психологическое повествование, где раскрывается природа человеческих чувств и отношений. Диктема такого зачина, как правило, строится по образцу причинно-результативного комплекса, один из членов которого выражает состояние действующего лица, а другой – причину или обстоятельство возникновения данного состояния.

Зачин – «размыщление», являющийся эмоциональным вариантом зачина – «рассуждения» и содержащий субъективные впечатления персонажа-повествователя, также организует тексты, где в центре внимания читателя находится внутренний мир героя. Зачин – «размыщление» составляет примерно 30% от монодиктемных непарцеллированных зачинов и строится как цепь допущений и предположений. Маркерами такого вида повествования выступают союзы; вводные слова типа “*perhaps*”, выражющие субъективную модальность, и схожие с ним фразы и конструкции, подчеркивающие неуверенность и некатегоричность повествователя, а также конструкции сослагательного наклонения и ряд других синтаксических средств. Для монодиктемного непарцеллированного зачина – «размыщления» характерны сложноподчиненные предложения, сложноподчиненные предложения с различными видами придаточных, выстраивающие конструкции апелляции к читателю, стилизации под устную речь, что способствует реализации контактоустанавливающей функции. С помощью этих средств передаются особенности мышления персонажа, в которых отражается своеобразие личности и обстоятельства моделируемой автором ситуации, описывается состояние повествователя. Показательным в этом смысле является следующий зачин: 5) *Something happened to me – something bad. And I don't know what to do about it. I don't see any way out for the life of me. The worst of it is, I can't get the thing into focus if you know what I mean. I just feel in a muddle – in the hell of a muddle. It ought to be plain to anyone that I'm not the kind of man to get mixed up in a thing like this. I'm not one of your actor Johnnies, or a chap in a book, I'm – well, I knew what I was alright until yesterday. But now – I feel helpless,*

yes, that's the word, helpless. Here I sit, chucking stones at the sea like a child that's miss his mother. And everybody else has cut a long home hours ago and tea's over and it's getting on for time to light the lamp. I shall have to go home too, sooner or later. I see that, of course. In fact, would you believe it? At this very moment I wish I was there in spite of everything. What's she doing? My wife, I mean. Has she cleared away? Or has she stayed there staring at the table with the plates pushed back? My God! When I think that I could howl like a dog – if you know what I mean... (A Bad Idea).

В примере, приведенном выше, автор использует союзы (“and”, “but”, “or”), паратентические внесения (“in fact”, “well”, “I mean”), выражающие субъективную модальность, фразы, подчеркивающие неуверенность и некатегоричность автора (“... if you know what I mean”, “... I feel helpless, yes, that's the word, helpless”), вопросительные предложения (“In fact, would you believe it?”, “What's she doing?”), восклицательное предложение (“My God!”), чтобы передать взволнованность героя.

Таким образом, зачин – «размышление» служит косвенным средством его характеристики, средством создания его образа, и все остальные события в новелле даются в ракурсе восприятия персонажа-повествователя.

Среди монодиктемных непарцеллированных зачинов зачины-описания составляют 13%. Содержанием данной композиционно-речевой формы является «соположение объектов в пространстве» [6, с. 124]. В новеллах К. Мэнсфилд мы встречаем различные структурные типы «описания». «Описания с единым планом настоящего» носят сценический характер и аналогичны «немым сценам» в драме и киносценарии. Данный вид «описания» характеризуется достаточно высокой степенью статичности. Обратимся к примеру № 6: 6) A stout man with a pink face wears dingy white flannel trousers, a blue coat with a pink handkerchief showing, and a straw hat much too small for him, perched at the back of his head. He plays the guitar. A little chap in white canvas shoes, his face hidden under a felt hat like a broken wing, breathes into a flute; and a tall thin fellow, with bursting over-ripe button boots, draws ribbons – long, twisted, streaming ribbons – of tune out of a fiddle. They stand, unsmiling, but not serious, in the broad sunlight opposite the fruit-shop; the pink spider of a hand beats the guitar, the little squat hand, with a brass-and-turquoise ring, forces the reluctant flute, and the fiddler's arm tries to saw the fiddle in two (Bank Holiday).

«Описания с единым планом прошедшего» носят эпический характер, реальность изображения в них менее ощутима, чем в формах «описания с единым планом настоящего». Например: 7) Mr. and Mrs. B. sat at breakfast in the cosy red dining-room of their “snug little crib just under half-an-hour's run from the City” (A Suburban Fairy Tale).

Наблюдения над фактическим материалом показывают, что наиболее часто в зачинах – «описаниях» характеризуются действующие лица повествования. Причем степень подробности таких описаний может варьироваться. Так, в примере № 6 мы видим описание музыкантов оркестра. Не именуя персонажи, автор дает относительно подробную характеристику их внешности (комплекции и одежды), настроения и действий. Описание также включает данные о положении героев в пространстве. В примере 7 герои лишь имеют и соотносятся с местом своего расположения.

Основным содержание композиционно-речевой формы «описание» является состояние. Главным являются не действия, а вещи, свойства и качества. В шестом примере связь между предложениями – коррелятивная, выражаемая формально однотипной формой сказуемого, строю предложений присущ синтаксический параллелизм. В качестве лексического средства выступают наречия места (in, opposite), указывающие на пространственное положение. Подобное описание можно назвать номинативным, так как основную смысловую нагрузку в предложении несут именно существительные и прилагательные. Глагольная форма настоящего времени здесь носит чисто логический характер, выражает состояние предметов при отсутствии смены временных планов.

Диктема зачина в седьмом примере образована одним предложением с глаголом местонахождения “sit”, близким в описательном контексте по своей семантике глаголу “to be”, который выражает общее значение бытийности.

Но вне зависимости от особенностей организации, зачин – «описание» достаточно экспрессивен за счет содержащейся в нем оценочной семантики, в которой отражается отношение повествователя к предмету описания. Благодаря этому в нем возникает текстоорганизующий образ, определяющий перспективу развития текста, задающий настроение всему произведению. Ярким примером этого может служить зачин рассказа “Bank Holiday”, приведенный выше (пример № 6). Здесь шутливый, немного сатирический подход в изображении музыкантов, который выражается в использовании эпитетов, сравнения, ярких образных метафор, определяет настрой всего произведения, описывающий яркий, задорный и шумный праздник.

Зачин – «сообщение о событии» составляет 6% монодиктемных непарцеллированных зачинов. «Сообщение о событии», организующее зачин, становится первым звеном в событийном ряде и причиной появления следующих этапов развивающегося сюжета. Приведем пример: 8) When the literary gentleman, whose flat old Ma Parker cleaned every Tuesday, opened the door to her that morning, he asked after her grandson. Ma Parker stood on the doormat inside the dark little hall, and she stretched out her hand to help her gentleman shut the door before she replied. “We buried ‘im yesterday, sir,” she said quietly (*Life of Ma Parker*).

В этом рассказе с сообщения о появлении главной героини в доме ее хозяина начинается история, в центре которой – нелегкая судьба простой служанки – поденщицы. Факт ее появления и то, что она в результате сообщает своему работодателю, провоцирует развертывание рассказа, построенного вокруг событий из жизни героини. При этом в данном случае зачином инициируются две событийные линии, относящиеся к прошлому. Во-первых, в рассказе продолжается повествование о событиях, произошедших в день прихода женщины на работу. Одновременно с этим автором сообщается о предыдущих событиях, имевших для героини трагический характер. Эти две повествовательные линии в тексте графически обособлены друг от друга расстоянием в одну строку, обеспечивающим целостность восприятия каждого отрывка. В этом примере напряжение достигается за счет событийной динамики, переплетения двух сюжетных линий. Содержание диктемы, образующее зачин, определяет тип синтаксических отношений между ее предложениями. Эти отношения определяются как цепная, последовательно-временная связь. При такой структурной связи одно предложение дополняет и развивает другое. В композиционно-речевой форме «сообщение» большую роль играет временная соотнесенность сказуемых. В данном случае сказуемые однотипны и выражены формами Past Indefinite глаголов действия (opened, asked, stood, stretched, replied, said).

Выводы

Анализ структурно-семантических и функциональных особенностей непарцеллированного зачина в новеллах К. Мэнсфилд выявил определенные закономерности его диктемной организации и позволил сделать следующие выводы.

Качественный и количественный анализ материала показал, что монодиктемный непарцеллированный зачин составил 25% от общего количества примеров. Для данного типа зачина типичны следующие структурно-тематические варианты: зачин – «сообщение о состоянии и переживании персонажа» (около 50%), зачин – «размышление» (30%), зачин – «описание» (13%), зачин – «сообщение о событии» (6%).

Таким образом, «сообщение о состоянии и переживании персонажа» является наиболее продуктивной композиционно-речевой формой. Это объясняется спецификой психологической новеллы К. Мэнсфилд, где в центре повествования находится внутренний мир человека. Данная содержательная форма позволяет создать яркий текстоорганизующий образ. Это утверждение справедливо и для зачина – «размышления». Определено можно утверждать, что особенности идиостиля автора обуславливают выбор структурного типа зачина.

Список источников

1. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей / науч. ред. П.Е. Бухаркин. М.: ФЛИНТА, 2019. С. 226 – 242.
2. Асратян З.Д. Текст, дискурс, диктема, языковая личность как базовые понятия лингвистики текста // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. № 1. С. 138 – 151.
3. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкоznания. 2000. № 4. С. 56 – 67.
4. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: учеб. 4-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2005. 237 с.
5. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М., 1983. 271 с.
6. Клочков А.В. Особенности функционирования композиционно-речевых форм в структуре текста художественного произведения // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 1. С. 119 – 127.
7. Москалева Е.С. Сильные позиции текста в немецком коротком рассказе // Сибирский филологический журнал. 2014. № 3. С. 190 – 195.
8. Силаев В.В. Зачин литературного произведения и его текстоорганизующая роль (на материале рассказов англоязычных писателей): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 1997. 16 с.
9. Силаев В.В. Зачин литературного произведения и его текстоорганизующая роль: монография. Вологда: ВоГУ, 2008. 150 с.
10. Силаев В.В. Проблема изучения зачина литературно-художественного произведения в современной теории текста // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов. Вологда: Департамент образования Вологодской области, Вологодский государственный педагогический университет, 2008. С. 329 – 336.

References

1. Arnold I.V. The Importance of a Strong Position for the Interpretation of a Fiction Text. Semantics. Stylistics. Intertextuality: a collection of articles. Ed. P.E. Bukharkin. Moscow: FLINTA, 2019. P. 226 – 242.
2. Asratyan Z.D. Text, Discourse, Dictem, Linguistic Personality as Basic Concepts of Text Linguistics. RUDN University Bulletin. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics. 2024. No. 1. P. 138 – 151.
3. Blokh M.Ya. Dictem in the Level Structure of Language. Issues of Linguistics. 2000. No. 4. P. 56 – 67.
4. Blokh M.Ya. Theoretical Foundations of Grammar: a tutorial. 4th ed., corrected. M.: Higher. school, 2005. 237 p.
5. Brandes M.P. Stylistics of the German language. M., 1983. 271 p.
6. Klochkov A.V. Features of the functioning of compositional and speech forms in the structure of the text of a work of art. Actual problems of philology and pedagogical linguistics. 2019. No. 1. P. 119 – 127.
7. Moskaleva E.S. Strong positions of the text in the German short story. Siberian Philological Journal. 2014. No. 3. P. 190 – 195.
8. Silaev V.V. The beginning of a literary work and its text-organizing role (based on the stories of English-speaking writers): dis. ... cand. philol. sciences: 10.02.04. M., 1997. 16 p.
9. Silaev V.V. The beginning of a literary work and its text-organizing role: monograph. Vologda: Vologda State University, 2008. 150 p.
10. Silaev V.V. The problem of studying the beginning of a literary and artistic work in modern text theory. Word and text in the cultural consciousness of the era: collection of scientific papers. Vologda: Department of Education of the Vologda Region, Vologda State Pedagogical University, 2008. P. 329 – 336.

Информация об авторах

Воробьева Е.Н., кандидат филологических наук, доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России (ВИПЭ ФСИН России), helenvorobyova@mail.ru

© Воробьева Е.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.581.11

¹ Гумерова Д.Н., ¹ Власов М.К.

¹ Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

Лексико-семантическая характеристика урбанизмов китайских парков

Аннотация: настоящая статья посвящена анализу урбанизмов – наименований городских объектов, на примере китайских городских парков. Урбанизмы рассматриваются как важная часть лексико-семантического пространства языка, отражающая культурные, исторические и идеологические особенности народа. В китайской культуре парки играют особую роль как воплощение философии гармонии человека и природы. Исследование основано на междисциплинарном подходе, объединяющем методы лексикологии, ономастики и культурологии. В рамках анализа было изучено 94 названия парков, отобранных методом сплошной выборки по всей территории Китая. Основное внимание уделяется выявлению и классификации факторов, влияющих на номинацию урбанизмов. В результате были выделены восемь критериев номинации: природные объекты, особенности ландшафта, географическое положение, именование в честь известных деятелей, выражение традиционных и современных китайских ценностей, упоминание животных и птиц, выражение чувств и ощущений, а также ссылки на международные отношения. Наиболее частотными оказались урбанизмы, отражающие особенности ландшафта (26%) и местоположение парков (22%). Анализ также показывает, что китайские урбанизмы несут в себе не только номинативную, но и дескриптивную, идеологическую и культурную функции. Таким образом, названия городских парков Китая представляют собой важный источник для изучения национальной картины мира, языковой презентации культурных ценностей и символов китайского народа.

Ключевые слова: лексикология, семантика, ономастика, топонимия, оним, топоним, урбанизм, китайский язык

Для цитирования: Гумерова Д.Н., Власов М.К. Лексико-семантическая характеристика урбанизмов китайских парков // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 49 – 54.

Поступила в редакцию: 23 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹ Gumerova D.N., ¹ Vlasov M.K.

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia

Lexico-semantic characteristics of urbanonyms of Chinese parks

Abstract: this article is dedicated to the analysis of urbanonyms – names of urban objects – based on the example of city parks in China. Urbanonyms are considered an essential part of the lexical-semantic space of the language, reflecting the cultural, historical, and ideological characteristics of a people. In Chinese culture, parks hold a special significance as embodiments of the philosophy of harmony between humans and nature. The study is based on an interdisciplinary approach that combines methods from lexicology, onomastics, and cultural studies. A total of 94 park names were analyzed, selected through continuous sampling from various regions across China. The main focus is on identifying and classifying the key factors influencing urbanonym nomination. Eight criteria

were identified: references to nature, landscape features, geographic location, commemoration of historical figures, traditional and modern Chinese values, mention of animals and birds, expression of human emotions and sensations, and references to international relations. The most frequent categories included urbanonyms reflecting landscape characteristics (26%) and the park's geographic location (22%). The analysis demonstrates that Chinese urbanonyms serve not only nominative but also descriptive, ideological, and cultural functions. Therefore, the names of Chinese city parks provide valuable insight into the national worldview and linguistic representation of cultural values and symbols of the Chinese people.

Keywords: lexicology, semantics, onomastics, toponymy, onym, toponym, urbanonym, the Chinese language

For citation: Gumerova D.N., Vlasov M.K. Lexico-semantic characteristics of urbanonyms of Chinese parks. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 49 – 54.

The article was submitted: May 23, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Каждая культура, в том числе и китайская, находит свое отражение в языке, в речи народа, живет благодаря активному использованию лексических единиц языка и постоянному развитию речи народа. Проследить особенности культуры, а также изменение и развитие языка предстает возможным с помощью таких разделов языкознания, как лексикология и ономастика. Отдельным и немаловажным пластом, отражающим культуру китайского народа, являются наименования городских объектов – урбанонимов, в которых, как мы заметим при дальнейшем исследовании, отражена жизнь общества и образ мысли народа. Формирование и развитие лексики, связанной с городскими объектами, предстают перед нами как связь различных экстралингвистических (исторических, этнокультурных, социально-психологических, pragmatischesких) факторов и собственно языковых факторов, т.е. тех средств номинации, которые участвуют в ее формировании [1, с. 6].

По традиции создания садово-паркового искусства, сложившейся в Китае со времен династии Чжоу (1122-770 гг. до н.э.), создание парка для китайца – это природа «в миниатюре», и, благодаря отличному от западного мышления китайского народа, парки становятся частью культуры и искусства. Парк в мировоззрении китайцев – это выражение баланса и гармонии, мироощущения, каждая деталь должна располагаться в соответствии с законами природы, не нарушая ее целостности; в китайских парках нет лишних и недостающих элементов – каждый камень и цветок несет определенное значение. Все перечисленные аспекты отражены и в названиях китайских парков, поэтому немаловажно обратить внимание на особенности номинации данных урбанонимов, их внутренней структуры.

Для последующего лексико-семантического анализа была проведена статистика урбанонимов китайских парков в количестве 94 единицы, отобранные методом сплошной выборки из разных городов по всей территории Китая.

Согласно определению Н.В. Подольской, термин урбаноним как класс топонима имеет следующее значение: урбаноним – это «имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, название отдельного здания, хороним городской» [2, с. 154].

Не менее значимым для дальнейшего изучения отобранный лексики является определение функций топонимической лексики. Так, советский лингвист В.А. Никонов выделял следующие функции: 1) номинативную (обязательную), если топоним указывает на определенный объект на местности; 2) дескриптивную (описательную); 3) идеологическую функции [3, с. 62-63].

По мнению А.В. Суперанской, основной функцией любого топонима является номинативная как выделение и указание на объект в первую очередь, так как основная цель топонимов, в том числе и урбанонимов, называющих китайские парки, – это информация об объекте, выделение из множества ему подобных [4, с. 37-41].

Материалы и методы исследований

Настоящее исследование основано на междисциплинарном подходе, объединяющем данные лексикологии, ономастики и культурологии для изучения урбанонимической лексики, отражающей культурные особенности Китая. В качестве основного материала были использованы наименования городских парков Китая (всего 94 урбанонима), отобранные методом сплошной выборки из различных городов страны. Урбанонимы были проанализированы с позиций лексико-семантического и компонентного анализа с учетом экстралингвистических факторов (исторических, культурных, идеологических) и их влияния на процессы номинации. Методологическую базу исследования составили труды в области топонимики (Н.В. Подольская, В.А. Никонов,

А.В. Суперанская), а также принципы лингвокультурологического анализа, направленные на выявление семантической структуры названий и отражённых в них элементов национального мировосприятия.

Результаты и обсуждения

Анализ отобранный лексики позволил нам выделить 8 основных критерииев, способствующих выбору названия для китайского городского парка, а также определить частотность обращения к каждому из них:

1. Окружающая человека природа;
2. Особенности ландшафта парка;
3. Деятели, в честь которых назван парк;
4. Современный Китай и его ценности;
5. Животные, птицы;
6. Чувства, ощущения;
7. Местоположение парка;
8. Международные отношения, сотрудничество.

1. Урбанизмы, отражающие особенности ландшафта парка.

Китайские урбанизмы, называющие парки, отражающие определенные особенности ландшафта парка в ходе исследования оказались наиболее частотными в процессе называния и представлены наибольшим количеством онимов.

Парки получают свои названия на основе собственного ландшафта (26%), особенностей своей композиции, местности, на которой он стоит. В этом заключается садово-парковое искусство восточного человека. Китайские сады наполнены пагодами, озерами, ручьями, камнями, лотосом и бамбуком. Предполагается наличие естественного ландшафта, чтобы ощущалось единение человека с природой. Именно поэтому в парке порой находятся целые каменные композиции или россыпь озер; парк могут основать на огромных камнях.

В названиях многих парков данной категории отмечаются элементы растительного мира, выделяющие местность среди прочих.

莲花池公园 – Liánhuā chí gōngyuán досл. «парк пруда лотосов».

广州 兰圃花园 – Guǎngzhōu lán pǔ huāyuán досл. «парк орхидей Гуанчжоу».

荷花池公园 – Héhuā chí gōngyuán досл. «парк лотосового пруда».

石博园 – Shíbóyuán досл. «парк камней».

Также многочисленны урбанизмы с лексическим компонентом 湖 (hú) в значении «озеро», например:

团结湖 – Tuánjié hú досл. «парк сообщающихся озер».

玄武湖公园 – Xuánwǔ hú gōngyuán досл. «парк озера Сюаньью».

荔湾湖公园 – Lìwān hú gōngyuán досл. «озерный парк района Ливань».

В данном случае лексический компонент «озеро» обращает внимание на то, что названный парк либо находится частично на территории водоема, либо внутри него самого находится озеро как центральная составляющая парка.

Вторым по частотности компонентом, встречающимся в данной категории является 山 (shān) в значении «гора», например:

环秀山庄 – Huán xiù shānzhūāng досл. «усадьба в живописном окружении гор».

华山绿地 – Huàshān lǜdì досл. «парк горы Хуашань».

白山公园 – Báishān gōngyuán досл. «парк Белой горы».

Данный компонент также указывает на наличие на территории парка различных горных возвышений как центральной части.

2. Урбанизмы, отражающие местоположение парка.

В настоящее время китайские города продолжают застраиваться различными парками, садами. В современном Китае более поздние парки, построенные в конце XX – начале XXI века, имеют собственную отличительную особенность – названия данных парков связаны в первую очередь с их местоположением в городской системе. В процентном соотношении частотность данных урбанизмов практически равна категории, рассмотренной ранее, и составляет 22% от общего количества проанализированных топонимов.

Большинство урбанизмов данной категории содержат в себе отдельные онимы, обозначающие города или административные районы. В основном, данный тип наименования частотен в крупных городах. Например:

越秀公园 – Yuèxiù gōngyuán досл. «парк района Юесю».

广州雕塑公园 – Guǎngzhōu diāosù gōngyuán досл. «парк скульптур Гуанчжоу».

荔湾湖公园 – Lìwān hú gōngyuán досл. «озерный парк района Ливань».

朝阳公园 – Zhāoyáng gōngyuán «парк района Чаоян».

静安雕塑公园 – Jing'ān diāosù gōngyuán досл. «парк скульптур района Цзинъян».

襄阳公园 – Xiāngyáng gōngyuán досл. «парк города Сянъян».

3. Урбанонимы, отражающие ценности Китая.

В наименьшем количестве (13%) называются парки на основе как традиционных, так и более современных китайский ценностей и взглядов, когда человек с природы начинает переключаться на самого себя, на общество. В философии Востока мысль развивалась следующим образом: человек – часть природы как первоосновы, и проводником между ними является император – представитель народа и выбор природы. Из этого и исходил в дальнейшем более ценный взгляд на человека как на часть Природы, ее представителя. Человек также становится ценным.

Часто в названиях парков данной категории заметны отпечатки коммунистического строя страны, его идеологии. Например:

人民公园 досл. «народный парк».

儿童公园 – Értóng gōngyuán досл. «детский парк».

胜利公园 – Shènglì gōngyuán досл. «парк победы».

劳动公园 – láo dòng gōng yuán досл. «парк труда».

Здесь также отражаются традиционные ценности китайского народа, а также стремление сохранить их в первозданном виде:

故宫 – gùgōng досл. «Запретный город».

艺圃 – Yì pǔ досл. «сад искусства».

文化公园 – Wénhuà gōngyuán досл. «парк культуры».

Тем не менее, некоторые парки из данной категории были построены относительно недавно и посвящались историческим событиям. Например:

宝船遗址公园 – Bǎochuán yízhǐ gōngyuán досл. «парк руин кораблей сокровищ» – парк судостроительного завода, построенный в честь 600-летия экспедиций на Запад во главе Чжэн Хэ.

4. Урбанонимы, отражающие человеческие чувства и ощущения.

В Китае душа и чувства человека – «небесные», естественные, результат естественного развития природы. Моисты выдвигали предположение о чувствах как о способе познания мира, что позднее, конечно, закрепилось в сознании восточного человека. Поздние моисты не абсолютизировало данное знание, но и не отрицали. Здесь можно говорить об одной из категорий философии – У-син, которая является основой ми-роздания. В нее входят также пять чувств и пять органов чувств, с помощью которых человек познает мир вокруг него, является его гармоничной частью. Именно поэтому в Китае дается место чувствам, и ими называются некоторые из парков.

В урбанонимах данной категории выражаются психологические, нравственные, эстетические и поведенческие характеристики и понятия, занимающие важное место в системе мировосприятия китайского человека.

Большинство названий состоит из двух компонентов, в которых первый компонент выражает чувственные, эстетические, нравственные человеческие отношения, а второй – сам парк. В данном случае связь компонентов данных урбанонимов во многом напоминает семантическую реляцию предназначения: парк становится местом, в которое человек приходит для поиска, приобретения определенного состояния. Например:

退思园 – Tuì sī yuán досл. «сад раздумий о содеянном».

豫园 – Yùyuán досл. «сад гармонии».

留园 – Liú yuán досл. «сад медленно текущего времени», «сад затянувшегося времени».

颐和园 – Yíhé Yuán досл. «парк безмятежного спокойствия».

5. Урбанонимы, отражающие окружающую человека природу.

С самого начала зарождения философии на Востоке, которая дала основу дальнейшим течениям (даосизм, буддизм и др.), говорилось о гармонии природы, в которой человек родился; о единстве природы и ее священности. Китайский человек никогда не встанет выше природы, в ней он видит самого себя, собственное выражение, а потому и парки в дальнейшем называются с использованием элементов природы, которые говорят о человеческой мысли, философии, выражают человека. Так, например, является парк Житань 日坛公园 (досл. «парк храма Солнца») – один из четырех парков с алтарями для жертвоприношений, которые совершились в далеком прошлом. Остальные названы, соответственно, «храм неба» Тяньтань, «храм земли» Дитань и «храм луны» Юэтань в честь природных объектов и элементов, в которые философия древнего, а затем и современного Китая вкладывает собственные понятия и представления о жизни. В дан-

ных названиях отчетливо виден восточный стиль мышления с почитанием и обожествлением сил природы как Абсолюта.

6. Урбанизмы, названные в честь деятелей различных сфер общества.

Немаловажным критерием для выбора названия китайского парка оказался и сам человек. Парки в честь него называются в 9% процентах случаев. Что разы меньше предыдущих категорий наименования. В основном, парки называются в честь деятелей культуры, правителей, которые оставили след в истории, существуют также варианты, когда парк назывался в честь его создателя. Такие парки строились в более позднее время, когда внимание восточной мысли переключалось понемногу с природы, возведенной в Абсолют, на самого человека. Например:

斯大林公园 – Sīdálín gōngyuán досл. «парк имени Сталина».

兆麟公园 – Zhào lín gōngyuán досл. «парк имени Ли Чжаолиня».

中山公园 – Zhōngshān gōngyuán досл. «парк Сунь Ятсена».

鲁迅公园 – Lǔxùn gōngyuán досл. «Парк Лу Синь».

拙政园 – Zhuō zhèng yuán досл. «сад скромного чиновника».

В данном случае отчетливо прослеживается атрибутивный тип грамматических связей между компонентами лексических комплексов.

7. Урбанизмы с названиями птиц и животных.

Около 6% занимают парки, в названиях которых фигурируют животные или птицы. Животные занимают также особое место в восточной мысли, в основе которой, как известно, лежит концепция натуралистики. Животные, как часть природы, становятся выражением идей и мыслей, приобретают некую метафоричность, символичность. Часто парки называют в честь драконов, тигров, цапель. Например:

白鹭洲公园 – Bái lù zhōu gōngyuán досл. «парк белой цапли».

Белая цапля, как известно, говорит о даосской практике фэн-шуй, в которой, противопоставляясь черной вороне, становится выражением Ян – света.

Некоторые парки называются в честь животных благодаря легендам. Например:

鹿回头公园 – Lù huítóu gōngyuán досл. «парк оленя, повернувшего голову».

В городе Санья расположен парк Лухуитоу – «Олень, повернувший голову». Согласно легенде, олень преследовался молодым охотником и, когда был загнан на вершину горы, обернулся голову и превратился в прекрасную девушку.

8. Урбанизмы, отражающие международные отношения Китая, сотрудничество с другими странами.

Наименьшей, но немаловажной категорией названия парков являются названия парков, связанные с международными отношениями и сотрудничеством, в особенности с Россией. Такие парки занимают всего 3% от общего количества всех городских парков. Например:

斯大林公园 – Sīdálín gōngyuán досл. «парк имени Сталина» – довольно известные парк в Харбине, который свидетельствует о дружбе между двумя крупнейшими коммунистическими державами на момент начала его строительства (1953 г.).

Большинство же названий парков связано в первую очередь с мировым сотрудничеством. Например:

浦东世纪公园 – Pǔdōng shìjì gōngyuán досл. «Пудонский парк мира».

北京世界公园 – Bēijīng Shìjìè Gōngyuán досл. «Пекинский парк мира».

长春世界雕塑公园 – Zhāngchūn shìjìè diāosù gōngyuán досл. «Чанчуньский парк мировой скульптуры».

Выводы

Таким образом, лексико-семантическая характеристика парков Китая, а также определение частотности используемых компонентов позволяет проследить их значение, уровень воздействия на культурную жизнь китайцев, особое видение китайского народа на окружающий мир, этнокультурную и художественную логику мировосприятия, а также способы мышления китайского народа.

Список источников

1. Доржиева Т.С. Топонимия Чайного пути на территории Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. 170 с.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Изд-во «Наука», 1978. 198 с.
3. Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 179 с.
4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 2007. 368 с.
5. Семенас А.Л. Лексика китайского языка. М.: АСТ, 2005. 310 с.

6. Никонов В.А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 179 с.
7. Чжу Имин, Се Цзайфу, Чжу Биньсянь. Краткий русско-китайский и китайско-русский словарь. М.: Вече, 2004. 608 с.
8. Миропольский Я.А., Тихонова Г.Е. Словарь географических названий Китая: в 3 т. М.: Наука, 1984. 238 с.
9. Абрамов В.П. Семантические поля русского языка: монография. М.: Акад. Педагогических и социологических наук РФ, Кубанский государственный университет, 2003. 338 с.
10. Лин Л. Неофициальная китайская урбанизация в аспекте отражения обыденной городской культуры (на языковом материале г. Чэнду, КНР) // СибСкрипт. 2023. Т. 25. № 4 (98). С. 441 – 450.

References

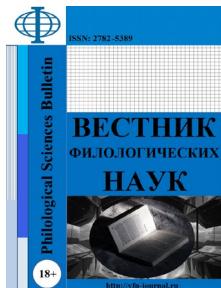
1. Dorzhieva T.S. Toponymy of the Tea Road in Buryatia. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University, 2015. 170 p.
2. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian Onomastic Terminology. Moscow: Nauka Publishing House, 1978. 198 p.
3. Nikonov V.A. Introduction to Toponymy. Moscow: Nauka, 1965. 179 p.
4. Superanskaya A.V. General Theory of Proper Names. Moscow: Nauka, 2007. 368 p.
5. Semenov A.L. Lexicology of the Chinese Language. Moscow: AST, 2005. 310 p.
6. Nikonov V.A. Introduction to Toponymy. M.: Nauka, 1965. 179 p.
7. Zhu Yiming, Xie Zaifu, Zhu Binxiang. Concise Russian-Chinese and Chinese-Russian dictionary. M.: Veche, 2004. 608 p.
8. Miropolsky Ya.A., Tikhonova G.E. Dictionary of Geographical Names of China: in 3 vol. M.: Nauka, 1984. 238 p.
9. Abramov V.P. Semantic fields of the Russian language: monograph. M.: Academician. Pedagogical and sociological sciences of the Russian Federation, Kuban State University, 2003. 338 p.
10. Lin L. Unofficial Chinese urbanonymy in the aspect of reflecting everyday urban culture (based on linguistic material from Chengdu, China). SibScript. 2023. Vol. 25. No. 4 (98). P. 441 – 450.

Информация об авторах

Гумерова Д.Н., кафедра китайской филологии, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, gumerova0304@mail.ru

Власов М.К., кафедра китайской филологии, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, dustwhale@gmail.com

© Гумерова Д.Н., Власов М.К., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'276.6+341.231.14

¹ Циленко Л.П., ² Закирова Е.С.,

² Медведева Е.П.

¹ Московский политехнический университет

² Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

Лингво-правовой анализ терминов международного воздушного права

Аннотация: настоящая статья посвящена комплексному анализу терминосистемы международного воздушного права. Раскрываются структурные особенности международных авиационно-правовых актов, подчеркивается роль специализированной терминологии и языковой стандартизации в обеспечении правовой определенности и авиационной безопасности. Анализируются терминологические, синтаксические и pragматические особенности нормативно-правовых актов. Рассматриваются принципы правовой интерпретации в условиях многоязычного правового пространства и влияние языка на формирование нормативных режимов в международной авиации. Делается вывод о необходимости системного подхода к лингвистическому обеспечению международного воздушного права в эпоху технологических и геополитических трансформаций.

Ключевые слова: международное воздушное право, лингво-правовой анализ, терминология, ИКАО, язык для специальных целей, авиационная безопасность, юридический перевод

Для цитирования: Циленко Л.П., Закирова Е.С., Медведева Е.П. Лингво-правовой анализ терминов международного воздушного права // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 55 – 66.

Поступила в редакцию: 23 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹ Tsilenko L.P., ² Zakirova E.S.,

² Medvedeva E.P.

¹ Moscow Polytechnic University

² Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

Linguistic and legal analysis of the terms of international air law

Abstract: this article explores the complex linguistic and legal analysis of the terms of international air law. It reveals the structural features of international aviation-legal acts, emphasizing the role of specialized terminology and language standardization in ensuring legal certainty and aviation safety. The article analyzes the terminological, syntactic, and pragmatic characteristics of normative legal acts. It examines the principles of legal interpretation in a multilingual legal environment and the influence of language on the formation of regulatory regimes in international aviation. The conclusion emphasizes the necessity of a systematic approach to the linguistic support of international air law in the era of technological and geopolitical transformations.

Keywords: international air law, linguistic and legal analysis, terminology, ICAO, language for specific purposes, aviation safety, legal translation

For citation: Tsilenko L.P., Zakirova E.S., Medvedeva E.P. Linguistic and legal analysis of the terms of international air law. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 55 – 66.

The article was submitted: May 23, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Современное международное воздушное право представляет собой сложную и многоуровневую систему нормативного регулирования, в основе которой лежат международные договоры, конвенции и соглашения, действующие в транснациональном пространстве. В условиях интенсификации глобальных авиаперевозок и расширения международных правовых связей особое значение приобретает точность, однозначность и согласованность правовых формулировок, определяющих статус, полномочия и ответственность субъектов международного воздушного права.

При этом тексты международных правовых актов в авиационной сфере, как правило, составляются на нескольких языках, что обуславливает необходимость их лингвистической интерпретации. Различия в юридической терминологии, синтаксической структуре и прагматике правовых документов нередко становятся источником неоднозначного толкования, правовой неопределенности и даже конфликтов в правоприменительной практике. Это актуализирует обращение к междисциплинарному исследованию, сочетающему методы юридической науки и лингвистики.

Лингво-правовой анализ системы международного воздушного регулирования позволяет выявить специфику юридического языка международных актов, определить проблемы эквивалентности терминов при межъязыковом сопоставлении, а также предложить пути оптимизации правового дискурса в авиационной сфере. Актуальность исследования определяется необходимостью повышения точности и эффективности международного правового взаимодействия, обеспечения единообразного толкования правовых норм и минимизации правовых рисков в одной из наиболее технологически и юридически сложных отраслей – международной гражданской авиации.

Целью исследования является выявление лингвистических и правовых особенностей международных нормативных актов в сфере воздушного регулирования, а также анализ их влияния на точность интерпретации и эффективность правоприменения в международной гражданской авиации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать структуру и содержание системы международного воздушного права, с акцентом на ключевые нормативные источники (Чикагская конвенция, соглашения ИКАО и др.).
2. Исследовать особенности юридического языка международных авиационных актов на английском и русском языках.
3. Выявить проблемы эквивалентности и правовой интерпретации терминов при межъязыковом переводе.
4. Оценить влияние лингвистических факторов на точность и единообразие толкования норм международного воздушного регулирования.
5. Сформулировать рекомендации по совершенствованию лингво-правового подхода к разработке и переводу международных авиационных документов.

Объектом исследования выступает система специального подъязыка в сфере международного правового регулирования воздушного пространства и международных авиаперевозок.

Предметом исследования являются лингвистические особенности и правовая интерпретация текстов международных нормативных актов в области воздушного права.

Материалы и методы исследований

В качестве материала исследования были использованы основные источники международного воздушного права, к которым относятся международные договоры (конвенции), тексты специальной литературы на английском и русском языках, публикации в электронных ресурсах, журнальные статьи.

Методологическую основу исследования составляют:

Метод лингвистического анализа – для выявления особенностей терминологии международного воздушного права, её структуры и функционирования в профессиональной сфере.

Метод сравнительного анализа – для сопоставления терминов и формулировок в англоязычных и русскоязычных документах, а также выявления различий в их юридическом и функциональном содержании.

Контекстуальный анализ – для изучения употребления терминов в официальных документах ИКАО и международных соглашениях с целью понимания их точного значения в юридическом контексте.

Метод интерпретации нормативно-правовых актов – для анализа международных договоров, соглашений и стандартов ИКАО, регламентирующих воздушное право.

Метод системного подхода – для комплексного рассмотрения лингвистических и правовых аспектов терминов в рамках международной правовой системы в области авиации.

Результаты и обсуждения

Язык международного воздушного права представляет собой типичный пример языка для специальных целей (ЯСЦ), характеризующегося терминологической строгостью, функциональной направленностью и синтаксической упорядоченностью. Понятие языка для специальных целей – (LSP – Language for Specific Purposes) в лингвистике рассматривается как система, отличающаяся от общего языка по целям коммуникации, терминологическому наполнению, синтаксическим структурам и жанровой специфике. В рамках международного воздушного права ЯСЦ реализует нормативную и регламентирующую функции, обеспечивая единство в формулировке прав и обязанностей субъектов. Согласно системно-функциональной лингвистике, ЯСЦ отражает институциональную структуру и цели отрасли, а в юридическом контексте выполняет нормативно-регулятивную функцию.

Точность, однозначность и системность выражения юридических норм имеют решающее значение для правоприменения, соблюдения норм безопасности и межгосударственного взаимодействия (таблица 1).

Таблица 1

Методы лингво-правового анализа.

Table 1

Methods of linguistic and legal analysis.

Метод анализа	Цель анализа	Описание
Правовая герменевтика	Анализ многоязычной интерпретации норм	Изучение способов толкования и перевода юридических норм в многоязычном правовом пространстве
Терминологический анализ	Выявление устойчивых понятий и их функциональных связей	Исследование ключевых терминов, их значений и взаимосвязей в юридических текстах
Когнитивная лингвистика	Изучение концептуализации авиационных реалий	Анализ того, как правовые нормы отражают ментальные модели и представления в авиационной сфере
Функциональный дискурс-анализ	Описание жанровых и речевых практик в авиационно-правовом дискурсе	Исследование структуры и функций различных текстовых жанров и речевых стратегий в авиационном праве

Система международного воздушного регулирования: правовые и лингвистические аспекты.

1. Нормативная основа.

Основу международного воздушного права составляют:

Чикагская конвенция 1944 года и её приложения;

Конвенции ИКАО (Токийская, Гаагская, Монреальская) по вопросам правонарушений на борту;

Документы ИКАО: Standards and Recommended Practices (SARPs), Manuals, Circulars.

Эти документы формируют ядро международного воздушного права и устанавливают нормы, обязательные для государств-участников Международной организации гражданской авиации (ИКАО). Тексты документов обладают высокой степенью формализации, юридической точности и терминологической стандартизации.

2. Языковая политика ИКАО.

ИКАО признаёт шесть официальных языков: английский, французский, испанский, русский, арабский и китайский. Однако основным рабочим языком остаётся английский, что влияет на терминологическую доминанту англоязычных понятий.

Например:

Airworthiness – лётная годность.

Flight information region (FIR) – район (регион) обслуживания воздушного движения / район информации о полётах.

State of registry – государство регистрации (воздушного судна).

Многоязычие требует строгого соблюдения принципов эквивалентности и юридической симметрии при переводе нормативных актов. В этой связи важно подчеркнуть мнение авторов о том, что «В свою очередь, целью профессионального обучения должно стать формирование лингвопрофессиональной, позволяющей специалисту актуализировать себя как на рецептивном, так и на креативном уровне, то есть способствую-

щей восприятию и порождению текстов, адекватных уровню его интеллектуального и профессионального развития» [6, с. 162] (таблица 2).

Таблица 2

Особенности системного подхода к изучению языка для специальных целей в сфере международного воздушного права.

Table 2

Features of a systematic approach to studying a language for special purposes in the field of international air law.

Аспект	Описание	Проблемы	Источники
Лингвистическая точность	Точная и однозначная юридическая и техническая терминология имеет критическое значение в праве	Риск неверной интерпретации, правовая неопределенность	Šarčević (2000); Cao (2007)
Многоязычные правовые системы	Воздушное право действует в различных юрисдикциях с разными правовыми традициями и языками	Отсутствие точных эквивалентов, культурно-языковые различия	Šarčević (2000); SESAR (2015)
Юридический перевод	Перевод должен сохранять юридическое значение и соответствовать правовым системам обеих сторон	Требуется как лингвистическая, так и юридическая компетентность	Cao (2007)
Системное управление терминологией	Использование ЯСЦ и терминологических баз данных повышает единство	Необходимость постоянной гармонизации и экспериментного контроля	SESAR Joint Undertaking (2015)
Международная координация (например, SESAR)	Инициативы по гармонизации зависят от общего лингвистического и правового понимания	Несогласованное внедрение между странами	SESAR Joint Undertaking (2015)
Безопасность и операционная ясность	Четкий язык способствует безопасности полетов и соблюдению норм	Двусмысленность может привести к ошибкам в критических ситуациях	Стандарты ICAO (дополнительно, необязательно)

Представленные в таблице 2 аспекты подчеркивают необходимость системного и междисциплинарного подхода к анализу языка в международном воздушном праве. Лингвистическая точность, юридический перевод и терминологическая согласованность являются критически важными факторами для обеспечения правовой определенности, безопасности полетов и эффективного международного взаимодействия. Проблемы, возникающие из-за многоязычия, культурных различий и недостаточной координации, требуют не только лингвистической и юридической компетенции, но и постоянного международного сотрудничества, основанного на общих стандартах и понятиях. Таким образом, интеграция лингвистических инструментов в процессы правового регулирования воздушного пространства способствует как гармонизации норм, так и повышению их применимости на практике.

Характеристики системности языка в сфере международного воздушного права.

Лингвистическая структура.

Терминологическая строгость. ЯСЦ в сфере международного воздушного права отличается развитой терминологической системой. Термины, такие как воздушное судно, государственный суверенитет над воздушным пространством, авиационная безопасность, аэронавигационные службы и др. обладают узкоспециализированными значениями, formalizedными в документах ИКАО и международных договорах (например, Чикагская конвенция 1944 г.). Систематизация терминологии осуществляется как на международном, так и на национальном уровнях, что способствует устранению неоднозначностей и способствует юридической точности.

Синтаксическая организация. Юридические и технические документы в авиации характеризуются определенной синтаксической структурой: преобладание пассивных конструкций, использование модальных глаголов (должен, может, не имеет права) и условных оборотов (если..., то...).

Примеры: «Государства обязуются принимать меры...», «Полёты иностранных воздушных судов допускаются при наличии разрешения...»

Такая структура обеспечивает formalизацию и однозначность выражения норм.

Жанрово-дискурсивные особенности. Язык международного воздушного права реализуется в рамках определённых жанров: международные договоры (например, Монреальская, Токийская), технические приложения (Annexes), циркуляры и рекомендации ИКАО. Каждый жанр имеет устойчивую структуру: преамбула,

определения, основные положения, приложения. Жанровая предсказуемость поддерживает системность языка и способствует его унифицированному восприятию.

Функции ЯСЦ в сфере международного воздушного права.

Стандартизация – термин закрепляется в глоссариях и анексах ИКАО. Одна из ключевых функций ЯСЦ – обеспечение согласованности правовых норм между различными юрисдикциями. Благодаря унифицированной терминологии и структуре, страны – участницы ИКАО могут применять общие правила и стандарты, снижая риски правовых коллизий и обеспечивая единство правоприменения.

Моносемичность: каждый термин должен иметь одно значение в юридическом контексте (например, "runway incursion" – "вторжение на взлётно-посадочную полосу") и др. Этот термин обозначает ситуацию, когда воздушное судно, транспортное средство или лицо оказывается на ВПП без соответствующего разрешения диспетчера, что может представлять угрозу безопасности.

Особо важна роль ЯСЦ в обеспечении авиационной безопасности. Неправильное понимание термина или инструкции может привести к фатальным последствиям. Поэтому ЯСЦ в авиации – это не просто средство профессиональной коммуникации, а инструмент управления рисками.

Юридическая значимость. От правильного понимания термина зависит соблюдение или нарушение нормы.

Например: Различие между Air Operator Certificate и Airworthiness Certificate заключается в их назначении, содержании и сфере применения. В таблице 3 представлены сравнения.

Различие между Air Operator Certificate и Airworthiness Certificate.

Таблица 3

Table 3

Difference between Air Operator Certificate and Airworthiness Certificate.

Характеристика	Air Operator Certificate (AOC) / Сертификат эксплуатанта воздушных судов	Airworthiness Certificate / Свидетельство о лётной годности
Назначение	Подтверждает право организации осуществлять коммерческие авиаперевозки	Подтверждает, что конкретное воздушное судно пригодно к эксплуатации
Кем выдается	Авиационным регулятором государства (например, Росавиацией, FAA, EASA и т.д.)	Авиационным регулятором государства регистрации воздушного судна
Объект сертификации	Авиакомпания или оператор	Конкретное воздушное судно
Что удостоверяет	Наличие у оператора достаточных ресурсов, системы безопасности, персонала, инфраструктуры и процедур для безопасной эксплуатации	Соответствие самолета установленным стандартам проектирования, технического обслуживания и летной годности
Необходимо для	Начала и ведения коммерческой авиационной деятельности	Регистрации, эксплуатации и допуска ВС к полетам
Срок действия	Обычно бессрочный, с регулярной проверкой соответствия требованиям	Обычно действителен, пока самолет проходит регулярное ТО и проверки
Юридическая значимость	Дает право выполнять рейсы от имени организации	Является основанием для признания самолета безопасным и пригодным к полетам

Краткое резюме к таблице 3:

AOC – это разрешение для авиакомпании;

Airworthiness Certificate – это разрешение для самолета.

Оба документа являются ключевыми в системе международного воздушного регулирования, но относятся к разным уровням – организационному и техническому.

Лингвистические проблемы правоприменения.

Многоязыковая интерпретация. Одним значимым фактором, подчеркивающим необходимость изучения системного характера языка для специальных целей в области международного воздушного права, является проблема межкультурной и межязыковой интерпретации. Обеспечение точной и полной эквивалентности терминов в различных языках по-прежнему представляет собой сложную задачу, обусловленную различиями в культурных и правовых контекстах, что требует глубокого лингвистического и правового анализа. Недостат-

точная системность в подходе к языку может привести к двусмысленности, юридическим спорам и снижению уровня безопасности воздушного движения.

В ходе исследования выявлено, что в области юридической лингвистики терминологическая неустойчивость может снижать уровень юридической определенности, создавая риски коллизий, пробелов и двусмысленностей в международных договорах и национальных законах. Это особенно критично в авиации, где правовые нормы напрямую связаны с вопросами безопасности полетов и международной ответственности. Межъязыковая интерпретация затрудняется различиями в правовых традициях, концептуальных рамках и культурных кодах. В своей работе *Translating Law. Clevedon: Multilingual Matters* (2007) исследователь Сао отмечает, что правовой перевод – это не просто лингвистическая, но и правовая трансляция, требующая глубокого понимания как исходной, так и целевой правовой системы.

Известно, что многоязычие ИКАО требует обеспечения терминологической эквивалентности на шести официальных языках. Проблемы возникают в связи с различиями правовых традиций и семантических моделей. Например, различие в трактовке термина «security» в английском и русском языках, где он может пониматься как «безопасность» или «охранная деятельность». Термин «airworthiness» имеет культурно-правовые нюансы, требующие точного юридического перевода.

На первый взгляд, *airworthiness* может быть переведен как «лётная годность». Однако в англоязычной правовой культуре это понятие охватывает не только техническое состояние воздушного судна, но и соответствие целому ряду нормативных требований, включая:

- соответствие типу конструкции (type design);
- надлежащее техническое обслуживание;
- наличие всей необходимой документации;
- соответствие эксплуатационным ограничениям и процедурам.

Таким образом, «*airworthiness*» – это не только техническая характеристика, но и юридически закреплённый статус, подтверждённый соответствующим сертификатом.

Трансляционная асимметрия. Переводы не всегда сохраняют юридическую силу оригинала, что затрудняет унификацию правоприменительной практики. Особенно это касается понятий, не имеющих прямых эквивалентов в национальных правопорядках.

Современные вызовы и лингвистическая адаптация.

Несмотря на высокую степень системности, ЯСЦ в сфере международного воздушного права сталкивается с рядом вызовов. Одним из фундаментальных признаков языка для специальных целей является его динамичность, выражающаяся в постоянной эволюции и обновлении терминологического аппарата. Эта динамика особенно актуальна в таких наукоемких и технологически интенсивных отраслях, как международное воздушное право, где язык должен оперативно реагировать на инновации и новые формы авиационной деятельности. Лексико-семантическая динамика тесно связана с технологическими изменениями и эволюцией профессиональной практики. Согласно общепризнанной терминологической теории термин возникает как результат необходимости обозначения:

- нового понятия, возникающего в профессиональной деятельности;
- переосмыслении существующих понятий;
- уточнении определений в нормативных документах (напр., приложениях ИКАО).

Цифровизация и новые технологии.

Результаты исследования позволяют утверждать, что введение понятий, связанных с беспилотниками (UAV/RPAS), цифровыми платформами (SWIM, U-space), требует пересмотра терминологической базы и разработки новых определений.

Ниже представлена диаграмма, демонстрирующая влияние различных технологических новшеств на рост терминологической базы воздушного права в период с 2000 по 2025 год (рис. 1).

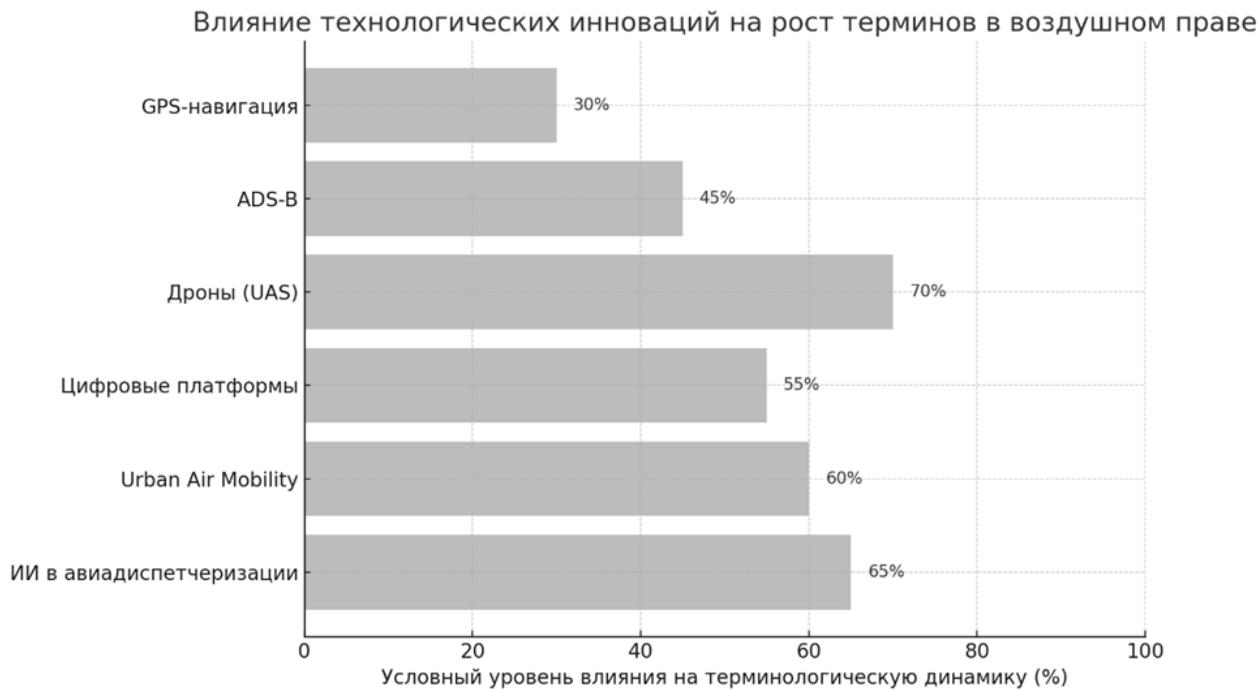

Рис. 1. Динамика развития терминологии международного воздушного права.
Fig. 1. Dynamics of development of the terminology of international air law.

Рисунок 1, показывающий, как различные технологические нововведения (например, дроны, цифровые платформы, ИИ в управлении воздушным движением) влияют на рост и обновление терминологии международного воздушного права: чем выше значение – тем сильнее новация стимулирует необходимость адаптации языка.

Примеры терминов, активно используемые в контексте цифровизации и автоматизации воздушного транспорта:

1. Беспилотные воздушные суда (БВС / UAS, RPAS)

Объект: дроны различного назначения – от потребительских до коммерческих и военных.

Новые термины:

Unmanned Aircraft System (UAS) – Беспилотная авиационная система (БАС)

Remotely Piloted Aircraft System (RPAS) – Система дистанционно пилотируемого воздушного судна (СДПВС).

Detect and Avoid (DAA) – Обнаружение и уклонение (ОиУ) или Выявление и предотвращение столкновений.

Юридические вызовы: необходимость регулирования высоты полета, идентификации, зонирования, ответственности при инцидентах.

2. Городская воздушная мобильность – Urban Air Mobility (UAM); Передовая воздушная мобильность – Advanced Air Mobility (AAM).

Явление: развитие воздушного транспорта внутри городов (летающие такси, eVTOL).

Новые термины:

eVTOL (electric Vertical Takeoff and Landing aircraft) – электрическое воздушное судно вертикального взлёта и посадки.

Vertiport – вертипорт (специализированная площадка для приёма и отправки eVTOL-судов).

Urban Air Mobility (UAM) Corridors – коридоры городской воздушной мобильности или воздушные коридоры.

Проблематика: интеграция с городским транспортом, правовое разграничение пространства.

3. Спутниковые системы управления (CNS/ATM).

Процесс: переход от наземной к спутниковой навигации.

Новые термины:

Global Navigation Satellite System (GNSS) – Глобальная навигационная спутниковая система (ГНСС).

Automatic Dependent Surveillance – Broadcast (ADS-B) – Автоматическое зависимое наблюдение с радиовещанием (АЗН-В).

Performance-Based Navigation (PBN) – Навигация, основанная на характеристиках.

4. Цифровизация авиации.

Процесс: переход к электронным форматам управления полетами, документации, техобслуживания.

Новые термины:

e-AWB (electronic air waybill) – электронная воздушная накладная.

Digital NOTAM (Notice to Airmen, Notice to Air Missions (traditional form)) – цифровое уведомление для лётного состава).

Cyber-resilience – киберустойчивость в авиационной безопасности.

5. Искусственный интеллект и автоматизация.

Объект: использование ИИ в диспетчеризации, прогнозировании полетов, техническом обслуживании.

Новые термины:

AI-based Decision Support System – Система поддержки принятия решений на основе искусственного интеллекта.

Predictive Maintenance – Прогностическое (предиктивное) техническое обслуживание.

Autonomous Flight Control Systems – Автономные системы управления полётом.

6. Интеграция воздушного пространства.

Явление: единое небо (например, проект Single European Sky Air Traffic Management Research (SESAR в EC)).

Новые термины:

Functional Airspace Block (FAB) – Функциональный блок воздушного пространства (ФБВП).

Trajectory-Based Operations (TBO) – Операции на основе траектории (ОБТ).

System Wide Information Management (SWIM) – Системное управление информацией (СУИ).

Следующая диаграмма отображает динамику роста числа специализированных терминов, используемых в международных авиационных документах в период с 2020 по 2025 год (рис. 2).

Рис. 2. Хронология появления терминов международного воздушного права в авиационных документах.

Fig. 2. Chronology of the appearance of terms of international air law in aviation documents.

На рисунке 2 показан устойчивый рост количества специализированных терминов в международных авиационных документах с 2020 по 2025 год. Это отражает активную адаптацию языка к технологическим изменениям, включая внедрение цифровых систем, беспилотников и инновационных форм воздушного транспорта.

та. Рост терминологии обусловлен технологическим прогрессом и необходимостью юридического регулирования новых реалий в гражданской авиации.

2020: Начальный уровень терминологии (350 терминов). Используются традиционные термины, связанные с навигацией и управлением воздушным движением, в частности GPS-навигацией.

2021: Рост до 370 терминов обусловлен внедрением ADS-B (Automatic Dependent Surveillance—Broadcast – Автоматическое зависимое наблюдение – вещание), требующим стандартизации терминов наблюдения и передачи данных. Это система, при которой воздушное судно автоматически передаёт данные о своём местоположении, скорости и высоте в режиме реального времени, используя навигационные спутниковые системы. Информация транслируется наземным станциям и другим воздушным судам, улучшая безопасность и эффективность воздушного движения.

2022: Зафиксировано 390 терминов, включая термины, связанные с регулированием беспилотных летательных аппаратов (UAS), особенно в контексте международных стандартов ICAO и EASA. UAS (Unmanned Aircraft System) – (БПЛА) Беспилотная авиационная система.

Полное определение включает не только сам беспилотный летательный аппарат, но и все связанные компоненты, такие как:

- наземная станция управления,
- каналы связи,
- вспомогательные элементы обеспечения полёта и навигации.

Таким образом, UAS – это интегрированная система, обеспечивающая безопасное и эффективное выполнение полётов без пилота на борту.

2023: Зафиксировано 410 терминов: цифровизация процессов управления воздушным движением и документооборота требует новых понятий и уточнений в документации.

2024: Зафиксировано 435 терминов: рост вызван появлением концепции Urban Air Mobility (UAM), требующей правового описания аэробакси, VTOL и городской воздушной инфраструктуры.

2025: Зафиксировано 460 терминов. Основной драйвер роста – интеграция искусственного интеллекта (AI) в авиационные системы и авиадиспетчеризацию, что требует юридического переосмысливания ответственности и безопасности.

Выявлено, что терминологическая динамика отражает трансформацию авиационной отрасли под влиянием цифровых и автономных технологий. Нормативные органы, такие как ICAO, EASA и FAA, постоянно адаптируют свою терминологию для обеспечения юридической точности, безопасности и совместимости в глобальном масштабе. В этом контексте системный подход к изучению языка для специальных целей позволяет выявить и систематизировать ключевые лингвистические, семантические и прагматические характеристики, которые обеспечивают корректную коммуникацию и взаимопонимание между специалистами разных стран. Это, в свою очередь, способствует гармонизации международного воздушного права и повышению его эффективности, что особенно важно в условиях глобализации и расширения международного сотрудничества.

Необходимость профессиональной языковой подготовки: синергия правовых и лингвистических компетенций.

В условиях глобализации и международного сотрудничества в сфере воздушного права возрастает значимость комплексной подготовки специалистов, обладающих как юридическими, так и лингвистическими компетенциями. Как было отмечено ранее, международное воздушное право характеризуется высокой степенью терминологической насыщенности, многоуровневой нормативной структурой и многоязычностью правового регулирования (прежде всего в рамках ИКАО). Это требует от практиков умения не только ориентироваться в правовых категориях, но и точно интерпретировать лексико-семантические особенности профессионального дискурса.

Лингвистическая компетентность в данном контексте включает:

- владение терминологией в соответствии с международными стандартами;
- навыки межъязыковой интерпретации, особенно в условиях возможных коллизий переводов;
- понимание жанровых и речевых особенностей авиационно-правового дискурса (включая нотификации, директивы, соглашения и доклады о расследованиях).

Необходимо отметить, что без надлежащей подготовки существует риск юридических ошибок, двусмысленностей в применении норм и искажения правового смысла. Следует согласиться с авторами о том, что: «Дополнительным вызовом, требующим внимания со стороны Российской Федерации, выступает проблема подготовки нового поколения специалистов, ориентированных на глобальный рынок труда. Это, в свою очередь, акцентирует значимость развития у выпускников профессиональных компетенций, связанных со знани-

ем английского языка как инструмента международного научного и профессионального взаимодействия, а также как канала доступа к инновационным научным достижениям» [16, с. 220].

Следовательно, эффективное применение норм международного воздушного права невозможно без интеграции лингвистического подхода в профессиональную подготовку специалистов: юристов, сотрудников авиационных администраций, инспекторов, аудиторов и переводчиков.

Необходимость институционализированной адаптации языка.

Для поддержания системности ЯСЦ в условиях терминологической динамики международные институты, прежде всего ИКАО, должны играть продуктивную роль в:

- стандартизации новых терминов;
- обновлении глоссариев и приложений к Чикагской конвенции;
- обеспечении межъязыковой эквивалентности (в шести официальных языках ИКАО);
- разработке рекомендаций по правовому использованию новых терминов.

С позиций прикладной лингвистики терминологическая динамика может быть эмпирически отслежена с помощью различных исследований;

1. Контент-анализ специализированных источников.

Эмпирический анализ терминов в тексте нормативных документов, международных соглашений, технических руководств (например, Annexes ИКАО).

Выявление новых лексических единиц, изменений в определениях и модификации юридической формулировки.

Пример: Сравнение версий Чикагской конвенции или приложений к ней за разные годы.

2. Экспертные интервью и анкетирование.

Сбор данных от специалистов в области международного воздушного права, переводчиков, представителей ИКАО.

Вопросы могут касаться наблюдаемых изменений в терминологии, проблем перевода, семантической неоднозначности и т.п.

Метод применяется в когнитивной лингвистике и терминографии для выявления «живой» профессиональной реакции на термины.

3. Анализ переводов и параллельных текстов.

Исследование того, как одни и те же термины реализуются в многоязычных документах.

Важен для оценки степени эквивалентности и вариативности терминов в разных языках.

Позволяет выявлять семантические сдвиги и потенциальные трудности в правовой интерпретации.

4. Диахронический анализ профессиональной лексики.

Сравнение лексики одного и того же жанра или типа текста (например, руководств по безопасности полетов) в разные временные периоды.

Метод позволяет выявить устаревшие, исчезающие и новые термины.

Используется при построении глоссариев и терминологических баз.

5. Онтологический и концептуальный анализ.

Исследование изменений в понятийной структуре предметной области: какие концепты появляются, какие переопределяются.

Пример: появление категории U-space в связи с регулированием дронов, требующее новой понятийной рамки. U-space – это единое воздушное пространство и цифровая инфраструктура, предназначенные для безопасной и эффективной интеграции беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в общее воздушное пространство, особенно на низких высотах (до 120 м).

По определению EASA (Европейское агентство по авиационной безопасности):

“A set of services and specific procedures designed to support safe, efficient, and secure access to airspace for large numbers of drones.”

Перевод: «Набор услуг и процедур, предназначенных для обеспечения безопасного, эффективного и надёжного доступа в воздушное пространство для большого количества дронов».

Основные функции U-space:

Цифровая идентификация дронов;

Диспетчеризация и планирование маршрутов;

Автоматическое обнаружение конфликтов и управление трафиком;

Связь между участниками: операторы, регуляторы, органы ПВО.

6. Мониторинг цифровых и профессиональных платформ.

Изучение обсуждений терминов на форумах (например, авиационных), в блогах, научных и отраслевых журналах. Позволяет выявить, как профессионалы используют термины на практике, в реальной коммуникации.

Выводы

Современная система международного воздушного регулирования представляет собой сложный синтез правовых норм и лингвистических механизмов, функционирующий в условиях многоязычного, технологически развитого и юридически чувствительного пространства. Как показал проведённый лингво-правовой анализ, язык для специальных целей (ЯСЦ), применяемый в сфере международного воздушного права, выполняет не только коммуникативную, но и нормативно-регулятивную функцию. Терминологическая строгость, синтаксическая упорядоченность и жанрово-дискурсивная предсказуемость обеспечивают юридическую определённость, однозначность интерпретации и высокую степень безопасности в авиационной отрасли.

Одной из ключевых задач международного воздушного права остается преодоление вызовов, связанных с многоязычием, юридическим переводом и необходимостью постоянной адаптации терминологической базы к технологическим и концептуальным новациям – от цифровизации до интеграции беспилотных систем и искусственного интеллекта. В этих условиях системный подход к языку и праву становится не просто желательным, а необходимым условием устойчивости всей нормативной структуры.

Следовательно, обеспечение точности, эквивалентности и актуальности лингвистического инструментария – это не только задача лингвистов и переводчиков, но и важная составляющая международной правовой политики. Только через междисциплинарное взаимодействие и постоянное совершенствование языковых стандартов можно гарантировать эффективное, безопасное и юридически согласованное регулирование воздушного пространства в эпоху стремительных глобальных трансформаций.

Список источников

1. Бондаренко Е.В. Лингвистическая характеристика терминов международного права // Вестник МГЛУ. 2018. № 4 (789). С. 123 – 130.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Высшая школа, 2007. 320 с.
3. Закирова Е.С., Циленко Л.П., Медведева Е.П. Анализ системности языка для специальных целей в сфере международного воздушного права // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 11-2. С. 141 – 145.
4. Закирова Е.С., Виноградова О.С., Медведева Е.П. Историко-диахронный анализ развития терминосистемы международного воздушного права // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 12-3. С. 124 – 129.
5. Коваль Т.И. Особенности юридического перевода: терминологический аспект // Юридическая лингвистика. 2020. № 2. С. 45 – 51.
6. Копылов М.Н. Международное публичное право: учебник. М.: Норма, 2019. 640 с.
7. Чурилов Ю.С. Международное воздушное право: учебник. М.: Проспект, 2020. 352 с.
8. Першин В., Макеева М., Циленко Л. Лингвопрофессиональная программа инженера // Высшее образование в России. 2004. № 5. С. 162 – 163.
7. Шевченко Л.И. Термины международного права и их перевод: учебное пособие. М.: РУДН, 2021. 148 с.
8. Ashrafi A., Mokhanachev V.S., Philippovich Y.N., Harlamenkov A.E., Tsilenko L.P. Video classification using CNN-LSTM architecture for Bengali sign language // Фундаментальные и прикладные науки сегодня: материалы XXVIII Международной научно-практической конференции. Bengaluru, 18-19 апреля 2022 года. Bengaluru: Pothi.com, 2022. 255 с.
9. Ashrafi A., Mokhanachev V.S., Philippovich Y.N., Tsilenko L.P. Development of image dataset using hand gesture recognition system for progression of sign language translator. Advances in Intelligent Systems and Computing. 2020. Vol. 1294. P. 665 – 675. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-030-63322-6_56 (date of accessed: 25.03.2025).
10. Garner B.A. Black's Law Dictionary: 11th ed. St. Paul, MN: Thomson Reuters, 2019.

References

1. Bondarenko E.V. Linguistic characteristics of international law terms. Bulletin of Moscow State Linguistic University. 2018. No. 4 (789). P. 123 – 130.
2. Galperin I.R. Essays on the stylistics of the English language. Moscow: Higher School, 2007. 320 p.

3. Zakirova E.S., Tsilenko L.P., Medvedeva E.P. Analysis of the systematicity of language for special purposes in the field of international air law. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2022. No. 11-2. P. 141 – 145.
4. Zakirova E.S., Vinogradova O.S., Medvedeva E.P. Historical and diachronic analysis of the development of the terminology system of international air law. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2022. No. 12-3. P. 124 – 129.
5. Koval T.I. Features of legal translation: terminological aspect. Legal linguistics. 2020. No. 2. P. 45 – 51.
6. Kopylov M.N. International public law: textbook. Moscow: Norma, 2019. 640 p.
7. Churilov Yu.S. International air law: textbook. Moscow: Prospect, 2020. 352 p.
8. Pershin V., Makeeva M., Tsilenko L. Lingvoprofessiogram of an engineer. Higher education in Russia. 2004. No. 5. P. 162 – 163.
7. Shevchenko L.I. Terms of international law and their translation: a tutorial. Moscow: RUDN, 2021. 148 p.
8. Ashrafi A., Mokhanachev V.S., Philippovich Y.N., Harlamenkov A.E., Tsilenko L.P. Video classification using CNN-LSTM architecture for Bengali sign language. Fundamental and applied sciences today: materials of the XXVIII International scientific and practical conference. Bengaluru, April 18-19, 2022. Bengaluru: Pothi.com, 2022. 255 p.
9. Ashrafi A., Mokhanachev V.S., Philippovich Y.N., Tsilenko L.P. Development of image dataset using hand gesture recognition system for progression of sign language translator. Advances in Intelligent Systems and Computing. 2020. Vol. 1294. P. 665 – 675. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-030-63322-6_56 (date of accessed: 25.03.2025).
10. Garner B.A. Black's Law Dictionary: 11th ed. St. Paul, MN: Thomson Reuters, 2019.

Информация об авторах

Циленко Л.П., кандидат педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Московский политехнический университет, г. Москва

Закирова Е.С., доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и лингвокультурологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва

Медведева Е.П., педагог дополнительного образования, кафедра русского языка и лингвокультурологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва

© Циленко Л.П., Закирова Е.С., Медведева Е.П., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.351.21

¹ Ильясов И.И.

¹ Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова

Лексика лакского языка с точки зрения сферы употребления

Аннотация: в формировании общенародного лексического фонда большую роль сыграло то обстоятельство, что, начиная с раннего средневековья до сегодняшнего дня, лакцы имели свой единий политический и культурный центр, причем, важно подчеркнуть, что центр был сосредоточен за весь этот период в одном и том же пункте – Кумухе. В силу этого обстоятельства наиболее социально-активная часть лакского населения всегда была двуязычной, то есть кроме своего диалекта в той или иной степени владела и общенародным языком.

Лексику ограниченной сферы употребления принято подразделять на диалектизмы и профессионализмы. В лакском языке в целом выделяются следующие функциональные стили: разговорный стиль, нейтральный стиль и книжный стиль, соответственно выделяется и лексика, которая употребляется в этих стилях. Среди лексических единиц, употребляемых в разговорном стиле, в свою очередь, принято выделять разговорную лексику, просторечную лексику и грубо просторечную, хотя, нужно заметить, что между этими группами слов не всегда можно установить резкую границу.

Ключевые слова: лакский язык, лексика, сфера употребления, литературный язык, диалектизмы, профессионализмы, омонимы, книжный стиль

Для цитирования: Ильясов И.И. Лексика лакского языка с точки зрения сферы употребления// Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 67 – 71.

Поступила в редакцию: 23 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹ Ilyasov I.I.

¹ Dagestan State Pedagogical University
named after R. Gamzatov

Vocabulary of the Lak language from the point of view of the sphere of use

Abstract: an important role in the formation of the national lexical fund was played by the fact that, from the early Middle Ages to the present day, the Laks had their own single political and cultural center, and it is important to emphasize that the center was concentrated throughout this period in the same place – Kumukh. Due to this circumstance, the most socially active part of the Lak population has always been bilingual, that is, in addition to their dialect, they also knew the national language to one degree or another. The vocabulary of a limited sphere of use is usually divided into dialectisms and professionalisms. In the Lak language as a whole, the following functional styles are distinguished: spoken style, neutral style and book style, respectively, the vocabulary used in these styles stands out. Among the lexical units used in colloquial style, in turn, it is customary to distinguish colloquial vocabulary, vernacular vocabulary and roughly vernacular, although it should be noted that it is not always possible to establish a sharp boundary between these groups of words.

Keywords: the Lak language, vocabulary, sphere of usage, literary language, dialectisms, professionalisms, homonyms, book style

For citation: Ilyasov I.I. Vocabulary of the Lak language from the point of view of the sphere of use. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 67 – 71.

The article was submitted: May 23, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Актуальность работы. На современном этапе исследования лакского языка малоисследованными остаются вопросы, связанные с лексикой ограниченной сферы употребления. Не существует по данному языку монографических работ, в которых комплексно освещается данные вопросы.

В данной работе делается попытка разграничения слов, входящих в данную лексическую группу.

Основная цель – провести всесторонний анализ лексики лакского языка с точки зрения сферы употребления.

Задачи:

- определить лексику ограниченной сферы употребления и провести классификацию;
- дать характеристику данной лексики.

Материалы и методы исследований

В работе используются метод сплошной выборки и описательный метод, способствующий описанию указанных языковых явлений лакского языка.

Материалы, привлеченные в работе, извлечены путем сплошной выборки из различных словарей лакского языка, в том числе «Словаря арабских и персидских лексических заимствований в лакском языке» [4], «Лакско-русского словаря» [9], а также из публицистических и художественных произведений данного языка.

Результаты и обсуждения

Лексика лакского языка с точки зрения сферы употребления на сегодняшний день не исследована. Малоисследована лексика данного языка и в общем смысле. Существующие работы середины и второй половины 20 века недостаточны для комплексного решения всех вопросов лексики лакского языка.

По данному вопросу имеются работы Л.И. Жиркова [3], С.М. Хайдакова [10], Г.Б. Муркелинского [5], И.Х. Абдуллаева [1], Т.А. Джанаева [2].

Как известно, весь словарный состав относится к лексике. Ядром лексического значения, его основой является денотативный компонент [6].

Общенародная лексика, к которой относится большинство слов литературного языка, складывалась в течение продолжительного времени. В этом смысле особенно плодотворным был период, следующий за временем возникновения национальной письменной традиции (XVI-XVII вв.), когда в формировании и развитии общенародного лакского языка и письменного литературного языка принимали участие не только представители кумухского диалекта, легшего в основу литературного языка, но и носители других диалектов и говоров. В формировании общенародного лексического фонда большую роль сыграло то обстоятельство, что, начиная с раннего средневековья до сегодняшнего дня, лакцы имели свой единый политический и культурный центр, причем, важно подчеркнуть, что центр был сосредоточен за весь этот период в одном и том же пункте – Кумухе. В силу этого обстоятельства наиболее социально-активная часть лакского населения всегда была двуязычной, то есть кроме своего диалекта в той или иной степени владела и общенародным языком.

Исследование лексики с точки сферы употребления помогает «понять, какие слова чаще всего сочетаются друг с другом в различных контекстах» [8].

Лексику ограниченной сферы употребления в свою очередь принято подразделять на диалектизмы и профессионализмы.

Между диалектными словами и словами литературного языка наблюдаются определенные различия. Они бывают фонетическими, семантическими.

Лексические единицы, которые различаются от единиц литературного языка звуковыми особенностями относятся к фонетическим диалектизмам.

Фонетическими диалектизмами (по сравнению с единицами литературного языка) являются, например, следующие слова в аракульском диалекте лакского языка: оба «двадцать» (лит. къува), оин «разрезать» (лит. къукын), олла «бассейн» (лит. къулла), гылаган «сполоснуть» (лит. вилаган), гычи «ухо» (лит. вичи) и т.д.;

диалектизмы из вихлинского говора: свай «крябина» (лит. шай), ссва «линния» (лит. ща), ссвортИи «хобот» (лит. щортИи), цвун «куда» (лит. чун), лецвян «бежать» (лит. лечин), чва «кто, мн.ч.» (лит. ца).

Семантические диалектизмы – это такие единицы, которые в данном диалекте или говоре имеют значения, отличные от общенародного языка или литературного языка. Семантическими диалектизмами в балхарском диалекте являются, например, следующие слова: щайтИаннул къутта «гриб» (в лит. яз. «колпак черта», перен. «шапка-невидимка», в значении же «гриб» – ттуккул нис), в речи представителей кулинского говора, например, оърчIал кIану «утроба» (в лит. яз. «детская лолька», в значении же «утроба» – оърчIакъатта), в шаднинском диалекте, например, авкку хъун «статьувечным» (в лит. яз. ничего не означает, в значении же «статьувечным» – айплу хъун, чулахъ хъун).

Среди диалектизмов выделяются лексические диалектизмы, они имеют в литературном языке свои синонимы (образованные от другой основы, корня). Лексическими диалектизмами в аракульском диалекте будут, например: патта «брюки» (лит. хIажак), пилхъу «лягушка» (лит. оърватИи), цIара «пуговица» (лит. банд, кIичI), бянакка «ящерица» (лит. кьюрщала); в вихлинском диалекте, например: билликIукIу «бабочка» (лит. чIимучIали), къитта «скандал» (лит. питна, къалмакъал), сангъравсса «глухой» (лит. кьюкIисса), царсси «осколок камня» (лит. цалцIи).

Профессионализмы – это слова, которые «используются в определенной отрасли, науки, техники, искусства» [7].

Например, для речи лакских ювелиров характерны такие слова, как названия инструментов, различных трудовых процессов, узоров: гурсун къотИилу «молоточек для направления иглы по орнаменту», гурсун «штихель», къягъумах «наковальня ювелира», къалип «форма для отливки ювелирных изделий», кува «кантовка», раврав «белый узор на черни», раврав бан «нанести белый узор на чернь».

Экспрессивно-стилистическая лексика не только называет предметы, явления, но и определенным образом характеризует их и этим выражает эмоциональное отношение говорящего к ним. Например, глагол бизар ан называет действие «надоест кому-л.», глагол же ккарччив дуккан обозначает то же действие, но с известной эмоцией; щялмахъ бусан называет действие «сказать неправду», а глагол ури бан называет то же действие, но с определенной негативной оценкой, глагол же ттуп битан называет то же действие, но выражает большую эмоциональность, причем характеризует действие с отрицательной стороны. Или другие примеры: арс «сын», душ «дочь» сообщает о детях без каких-либо дополнительных экспрессивных нюансов, но лякъул оърчI «чадо», называя «сына» или «дочь», дополнительно выражает различные эмоции: «любимый сын», «любимая дочь»; мачча-гъян «родственники», «родня», но употребляемое в этом же значении къанкъ дияими дополнительно подчеркивает, что речь идет обо всех родственниках без исключения.

В лакском языке в целом выделяются следующие функциональные стили: разговорный стиль, нейтральный стиль и книжный стиль, соответственно выделяется и лексика, которая употребляется в этих стилях.

Среди лексических единиц, употребляемых в разговорном стиле, в свою очередь, принято выделять разговорную лексику, просторечную лексику и грубо просторечную, хотя, нужно заметить, что между этими группами слов не всегда можно установить резкую границу.

К словам просторечного стиля можно отнести: чирсса «маленький, неказистый» (ср. чIивисса), ааппапарду «смех», «веселье» (ср. хъяхъавуртту), бутан «выпить», «опрокинуть рюмку» (ср. хIачIан, гъаз бан), авцИин «обыграть кого-нибудь в игре на деньги» (ср. духхин), слова из так называемой детской речи, как например, чиччи «мясо» (ср. дикI), аппа «поцелуй» (ср. ппай), уххай бан «спать», «ложиться спать» (ср. утту ишин и др.).

Словами просторечного стиля можно считать многочисленные русизмы, встречающиеся в речи лакцев, в том числе и недвуязычных, как например: ппанидинникI «понедельник» (ср. итни), вутIорникI «вторник» (ср. тталат), сирида «среда» (ср. арвахI), читвирг «четверг» (ср. хамис), пиятIиница «пятница» (ср. нюжмар), субутIа «суббота» (ср. ххуллун), ваккириесния «воскресенье» (ср. алхIат), улица «улица» (ср. кIичIиравалу, къатIалу), абид «обед» (ср. ахттайнсса, дукра), ппиригласитI бан «пригласить в гости» (ср. хъамалу оъвчин).

К единицам этого стиля относятся уничижительные слова, которые относятся к просторечному слою лексики. Например: щунщуматИи «лицо», «морда» (ср. лажин), ххяпри «руки» (ср. кару), чуттугъяри «крабой» (ср. чупур), къурчИи лаган «умереть», «дать дуба» (ср. ивчIан), пиццяв «слепой» (ср. мурчIу). К ним же относится множество нейтральных по своей экспрессии слов, употребляемых в переносном смысле, как например: бися «человек с плохим зрением» (ср. основное значение «небольшая самодельная лампа»), кIуриялу «девушка невысокая, полная, без талии» (ср. «вязанка травы»), арнил оыл «дородная (девушка)» (ср. «корова степной породы»), къячул яру «человек с глазами навыкате» (ср. «глаза быка»), щикIру «ноги» (ср. «ноги мелкого рогатого скота»).

Лексика книжного стиля, – это слова, которые употребляются в научных трудах, в докладах, выступлениях на научные темы, в официальной переписке. В противоположность лексике разговорного стиля книжная лексика не отражает отношение субъекта (пишущего, говорящего) к предмету речи, и в этом отношении эту лексику отличает объективность и отсутствие эмоциональной окраски. К лексике книжного стиля относятся научные, общественно-политические и культурные термины, слова выражающие различные абстрактные понятия и т.п., например: батIулсса «ошибочное», «ненаучное», батIулсса пикри «ошибочное суждение», исват бан «доказать», «доказать закономерность чего-л.», мяълумсса «очевидное», «общепринятое», хIукумат «правительство», паччахIугъ «государство», къан «народ», «племя», инсаният «человечество», къанун «закон», сакиншинна «организованность», «подготовленность», тарих «история», класс «класс», зузалтрапл класс «рабочий класс», щурттал элму «астрономия», жазира «остров», бачIижазира «половуостров», бугъз «залив», подлежащее, придаточное предложение, цанинкIанаймур «местоимение», жанр, поэтика, литература.

К лексике поэтического стиля относятся, например, буттал улча «отечество», «родина», дакIинил дус «друг сердечный», къиргъулул яру «глаза сокола», къакъунтул буши «грациозная походка» (букв. «походка куропатки»), къалантрапл кIисри «пальцы» (букв. «пальцы как тростниковые палочки»), качар чурх «тело» (букв. «сахарное тело»), къукъухъхы «голубь», тIавус «пава», хаятIи «косы», барзунти «альпийские луга», «горы», загъир хъун «возникнуть (перед глазами)», «показаться», паргалсса «искусный», магъирсса «искусный», азгъунсса «необузданный», «мощный», исвагъисса «изящный», лавмартсса «подлый» и т.д. Следует отметить, что большинство поэтических слов в разговорной речи не употребляется. Многие стилистически окрашенные лексические единицы имеют свои нейтральные синонимы. Например: барзунтив – зунттурду «горы», хаятIи – хIаллурду «косы», загъир хъун – ляхъан «возникнуть», къукъухъхы – хъхы «голубь».

Выводы

Таким образом, проведенный анализ лексики лакского языка с точки зрения сферы употребления привел к следующим выводам:

Современный литературный лакский язык функционирует в условиях лакско-русского двуязычия. В силу этого лакская терминология, и прежде всего по гуманитарным наукам, обогащается и развивается под влиянием русского языка. Подавляющее большинство лакских терминов по гуманитарным наукам являются или заимствованиями из русского языка, или кальками русских и международных терминов. В силу этих обстоятельств лексика научного стиля лакского литературного языка во многом идентична лексике научного стиля русского языка.

Богато представлены в лакском языке лексические единицы, которые употребляются в поэтической речи и придают ей эмоционально возвышенную тональность.

К стилистически нейтральной лексике относятся те слова, которые употребляются во всех стилях, им не свойственна эмоционально-экспрессивная окраска.

Абсолютное большинство единиц словарного состава составляет нейтральную лексику, которая является, основой всех стилей языка. К этой лексике относятся, например, такие слова, как название частей тела (бакI «голова», ка «рука», чган «нога» и т.д.), предметов домашнего обихода (кIункIур «котел», къуса «ложка», шану «матрас», стол «стол», рикI «топор» и т.д., природных явлений, небесных тел (марч «ветер», баргъ «солнце», цуку «звезда»), многочисленные глаголы, имена прилагательные, местоимения.

В лакском языке отмечаются такие функциональные стили: разговорный стиль, нейтральный стиль и книжный стиль. В разговорном стиле выделяют: разговорную и просторечную лексику.

Список источников

1. Абдуллаев И.Х., Эльдарова Р.Г. Вопросы лексики и словообразования лакского языка. Махачкала, 2003. 137 с.
2. Джанаев Т.А. Лексические средства модальности в лакском языке. Махачкала, 1970. 53 с.
3. Жирков Л.И. Лакский язык. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1955. 160 с.
4. Курбайтаева Н.Б., Эфендиев И.И. Словарь арабских и персидских лексических заимствований в лакском языке. Махачкала: ДГПУ, 2002. 130 с.
5. Муркелинский Г.Б. Грамматика лакского языка. Махачкала, 1971. 256 с.
6. Ряжских Е.А. Современный русский язык: лексикология: учебное пособие. Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2016. 120 с.
7. Саттарова Е.А. Лексика профессиональной сферы общения "Экономика и социум". 2022. № 10 (101)-1. С. 537 – 540.

8. Уразаев М.Д. Обзор методов анализа семантического поля // Современный ученый. 2024. № 5. С. 35 – 44.
9. Хайдаков С.М. Лакско-русский словарь. М., 1962. 422 с.
10. Хайдаков С.М. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961. 199 с.

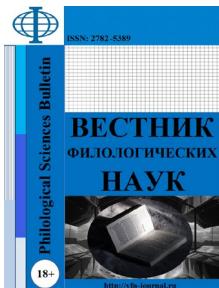
References

1. Abdullaev I.Kh., Eldarova R.G. Vocabulary and word formation issues in the Lak language. Makhachkala, 2003. 137 p.
2. Dzhanaev T.A. Lexical means of modality in the Lak language. Makhachkala, 1970. 53 p.
3. Zhirkov L.I. The Lak language. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1955. 160 p.
4. Kurbaytaeva N.B., Efendiev I.I. Dictionary of Arabic and Persian lexical borrowings in the Lak language. Makhachkala: DSPU, 2002. 130 p.
5. Murkelinsky G.B. Grammar of the Lak language. Makhachkala, 1971. 256 p.
6. Ryazhskikh E.A. Modern Russian language: lexicology: textbook. Voronezh: Faculty of Journalism of VSU, 2016. 120 p.
7. Sattarova E.A. Vocabulary of the professional sphere of communication "Economy and Society". 2022. No. 10 (101)-1. P. 537 – 540.
8. Urazaev M.D. Review of methods for analyzing the semantic field. Modern scientist. 2024. No. 5. P. 35 – 44.
9. Khaidakov S.M. Lak-Russian dictionary. M., 1962. 422 p.
10. Khaidakov S.M. Essays on the vocabulary of the Lak language. M., 1961. 199 p.

Информация об авторах

Ильясов И.И., доктор филологических наук, профессор, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, г. Махачкала, nurselin7@mail.ru

© Ильясов И.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский язык) (филологические науки)
УДК 81'373

¹ Кушиева А.Н., ¹ Агларова З.М.

¹ Дагестанский государственный университет

Ономастические реалии в современной антиутопии (на материале трилогии С. Коллинз The Hunger Games)

Аннотация: в статье рассматриваются ономастические реалии трилогии Сьюзанн Коллинз *The Hunger Games*, функционирующие в рамках антиутопического жанра. Анализ демонстрирует, что антропонимы, топонимы, названия объектов, учреждений, событий и биологических видов выступают ключевыми элементами в создании альтернативного мира – Панема. Особое внимание уделяется этимологии и символическому значению антропонимов главных героев, таких как Katniss Everdeen и Peeta Mellark, а также анализу авторских неологизмов, отражающих темы контроля, насилия и сопротивления. Работа опирается на классификацию А.В. Суперанской, согласно которой онимы делятся по характеру обозначаемого объекта. Наибольшее количество онимов в трилогии относятсяся антропонимам и топонимам, что обусловлено жанровой спецификой произведения и стремлением автора к созданию глубоко проработанной и узнаваемой вымышленной реальности. В результате исследования выявлено, что языковые средства, в частности онимы, способствуют воплощению авторского замысла и углубленному осмысливанию социокультурных и политических реалий антиутопического мира.

Ключевые слова: реалии, альтернативный мир, ономастикон, классификация, онимы, топонимы, антропонимы, авторские неологизмы

Для цитирования: Кушиева А.Н., Агларова З.М. Ономастические реалии в современной антиутопии (на материале трилогии С. Коллинз *The Hunger Games*) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 72 – 77.

Поступила в редакцию: 23 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹ Kushieva A.N., ¹ Aglarova Z.M.

¹ Dagestan State University

Onomastic realities in modern dystopia (based on the trilogy by S. Collins The Hunger Games)

Abstract: the article examines the onomastic realities of Suzanne Collins' trilogy *The Hunger Games*, functioning within the framework of the dystopian genre. The analysis demonstrates that anthroponyms, toponyms, names of objects, institutions, events, and biological species are key elements in creating an alternative world – Panem. Special attention is paid to the etymology and symbolic meaning of the anthroponyms of the main characters, such as Katniss Everdeen and Peeta Mellark, as well as the analysis of the author's neologisms reflecting the themes of control, violence and resistance. The paper is based on the classification by A.V. Superanskaya, onyms are classified on the base of the designated object nature. Anthroponyms and toponyms are most represented in the novels due to the genre specifics of the work and the author's goal to create a deeply elaborated and recognizable fictional reality. As a result, the study reveals how linguistic means, onyms in particular, contribute to the realization of the author's idea and an in-depth understanding of the socio-cultural and political realities of the dystopian world.

Keywords: *reality, alternative world, onomasticon, classification, onyms, toponyms, anthroponyms, author's neologisms*

For citation: Kushieva A.N., Aglarova Z.M. Onomastic realities in modern dystopia (based on the trilogy by S. Collins The Hunger Games). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 72 – 77.

The article was submitted: May 23, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы составляет исследование ономастических реалий как ключевого инструментария вторичного мира, что позволяет выявить глубинные механизмы взаимодействия языка, культуры и идеологии. Анализ онимов как элементов художественной системы способствует более полному пониманию концептуального содержания трилогий, формирует лингвокультурологическую концепцию и открывают возможности для дальнейших исследований в области ономастики, переводоведения и когнитивной лингвистики.

Цели и задачи исследования состоят в выявлении особенностей ономастических реалий в романах-антиутопиях на материале “The Hunger Games” как средства формирования вторичного мира и выражения авторских замыслов. В рамках поставленной цели решаются следующие задачи: дать определение ономастическим реалиям, провести систематизацию онимов на основе классификации А.В. Суперанской и проанализировать роль ономастических реалий в передаче авторского замысла в серии книг С. Коллинз “The Hunger Games”.

Антиутопические романы пользуются повышенным интересом среди молодых читателей, что, скорее всего, связано с вечной актуальностью проблем человечества – войны, мира, жизни людей в условиях катастроф, выхода из кризисов, устройства общества, власти и политики. Произведения в жанре антиутопий формируют специфическое пространство функционирования авторских реалий, позволяющих глубже проникнуть в замысел писателя, описать созданный им фантастический мир и одновременно отразить действительность. Е.А. Белоусова описывает реалии как «результат авторского словотворчества» [2, с. 20]. Они представляют собой одно из наиболее важных средств художественной выразительности в произведениях, относящихся к жанру фэнтези.

Языковые реалии также включают в себя множество особенностей: Во-первых, «лингвокультура не является единственным ограничителем использования и трактования набора значений какого-то явления» [3, с. 146]. Даже в рамках одного населенного пункта могут существовать разные языковые реалии. Во-вторых, реалии подвластны времени. Являясь частью лингвокультуры и духовной сферы общества, эти лексические единицы языка меняются и развиваются в сопровождении с обществом, которому они принадлежат.

Согласно словарю Ахмановой, ономастика – «это раздел языкоznания, изучающий собственные имена». Следовательно, ономастические реалии – это собственные имена (онимы), присущие культуре того или иного народа. В отличие от имен нарицательных онимы сильнее находятся во власти социокультурных обстоятельств.

“The Hunger Games” [8] – это художественная трилогия в жанре антиутопии, где описывается мир, переживший масштабные катастрофы: сначала природные, а потом социальные. Известно, что вдохновением для написания этого трилогия для Сьюзан Коллинз послужил древнегреческий миф о Тесее и Минотавре. В мифе говорилось о том, как афиняне, в качестве наказания, регулярно отправляли на Крит семь юношей и семь девушек. Их помещали в лабиринт, где они становились жертвами чудовища. Эта история, безусловно, повлияла на сюжетную линию и на выбор лексики, используемой при написании современной антиутопии [5, с. 70]. В выстроенном тоталитарном государстве Панем сохраняется традиция, цель которой – напоминать всем о последствиях неповиновения власти. Каждый год двенадцать дистриктов, в прошлом потерпевшие поражение в борьбе против Капитолия, вынуждены отправлять юношу и девушку на своеобразные гладиаторские состязания под названием “The Hunger Games” (Голодные игры). Участников этих соревнований называют “tributes” (трибуты). Подростки вынуждены сражаться друг с другом до тех пор, пока не останется только один выживший.

Ономастическая система в трилогии Сьюзен Коллинз играет ключевую роль, раскрывая темы власти, подчинения, идентичности и сопротивления. Так, например, государство Panem так называется не без причины. С. Коллинз использовала фрагмент устойчивого латинского выражения *panem et circenses* («Хлеба и

зрелищ!»). В произведении правительство использует голод как оружие против бедного населения, а зрелища – как способ управления пресыщенной столичной элитой.

Кроме того, слово "tribute" происходит от латинского слова *tributum* – «налог», «дань». В античности трибута – это форма платежа, которую побежденные народы выплачивали завоевателям. Налогом могли выступать как материальные ценности, так и – в крайнем случае – жизни людей. В Панеме каждый из 12 дистриктов раз в год обязан посыпать двух детей – мальчика и девочку – на смерть. Это, по сути, человеческая дань центральной власти, которая преследует определенные цели.

Связь с античностью прослеживается и в именах героев, живущих в Панеме. Например, Caesar Flickerman – имя «Цезарь» вызывает ассоциации с Юлием Цезарем и идеей абсолютной власти. Seneca Crane – «Сенека» отсылает к стоическому философу Луцио Сенеке, придворному философу при Нероне, что особенно иронично, учитывая его роль в играх. Coriolanus Snow – имя связано с легендарным римским полководцем Кориоланом, символом жесткой дисциплины и власти.

Также стоит отметить, что в трилогии видно противопоставление имен по месту проживания. Имена персонажей, которые живут в столице, отличаются даже по звучанию от имен тех, кто проживает в дистриктах, т.к. в основном это римские и греческие имена: Флавий (Flavius), Октавия (Octavia), Цинна (Cinna), Порция (Portia), Вения (Venia). Помимо использования имен латинского происхождения Сюзанн Коллинз придумывает собственные имена для людей, проживающих в отдаленных дистриктах, отсылающие к растительному миру. Например, имя Примроуз (Primrose) – цветок, вечерняя примула, растение с желтыми цветочками и нежными темно-зелеными листьями. Его полезные свойства и лечебный эффект заключаются в облегчении симптомов и даже лечении многих заболеваний. Исходя из этого, мы можем судить о характере данной героини.

Вымышленные имена собственные становятся неотъемлемой составляющей при формировании фэнтезийных миров. В ряде случаев писатель намеренно наделяет персонажей подобными именами и фамилиями, преследуя цель акцентировать внимание читателя на ключевых чертах характера или особенностях героя. К таковым именам относятся: Greasy Sae (Сальная Сэй), Gloss (Блеск), Blight (Чума), Woof (Лай), Glimmer (Диадема) и так далее. Данные имена собственные приобретают особое значение внутри вымышленной реальности, поскольку их применение ограничено исключительно границами выдуманного мира и литературного произведения.

Особое внимание заслуживает анализ имён центральных персонажей, Katniss Everdeen и Peeta Mellark. Имя Katniss происходит от названия реального растения *sagittaria*, которое в русской интерпретации известно как стрелолист. В англоязычной среде у него есть прозвище "katniss", встречающееся, в основном, в североамериканском фольклоре. Это болотное растение, обладающее съедобным корнем, часто ассоциирующимся с выживанием. Китнисс упоминает, как её отец обучал её находить это растение в лесу, что позволило её семье избежать голодной смерти. Это подчеркивает её связь с природой, независимость и инстинкт выживания. Кроме того, латинское слово *sagitta* означает стрела, а Китнисс – одаренный лучник, и само название растения (*sagittaria*) символически перекликается оружием, которое использует главная героиня в трилогии. Её фамилия Everdeen, вероятно, отсылает к персонажу Томаса Харди из трилогии "Вдали от безумной толпы" – Батшебе Эвердин (Bathsheba Everdene). Батшеба – независимая, гордая женщина, отвергающая общепринятые гендерные нормы и отстаивающая своё право быть собой.

Peeta Mellark наполнен другими смыслами. Имя Peeta – омофон слова *pita*, обозначающего разновидность плоского хлеба. Это не случайно. Пит – пекарь. Его семья владеет пекарней, а он сам ассоциируется с хлебом, пиццей, теплом и заботой. Он – в прямом смысле "дающий хлеб". В книге присутствует эпизод, когда Пит Мелларк отдал кусок хлеба Китнисс Эвердин, в момент, когда она была истощена от голода. В его имени также прослеживается библейский символизм. Хлеб – символ мира, жизни, жертвы и благословения. В Библии хлеб часто олицетворяет тело, жертву и жизнь. Пит выступает как миротворец, готовый пожертвовать собой ради других. Анализ фамилии Mellark менее очевиден, но можно выделить несколько возможных трактовок: "Mel" – лат. *mel*, мед. Мед – символ мягкости, сладости, доброты. "Lark" – жаворонок. В английском языке *lark* – певчая птица, часто ассоциирующаяся с утром, надеждой и беззаботностью.

В данной статье также систематизированы собственные имена персонажей антиутопии "The Hunger Games", используя предложенную А.В. Суперанской классификацию [6, с. 173]. По нашему мнению, именно этот подход наилучшим образом отражает специфику собственных имен, встречающихся в данном произведении. Автор этой классификации основывал свою систему на характере обозначаемого объекта, поясняя выбор критерия тем, что деление зависит от множества факторов – как объективных, так и субъективных, обусловленных общественными условиями и личностными особенностями самого исследователя.

С учетом классификации А.В. Суперанской были выделены следующие типы онимов:

1. Имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые:

а) Антропонимы. Они в свою очередь подразделяются на личные имена, фамилии, а также имена-перифразы.

– Среди личных имён представлены, такие имена как: Katniss, Peeta, Primrose, Haymitch, Claudius, Caesar, Effie, Johanna, Coriolanus, Delly, Gale, Cato, Clove, Octavia, Rue, Flavius, Prim, Madge, Atala, Martin, Rooba, Venia, Portia, Cinna.

«Prim's face is as fresh as a raindrop, as lovely as the primrose for which she was named».

– Среди фамилий отобраны: Snow, Undersee, Everdeen, Mellark, Abernathy, Templesmith, Flickerman, Trinket, Mason, Delly Cartwright.

«To this day, I can never shake the connection between this boy, Peeta Mellark, and the bread that gave me hope, and the dandelion that reminded me that I was not doomed».

– Также среди имён, обозначающих живые существа, были найдены следующие имена-перифразы: Glimmer, «Foxface», Thresh, Greasy Sae, Lady-goat, The Goat Man, Lover Boy, Catnip.

«The girl with the arrows, Glimmer I hear someone call her-ugh, the names the people in District 1 give their children are so ridiculous...»

2. Кроме того, среди изучаемых онимов отдельно рассматриваются названия неодушевленных объектов, которые в свою очередь делятся на следующие категории:

а) Топонимы:

– Хороним: Panem, Capitol, District 1, District 2, District 3, District 4, District 5, District 7, District 8, District 9, District 10, District 11, District 12, District 13, District Twelve, District Eleven, District Thirteen.

«He tells of the history of Panem, the country that rose up out of the ashes of a place that was once called North America».

– Урбанонимы: the Hob, the Seam, The City Circle, Victory Village.

«Discuss little more than trades in the Hob, which is the black market where I make most of my money».

– Искусственные сооружения: The Game Headquarters, The Cornucopia.

«When we get to the arena, what's the best strategy at the Cornucopia for someone».

б) Названия праздников, юбилеев, торжеств: Day of Reaping, Parcel Day, Hollow Day.

«But it's a hollow day, and even with all that I start daydreaming about food».

в) Названия мероприятий, кампаний, войн: Victory Tour, The Hunger Games.

«I wonder if Effie will still be wearing that silly pink wig, or if she'll be sporting some other unnatural color especially for the Victory Tour».

ж) Хрононимы: Dark Days.

«Then came the Dark Days, the uprising of the districts against the Capitol».

Таким образом, в ходе анализа онимов, отобранных из трилогии “The Hunger Games”, было выявлено, что самыми обширными типами ономастических реалий являются антропонимы и топонимы. Это объясняется тем, что С. Коллинз создавала параллельный вторичный мир, свойственный жанру антиутопии, и онимы являются одним из лингвистических инструментов.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляют метод сплошной выборки, метод компонентного анализа, метод семантической интерпретации, а также экстралингвистическая интерпретация фактов языка.

Результаты и обсуждения

Для исследования ономастических реалий в современной антиутопии (на материале трилогии С. Коллинз The Hunger Games), проведенного в ДГУ по направлению 45.03.02. «Лингвистика», мы провели анализ, который показал, что автор использует ономастические реалии как элементы номинации и как эффективные инструменты смысловой и культурной кодировки. Имена персонажей, названия мест, растений, животных и явлений – все эти компоненты создают многослойную структуру, которая усиливает символическое значение мира Панема.

Автор трилогии С. Коллинз также активно использует античные и мифологические аллюзии (Panem, Seneca, Caesar, Plutarch, Coriolanus и т.д.), чтобы подчеркнуть политические мотивы и историческую цикличность репрессивных режимов; природные мотивы (Katniss, Primrose, Peeta и т.д.), которые отражают связь персонажей с природой и их борьбу за выживание в суровых условиях дистриктов.

В ходе данного исследования была проанализирована система онимов, представленных в трилогии Сьюзен Коллинз “The Hunger Games”. Установлено, что онимы выполняют в этих произведениях не только номинативную, но и смыслообразующую и выразительную функцию. С их помощью формируется уникаль-

ный политический, социальный и культурный ландшафт мира Панема, подчеркиваются мотивы антиутопии, контроля, сопротивления и памяти о прошлом.

На основании классификации онимов, предложенной А.В. Суперанской, были систематизированы и проанализированы следующие группы онимов, представленных в трилогии: имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые (антропонимы: имена, фамилии, имена-перифразы), названия неодушевленных объектов (Топонимы: хоронимы, урбанонимы, искусственные сооружения; название предприятий, учреждений, обществ, объединений; названия праздников, юбилеев, торжеств; названия мероприятий, кампаний, войн; хрононимы).

Наиболее многочисленную группу составляют антропонимы. Антропонимы в трилогии выполняют не только номинативную, но и семантическую и художественную функции: они помогают автору выстраивать сложную систему символов и культурных параллелей. В антропонимах автор заложила глубокую семантику: характеры персонажей, особенности их социальных ролей, а также расширение представления о структуре и ценностях мира Панема.

Особое внимание в работе уделено роли ономастических реалий в передаче авторского замысла и идеологии произведения. В условиях антиутопического мира онимы становятся средством выражения тоталитарной идеологии, а также механизмом критики современных общественно-политических реалий. Сьюзен Коллинз использует онимы не только как элементы повествования, но и как культурные маркеры, отсылающие к древнеримской истории, политике США, средствам массовой культуры и технократическому будущему.

Выводы

В ходе проведённого исследования были выявлены ономастические реалии, играющие ключевую роль в формировании уникального мира антиутопии Сьюзен Коллинз "The Hunger Games". Основываясь на классификации А.В. Суперанской, нами была осуществлена систематизация собственных имён и других онимов, представленных в трилогии, что позволило не только определить их типологию, но и раскрыть глубинный смысл, заложенный в их лингвистической структуре. Показано, что онимы в произведении обладают семантической многослойностью: они несут как прямую номинативную функцию, так и скрытые символические значения, отражающие характеры персонажей, социокультурный контекст и философскую подоплёку произведения.

Проведённый ономастический анализ показывает, что преподавание художественного текста на английском языке требует не только знания лексики и грамматики, но и развития у обучающихся особого «чувства языка» – способности воспринимать и интерпретировать скрытые смыслы, заложенные автором в именах и наименованиях. В этом контексте ономастический подход может стать эффективным методом анализа текстов жанра антиутопии в рамках курсов по лингвострановедению, стилистике и литературоведению. В ходе проведённого исследования были выявлены ономастические реалии, играющие ключевую роль в формировании уникального мира антиутопии Сьюзен Коллинз "The Hunger Games".

Основываясь на классификации А.В. Суперанской, нами была осуществлена систематизация собственных имён и других онимов, представленных в трилогии, что позволило не только определить их типологию, но и раскрыть глубинный смысл, заложенный в их лингвистической структуре. Показано, что онимы в произведении обладают семантической многослойностью: они несут как прямую номинативную функцию, так и скрытые символические значения, отражающие характеры персонажей, социокультурный контекст и философскую подоплеку произведения.

Таким образом, результаты исследования подтверждают тезис о том, что ономастика в жанре антиутопии служит не просто средством именования, а мощным инструментом смыслообразования. Она позволяет читателю глубже воспринимать социально-философские идеи произведения, формирует у него эмоциональный отклик и усиливает эффект погружения в альтернативную реальность.

Список источников

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов: справочник. М.: Советская энциклопедия, 1966. 605 с.
2. Белоусова Е.А. Окказиональное слово в произведениях современной научной фантастики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Майкоп, 2002. 178 с.
3. Демонова Ю.М., Лавриненко В.А., Кемечеджиева В.П. Реалии как лингвистическое явление // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2021. № 1. С. 144 – 153.
4. Коллинз С. Голодные игры / пер. с англ. А. Шипуллина. М.: АСТ, Астрель, 2010. 382 с.
5. Николина Н.Н. Ономастические реалии: проблема перевода (на материале американского сериала «Бруклин 9-9») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 9. С. 2802 – 2806.

6. Суперанская А.В. Структура имени собственного. М.: Наука, 1969. 207 с.
7. Фокеева Д.С. Роль символов в трилогии Сьюзен Коллинз "The hunger games", "Catching fire" и "Mockingjay" // Шаг в науку. 2023. № 1. С. 64 – 68.
8. Collins S. The Hunger Games. New York: Scholastic Press, 2008. 487 p.
9. Collins S. Catching Fire. New York: Scholastic Press, 2009. 391 p.
10. Collins S. The Mockingjay. New York: Scholastic Press, 2010. 390 p.

References

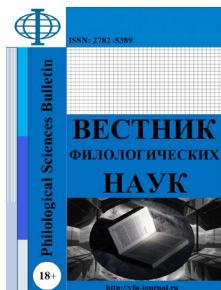
1. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms: reference. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1966. 605 p.
2. Belousova E.A. Occasional word in works of modern science fiction: dis. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.01. Maikop, 2002. 178 p.
3. Demonova Yu.M., Lavrinenko V.A., Kemechedzhieva V.P. Realities as a linguistic phenomenon. Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov. 2021. No. 1. P. 144 – 153.
4. Collins S. The Hunger Games. Trans. from English by A. Shipullina. Moscow: AST, Astrel, 2010. 382 p.
5. Nikolina N.N. Onomastic realities: the problem of translation (based on the American TV series "Brooklyn 9-9"). Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2021. No. 9. P. 2802 – 2806.
6. Superanskaya A.V. The structure of a proper name. Moscow: Nauka, 1969. 207 p.
7. Fokeeva D.S. The role of symbols in the trilogy by Suzanne Collins "The Hunger Games", "Catching fire" and "Mockingjay". Step into science. 2023. No. 1. P. 64 – 68.
8. Collins S. The Hunger Games. New York: Scholastic Press, 2008. 487 p.
9. Collins S. Catching Fire. New York: Scholastic Press, 2009. 391 p.
10. Collins S. The Mockingjay. New York: Scholastic Press, 2010. 390 p.

Информация об авторах

Кушиева А.Н., факультет иностранных языков, Дагестанский государственный университет,
ayshat.kushieva@mail.ru

Агларова З.М., кандидат филологических наук, доцент, факультет иностранных языков, Дагестанский государственный университет, lleta@mail.ru

© Кушиева А.Н., Агларова З.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 070:81'42:316.774:004.8

¹Науменко А.И.

¹Северо-Кавказский федеральный университет

Эволюция медиадискурса: от социально-исторических основ к цифровой трансформации и новым горизонтам исследования

Аннотация: в статье представлен комплексный анализ эволюции медиадискурса: от классических теоретических концепций до современных трансформаций в цифровую эпоху. Исследование основано на междисциплинарном синтезе методов критического дискурс-анализа, семиотики и институционального подхода. Это позволяет раскрыть многогранную природу медиадискурса как социально-коммуникативного феномена. Историческое развитие концепции медиадискурса прослеживается через смену теоретических парадигм: от понимания дискурса как социально-исторической практики до его интерпретации как коммуникативного события и сложной семиотической системы. Рассматривается вклад различных научных школ в формирование комплексных подходов к изучению медиадискурса как системы коммуникативных практик. Анализируются ключевые трансформации медиадискурса в условиях цифровизации: переход от иерархической модели коммуникации к сетевой структуре, гибридизация жанров, мультимодальность, гипертекстуальность и интерактивность. Исследуется влияние платформенного капитализма, алгоритмизации и искусственного интеллекта на процессы создания и распространения медиаконтента.

Ключевые слова: медиадискурс, медиалингвистика, критический дискурс-анализ, цифровизация, платформенный капитализм, искусственный интеллект, семиотические режимы, экологический медиадискурс

Для цитирования: Науменко А.И. Эволюция медиадискурса: от социально-исторических основ к цифровой трансформации и новым горизонтам исследования // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 78 – 85.

Поступила в редакцию: 23 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹Naumenko A.I.

¹North-Caucasus Federal University

The evolution of media discourse: from socio-historical foundations to digital transformation and new research horizons

Abstract: the article presents a comprehensive analysis of the evolution of media discourse: from classical theoretical conceptions to contemporary transformations in the digital era. The research is based on an interdisciplinary synthesis of methods from critical discourse analysis, semiotics, and the institutional approach. This enables the revelation of the multifaceted nature of media discourse as a socio-communicative phenomenon. The historical development of the concept of media discourse is traced through shifts in theoretical paradigms: from understanding discourse as a socio-historical practice to its interpretation as a communicative event and a complex semiotic system. The contribution of various scientific schools to the formation of comprehensive approaches to studying media discourse as a system of communicative practices is examined. Key transformations of media discourse under digitalization are analyzed: the shift from a hierarchical model of communication to a network structure, genre

hybridization, multi-modality, hypertextuality, and interactivity. The influence of platform capitalism, algorithmization, and artificial intelligence on the processes of media content creation and dissemination is investigated.

Keywords: media discourse, media linguistics, critical discourse analysis, digitalization, platform capitalism, artificial intelligence, semiotic regimes, ecological media discourse

For citation: Naumenko A.I. The evolution of media discourse: from socio-historical foundations to digital transformation and new research horizons. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 78 – 85.

The article was submitted: May 23, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Феномен медиадискурса, понимаемый как сложное единство текстов, коммуникативных практик и социальных отношений, опосредованных средствами массовой информации, давно утвердился в качестве ключевого объекта междисциплинарных исследований. Его теоретическое осмысление, однако, не является статичным; оно претерпевает постоянную эволюцию, отражая трансформации самого медийного ландшафта. Целью данной статьи является реконструкция пути становления и развития концепции медиадискурса – от ее классических оснований к современной цифровой парадигме, – с акцентом на вклад отечественной науки и выявление перспективных векторов исследования, в частности, экологического медиадискурса.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу настоящего исследования составляет комплексный дискурс-анализ, интегрирующий взаимодополняющие методы критического дискурс-анализа, семиотического анализа и институционального подхода. Использование данного синтеза продиктовано необходимостью всестороннего изучения трансформации медиадискурса в условиях цифровой эпохи, требующей учета лингвистических, семиотических и социально-институциональных факторов. Основой для представленного исследования послужили фундаментальные труды и научные работы современных авторов по лингвистике, медиалингвистике, коммуникативистике и социологии медиа.

Такой междисциплинарный синтез позволил обеспечить глубину и многомерность анализа, способствуя выявлению системных закономерностей эволюции медиадискурса в цифровую эпоху.

Результаты и обсуждения

Формирование понятия «медиадискурс» неразрывно связано с развитием общей теории дискурса. Фундаментальный вклад в это направление внёс Мишель Фуко: дискурс он понимал не как простую последовательность высказываний, а как социально-историческую практику, подчинённую специфическим правилам формирования [15, с. 203]. М. Фуко настаивал, что дискурс всегда существует в конкретном социальном и историческом контексте, являясь инструментом проявления и закрепления властных отношений и доминирующих идей эпохи. Это радикально изменило взгляд на медиатексты: они перестали восприниматься как нейтральные носители информации, но стали рассматриваться как активные участники конструирования социальной реальности и легитимации существующих структур власти. Подход М. Фуко позволил выявить скрытые механизмы функционирования медиадискурса, его роль в формировании общественного сознания и способность устанавливать границы допустимого и недопустимого в публичном пространстве.

Развивая идеи М. Фуко, Тён Адрианус ван Дейк сместил акцент на коммуникативно-прагматический аспект: дискурс (в частности, новостной) он рассматривает как комплексное коммуникативное событие, включающее не только лингвистическую структуру текста, но и весь спектр экстралингвистических факторов (фоновые знания участников, их мнения, установки, цели) [21, с. 112]. Т.А. ван Дейк убедительно показал, что медиадискурс неизбежно отражает идеологические установки своих создателей, формируя у аудитории определённые модели восприятия событий.

Параллельно в рамках критического дискурс-анализа Норман Фэркло углубил понимание связи дискурса и власти, подчеркнув его диалектическую природу: дискурс не просто отражает социальные структуры, но и активно их формирует и воспроизводит [18, с. 45]. Н. Фэркло разработал трехмерную модель анализа дискурса, включающую текстовый анализ, анализ дискурсивной практики и анализ социальной практики. Такой подход позволил выявить, как медиадискурс участвует в натурализации определенных идеологических позиций, представляя их как само собой разумеющиеся, и тем самым укрепляет существующие властные отношения. Исследования Н. Фэркло показали, что коммерциализация медиасфера приводит к гибридизации дискурсов, когда, например, информационные жанры заимствуют элементы рекламного или развлекательного дискурса, что существенно трансформирует их коммуникативную функцию.

Рут Водак, разработавшая дискурсивно-исторический метод, добавила важное измерение – историческую перспективу [23, с. 33]. Её подход позволяет выявлять устойчивые стратегии в медиадискурсе, прослеживать их трансформацию во времени и анализировать роль медиа в формировании коллективной памяти и национальной идентичности.

В отечественной науке семиотический подход к медиадискурсу был заложен Ю.М. Лотманом. Его концепция семиосферы стала ключевой для понимания массмедиа как особой знаковой системы. Ю.М. Лотман рассматривал медиадискурс как диалогическое пространство, где взаимодействуют различные знаковые коды, подчеркивая его активную роль в культурной динамике [7, с. 119]. Особую ценность представляет его понимание текста как генератора смыслов, а не просто пассивного носителя информации. Согласно Ю.М. Лотману, медиатекст функционирует как сложная семиотическая система, способная не только передавать, но и порождать новые смыслы в процессе взаимодействия с читателем и культурным контекстом. Эта концепция позволила по-новому взглянуть на процессы смыслообразования в медиасфере, выявить механизмы культурной памяти и трансформации культурных кодов в медиадискурсе.

Современные исследования дискурсивных практик, в том числе представленные в коллективной монографии под редакцией Л.Г. Поповой, подтверждают и углубляют понимание этих трансформаций [12, с. 17]. Авторы монографии детально анализируют различные типы дискурсов, демонстрируя их взаимосвязь с социокультурными факторами и технологическими изменениями. Интегративный подход, использованный авторами, позволяет рассматривать дискурсивные практики как многомерное явление, в котором переплетаются лингвистические, когнитивные, социальные и культурные аспекты. Это делает представленные исследования особенно ценными для понимания сложной природы современной коммуникации и её трансформации под влиянием новых технологий и социальных изменений.

Таким образом, уже на ранних этапах медиадискурс предстал как многомерный феномен, исследуемый через призмы социальной практики, коммуникативного события, власти и идеологии, а также знаковых систем.

Российская наука внесла существенный вклад в разработку теории медиадискурса, предложив комплексные и структурированные подходы. М.Р. Желтухина акцентировала единство вербальных и невербальных компонентов в контексте массовой коммуникации, определяя медиадискурс как динамическое явление, неотделимое от социокультурного контекста [3, с. 293]. В её работах медиадискурс предстаёт как сложное коммуникативное явление, в котором лингвистические средства тесно взаимодействуют с экстраполингвистическими факторами, образуя единую систему воздействия на массовую аудиторию. М.Р. Желтухина подробно исследовала механизмы эмоционального воздействия в медиадискурсе, выявляя стратегии создания эмоционального резонанса и формирования оценочных суждений у аудитории. Её анализ феномена комического в медиадискурсе показал, как юмор, ирония и сатира становятся эффективными инструментами социальной критики и идеологического воздействия.

Т.Г. Добросклонская пошла дальше, предложив рассматривать его как систему коммуникативных практик, охватывающую всю совокупность процессов массовой коммуникации и взаимодействия участников медийного пространства [9, с. 35]. Разработанная ею концепция медиалингвистики как самостоятельного научного направления позволила интегрировать различные аспекты изучения медиатекстов в единую методологическую систему. Т.Г. Добросклонская выделила четыре основных направления медиалингвистики: язык СМИ в функционально-стилистическом аспекте, медиатекст как базовая категория медиалингвистики, лингвомедийные технологии и лингвокультурологические особенности медиадискурса. Особую ценность представляет предложенная ею типология медиатекстов, учитывающая способ производства, канал распространения, функционально-жанровые характеристики и тематическую доминанту. Этот подход позволил систематизировать многообразие медийных форматов и создать методологическую базу для их комплексного анализа.

Н.И. Клушина сосредоточилась на интенциональной природе медиадискурса, его направленности на воздействие на массовое сознание, что раскрывает механизмы влияния СМИ. В центре внимания находятся стилистические ресурсы медиадискурса, их роль в формировании общественного мнения и конструировании идеологических смыслов. Клушина разработала концепцию интенциональных категорий медиадискурса (оценочность, идеологичность, интертекстуальность, фактуальность), которые определяют его воздействующий потенциал. Особое внимание в её работах уделяется идеологеме как ключевой единице идеологического воздействия в медиадискурсе. Исследования Клушиной показывают, как стилистические средства в медиатекстах становятся инструментами реализации авторских интенций и формирования определенной картины мира у аудитории [6, с. 74].

В.И. Карасик разработал институциональный подход, выделяя медиадискурс как специфический социальный институт со своими целями, ценностями, участниками и жанровым репертуаром [5, с. 111]. Этот подход оказался особенно продуктивным для анализа трансформаций в цифровую эпоху. Карасик рассматривает медиадискурс в системе институциональных дискурсов, выделяя его конститтивные признаки: цели, участников, хронотоп, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты и дискурсивные формулы. Такой подход позволяет выявить специфику медиадискурса как особого типа социальной практики, регулируемой институциональными нормами и конвенциями. Особую ценность представляет анализ ценностной составляющей медиадискурса, его роли в трансляции и формировании аксиологических ориентиров общества.

Исследования О.Н. Сидоровой показали, как цифровая среда приводит к «размыванию» границ традиционного институционального медиадискурса, порождая гибридные формы (инфотейнмент, бренд-журналистика, UGC-платформы), где профессиональные нормы взаимодействуют с пользовательскими практиками и алгоритмической селекцией. Сидорова анализирует, как трансформация медийных институтов в цифровую эпоху меняет сами основы медиадискурса: размывается граница между производителем и потребителем информации, профессиональные стандарты журналистики сталкиваются с логикой социальных сетей, а традиционные жанры адаптируются к новым форматам потребления контента. Особое внимание в её работах уделяется феномену пользовательского контента (UGC) и его влиянию на трансформацию институциональных характеристик медиадискурса [11, с. 86].

Г.Я. Солганик внёс значительный вклад в изучение лингвистической специфики медиадискурса, рассматривая язык СМИ как особую подсистему, обладающую уникальными средствами воздействия [13, с. 409]. В центре его внимания находятся стилистические особенности медиатекстов, специфика публицистического слова, его экспрессивный и оценочный потенциал. Солганик разработал концепцию газетно-публицистического стиля как особой функциональной разновидности литературного языка, выделив его конститтивные признаки: социальную оценочность, особый характер экспрессивности, сочетание стандарта и экспрессии, открытость для иностилевых элементов. Особенно важно его исследование роли автора в публицистике. Он показывает, какие бывают авторские позиции (модальности) и как они влияют на то, как обсуждаются темы в СМИ.

Е.И. Шейгал, исследуя семиотику политического дискурса, продемонстрировала активную роль СМИ в формировании представлений о власти и социальной реальности. В её работах медиадискурс рассматривается как ключевой компонент политической коммуникации, пространство, где конструируются и транслируются политические смыслы. Шейгал анализирует, как медиа участвуют в семиотическом конструировании политической реальности, формировании политических мифов и стереотипов. Особое внимание уделяется коммуникативным стратегиям легитимации и делегитимации власти в медиадискурсе, механизмам эвфемизации и дисфемизации при освещении политических событий. Исследования Е.И. Шейгал показывают, как медиадискурс становится ареной символической борьбы за интерпретацию политической реальности [16, с. 200].

Распространение интернета и цифровых технологий вызвало радикальную трансформацию медиадискурса. Мануэль Кастельс ввёл понятие «сетевого общества», где информация становится ключевым ресурсом, а коммуникация приобретает глобальный, децентрализованный и интерактивный характер [17, с. 17]. Концепция М. Кастельса раскрывает фундаментальные изменения в структуре медиадискурса: от иерархической модели массовой коммуникации к сетевой, где традиционные роли производителя и потребителя информации становятся взаимозаменяемыми. В сетевом обществе медиадискурс характеризуется гипертекстуальностью, мультимодальностью и интерактивностью, что принципиально меняет процессы производства, распространения и потребления информации. М. Кастельс показывает, как цифровые технологии трансформируют временные и пространственные параметры коммуникации, создавая новую социальную морфологию общества, основанную на сетевых структурах.

Геерт Ловинк в своих трудах анализирует цифровой медиадискурс через призму платформенного капитализма. Крупные технологические корпорации монополизировали производство и распространение информации, используя алгоритмы рекомендаций для управления вниманием пользователей [19, с. 24]. Г. Ловинк вводит понятие «платформенного нигилизма» - состояния, при котором пользователи, осознавая манипулятивную природу платформ, остаются в этой замкнутой экосистеме из-за привычки, социальных связей или отсутствия альтернатив [20, с. 72].

Концепция медиатизации, развитая Л. М. Земляновой, получила новое звучание: цифровые технологии не просто опосредуют, но и активно перестраивают социальные институты и отношения. Землянова отмечает, что искусственный интеллект (ИИ) и большие данные (Big Data) трансформируют политическую коммуникацию, усиливая манипулятивный потенциал медиадискурса и фрагментируя публичную сферу [4, с. 85]. В её работах показано, как медиатизация политики в цифровую эпоху приводит к возникновению новых форм по-

литического участия и гражданской активности, трансформирует отношения между властью и обществом. Землянова анализирует, как цифровые технологии меняют саму природу политического дискурса, делая его более персонализированным, эмоциональным и фрагментированным.

И.М. Дзялошинский развивает эту мысль, указывая на новые формы информационного неравенства и манипуляции, порождаемые бот-фермами, микротаргетингом и алгоритмической цензурой. В его исследованиях раскрываются механизмы манипулирования общественным сознанием в цифровой среде, где традиционные формы пропаганды усиливаются возможностями персонализации контента и алгоритмического управления информационными потоками. Дзялошинский анализирует, как цифровые технологии создают иллюзию информационного изобилия и свободы выбора, одновременно формируя закрытые информационные пространства, где пользователи получают только ту информацию, которая соответствует их уже сложившимся представлениям и предпочтениям. Особое внимание уделяется проблеме информационного неравенства, когда доступ к качественной информации и навыки критического мышления становятся факторами социальной стратификации [2, с. 212].

Лингвистический аспект цифровой трансформации включает:

- Гибридизацию и мультимодальность: размывание границ между устной и письменной речью, стилями, жанрами; доминирование комбинированных форм (текст + изображение + видео + звук). Цифровая среда создает условия для конвергенции различных семиотических ресурсов в едином медиатексте, что существенно расширяет его выразительные возможности и воздействующий потенциал. Мультимодальные тексты задействуют различные каналы восприятия, формируя комплексное воздействие на аудиторию. Исследования показывают, что в цифровом медиадискурсе визуальные элементы часто доминируют над вербальными, а письменная речь приобретает черты устной (эмотиконы, сокращения, разговорная лексика). Эта гибридизация приводит к формированию новых конвенций создания и восприятия медиатекстов.

- Эволюцию жанров: трансформация традиционных жанров (новости → посты / тизеры, статьи → лонгриды / карточки) и возникновение новых гибридных форматов (сторителлинг, стримы), где критерием успеха становится виральность и вовлеченность аудитории. Цифровая среда меняет сами принципы жанрообразования: если традиционные медиа-жанры формировались в соответствии с профессиональными стандартами и конвенциями, то цифровые жанры часто возникают спонтанно, в результате пользовательских практик, и быстро эволюционируют под влиянием технологических возможностей платформ и алгоритмов распространения контента. Исследования показывают, что в цифровом медиадискурсе размываются границы между информационными, аналитическими и развлекательными жанрами, формируются гибридные форматы, сочетающие элементы журналистики, рекламы, PR и развлекательного контента.

- Гипертекстуальность и интерактивность: нелинейная организация контента через ссылки и возможность активного участия аудитории в создании и распространении информации. Гипертекстуальность трансформирует саму структуру медиатекста, делая его открытым, нелинейным и интегрированным в более широкое информационное пространство. Это меняет стратегии чтения и восприятия информации: от последовательного линейного чтения к выборочному, фрагментарному, ассоциативному. Интерактивность превращает аудиторию из пассивного получателя информации в активного участника коммуникации, способного влиять на содержание и распространение медиатекстов. Исследования показывают, что интерактивные возможности цифровых платформ формируют новые модели взаимодействия между авторами и аудиторией, размывая традиционные границы между ними.

- Воздействие искусственного интеллекта: появление ИИ в качестве соавтора медиатекстов (алгоритмическая журналистика) порождает новые семиотические режимы – принципиально иные способы создания, передачи и интерпретации знаков и смыслов в цифровой среде. Эти режимы характеризуются динамичностью, контекстуальной зависимостью и способностью к автономной эволюции, стирая границы между человеческим и машинным творчеством. Это ставит острые вопросы об авторстве, достоверности информации и необходимости формирования алгоритмической грамотности у аудитории. Искусственный интеллект не просто автоматизирует создание определенных типов медиатекстов, но и влияет на сами принципы текстопорождения и смыслообразования. Исследования показывают, что генеративные языковые модели способны имитировать различные стили и жанры, создавать персонализированный контент и адаптировать его под конкретные коммуникативные задачи [1, с. 9]. Это размывает границу между человеческим и машинным авторством, создает новые формы гибридного творчества и ставит вопросы о природе языкового творчества в цифровую эпоху.

Таким образом, лингвистический аспект цифровой трансформации представляет собой комплексное переплетение фундаментальных изменений в природе языка, коммуникации и смыслопорождения. Гибридизация и мультимодальность меняют способы презентации смысла, эволюция жанров отражает адаптацию

к новым медиийным условиям и психологии восприятия, гипертекстуальность и интерактивность трансформируют отношения автора и читателя, а вторжение ИИ в сферу языкового творчества ставит глубокие философские, этические и практические вопросы о природе языка, авторства и достоверности информации в цифровую эпоху. Понимание этих аспектов критически важно для эффективной коммуникации, медиаграмотности и навигации в современном информационном пространстве.

Выводы

Эволюция понятия «медиадискурс» от классических социально-исторических и семиотических подходов к современной цифровой парадигме демонстрирует его непреходящую значимость как объекта научного знания. Исследования медиадискурса прошли значительный путь развития: от рассмотрения его как инструмента власти и идеологии (М. Фуко), коммуникативного события (Т.А. ван Дейк), социальной практики (Н. Фэркло) и семиотической системы (Ю. Лотман) до анализа его трансформаций в условиях цифровизации, сетевого общества (М. Кастельс) и платформенного капитализма (Г. Ловинк).

Российская научная школа внесла существенный вклад в разработку теории медиадискурса, предложив комплексные подходы к его изучению: от анализа вербальных и невербальных компонентов (М.Р. Желтухина) и системы коммуникативных практик (Т.Г. Добросклонская) до исследования его интенциональной природы (Н.И. Клушина) и институциональных характеристик (В.И. Карасик). Эти исследования позволили сформировать целостное представление о медиадискурсе как многомерном феномене, интегрирующем лингвистические, социальные, культурные и технологические аспекты.

Современный медиадискурс, характеризующийся гибридностью, алгоритмизацией, мультимодальностью, интерактивностью и возникновением новых семиотических режимов под влиянием ИИ, представляет собой сложное, динамичное и мощное коммуникативное пространство. Цифровая трансформация не просто изменила технические способы производства и распространения информации, но и привела к фундаментальным сдвигам в самой природе медиадискурса: размыванию границ между производителем и потребителем информации, гибридизации жанров и стилей, фрагментации публичной сферы, персонализации контента и алгоритмическому управлению вниманием аудитории.

Список источников

1. Давыдов С.Г., Замков А.В., Крашенинникова А.А., Лужина М.М. Использование технологий искусственного интеллекта в российских медиа и журналистике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2023. № 5. С. 3 – 21.
2. Дзялошинский И.М. Между порядком и хаосом. Что происходит в современном мире: в 2-х ч. М.: Ай-пиар Медиа, 2024. Ч. 1. 487 с.
3. Желтухина М.Р. Медиадискурс // Дискурс-Пи. 2016. № 3-4 (24-25). С. 292 – 296.
4. Землянова Л.М. Медиатизация культуры и компаративизм в современной коммуникативистике // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2002. № 5. С. 83 – 97.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
6. Клушина Н.И. Медиастистика: монография. М.: ФЛИНТА, 2018. 183 с.
7. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек-текст-семиосфера-история / предисл. В.В. Иванова. М.: Языки рус. культуры: Кошелев, 1996. 447 с.
8. Борисова Е.Г. Медиалингвистика в современной научной парадигме: коллективная монография / под ред. Н.И. Клушиной, Т.В. Ицкович, Л.В. Селезневой. М.: Издательство «ФЛИНТА», 2024. 308 с.
9. Добросклонская Т. Медиалингвистика: теория, методы, направления: монография. М.: «КДУ», «ДоброСвет», 2020. 178 с. URL: <https://bookonlime.ru/node/4824>.
10. Онуприенко К.А. Новые медиаформаты в практике российских СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.9. М., 2023. 23 с.
11. Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса: сайт, блог, социальная сеть, комментарий: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2014. 180 с.
12. Григорьева В.С., Бородулина Н.Ю., Макеева М.Н. Современные дискурсивные практики: подходы и решения: монография / под общ. ред. Л.Г. Поповой. Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2023.
13. Солганик Г.Я. Язык СМИ и политика. М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012. 952 с.

14. Вартанова Е.Л., Демина И.Н., Коломиец В.П. Типология СМИ. Традиционные и новые подходы: коллективная монография / отв. ред. Е.Л. Вартанова, О.В. Смирнова. М.: Факультет журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: Аспект Пресс, 2023.
15. Фуко М. Археология знания = L'Archéologie du savoir = L'Archéologie du savoir / пер. с фр. М.Б. Ракова, А.Ю. Серебрянникова. Санкт-Петербург: Гуманитарная акад., 2012. 415 с.
16. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... док. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2000. 431 с.
17. Castells M. The Rise of the Network Society: 2nd ed. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. 656 p.
18. Fairclough N. Language and Power: 2nd ed. London: Longman, 2001. 226 p.
19. Lovink G. Critical Theory of the Internet // Network Cultures: Politics for the Information Age. Amsterdam: Institute of Network Cultures, 2021. P. 15 – 32.
20. Lovink G. Sad by Design: On Platform Nihilism. London: Pluto Press, 2019. 256 p.
21. Van Dijk T.A. News as Discourse. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1988. 200 p.
22. Vazquez-Herrero J., Direito-Rebollal S., Lopez-Garcia X. Ephemeral Journalism: News Distribution Through Instagram Stories // Social Media + Society. 2019. Vol. 5 (4).
23. Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual: 2nd ed. London: Palgrave Macmillan, 2011. 252 p.

References

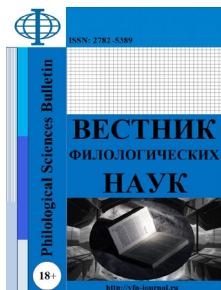
1. Davydov S.G., Zamkov A.V., Krasheninnikova A.A., Lukina M.M. The use of artificial intelligence technologies in Russian media and journalism. Bulletin of Moscow University. Ser. 10: Journalism. 2023. No. 5. P. 3 – 21.
2. Dzyaloshinsky I.M. Between order and chaos. What is happening in the modern world: in 2 parts. M.: I-PR Media, 2024. Part 1. 487 p.
3. Zheltukhina M.R. Media discourse. Discourse-Pi. 2016. No. 3-4 (24-25). P. 292 – 296.
4. Zemlyanova L.M. Mediatization of Culture and Comparativism in Contemporary Communication Studies. Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism. 2002. No. 5. P. 83 – 97.
5. Karasik V.I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Moscow: Gnosis, 2004.
6. Klushina N.I. Media Stylistics: Monograph. Moscow: FLINTA, 2018. 183 p.
7. Lotman Yu.M. Inside Thinking Worlds: Man-Text-Semiosphere-History. Preface by V.V. Ivanov. Moscow: Languages of Russian Culture: Koshelev, 1996. 447 p.
8. Borisova E.G. Media Linguistics in the Contemporary Scientific Paradigm: Collective Monograph. Ed. N.I. Klushina, T.V. Itskovich, L.V. Selezneva. Moscow: Publishing House "FLINTA", 2024. 308 p.
9. Dobrosklonskaya T. Media linguistics: theory, methods, directions: monograph. Moscow: "KDU", "Dobrosvet", 2020. 178 p. URL: <https://bookonlime.ru/node/4824>.
10. Onuprienko K.A. New media formats in the practice of Russian media: dis. ... Cand. of Philological Sciences: 5.9.9. Moscow, 2023. 23 p.
11. Sidorova I.G. Communicative and pragmatic characteristics of personal Internet discourse genres: website, blog, social network, commentary: dis. ... Cand. of Philological Sciences: 10.02.19. Volgograd, 2014. 180 p.
12. Grigorieva V.S., Borodulina N.Yu., Makeeva M.N. Modern discursive practices: approaches and solutions: monograph / under the general editorship of L.G. Popova. Tambov: Publishing center of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "TSTU", 2023.
13. Solganik G.Ya. Language of the media and politics. Moscow: Publishing House of Moscow University; Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, 2012. 952 p.
14. Vartanova E.L., Demina I.N., Kolomiets V.P. Typology of the media. Traditional and new approaches: collective monograph. Ed. E.L. Vartanova, O.V. Smirnova. M.: Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University: Aspect Press, 2023.
15. Foucault M. Archeology of knowledge = L'Archéologie du savoir = L'Archéologie du savoir / trans. from French by M.B. Rakov, A.Yu. Serebryannikova. St. Petersburg: Humanitarian Academy, 2012. 415 p.
16. Sheigal E.I. Semiotics of political discourse: dis. ... doc. philological sciences: 10.02.01. Volgograd, 2000. 431 p.
17. Castells M. The Rise of the Network Society: 2nd ed. Chichester: Wiley-Blackwell, 2010. 656 p.
18. Fairclough N. Language and Power: 2nd ed. London: Longman, 2001. 226 p.
19. Lovink G. Critical Theory of the Internet. Network Cultures: Politics for the Information Age. Amsterdam: Institute of Network Cultures, 2021. P. 15 – 32.
20. Lovink G. Sad by Design: On Platform Nihilism. London: Pluto Press, 2019. 256 p.

21. Van Dijk T.A. *News as Discourse*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1988. 200 p.
22. Vazquez-Herrero J., Direito-Rebollal S., Lopez-Garcia X. *Ephemeral Journalism: News Distribution Through Instagram Stories. Social Media + Society*. 2019. Vol. 5 (4).
23. Wodak R. *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*: 2nd ed. London: Palgrave Macmillan, 2011. 252 p.

Информация об авторах

Науменко А.И., Северо-Кавказский федеральный университет, a.i.naumenko@yandex.ru

© Науменко А.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'374

¹ Рамадханиах Ризкина

¹ Томский государственный университет

Мотивировочные признаки зоонимов в русском и индонезийском научно-популярном тексте

Аннотация: зоонимы, как слова, обозначающие животных, представляют собой особую категорию лексики, характеризующуюся разнообразием мотивировочных признаков. В статье рассматриваются мотивировочные признаки зоонимов в русском и индонезийском научно-популярном тексте, применяя лексикологический подход. Особое внимание уделено сравнительному анализу использования зоонимов в русском и индонезийском языках, выявлению схожих и отличительных черт в их мотивировочных признаках. В результате исследования выявлены как сходства, так и различия мотивации зоонимов в контексте разных языковых средств влияет на восприятие и использование таких слов в научно-популярном тексте.

Ключевые слова: зоонимы, мотивировочные признаки, научно-популярный текст, лексикология, русский и индонезийский язык

Для цитирования: Рамадханиах Ризкина. Мотивировочные признаки зоонимов в русском и индонезийском научно-популярном тексте // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 86 – 93.

Поступила в редакцию: 23 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹ Ramadhaniah Rizqina

¹ Tomsk State University

Motivational features of zoonyms in Russian and Indonesian popular science texts

Abstract: zoonyms, as words denoting animals, represent a special category of vocabulary characterized by a variety of motivating features. The article examines the motivating features of zoonyms in Russian and Indonesian popular science texts, using a lexicological approach. Particular attention is paid to the comparative analysis of the use of zoonyms in the Russian and Indonesian languages, identifying similar and distinctive features in their motivating features. The study is aimed at the specific features of the motivation of zoonyms in the context of different language systems, as well as to trace how the motivator (the main reason for the formation of meanings) influences the perception and use of such words in popular science texts.

Keywords: zoonyms, motivational features, popular science text, lexicology, Russian and Indonesian languages

For citation: Ramadhaniah Rizqina. Motivational features of zoonyms in Russian and Indonesian popular science texts. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 86 – 93.

The article was submitted: May 23, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Мотивология как развивающееся научное направление начала активно проявлять себя в начале 70-х годов XX века. Первая систематизированная работа, представляющая мотивологию как науку, исследу-

ющую одно из ранее не изучавшихся лексических явлений – явление мотивации слов, была представлена в докторской диссертации автора «Проблемы диалектной лексикологии» [1].

Термин «мотивология» начал использоваться в научной среде в 1980-х годах. О.И. Блинова подчеркивает, что название этой дисциплины связано с её основными научными концепциями [2] – МОТИВированностью, МОТИВацией и МОТИВационными отношениями. В отечественной науке существуют различные подходы к определению мотивологии.

Лексикологический подход к исследованию мотивации.

О.И. Блинова предлагает определение мотивологии как части лексикологии, занимающейся изучением мотивации слов с различных точек зрения (лексикографической, структурно-семантической, сопоставительной, онтологической, функциональной и других). Определение О.И. Блиновой отражает системный характер мотивологии как научной дисциплины. М.М. Гинатулин рассматривает мотивологию как часть лексикологии, основная задача которой заключается в исследовании отношений между словами и объектами в процессе их наименования, а также в анализе состояния и степени мотивированности слов на определенном этапе эволюции языка [3].

Два термина, играющие важную роль в понимании семантической структуры и функционирования мотивологии в языке – мотивация слов и мотивационные отношения. Их лингвистический анализ представлен в работах О.И. Блиновой [4], Т.А. Демешкиной [5], В.Г. Наумова [6], З.И. Резановой [7] и др. – как одна из важнейших тем лексикологии, играет ключевую роль. По мнению И.А. Костиной [8], мотивация слов – это связь между звуковой формой слова и его значением, где степень мотивированности слова определяется тем, насколько очевидна и прямая эта связь. Определение О.И. Блиновой [9]: мотивационные отношения – это отношения лексической и структурной мотивации, которые устанавливаются на основе формального и семантического сходства слов как отношения истолкования (или взаимного истолкования), выявляющие мотивированность слова, то есть свойство, «позволяющее осознать обусловленность связи его звучания и значения на основе соотнесенности с языковой или неязыковой действительностью».

Сопоставительная мотивология на современном этапе.

Сопоставительная мотивология (СМ) развилаась как следствие обобщения исследований в рамках сопоставительного аспекта описательной мотивологии, начавшегося в 80-е годы XX века [10]. Этот этап совпал с ростом интереса к сопоставительным, сопоставительно-типологическим и контрастивным исследованиям в таких областях, как лексикология, семасиология, ономасиология и синхронное словообразование, включая работы ученых, таких как Р.А. Будагов, В.Г. Гак, В.К. Будовичова, А.Е. Супрун, У.К. Юсупов, А.Й. Гудавичюс, В.Г. Павел, М.М. Гинатулин, З.М. Волоцкая, Е.Г. Которова и другие.

Объектом исследования в СМ является явление мотивации слов в различных языках, а предметом – общие черты и особенности мотивации слов в этих языках, которые анализируются с разных подходов: онтологического, методологического, описательно-сопоставительного, лексикографического, функционального, динамического, социовозрастного и лингвокультурного. В начале 90-х годов были разработаны методы и принципы мотивационно-сопоставительного анализа, а также определены аспекты и единицы сопоставления, которые применяются как для разных языков (межъязыковое сопоставление), так и для различных форм одного языка (внутриязыковое сопоставление) [11].

Российские ученые, включая М.М. Гинатулина [12] и А.А. Медведева [13], занимаются сравнительным анализом мотивированных слов, изучая, как различные языки представляют одни и те же явления через различия в мотивации слов. В их исследованиях особое внимание уделяется мотивации наименований животных, растений и других объектов, с акцентом на национальные особенности в языковой картине мира.

В последующие годы оба направления продолжили развиваться. Межъязыковое сопоставление охватило различные индоевропейские языки, и было проведено сопоставление мотивации слов русского языка с такими языками, как украинский, польский (А.Д. Адилова [14]), английский (американский вариант, А.С. Филатова [15]), французский (И.Е. Козлова [16]) и немецкий (Н.А. Чижик [17]), что включало изучение наименований птиц, растений и предметно-бытовой лексики. В результате исследования была установлена как общность, так и специфика мотивации слов в русском языке и в языках, с ним сопоставляемых, в таких аспектах, как онтологический, динамический и частично лингвокультурологический. Лексикографический аспект СМ также был детально разработан как с теоретической, так и с практической точки зрения.

В диссертации О. Токхожаевой [18] «Лексика фауны в казахском языке» (1991) рассматриваются аспекты мотивированности зоонимических единиц, где выделяются два типа мотивов: релятивные, отра-

жающие отношения между объектами, и акцидентные, которые показывают прямые характеристики и признаки номинируемого объекта.

Сопоставление мотивировочных признаков – традиционный параметр сопоставительно-мотивологического исследования

Мотивировочный признак играет важную роль в создании целостного слова, объединяя конкретное содержание и его форму, при этом он проявляется как определяющий элемент в контексте формы. В.П. Визгалов [19] указывает: "Грамматическое значение, наряду с внутренней формой, является характеристикой слов, а не семантических единиц". Мотивировочный признак, будучи связующим элементом, который представляет другие признаки содержания и фиксирует их, чаще всего не выходит за рамки лексического значения. Он может занимать значительное место в иерархии признаков, особенно на начальных стадиях развития слова.

По словам Соловьёвой [20], сопоставление мотивировочных признаков – это важный и традиционный параметр в сопоставительно-мотивологическом исследовании, направленный на изучение факторов и условий, которые влияют на формирование мотивации в различных культурных и языковых контекстах. Этот подход позволяет выявить сходства и различия в мотивационных структурах разных языков и культур, что является ключевым элементом в сравнении и анализе языка и мотивации.

По мнению Лаптева [21], в контексте лингвистики, мотивировочные признаки связаны с тем, как различные языковые структуры, лексические единицы и грамматические конструкции помогают выразить мотивацию, побуждения, цели и намерения. Это может быть как в контексте словесных выражений, так и в более широких контекстах общения, где мотивация является важным аспектом понимания. Кулагина [22] подчеркивает, что сопоставление мотивировочных признаков представляет собой анализ того, как различные языки и культуры отображают мотивационные структуры через свои языковые средства.

Мотивировочные признаки зоонимов в русском и индонезийском научно-популярном тексте – методы исследования.

Зоонимы, как слова, обозначающие животных, представляют собой особую категорию лексики, характеризующуюся разнообразием мотивировочных признаков. М.М. Гинатулин [12], анализируя мотивацию наименований птиц, и А.А. Медведев [13], составляя дефиниции этих слов в словарях, выделяют практически одинаковые типы признаков, которые характеризуют внешний вид, образ жизни, голос и другие особенности пернатых животных.

По словам Олиго [23], зоонимы, как категория лексики, представляют собой наименования животных, которые, как и другие лексические единицы, могут быть мотивированы различными аспектами. Мотивировочные признаки зоонимов – это лексические, грамматические и семантические элементы, которые объясняют происхождение и значение зоонима в языке [24]. Мотивировка зоонима может происходить через внешние признаки животного (его физические особенности или звук), среда обитания, поведение, а также через символические или мифологические значения, связанные с этим животным в культуре.

Материалы и методы исследований

В данной работе, для выявления различий и сходств в использовании зоонимов в русском и индонезийском языках применяется сравнительный метод. Он включает в себя сопоставление зоонимов в контексте их мотивировочных признаков (например, характеристики животных через метафоры, символику и т.д.). Сравниваются не только языковые средства, но и их культурные значения в обоих языках, а также способы, которыми зоонимы используются для активации определённых образов и ассоциаций.

Результаты и обсуждения

Из 100 номинативных единиц в рамках исследованной тематической группы зоонимов русского языка, показано на рисунке 1, что большинство мотивировочных признаков на русском языке отражают как прямые признаки (81%), так и их метафорическое значение (19%). Из 100 номинативных единиц, указано на рисунок 1, что большинство номинационных признаков на русском языке указывают на причины, связанные с особенностями поведения животного (22%), также средой обитания животного (20%).

Сравнение с индонезийским языком, хотя зоонимы на индонезийском языке отражают как прямые признаки зоонимов (70%), как показано на рисунок 2, так и на русском, но у русского языка есть более прямые мотивировочные признаки (81%).

Рис. 1. Мотивировочные и номинационные признаки зоонимов русского языка.
Fig. 1. Motivational and nominative features of zoonyms of the Russian language.

Рис. 2. Мотивировочные и номинационные признаки зоонимов индонезийского языка.
Fig. 2. Motivational and nominative features of zoonyms of the Indonesian language.

Сравнительный мотивационно-составительный анализ зоонимов русского и индонезийского языков позволил определить как типичные, так и уникальные черты мотивации, основанные на количественных номинативных признаках, которые связаны с:

1) звуками, издаваемыми животным (8% на русском, такие как: кукушка, сова, ворона, чайка, петух; также 6% на индонезийском, например: *tokek* (геккон), *mencit* (маленькая белая мышь), *cicak* (домашний геккон), *jangkrik* (крикет));

2) особенностями их поведения (24% на русском, например: светлячок, землеройка, летяга; в два раза меньше (12%) на индонезийском, например: *ular derik* (гримучая змея); *kepiting kelapa* (кокосовый краб), *kadal payung* (зонтичная ящерица);

3) формой тела животного (18% на русском, такие как: бородавочник, броненосец, утконос и т.д.; в два раза больше (35%) на индонезийском, например: *belalang sembah* (богомол), *monyet Belanda* (голландская обезьяна), *ular sendok* (змея-ложка) и т.д.;

4) расцветкой животного (13% на русском, такие как: медянка, златоглазка, голубь, и т.д.; также 13% на индонезийском, например: *piton kepala hitam* (черноголовый питон), *anakonda kuning* (желтаяアナコンダ), *bunglon coklat* (коричневый хамелеон) и т.д.);

5) местом обитания животного (11% на русском, например: морской окунь, песчанка, барханная ящерица и т.д., немного меньше на индонезийском (7%), такие как: *kuda laut* (морская конька), *ular pohon* (древесная змея), *kadal pantai* (пляжная ящерица) и т.д.);

6) языком из чего оно получено (9% на русском, например: боксер, цикада, муха цеце, и т.д.; 11% на индонезийском, например: *biawak* (большая ящерица похожа на крокодила), *tikus celurut* (мышь с длинным и острым носом) и *uyu* (маленький речной краб, и т.д.);

7) местом происхождения животного (11% на русском, такие как: кавказская обчарка, ротвейлер и т.д.; немного меньше (7%) на индонезийском, например: *pesut Mahakam* (Махакам дельфин), *badak Jawa* (яванский носорог), *buaya air tawar Papua* (Папуасский пресноводный крокодил);

8) легендой или мифом (1% на русском, например: сирен; 1% на индонезийском, такой как *duyung*);

9) другими (1% на русском и индонезийском).

Из способах выражения номинационных признаков в мотивировочных признаках зоонимов, указано на рисунок 3, что большинство (65%) номинационных признаков на русском, выражен в мотивировочных признаках опосредованно, связан с формой тела животного, например: утконос (млекопитающее, челюсти которого не имеют зубов и покрыты широким кожистым клювом, похожим на утиный). По сравнению, в индонезийском языке чаще всего, что большинство (80%) номинационных признаков, выражен в мотивировочных признаках опосредованно, связан с формой тела животного (например: *kepiting laba-laba* (краб-паук), как указано на рисунок 4. В русском и индонезийском языках есть сходство в названии животного сирена. В русском языке слово «сирена» ассоциируется с мифологическим существом, которое привлекало моряков своим звуком. В индонезийском языке слово «сирена» также используется в контексте мифологии и может обозначать мифологическое существо.

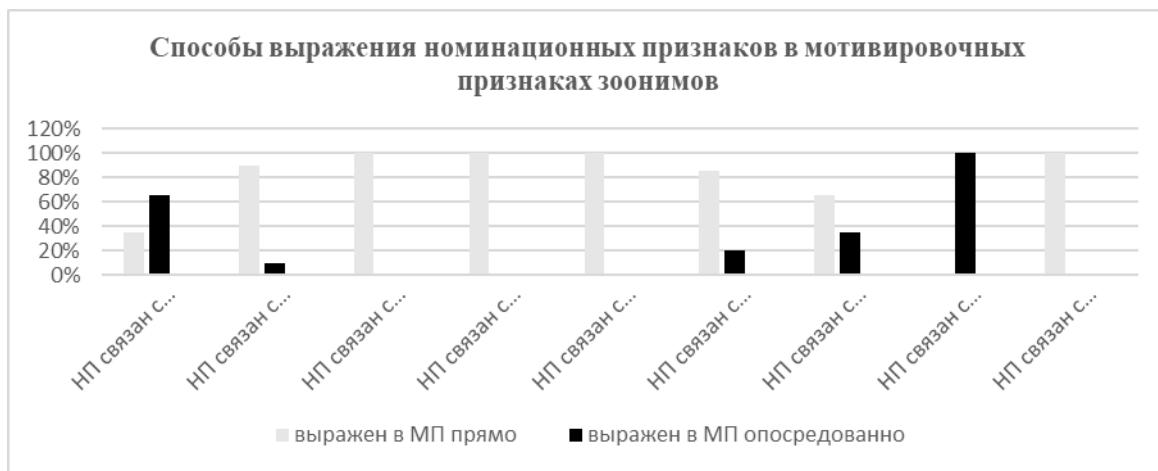

Рис. 3. Способы выражения номинационных признаков в мотивировочных признаках зоонимов русского языка.

Fig. 3. Methods of expressing nominative features in the motivational features of zoonyms of the Russian language.

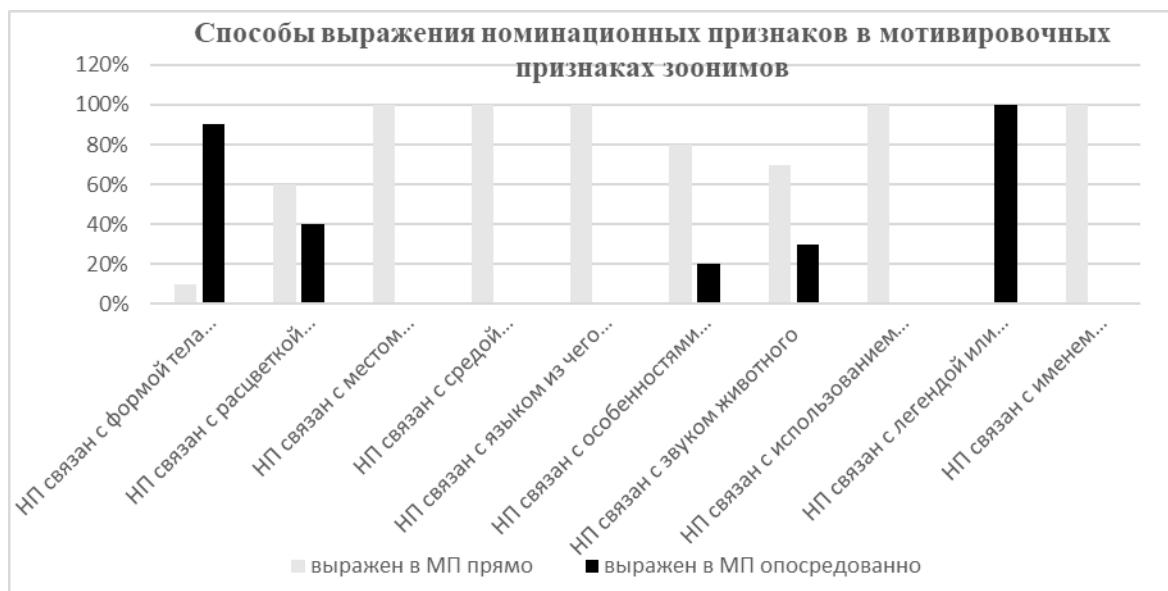

Рис. 4. Способы выражения номинационных признаков в мотивировочных признаках зоонимов индонезийского языка.

Fig. 4. Methods of expressing nominative features in the motivating features of zoonyms of the Indonesian language.

Мотивационно-сравнительный анализ зоонимов в русском и индонезийском языках позволяет выявить общие и специфические черты мотивационных явлений на основе название животных с точки зрения мотивационных признаков. У зоонимов русского языка в научно-популярном тексте значительно больше слов с выраженной мотивированностью по сравнению с индонезийским языком. Так, 81% зоонимов в русском обладают очевидной мотивированностью, в отличие от 70% в индонезийском. На фоне общего сходства зоонимической лексики русского и индонезийского языков можно отметить специфические черты зоонимов русского языка, которые проявляются в основном через количественные различия: большая доля двусловных номинации (83% мотивированных слов зоонимов индонезийского языка, в то время как у русского языка всего 31%).

В индонезийском языке мотивационные признаки чаще употребляются двусловных номинации и даже более (например, «*kadal pelangi gurun*» (пустынная радужная ящерица) или «*kura-kura bintang India*» (Индийская звездчатая черепаха), в то время как в русском языке чаще употребляются слов (например, «белка» или «выдра»).

В русском языке мотивировка зоонимов может быть связана с использованием суффиксов и приставок, в то время как в индонезийском языке мотивировка часто проявляется в виде составных слов или метафорических выражений. Например, в русском языке можно выделить производные формы, такие как «жаворонок», «златоглазка», «броненосец», где суффиксы играют роль мотивирующих признаков.

В индонезийском языке многие зоонимы могут быть заимствованы из других языков, таких как английский, арабский, голландский или традиционные языки, что может повлиять на форму и мотивировочные признаки, например, «*uuuu*» (маленький речной краб) от яванского языка или «*biawak*» (крупная ящерица) от сунданского языка, тогда как в русском языке заимствования в зоонимах часто происходят из соседних славянских языков или через греческий и немецкий (например: «боксер»).

Выводы

Сравнение названий животных в русском и индонезийском языках показывает выраженное сходство и различие в образной составляющей этих тематических категорий. Русский язык представляет собой богатую систему наименований животных, многие из которых имеют ярко выраженные мотивировочные признаки. Например, такие названия животных, как «петух» (связано с громким звуком, который он издает, в русском языке существует также слово «петухиный» – «крик петуха») или «землеройка» (связано с средой обитания животных жить под землей и особенностей поведения роют землю).

В индонезийском языке зоонимы также часто имеют мотивировочные признаки, однако они могут отличаться от русских. В силу особенностей индонезийской культуры и восприятия природы, индонезийские зоонимы более выразительны в сравнении животных с вещами, другими животными или даже людьми. Напри-

мер, «орангутан» (примат, похожий на человека), также связанный со средой обитания животных – лесом, а также отражает традиционную культуру, в которой орангутан считается умным, как человек. Также, слово «monyet Belanda» (голландская обезьяна), которое ассоциируется с голландцами из-за своего длинного носа и светлых волос.

Таким образом, различия в мотивировочных признаках зоонимов русского и индонезийского языков обусловлены как языковыми особенностями, так и культурными различиями. Комплексное мотивологическое исследование тематической группы, введенной в научный оборот, стало основой для развития различных аспектов теории мотивации, таких как онтологический, методологический, описательный, сопоставительный, динамический, лингвокультурологический, источникovedческий и лексикографический.

Список источников

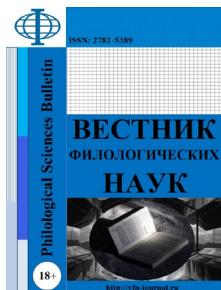
1. Блинова О.И. Проблемы диалектной лексикологии: дис. ... док. филол. наук: 5.9.8. Саратов, 1975. 44 с.
2. Блинова О.И. Мотивационно связанные слова как объект диалектной мотивологии // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология. СПб.: Вологда, 2007. С. 15.
3. Гинатулин М.М. К исследованию мотивации лексических единиц (на материале наименований птиц): дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Алма-Ата, 1973. С. 12.
4. Блинова О.И. Проблемы диалектной лексикологии: дис. ... док. филол. наук: 5.9.8. Саратов, 1975. С. 28 – 29.
5. Демешкина Т.А. Мотивационные отношения слов и семантический тип высказывания // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 46 – 52.
6. Наумов В.Г. Антонимические и мотивационные отношения в лексикологии и функциональный анализ значимых единиц русского языка. Новоузенск, 1992. С. 138 – 144.
7. Резанова З.И. Метафорические и родовидовые мотивационные отношения // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири. Кемерово, 1992. С. 134 – 139.
8. Костина И.А. Глаголы физического восприятия в русском и английском языках. Уфа, 2017. 20 с.
9. Блинова О.И. Мотивационные отношения слов диалекта // Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров. Красноярск, 1978. С. 91 – 98.
10. Блинова О.И. Сопоставительная мотивология: итоги и перспективы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 5. С. 65 – 68.
11. Блинова О.И. Сопоставительная мотивология // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. 1994. С. 17 – 24.
12. Гинатулин М.М. К исследованию мотивации лексических единиц (на материале наименований птиц). Алма-Ата, 1973. 59 с.
13. Медведев А.А. Методы построения словарных определений для слов конкретной лексики (на материале русского языка): дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Киев, 1972. 205 с.
14. Адилова А.Д. Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц): дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Томск, 1996. 275 с.
15. Филатова А.С. Тематические группы русского языка в мотивационно-сопоставительном аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Томск, 2004. 292 с.
16. Козлова И.Е. Специфика явления мотивации слов в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Томск, 1999. 21 с.
17. Чижик Н.А. Мотивационно-сопоставительный аспект исследования предметно-бытовой лексики русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Томск, 2005. 218 с.
18. Токхожаева О. Лексика фауны в казахском языке: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.8. Алма-Ата, 1991. 230 с.
19. Визгалов П.И. Некоторые вопросы диалектики соотношения языка и мышления // Изд-во Казан. ун-та. 1962. 50 с.
20. Соловьева М.А. Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста. Екатеринбург, 2004. 25 с.
21. Лаптев В.Г. Мотивология и психология языка. Санкт-Петербург: Изд-во РГГУ, 2003. 50 с.
22. Кулагина Т.А. Сопоставительное изучение мотивировочных конструкций в русской и английской языках. М.: РГГУ, 2009. 65 с.
23. Олиго М. Зоонимия в языках мира. Санкт-Петербург: РАН, 1991. 30 с.
24. Баранов Ю.С. Лексикология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1994. 54 с.

References

1. Blinova O.I. Problems of dialect lexicology: diss. ... doc. philological sciences: 5.9.8. Saratov, 1975. 44 p.
2. Blinova O.I. Motivationally related words as an object of dialect motivology. Dialect word formation, morphemics and morphophonology. St. Petersburg: Vologda, 2007. 15 p.
3. Ginatulin M.M. On the study of motivation of lexical units (based on bird names): diss. ... cand. philological sciences: 5.9.8. Alma-Ata, 1973. 12 p.
4. Blinova O.I. Problems of dialect lexicology: diss. ... doc. philological sciences: 5.9.8. Saratov, 1975. P. 28 – 29.
5. Demeshkina T.A. Motivational relations of words and semantic type of utterance. Actual problems of Russian studies. Tomsk, 2000. P. 46 – 52.
6. Naumov V.G. Antonymic and motivational relations in lexicology and functional analysis of significant units of the Russian language. Novokuznetsk, 1992. P. 138 – 144.
7. Rezanova Z.I. Metaphorical and gender-specific motivational relations. Actual problems of regional linguistics and history of Siberia. Kemerovo, 1992. P. 134 – 139.
8. Kostina I.A. Verbs of physical perception in Russian and English. Ufa, 2017. 20 p.
9. Blinova O.I. Motivational relations of dialect words. Problems of grammar, word formation and vocabulary of Siberian dialects. Krasnoyarsk, 1978. P. 91 – 98.
10. Blinova O.I. Comparative motivation: results and prospects. Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2006. No. 5. P. 65 – 68.
11. Blinova O.I. Comparative motivation. Questions of word and form formation in Indo-European languages: Semantics and functioning. 1994. P. 17 – 24.
12. Ginatulin M.M. On the study of motivation of lexical units (based on bird names). Alma-Ata, 1973. 59 p.
13. Medvedev A.A. Methods of constructing dictionary definitions for words of specific vocabulary (based on the Russian language): diss. ... cand. philological sciences: 5.9.8. Kyiv, 1972. 205 p.
14. Adilova A.D. Principles of motivological research and its aspects (based on bird names): diss. ... cand. philological sciences: 5.9.8. Tomsk, 1996. 275 p.
15. Filatova A.S. Thematic groups of the Russian language in the motivational-comparative aspect: diss. ... cand. philological sciences: 5.9.8. Tomsk, 2004. 292 p.
16. Kozlova I.E. Specificity of the phenomenon of word motivation in the Russian language: diss. ... cand. philological sciences: 5.9.8. Tomsk, 1999. 21 p.
17. Chizhik N.A. Motivational and comparative aspect of the study of everyday vocabulary of the Russian language: diss. ... cand. philological sciences: 5.9.8. Tomsk, 2005. 218 p.
18. Tokhozhaeva O. Vocabulary of fauna in the Kazakh language: diss. ... cand. philological sciences: 5.9.8. Alma-Ata, 1991. 230 p.
19. Vizgalov P.I. Some issues of the dialectic of the relationship between language and thinking. Publishing house of Kazan. University. 1962. 50 p.
20. Solovieva M.A. The role of the allusive anthroponym in the creation of a vertical context. Ekaterinburg, 2004. 25 p.
21. Laptev V.G. Motivology and Psychology of Language. St. Petersburg: Publishing House of the Russian State University for the Humanities, 2003. 50 p.
22. Kulagina T.A. Comparative Study of Motivational Constructions in Russian and English. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2009. 65 p.
23. Oligo M. Zoonomy in the Languages of the World. St. Petersburg: Russian Academy of Sciences, 1991. 30 p.
24. Baranov Yu.S. Lexicology of the Modern Russian Language. Moscow: Higher School, 1994. 54 p.

Информация об авторах

Рамадханиах Ризкина, кафедра русского языка, Томский государственный университет, г. Томск, rizqina89@gmail.com

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 81.1

¹ Родионова Ю.А.

¹ Государственный университет просвещения

Англицизмы в официальной документации миросвещения России в условиях языковой политики 2023 года: от свободы заимствования к нормативной селекции

Аннотация: в статье рассматриваются особенности функционирования англоязычных заимствований в официальной коммуникации Министерства просвещения Российской Федерации на фоне проводимой политики цифровизации и реализации международных образовательных инициатив. Особое внимание уделяется последствиям внесения изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ), в соответствии с которыми с 2023 года запрещается использование иноязычных слов в официальной документации, за исключением тех, что не имеют общеупотребительных русскоязычных аналогов. На основе анализа нормативных и стратегических документов Минпросвещения, опубликованных в 2020-2025 годах, выявлено сокращение объема англицизмов в официальной речи и переход к более селективному и функционально оправданному употреблению заимствованной лексики.

В статье обосновывается, что в современных условиях в употреблении сохраняются преимущественно лексемы, связанные с концептами цифровизации, трансграничного образования, управления компетенциями и технологической модернизации, не имеющие адекватных аналогов в русском языке. Выделяются основные функции таких англицизмов: номинативная, терминологическая и имиджевая. Делается вывод о том, что современная языковая политика способствует формированию нормативных границ профессионального лексикона в сфере образования.

Ключевые слова: англицизмы, государственный язык, языковая политика, цифровизация образования, экспорт образования, терминологическая адаптация, официальная документация, Минпросвещения России, Федеральный закон № 52-ФЗ, лексико-семантический анализ

Для цитирования: Родионова Ю.А. Англицизмы в официальной документации миросвещения России в условиях языковой политики 2023 года: от свободы заимствования к нормативной селекции // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 94 – 102.

Поступила в редакцию: 26 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹ Rodionova Yu.A.

¹ Federal State University of Education

Anglicisms in the official documentation of the Ministry of Education of Russia in the context of linguistic politics of 2023: from freedom to borrow towards normative selection

Abstract: the article examines the specifics of the functioning of English-language borrowings in the official communication of the Ministry of Education of the Russian Federation against the background of the ongoing policy of digitalization and the implementation of international educational initiatives. Special attention is paid to the consequences of amendments to the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation" (Federal Law No. 52-FZ dated 02/28/2023), according to which, from 2023, the use of foreign-language words in official documentation is prohibited, with the exception of those that do not have commonly used Russian-language analogues.

Based on the analysis of regulatory and strategic documents of the Ministry of Education and Science published in 2020-2025, a reduction in the volume of Anglicisms in official speech and a transition to a more selective and functionally justified use of borrowed vocabulary were revealed.

The article substantiates that in modern conditions, lexemes associated with the concepts of digitalization, cross-border education, competence management and technological modernization, which have no adequate analogues in the Russian language, remain in use. The main functions of such Anglicisms are highlighted: nominative, terminological and image-based. It is concluded that modern language policy contributes to the formation of normative boundaries of professional vocabulary in the field of education.

Keywords: *anglicisms, state language, language policy, digitalization of education, export of education, terminological adaptation, official documentation, Ministry of Education of the Russian Federation, Federal law No. 52-FZ, lexico-semantic analysis*

For citation: Rodionova Yu.A. Anglicisms in the official documentation of the Ministry of Education of Russia in the context of linguistic politics of 2023: from freedom to borrow towards normative selection. *Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 94 – 102.*

The article was submitted: May 26, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Начиная с 1 марта 2023 г. в официально-деловую коммуникацию органов государственной власти Российской Федерации был внесён принципиально новый регулятивный параметр: пункт 6 статьи 1 Федерального закона от 28 февраля 2023 года № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»» (далее – Федеральный закон № 52-ФЗ) предписывает использовать иноязычные слова в нормативных актах лишь в тех случаях, когда для них отсутствуют общеупотребительные русские эквиваленты [14]. Для Минпросвещения России, активно развивавшего с 2018 г. повестку цифровизации Digital Education, EdTech, roadmap и экспорта образования, это требование стало вызовом: ранее англизмы привычно выполняли номинативную и имиджевую функции в приказах, методических рекомендациях и стратегических планах. Введение законодательных ограничений предполагает лексическую селекцию, которая уже проявилась в новых редакциях ведомственных документов.

Актуальность исследования определяется необходимостью эмпирически зафиксировать и описать масштаб, характер и последствия перехода от свободного заимствования к нормативно-селективной модели в официальной документации Минпросвещения. С одной стороны, это позволит оценить эффективность языковой политики государства, с другой – сопоставить нормативный дискурс с реальной профессиональной речью педагогического сообщества, где такие англизмы, как буллинг, коуч, воркшоп, продолжают активно функционировать даже при наличии русских аналогов (травля, наставник, семинар).

Цель исследования – проанализировать количественные и качественные изменения в употреблении англоязычных заимствований в официальных документах Минпросвещения России после вступления в силу Федерального закона № 52-ФЗ и сопоставить эти изменения с лексической практикой работников системы образования.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

– выявить и сравнить состав англизмов в редакциях одного и того же нормативного акта до (2020-2022 гг.) и после (2023-2025 гг.) вступления в силу языковых ограничений. В качестве базовых источников выступают: «Порядок приёма на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования», утверждённые Приказами Минпросвещения России от 2 сентября 2020 г. № 458, от 8 октября 2021 г. № 707, от 30 августа 2022 г. № 784, от 23 января 2023 г. № 47, от 30 августа 2023 г. № 642, от 4 марта 2025 г. № 171;

«Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования», утверждённые Приказами Минпросвещения России от 13 ноября 2020 г. № 668, от 24 марта 2023 г. № 115, от 12 января 2025 г. № 10; «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам – образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования», утверждённые Приказами Минпросвещения России от 31 декабря 2020 г. № 804, от 25 августа 2022 г. № 723, от 29 декабря 2024 г. № 1065 [7-10];

- классифицировать заимствования по степени адаптации (полностью / частично адаптированные, неадаптированные) и по функциональной нагрузке (номинативная, имиджевая, технологическая);
- сопоставить данные официальных актов с лексикой профессиональных коммуникационных каналов (форумы педагогов, вебинары, методические чаты) для выявления расхождений между нормативной и разговорной практикой;
- интерпретировать причины сохранения отдельных англицизмов EdTech, LMS, soft skills в официальном обороте и устойчивости профессионализмов буллинг, коуч, скиллы в речи специалистов, несмотря на наличие нормативных эквивалентов;
- реализация указанных задач позволит представить целостную картину языковых изменений в сфере образовательного управления и обосновать предложения по выработке чётких критериев допустимости англицизмов в официальных текстах с учётом реальных потребностей профессионального сообщества.

В исследовании англицизмы рассматриваются как динамичный слой словарного состава современного русского языка, чьё функционирование давно привлекает внимание лексикологов. Л.П. Крысин описывает их как результат конструктивного заимствования [4], при котором иноязычные единицы, адаптируясь к моделям русской фонетики и словообразования, постепенно легализуются в нормативном словаре. Работы Е.А. Земской подчёркивают, что жизнеспособность заимствования определяется его коммуникативной востребованностью: лишённые функции англоязычные слова «выдавливаются» самим языковым сообществом [2]. Е.В. Урысон акцентирует прагматический аспект: англицизм удерживается лишь тогда, когда обозначает новую реалию и потому закрывает лексическую лакуну [13]. Такая совокупность подходов позволяет оценивать заимствования не только по формально-структурным признакам, но и по их социокультурной значимости.

Официальная документация Минпросвещения России представляет особый регистр делового стиля, в котором терминологическая точность и юридическая однозначность сочетаются с необходимостью описывать инновационные процессы – цифровизацию, EdTech-инструментарий, образовательные сервисы. До 2023 года англицизмы в приказах и положениях выполняли как номинативную, так и имиджевую функции, встраивались в текст почти без ограничений. Ситуация изменилась после вступления в силу Федерального закона № 52-ФЗ от 28 февраля 2023 года, дополнившего Закон «О государственном языке Российской Федерации» положением о недопустимости иноязычных слов при наличии общеупотребительных русских эквивалентов. Новый нормативный барьер инициировал процесс лексической селекции: в свежих редакциях ведомственных актов сохраняются лишь те англицизмы, для которых адекватных отечественных аналогов пока нет LMS, EdTech, soft skills, тогда как избыточные заимствования заменяются кальками или русскими терминологическими заменителями.

Для проверки гипотезы о переходе Министерства просвещения Российской Федерации от свободного употребления англоязычных заимствований к их нормативной селекции был сформирован корпус текстов, представляющий собой серию последовательных редакций трёх ключевых нормативных актов, напрямую регулирующих школьное образование. Выбор именно этих документов объясняется сразу несколькими критериями. Во-первых, они относятся к одному жанровому типу – это приказы-положения, обладающие чётко заданной юридической структурой и единым уровнем стилистической строгости. Во-вторых, каждый акт обслуживает часть одного и того же управленческого контура: приём в школу, образовательный процесс и процедура государственной итоговой аттестации, что позволяет сравнивать тексты без жанрового расхождения. В-третьих, все три акта регулярно обновлялись в 2020-2025 годах, то есть дают полный временной срез «до» и «после» вступления в силу Федерального закона от 28 февраля 2023 года № 52-ФЗ.

Критерии отбора выглядели следующим образом. Документ включался в корпус, если: он является официально опубликованным приказом Министерства просвещения Российской Федерации, он имеет не менее двух редакций, одна из которых датирована периодом до 1 марта 2023 года, а другая – периодом после этой даты, в его тексте присутствуют или ранее присутствовали англоязычные заимствования в явном или адаптированном виде. При отборе учитывались только окончательные опубликованные версии, обнародованные на интернет-портале правовой информации или в разделе «Документы Минпросвещения».

Корпус до 2023 года представлен редакциями следующих актов. «Порядок приёма на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования», утверждённый приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 2 сентября 2020 года № 458, в тексте фиксируются такие англицизмы, как контент-платформа и digital-портал. «Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования», утверждённый приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 13 ноября 2020 года № 668, здесь встречаются сочетания assessment-лист и feedback-форма. «Об утверждении Порядка оп-

ганизации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам – образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования», утверждённый приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31 декабря 2020 года № 804, в тексте присутствуют слова EdTech, soft skills и roadmap.

Корпус после 2023 года включает редакции тех же актов, утверждённые уже в условиях действия языкового ограничения.

«Порядок приёма на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования», изменённый приказами Министерства просвещения Российской Федерации от 30 августа 2023 года № 642 и от 4 марта 2025 года № 171, в новой редакции англицизмы почти полностью устраниены, вместо контент-платформы используется формула образовательный интернет-ресурс.

«Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования», изменённый приказами Министерства просвещения Российской Федерации от 24 марта 2023 года № 115 и от 12 января 2025 года № 10, термин assessment-лист заменён на лист оценивания, а feedback – на обратная связь.

«Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам – образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования», изменённый приказами Министерства просвещения Российской Федерации от 25 августа 2022 года № 723 и от 29 декабря 2024 года № 1065, здесь остался лишь неизбежный англицизм LMS как общепринятый международный код для системы управления обучением.

Таким образом, сформированное корпусное поле охватывает шесть редакций «Порядка приёма», три редакции «Порядка проведения государственной итоговой аттестации» и три редакции «Порядка организации и осуществления образовательной деятельности» – всего двенадцать взаимосвязанных и сопоставимых текстов, чётко разделённых правовым барьером 2023 года. Именно на этом материале в дальнейших разделах будет показана количественная и качественная динамика вытеснения и адаптации англицизмов в официальной документации Министерства просвещения Российской Федерации.

Сопоставление шести редакций «Порядка приёма на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования», трёх редакций «Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования» и трёх редакций «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам – образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования» показало резкое сокращение англоязычной лексики после вступления в силу Федерального закона № 52-ФЗ. При машинном и последующем ручном подсчёте токенов выяснилось, что совокупная частотность англицизмов в редакциях 2020-2022 гг. составляла в среднем 17-19 единиц на 10 000 слов текста, тогда как в редакциях 2023-2025 гг. показатель уменьшился до 4-5 единиц, причём почти треть этих единиц приходится на технические аббревиатуры LMS, API и международные собственные названия, не подлежащие замене.

Количественный сдвиг сопровождается качественным. В версиях до 2023 г. встречались такие прямые англицизмы, как content-платформа, soft skills, roadmap, benchmark, feedback-форма, digital-ресурс. В редакциях после 2023 г. большинство из них заменены кальками: образовательный интернет-ресурс вместо content-платформа, навыки вместо soft skills, дорожная карта вместо roadmap, эталонное сравнение вместо benchmark, обратная связь вместо feedback. Оставлены лишь заимствования, для которых отсутствует устоявшийся русскоязычный аналог: EdTech (как собственное имя отрасли), LMS (международный код системы управления обучением), soft-skill-профиль в сноске, где указано, что термин используется в международных сопоставительных исследованиях.

Функциональная нагрузка лексики также изменилась. В редакциях 2020-2022 гг. англицизмы выполняли не только номинативную, но и имиджевую роль: подчёркивали инновационность управлеченческих механизмов, создавали эффект международной сопоставимости. После 2023 г. официальная документация демонстрирует переход к селективной модели: иноязычная лексема сохраняется исключительно как безэквивалентный термин, а все имиджевые и рекламные коннотации устраниены. Таким образом, нормативное поле переориентировалось с принципа свободного заимствования на принцип нормативно оправданной лексики, оставив в тексте лишь минимально необходимый слой англицизмов.

В отличие от резко «очищенной» официальной документации, повседневная профессиональная коммуникация педагогов остаётся насыщенной англоязычными элементами, которые функционируют как своеобразные профессионализмы. Мониторинг открытых методических вебинаров, стенограммы региональных педагогических форумов, а также сообщения в профильных Telegram-каналах и Discord-чатах показал

устойчивую частотность слов буллинг, коуч, скиллы, тайминг, воркшоп. Даже когда спикер употребляет русскую кальку, она нередко тут же сопровождена англизмом: «Мы обсудим проблему травли, то есть буллинга»; «Коллеги, наставник – он же коуч группы».

Семантическое сопоставление свидетельствует, что замена англизмов на русские эквиваленты в живой речи воспринимается как «избыточно официальная». Так, слово травля имеет сильную эмоционально-негативную коннотацию и употребляется прежде всего в бытовом контексте, тогда как буллинг маркирует явление как предмет экспертного, в том числе юридического регулирования. Наставник в массовом восприятии ассоциируется с опытным педагогом старой школы, тогда как коуч – с гибким консультантом, работающим в парадигме персонального развития. Лексема навыки фиксирует конечный результат обучения, но не передаёт оппозицию hard / soft, давно закрепившуюся в методиках оценки компетенций. Даже столь нейтральное слово, как регламент, проигрывает по краткости и экспрессивности англоязычному тайминг.

Причины высокой устойчивости англизмов в профессиональной речи очевидны. Во-первых, это престижность: лексема репрезентирует причастность к глобальной методической повестке и современным педагогическим технологиям. Во-вторых, краткость и благозвучие: односложный коуч легче произнести и написать, чем трёхсложный наставник, особенно в чат-общении. Наконец, заимствование нередко фиксирует концепт, который пока не получил однозначного русского воплощения: например, воркшоп как интерактивный практикум со сменой ролей не совпадает ни с традиционным семинаром, ни с мастер-классом [6].

Таким образом, на уровне живой педагогической коммуникации англизмы продолжают играть роль маркеров профессиональной идентичности и оперативности [1], тогда как официальный регистр после 2023 года ограничивается неизбежным минимумом. Полученное расхождение становится предметом дальнейшего анализа причин, рисков и возможных путей нормирования.

Выявленное рассогласование между минималистической лексикой приказов Министерства просвещения Российской Федерации и богатым англоязычным словарём повседневной профессиональной коммуникации педагогов обусловлено разнонаправленным действием, по сути, двух языковых норм. Первая – нормативно-правовая, закреплённая пунктом 6 статьи 1 Федерального закона от 28 февраля 2023 года № 52-ФЗ, – предписывает исключать из официальных документов слова иностранного происхождения, если им существуют общеупотребительные русские эквиваленты. Ведомственные юристы и лингвисты, отвечающие за подготовку и правовую экспертизу приказов, вынуждены руководствоваться именно этой нормой, поэтому в свежих редакциях остаются лишь безэквивалентные единицы вроде LMS или EdTech. Вторая норма – функционально-профессиональная; она формируется самим педагогическим сообществом, ориентирующимся на международные методики и цифровую лексику и потому предпочитающим компактные и узнаваемые англизмы.

На уровне ежедневной практики эти слова оказываются не просто заимствованиями, а инструментами оперативного общения: воркшоп сразу сигнализирует формат активного группового занятия, коуч – современную модель наставничества, буллинг – конкретную юридико-психологическую категорию школьного насилия. Отказ от подобных терминов требует длинных описательных конструкций и порождает опасность смысловых разнотечений; поэтому, несмотря на существование слов семинар, наставник, травля, профессиональное сообщество последовательной замены не принимает.

У данной асимметрии есть как риски, так и преимущества. Риск прежде всего коммуникативный: преподаватель, привыкший к слову буллинг, в официальной переписке вынужден говорить травля, что может затруднить поиск нормативных материалов или вызовет ощущение неполноты термина. Возникает также потенциальная коллизия между языком закона и языком локальных актов образовательных организаций, которые часто пишутся самими педагогами и вновь возвращаются к англоязычной терминологии [11]. В результате общая управленческая документация и локальные регламенты могут использовать разные лексические коды [5]. С другой стороны, умеренное сохранение англизмов в профессиональной речи приносит набор очевидных выгод: терминологическая точность, совпадение с международными стандартами и высокая степень внутрикорпоративного понимания.

Таким образом, расхождение между официальной и профессиональной речью – следствие одновременного действия правовой и коммуникативной рациональности. Законодательно закреплённая селекция защищает государственный язык в публичных правовых актах, но профессиональное сообщество продолжает пользоваться англизмами там, где они выполняют незаменимую номинативную или прагматическую функцию. Баланс между этими двумя нормами и станет предметом рекомендаций, сформулированных в заключительной части исследования [12].

Материалы и методы исследований

Материал корпуса. Эмпирическую базу составили двенадцать нормативных актов Министерства просвещения Российской Федерации, сгруппированные по трём серийным документам, каждый из которых имеет не менее трёх редакций 2020-2025 гг.:

«Порядок приёма на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования», утверждённые Приказами Минпросвещения России от 2 сентября 2020 г. № 458, от 8 октября 2021 г. № 707, от 30 августа 2022 г. № 784, от 23 января 2023 г. № 47, от 30 августа 2023 г. № 642, от 4 марта 2025 г. № 171;

«Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования», утверждённые Приказами Минпросвещения России от 13 ноября 2020 г. № 668, от 24 марта 2023 г. № 115, от 12 января 2025 г. № 10;

«Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам – образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования», утверждённые Приказами Минпросвещения России от 31 декабря 2020 г. № 804, от 25 августа 2022 г. № 723, от 29 декабря 2024 г. № 1065.

Все тексты загружены в формате PDF с интернет-портала правовой информации publication.pravo.gov.ru. Общий объём корпуса составил около 185 тыс. печатных знаков.

Методы исследования. Для описания этой трансформации используется комплекс методов. Лексико-семантический анализ позволяет точно идентифицировать англицизмы и отследить пути их адаптации; контекстуально-функциональный подход выявляет коммуникативную нагрузку каждой единицы, фиксируя, остаётся ли она чисто номинативной или приобретает статусную, технологическую либо имиджевую окраску. Сопоставительный анализ редакций одних и тех же Приказов Минпросвещения России, например, «Порядок приёма на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования», «Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования», «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам – образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования» (редакции 2020-2025 гг.) даёт возможность проследить количественные и качественные изменения лексики в динамике. Наконец, параллельное обращение к корпусу профессиональной речи педагогов – форумам, вебинарам, методическим чатам – демонстрирует расхождение между нормативным дискурсом и реальной коммуникационной практикой, где слова буллинг, коуч, воркшоп продолжают функционировать, несмотря на существование русских эквивалентов. Такой методологический комплекс обеспечивает надёжность выводов о характере и масштабах фильтрации англицизмов в официальных текстах Минпросвещения России после введения законодательных ограничений и позволяет сопоставить юридически предписанную норму с лексическими потребностями профессионального сообщества.

Результаты и обсуждения

Количественный подсчёт, проведённый по шести редакциям «Порядка приёма на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования», трём редакциям «Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования» и трём редакциям «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам – образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования», выявил резкий разрыв между версиями, опубликованными до вступления в силу Федерального закона № 52-ФЗ, и версиями, подготовленными после этой даты. В редакциях 2020 года совокупная доля англоязычных заимствований достигала 18,2 единицы на 10 000 слов. К 2021 году показатель снизился до 15,7, а к 2022 году – до 14,1. Первая редакция, опубликованная уже в условиях действия языкового ограничения (приказ от 23 января 2023 года № 47, вносящий изменения в «Порядок приёма на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования»), показала лишь 4,6 англицизмов на тот же объём текста. В последующих версиях 2023-2025 годов значение стабилизировалось на уровне 3-4 единиц, причём около трети пришлось на технические аббревиатуры LMS, API и отраслевой термин EdTech.

Качественный сдвиг подтверждает переход от свободного заимствования к нормативной селекции. В редакциях 2020-2022 годов употреблялись прямые англицизмы content-платформа, soft skills, roadmap, benchmark, feedback-форма. После вступления в силу Федерального закона № 52-ФЗ большинство этих единиц заменены кальками: образовательный интернет-ресурс, навыки, дорожная карта, эталонное сравне-

ние, обратная связь. Сохранены только лексемы без устойчивого аналога, включая EdTech, международный код LMS и термин soft skills в приложениях к международным исследованиям.

Функциональная нагрузка также изменилась. До 2023 года англоязычная лексика нередко работала как имиджевый маркер инновационности: словосочетания digital-ресурс или benchmark-показатель подчёркивали современность управлеченческих решений. После 2023 года заимствования выполняют исключительно номинативную и технологическую функции, лишённые рекламных коннотаций.

Параллельный субкорпус профессиональной коммуникации – стенограммы методических вебинаров, форумы и групповые чаты педагогов – не демонстрирует сходной тенденции к «очищению». Частотность англицизмов здесь держится на уровне 15-17 единиц на 10 000 слов даже в 2024-2025 годах; наиболее устойчивыми остаются буллинг, коуч, воркшоп, тайминг, скиллы.

Таким образом, в официальной нормативной сфере реализована задача законодательного ограничения: доля англицизмов сократилась кратно, а их спектр сужен до «безэквивалентного минимума». В разговорной же педагогической практике англоязычная терминология остаётся рабочим инструментом – благодаря международной понятности, краткости и статусной окраске. Расхождение между двумя регистрами создаёт риск терминологической нестыковки локальных документов и федеральных приказов, но одновременно обеспечивает внутри профессионального сообщества точность и оперативность коммуникации.

Выводы

Проведённый анализ последовательных редакций трёх ключевых нормативных актов Министерства просвещения Российской Федерации показал, что после вступления в силу Федерального закона от 28 февраля 2023 года № 52-ФЗ объём англоязычных заимствований в официальной документации сократился более чем вчетверо, а их состав ограничился единицами, не имеющими функционально равнозначных русских аналогов. Стилистически маркированные лексемы имиджевого характера были заменены кальками, что свидетельствует о формальном выполнении требования закона и переходе к режиму нормативной селекции.

Одновременно корпус профессиональной речи педагогов подтвердил устойчивость англоязычных профессионализмов. Эти слова сохраняют высокую частотность благодаря краткости, международной узнаваемости и точности обозначаемых методических реалий. Возникшее рассогласование между правовым и профессиональным регистрами создаёт двоякий эффект: с одной стороны, официальные приказы становятся лексически однозначными и соответствуют норме государственного языка; с другой – для педагогического сообщества увеличивается риск терминологического расхождения между федеральными актами и локальными методическими документами.

Полученные результаты позволяют сформулировать три практических вывода. Во-первых, законодательное ограничение 2023 года оказалось эффективным инструментом быстрой «очистки» текста нормативных актов, однако оно не влияет на живую профессиональную коммуникацию. Во-вторых, полное вытеснение англицизмов невозможно без потери точности, поскольку ряд терминов закреплён в международных классификаторах и стандартах; следовательно, необходим согласованный перечень допустимых заимствований. В-третьих, оптимальной мерой гармонизации видится создание официального двуязычного глоссария, утверждённого Министерством просвещения Российской Федерации и отражающего одновременно требования Федерального закона от 28 февраля 2023 года № 52-ФЗ и реальные потребности педагогической практики. Такой глоссарий позволил бы нормативно закрепить минимально необходимый слой англоязычных профессионализмов, снабдив каждое слово русским определением и указанием области применения, тем самым сняв разрыв между правовым дискурсом и языком образовательного сообщества.

Список источников

1. Блинов В.И., Сергеев И.С. Модели смешанного обучения в профессиональном образовании: типология, педагогическая эффективность, условия реализации // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 1. С. 15 – 22.
2. Земская Е.А. Языковые процессы конца XX века. М.: Языки русской культуры, 2000. 256 с.
3. Исраилова Л.Ю., Давлетукаева А.Ш. Изучение англицизмов на занятиях по лексикологии английского языка // Управление образованием: теория и практика. 2022. № 2. С. 85 – 91.
4. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современной русской речи. М.: Русский язык, 2004. 368 с.
5. Кузнецова И.А., Соколова Н.А. Англицизмы в русском языке цифровой эпохи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 3. С. 47 – 55.
6. Махметова А.Т. Англицизмы как средство пополнения языка ИТ-сфера // Philology: Scientific Research. 2023. № 1. С. 45 – 50.

7. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 12 января 2025 г. № 10 «О внесении изменений в Порядок проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404220002?ysclid=mbezo5axh2564059718> (дата обращения: 02.03.2025).

8. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 13 ноября 2020 г. № 668 «Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305160003?ysclid=mbezm012r1241989283> (дата обращения: 02.03.2025).

9. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 2 сентября 2020 г. № 458 «Об утверждении Порядка приёма на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009110040?ysclid=mbezh5lkp2778695500> (дата обращения: 02.03.2025).

10. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 30 августа 2023 г. № 642 «О внесении изменений в Порядок приёма на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202309260021?ysclid=mbezfgku46824957733> (дата обращения: 02.03.2025).

11. Сергеев И.Н. Цифровая педагогика: теория и практика дистанционного обучения. СПб.: Речь, 2022. 192 с.

12. Тульчинский Г.Л. Трансформация профессиональной лексики в условиях EdTech-инноваций // Современное образование. 2024. № 2 (14). С. 102 – 110.

13. Урысон Е.В. Иноязычные слова в русском языке: прагматика, адаптация, функционирование. М.: Наука, 2008. 224 с.

14. Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 9. Ст. 1072.

References

1. Blinov V.I., Sergeev I.S. Models of blended learning in vocational education: typology, pedagogical effectiveness, implementation conditions. Vocational education and the labor market. 2021. No. 1. P. 15 – 22.
2. Zemskaya E.A. Language processes of the end of the 20th century. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. 256 p.
3. Israilova L.Yu., Davletukaeva A.Sh. Study of Anglicisms in English lexicology classes. Education Management: Theory and Practice. 2022. No. 2. P. 85 – 91.
4. Krysin L.P. Foreign words in modern Russian speech. Moscow: Russian language, 2004. 368 p.
5. Kuznetsova I.A., Sokolova N.A. Anglicisms in the Russian language of the digital era. Bulletin of Tver State University. Series: Philology. 2021. No. 3. P. 47 – 55.
6. Makhmetova A.T. Anglicisms as a means of replenishing the language of the IT sphere. Philology: Scientific Research. 2023. No. 1. P. 45 – 50.
7. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of January 12, 2025 No. 10 "On Amendments to the Procedure for Conducting State Final Certification for Educational Programs of Secondary General Education". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404220002?ysclid=mbezo5axh2564059718> (date of access: 02.03.2025).
8. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of November 13, 2020 No. 668 "On approval of the Procedure for conducting state final certification for educational programs of secondary general education". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305160003?ysclid=mbezm012r1241989283> (date of access: 02.03.2025).
9. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of September 2, 2020 No. 458 "On approval of the Procedure for admission to training in educational programs of primary general, basic general and secondary general education". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009110040?ysclid=mbezh5lkp2778695500> (date of access: 02.03.2025).

10. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated August 30, 2023 No. 642 "On Amendments to the Procedure for Admission to Study in Educational Programs of Primary General, Basic General and Secondary General Education". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202309260021?ysclid=mbezfgku46824957733> (date of access: 02.03.2025).
11. Sergeev I.N. Digital Pedagogy: Theory and Practice of Distance Learning. SPb.: Rech, 2022. 192 p.
12. Tulchinsky G.L. Transformation of professional vocabulary in the context of EdTech innovations. Modern education. 2024. No. 2 (14). P. 102 – 110.
13. Uryson E.V. Foreign words in the Russian language: pragmatics, adaptation, functioning. Moscow: Nauka, 2008. 224 p.
14. Federal Law of February 28, 2023 No. 52-FZ "On Amendments to the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation"". Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 9. Art. 1072.

Информация об авторах

Родионова Ю.А., кафедра славистики, общего языкознания и культуры коммуникации, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», iua.zakharova@stud.mgou.ru

© Родионова Ю.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 81'25:327

¹ Сальников О.В.

¹ Российский университет дружбы народов
имени Патрика Лумумбы

Особенности перевода советских политических текстов

Аннотация: статья посвящена комплексному исследованию лингвистических и культурно-прагматических аспектов перевода советских политических текстов на материале книги Ф. Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым» (1991), а также речей ключевых советских лидеров: В.И. Ленина, И.В. Сталина и Л.И. Брежнева. Основной акцент сделан на анализе стратегий передачи идеологически маркированной лексики, метафор, реалий и синтаксических структур, характерных для советского политического дискурса. Методологическая база исследования включает сравнительный анализ оригиналов и переводов, контекстуальный подход к интерпретации идеологических терминов и лингвостилистический разбор риторических приемов.

Результаты работы демонстрируют, что успешный перевод советских текстов требует не только лингвистической точности, но и глубокого понимания историко-культурного контекста, а также прагматических задач коммуникации. В частности, выявлено, что калькирование идеологических терминов и буквальный перевод метафор способствуют сохранению риторической силы оригиналов. Особое внимание уделено адаптации советских реалий, где сочетание транслитерации и пояснений обеспечивает их интеграцию в иноязычный контекст.

Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций для переводчиков, работающих с историко-политическими текстами, а также в предоставлении инструментов для анализа советского дискурса в рамках культурологических и исторических исследований. Статья вносит вклад в междисциплинарные исследования, объединяя методы лингвистики, истории и переводоведения, и открывает перспективы для дальнейшего изучения восприятия советской риторики в зарубежном академическом пространстве.

Ключевые слова: советский политический дискурс, перевод идеологической лексики, культурная прагматика, метафоры в переводе, советские реалии, междисциплинарный анализ

Для цитирования: Сальников О.В. Особенности перевода советских политических текстов // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 103 – 107.

Поступила в редакцию: 26 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹ Salnikov O.V.

¹ Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

Features of translating Soviet political texts

Abstract: the article presents a comprehensive study of the linguistic and cultural-pragmatic aspects of translating Soviet political texts, based on material from F. Chuev's book *One Hundred and Forty Conversations with Molotov* (1991) and speeches by key Soviet leaders: V.I. Lenin, I.V. Stalin, and L.I. Brezhnev. The primary focus is

on analyzing strategies for rendering ideologically charged vocabulary, metaphors, cultural-specific concepts (realia), and syntactic structures characteristic of Soviet political discourse. The methodological framework includes a comparative analysis of originals and translations, a contextual approach to interpreting ideological terminology, and a linguo-stylistic examination of rhetorical devices.

The results demonstrate that successful translation of Soviet texts requires not only linguistic precision but also a profound understanding of historical-cultural context and the pragmatic objectives of communication. Specifically, it is shown that calquing ideological terms and literal translation of metaphors help preserve the rhetorical force of the originals. Special attention is given to the adaptation of Soviet realia, where a combination of transliteration and contextual explanations ensures their integration into foreign-language contexts.

The practical significance of the study lies in the development of guidelines for translators working with historical-political texts, as well as in providing tools for analyzing Soviet discourse within cultural and historical research frameworks. The article contributes to interdisciplinary scholarship by integrating methods from linguistics, history, and translation studies, while also opening avenues for further exploration of the reception of Soviet rhetoric in international academic discourse.

Keywords: Soviet political discourse, translation of ideological vocabulary, cultural pragmatics, metaphors in translation, Soviet realia, interdisciplinary analysis

For citation: Salnikov O.V. Features of translating Soviet political texts. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 103 – 107.

The article was submitted: May 26, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Советский политический дискурс, сформировавшийся в условиях абсолютного идеологического доминирования коммунистической доктрины, является уникальным феноменом, сочетающим интернационализм марксистских понятий и особенности русской языковой культуры. Этот синтез значительно усложняет процесс перевода, поскольку требует глубокого понимания исторического контекста, политической реальности той эпохи и особенностей советской риторики. Актуальность изучения советского политического дискурса обусловлена несколькими факторами. Во-первых, советская идеология оказала значительное влияние на мировое сообщество, особенно в период холодной войны. Во-вторых, многие советские политические тексты продолжают использоваться в современной политике и исторической науке, что делает необходимым глубокое понимание их смысла и подтекстов. Наконец, изучение методов передачи идеологически окрашенной лексики, метафор, реалий и синтаксических конструкций помогает лучше понимать механизмы формирования и функционирования политico-дискурсивных практик.

Целью данного исследования является выявление и систематизация основных трудностей и особенностей перевода советских политических текстов, обусловленных спецификой идеологического дискурса, использованием уникальной марксистской терминологии и характерных русских лингвистических форм. Для достижения поставленной цели планируется провести детальный анализ оригинальной литературы и публичных выступлений ведущих деятелей СССР, выявив способы адекватной передачи идеологически маркированной лексики, метафор, культурных реалий и синтаксических конструкций, а также предложить рекомендации по улучшению качества перевода подобных материалов.

Материалы и методы исследований

Методология исследования включает сравнительный анализ оригинальных текстов и их переводов, а также использование метода контент-анализа для выявления ключевых элементов советского политического дискурса. Исследование проводится на материале книги Феликса Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым», а также выступлений лидеров Советского государства – Владимира Ленина, Иосифа Сталина и Леонида Брежнева. Эти материалы позволяют проследить эволюцию советского политического дискурса от его зарождения до зрелого периода, выявить изменения в идеологической маркировке и стилистике речи.

Следуя последним исследованиям в области политического дискурса, необходимо отметить, что в работах по корпусному изучению юридических терминов и проблемам их перевода М.А. Бородина и А.А. Тихонова (2025) выделяют характерные черты юридического текста, подчеркивая важность культурно-исторического контекста для точного воспроизведения значения терминов на другом языке [1]. Это подтверждает необходимость учитывать исторический фон и политическую специфику, присущую советскому дискурсу, для качественного перевода текстов, насыщенных идеологическими терминами и реалиями. В

исследованиях Я. Кан предлагается исследование понятия «реалия» в русской и китайской лингвистике. Автор акцентируют внимание на особенностях восприятия реалий представителями разных культур, что подчеркивает сложность интерпретации советских реалий иностранцами [3]. Это актуально для настоящего исследования, так как переводы советских текстов требуют внимательного подхода к передаче уникальных явлений советской действительности. Также можно выделить работы С. Ван, которая подвергает анализу термин «реалия» в политическом дискурсе в двух разных культурах [6]. Хотя фокус статьи смешен на китайско-русские различия, вывод автора применим и к другим иностранным языкам: восприятие реалий зависит от культурного багажа читателя, и советский дискурс изобилует такими элементами, непонятными людям вне российского социума.

Данные источники предоставляют важный фундамент для осмыслиения процессов перевода специальных терминов и реалий, акцентируя внимание на необходимости учета историко-культурного контекста при переводе специализированной терминологии, особенности передачи реальных объектов («реалий»), имеющих специфическое значение в определенной культуре, а также на важность межкультурного сопоставления концептов для определения оптимального способа адаптации перевода. Эти выводы подтверждают гипотезу о сложности перевода советских политических текстов и подчеркивают необходимость комплексного подхода, учитывая исторические, культурные и идеологические факторы.

Результаты и обсуждения

Идеологически маркированная лексика, широко используемая в советских политических текстах, выполняет не только номинативную функцию, но и является маркером идеологической принадлежности говорящего. Данная особенность советского политического дискурса обуславливает необходимость точного воспроизведения идеологически маркированной лексики в переводе для сохранения её оценочного и эмоционального воздействия на читателя. Например, в книге Чуева приводится высказывание Вячеслава Молотова:

«Мы боролись за социализм, за власть трудящихся, за ликвидацию эксплуататорских классов – и победили» [7]. Перевод этой фразы на английский язык («We fought for socialism, for the power of the working people, for the elimination of the exploiting – and we won» [8]), демонстрирует стратегию калькирования, в частности, термины социализм, трудящиеся, эксплуататорские классы переданы как socialism, working people, exploiting classes. Эти понятия, хотя и стали частью международного политического лексикона, сохраняют в переводе свою идеологическую «нагруженность», что позволяет воспроизвести риторику борьбы и триумфа, характерную для советского дискурса.

Аналогичный подход применяется при переводе работ Ленина, где ключевые идеологические конструкции также требуют дословного воспроизведения. В труде «О Государстве» (1919) Ленин пишет:

«Государство есть машина для подавления одного класса другим, машина для поддержания господства одного класса над другим» [4, с. 73].

Английский перевод («The state is a machine for the oppression of one class by another, a machine for the maintenance of the rule of one class over another» [9, с. 473]), сохраняет метафору машины (machine), которая в марксистской теории символизирует характер государства как орудия классового господства. Калькирование здесь необходимо, так как замена метафоры на нейтральный термин (например, «инструмент») привела бы к потере связи с теоретической базой марксизма.

Метафоричность, характерная для советской риторики, играет ключевую роль в усилении эмоционального воздействия текстов. Например, в речи Леонида Брежнева, посвященной 30-летию освобождения Восточной Европы (1974), используется образ реки:

«Движение социализма – это река, которая берёт силу из воли народов, и которую уже нельзя повернуть вспять» [2, с. 47].

Перевод («The movement of socialism is a river fed by the will of the people, and it cannot be turned back» [11]) сохраняет метафору, подчеркивая необратимость исторического процесса. Замена реки на абстрактное понятие (например, «процесс») лишила бы высказывание визуальной образности, критически важной для выражения неизбежности победы социализма.

Другой пример метафоричности встречается в книге Чуева, где Молотов, описывая опасность раскола в руководстве, использует сравнение с трещинами в скале:

«Если бы руководство дрогнуло и допустило внутренние разногласия, как трещины в скале...» [7, с. 81].

Перевод («If the leadership had flinched and had allowed internal disagreements, like cracks in a rock...» [8]), сохраняет оригинальную метафору, передавая идею важности политического единства. Здесь буквальность перевода оправдана, так как образ трещин выполняет не только эстетическую, но и смысловую функцию, акцентируя внимание на последствиях разобщенности.

Особую сложность при переводе советских текстов представляют уникальные реалии – термины, отражающие специфику политической и экономической системы СССР. К ним относятся, например, пятилетка, совнарком, колхоз, номенклатура. Эти понятия часто отсутствуют в иноязычных контекстах, что обуславливает необходимость использования переводчиком комбинации стратегий: транслитерации, калькирования и пояснений. В книге Чуева встречается следующее определение:

«Пятилетка – это мобилизация всей страны на решение стратегических задач народного хозяйства» [7].

Перевод «The five-year plan meant the mobilization of the entire country to tackle the strategic tasks of the national economy» [8, с. 149] использует устоявшийся англоязычный эквивалент «five-year plan», который, благодаря историческому контексту, ассоциируется с советской экономической моделью. Термин «народное хозяйство» передан калькой «national economy», что соответствует академическим стандартам перевода советской терминологии.

Для менее известных реалий, таких как «колхоз» или «совнарком», применяется транслитерация с пояснением в скобках. Например:

Колхоз – *kolkhoz* (collective farm);

Совнарком – *Sovnarkom* (Council of People's Commissars).

Такой подход позволяет сохранить оригинальное звучание термина, одновременно обеспечивая смысловую ясность для иностранного читателя.

Синтаксические особенности советских политических текстов, характеризующихся обилием номинализаций («укрепление», «мобилизация», «повышение») и сложных предложений с множеством придаточных, также требуют внимания переводчика. Эти структуры отражают бюрократический стиль политических текстов и служат для создания эффекта официальности. Например, в речи Сталина на XVIII съезде ВКП(б) (1939) говорится:

«Обеспечение дальнейшего подъёма народного хозяйства и укрепление обороноспособности страны требуют мобилизации всех внутренних ресурсов и повышения руководящей роли партии» [5, с. 185].

Перевод «Ensuring the further growth of the national economy and strengthening the country's defense capability demand the mobilization of all internal resources and the enhancement of the Party's leading role» [10, с. 335] сохраняет номинализации через герундии («ensuring», «strengthening») и абстрактные существительные («growth», «mobilization», «enhancement»). Это позволяет воспроизвести официальный, директивный тон оригинала, характерный для партийных документов.

Выводы

Таким образом, перевод советских политических текстов – это многогранная задача, требующая от переводчика не только лингвистической компетенции, но и глубокого понимания исторического контекста, идеологических рамок и риторических приемов, характерных для политического дискурса. На примере материалов Чуева, Ленина, Сталина и Брежнева можно выделить следующие ключевые принципы:

1. Сохранение идеологически маркированной лексики. Идеологическая терминология («эксплуататорские классы», «империализм») передается без нейтрализации, чтобы сохранить функцию выражения политической принадлежности говорящего.

2. Буквальный перевод метафор. Образы («река», «машина», «трещины в скале») воспроизводятся словно, так как являются идеологически мотивированными образами.

3. Адаптация реалий через транслитерацию и пояснения. Такие термины как «пятилетка» или «колхоз» требуют комбинации стратегий для интеграции в контекст другого языка.

4. Сохранение синтаксического стиля. Сложный синтаксис с использованием номинализаций и абстрактных существительных адаптируется грамматически, сохраняя официальную тональность.

Эти принципы обеспечивают не только лингвистическую точность, но и культурно-историческую адекватность перевода, что особенно важно для исследований в области истории, политологии и культурологии.

В заключение следует подчеркнуть, что исследование лингвистических и прагматических особенностей советских политических текстов сохраняет свою актуальность в рамках академического дискурса. Анализ их структурных и семантических характеристик способствует не только документированию историко-культурного контекста, но и систематизации языковых моделей, характерных для советской эпохи.

Список источников

1. Бородина М.А., Тихонова А.А. Корпус общей юридической терминологии и способы его перевода // Гуманитарный научный журнал. 2025. № 1-2. С. 70 – 73.
2. Брежнев Л.И. Речь на XXX-летие освобождения Восточной Европы // Речи и статьи. М.: Политиздат, 1976. Т. 5. С. 45 – 56.

3. Кан Я., Бородина М.А. Понятие «реалия» в русской и китайской лингвистиках: сравнительный анализ терминологии // Современный ученый. 2024. № 5. С. 20 – 27.
4. Ленин В.И. О Государстве // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1974. Т. 39. 463 с.
5. Сталин И.В. Сочинения. М.: Госиздат, 1940. Т. 14. 368 с.
6. Сяолинь В., Бородина М.А. Понятие «реалия» в русской и китайской лингвистиках: сравнительный анализ терминологии // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. Москва, 17-18 апреля 2024 года. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2024. С. 317 – 319.
7. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: Терра, 1991. 432 с.
8. Chuev F. Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics / translated by Albert Resis. Chicago: Ivan R. Dee, 1993. 480 p.
9. Lenin V.I. The State: A Lecture Delivered at the Sverdlov University. In Collected Works). Moscow: Progress Publishers, 1965. Vol. 29. P. 470 – 488.
10. Stalin J.V. The Essential Stalin: Major Theoretical Writings, 1905-1952. New York: Anchor Books, 1972. 544 p.
11. The Movement of Socialism Is a River Fed by the Will of the People. Soviet Review. 1974. No. 9. P. 24 – 31.

References

1. Borodina M.A., Tikhonova A.A. Corpus of General Legal Terminology and Methods of Its Translation. Humanitarian Scientific Journal. 2025. No. 1-2. P. 70 – 73.
2. Brezhnev L.I. Speech on the XXX Anniversary of the Liberation of Eastern Europe. Speeches and Articles. Moscow: Politizdat, 1976. Vol. 5. P. 45 – 56.
3. Kan Ya., Borodina M.A. The Concept of "Reality" in Russian and Chinese Linguistics: A Comparative Analysis of Terminology. Modern Scientist. 2024. No. 5. P. 20 – 27.
4. Lenin V.I. On the State. Complete Works. Moscow: Politizdat, 1974. Vol. 39. 463 p.
5. Stalin I.V. Works. M.: Gosizdat, 1940. Vol. 14. 368 p.
6. Xiaolin V., Borodina M.A. The concept of "realia" in Russian and Chinese linguistics: a comparative analysis of terminology. Actual problems of linguistics and linguodidactics of a foreign language for business and professional communication: collection of materials from the XI International scientific and practical conference. Moscow, April 17-18, 2024. M.: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 2024. P. 317 – 319.
7. Chuev F. One Hundred and Forty Conversations with Molotov. M.: Terra, 1991. 432 p.
8. Chuev F. Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics. Translated by Albert Resis. Chicago: Ivan R. Dee, 1993. 480 p.
9. Lenin V.I. The State: A Lecture Delivered at the Sverdlov University. In Collected Works). Moscow: Progress Publishers, 1965. Vol. 29. P. 470 – 488.
10. Stalin J.V. The Essential Stalin: Major Theoretical Writings, 1905-1952. New York: Anchor Books, 1972. 544 p.
11. The Movement of Socialism Is a River Fed by the Will of the People. Soviet Review. 1974. No. 9. P. 24 – 31.

Информация об авторах

Сальников О.В., кафедра иностранных языков, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН), salnikov_ov@pfur.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 378.147

¹ Скрипникова Н.Н., ¹Лютая К.А.

¹ Воронежский государственный технический университет

Влияние студенческих комьюнити на цифровой дискурс современного университета

Аннотация: в статье рассматриваются трансформации коммуникационного пространства вузов в условиях цифровизации. На примере Воронежского государственного технического университета (ВГТУ) анализируется роль студенческих комьюнити как важного инструмента коммуникационной стратегии. Цель исследования – выявить значение цифровых технологий в формировании устойчивого и активного студенческого информационного пространства. На основе опроса студентов ВГТУ выявлены предпочтения в использовании социальных сетей, уровень вовлечённости в цифровую жизнь вуза, а также интерес к различным форматам контента. Авторы приходят к выводу, что цифровая среда способствует не только улучшению внутренних коммуникаций, но и формированию позитивного общественного имиджа вуза, вовлечённости студентов и развитию их творческого потенциала. Подчеркивается, что современные студенческие комьюнити формируют новые формы взаимодействия и являются пространством для развития цифровой культуры, медиаграмотности и профессиональных навыков. Статья акцентирует внимание на необходимости постоянного обновления коммуникационных инструментов и развития «умных коммуникаций», где студент становится активным участником, а не просто потребителем информации.

Ключевые слова: цифровые технологии, медиатизация, социальные сети, студенческие комьюнити, релевантный контент

Для цитирования: Скрипникова Н.Н., Лютая К.А. Влияние студенческих комьюнити на цифровой дискурс современного университета // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 108 – 112.

Поступила в редакцию: 26 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹ Skripnikova N.N., ¹ Lyutaya K.A.

¹ Voronezh State Technical University

The influence of student communities on the digital discourse of the modern university

Abstract: the article explores the transformation of university communication in the era of digitalization. Using the case of Voronezh State Technical University (VSTU), the authors analyze the role of student communities as a key tool in the university's communication strategy. The study aims to highlight the significance of digital technologies in shaping a sustainable and engaged student information environment. Based on a student survey, the paper identifies preferences in social media use, levels of engagement with university content, and interest in different content formats. The findings suggest that the digital environment not only enhances internal communication but also contributes to the university's public image, student involvement, and development of creative potential. The paper emphasizes that student communities facilitate new interaction formats and serve as platforms for developing digital culture, media literacy, and professional competencies. It underlines the need for continuous innovation in communication tools and the development of "smart communication", where students act as active participants rather than passive consumers of information.

Keywords: digital technologies, mediatization, social networks, student communities, relevant content

For citation: Skripnikova N.N., Lyutaya K.A. The influence of student communities on the digital discourse of the modern university. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 108 – 112.

The article was submitted: May 26, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Цифровизация изменила пространство социальных коммуникаций. Отношения между людьми, социальными группами и организациями теперь происходят в новых формах digital-технологий [10]. Единой информационной повестки практически не существует: различные социальные группы потребляют информацию на основе своего социального статуса, возраста, идеологических и культурных установок [4, 9].

Ярким примером, который демонстрирует изменения, происходящие сейчас вокруг нас, является переход от информационной модели Web 2.0 к Web 3.0. То есть переход от модели «зритель как один из соавторов» к модели, когда невероятно важно быстро влиять на ситуацию и делать акцент на собственных информационных ресурсах. И вне зависимости от канала коммуникации, необходимо всегда задавать вопрос «чем можно заинтересовать?», постоянно искать ответ на него и быть готовым к цифровой трансформации. Динамично меняется информационное пространство, расширяется коммуникативный дискурс, в том числе в образовательной среде [8]. С появлением новых коммуникационных каналов образуются и новые связи; создаются студенческие комьюнити, дополняя общую культурно-коммуникативную модель современной высшей школы. В центре современной образовательной модели по подготовке выпускников коммуникационных специальностей – человек и его мотивация к образованию, совершенствованию, формированию вовлеченности [6, 7].

Предварительные замечания.

Процесс цифровой трансформации позволяет университетам не только активно внедрять онлайн технологии в коммуникации вуза, но и развивать современные информационные площадки. Среди них – студенческие комьюнити, та коммуникационная среда, в которой человек может найти схожих в общей идее людей, почувствовать себя причастным к кругу единомышленников.

Постановка проблемы.

Особое значение в цифровом развитии Воронежского государственного технического университета (далее – ВГТУ) приобретают студенческие комьюнити, которые, вне сомнения, представляют собой важный инструмент в коммуникациях вуза.

Цель исследования.

На основе изученных эффективных практик по реализации коммуникационной стратегии университета авторами статьи предлагается обозначить важную роль студенческих комьюнити в коммуникациях ВГТУ за счет использования потенциала цифровых технологий в качестве платформы для создания широкого информационно-коммуникационного пространства вуза, передачи определенных социально-культурных образов, которые влияют на формирование общественного мнения студенческой молодежи.

Материалы и методы исследований

Популярность интернет-ресурсов объясняется потребностью современного информационного общества в быстром доступе к необходимой информации. В настоящее время коммуникации вузов: это и взаимодействие со СМИ, и реклама, и событийный маркетинг, и многие другие коммуникативные практики. Применительно к вышеназванной проблематике научный ландшафт данной темы представляет собой внушительный пул исследований как в зарубежном, так и отечественном дискурсах, на которые следует опираться при разработке данной темы.

Описание.

Наиболее активной целевой аудиторией в цифровой среде ВГТУ выступает молодежь по причине того, что она наиболее открыта инновациям, а социальные сети представляют для нее естественную жизненную среду, в которой совсем иные модели восприятия информации. Фактически, это поколение, полностью сформированное новой медийно-информационной реальностью.

Важно подчеркнуть, что в эпоху цифровизации и сфера коммуникаций претерпевает значительные изменения, в частности, трансформируются методы коммуникативного процесса, а новейшие информационные технологии предоставляют возможности для социального взаимодействия, создания новых форм сотрудничества и способствуют развитию цифровой информационной и медийной культуры [1].

Эпоха цифровизации актуализирует приоритеты в выборе источников и способов получения и распространения информации. Сейчас в центре внимания находятся цифровые каналы, которые позволяют эффективно взаимодействовать с целевой аудиторией. Также технологический прогресс способствует разнообразию коммуникационных инструментов, расширению каналов коммуникации, которые представляют как коллективные, так и индивидуальные площадки. В таком информационно-коммуникативном интернет-пространстве осуществляют свою деятельность студенческие комьюнити.

Результаты и обсуждения

Для изучения эффективности использования цифровых технологий в становлении и развитии студенческих комьюнити авторами данной статьи был проведен опрос на тему «Цифровая среда ВГТУ в развитии студенческих комьюнити».

Результаты опроса показали следующее:

1. Большинство опрошенных пользуется социальными сетями 1-3 часа в день – 74% (37 человек), 16% тратит на социальные сети меньше 1 часа в день (8 человек), 10% пользуется социальными сетями больше 3 часов в день (5 человек).

2. Чаще всего опрошенные студенты пользуются такими социальными сетями, как ВКонтакте и Телеграм (80% и 70% соответственно), реже всего – Одноклассники и Rutube (4% и 6% соответственно). Также часто встречался ответ «другие» (различные социальные сети, в которых нет аккаунта ВГТУ; 50% опрошенных).

3. Наибольшая часть опрошенных чаще всего получает информацию о деятельности университета из группы вуза в социальной сети «ВКонтакте» – 78% (39 человек). Половина опрошенных интересуется новостями университета в Телеграм-канале вуза – 54% (27 человек). Необходимую информацию о деятельности ВГТУ из официального сайта получает 22% опрошенных (11 человек). За новостями университета в группе социальной сети «Одноклассники» следит 4% опрошенных (2 человека), на канале в Дзене – 2% (1 человек). Rutube-канал ВГТУ не пользуется популярностью – данный интернет-источник не был выбран в качестве ответа на данный вопрос.

4. На вопрос «Как часто Вы интересуетесь новыми постами о деятельности и мероприятиях ВГТУ?» большинство опрошенных ответили «несколько раз в неделю» – 40% (20 человек). Также популярным был ответ «редко, только, когда ищу что-то определенное» – так ответило 26% опрошенных (13 человек). Каждый день интересуется новыми постами о деятельности и мероприятиях ВГТУ 24% (12 человек); несколько раз в месяц – 10% опрошенных (5 человек).

5. Наибольшей популярностью пользуются развлекательные посты, по мнению 76% опрошенных (38 человек); чуть менее востребованы информационные посты, которые предоставляют информацию непосредственно о деятельности ВГТУ и проводимых мероприятиях – 64% опрошенных (32 человека). Реже всего студенты интересуются познавательными постами – 32% опрошенных (16 человек),

6. Меньше половины принявших участие в опросе не проявляет активность на сайте / страницах / каналах ВГТУ (ставит лайки) – 40% (20 человек). 19 человек ставят лайки на посты (38%), 8 человек иногда комментируют посты (16%), 3 человека из опрошенных ставят лайки, комментируют посты и принимают участие в проводимых опросах (6%). По результатам опросы, авторы статьи сделали вывод, что развлекательные посты опрошенные хотя видеть на сайте / страницах / каналах ВГТУ чаще – 58% (29 человек); информационные – 24% (12 человек); познавательные – 18% (9 человек).

В целом позитивная адаптация студенческих комьюнити к цифровой среде (что и показали результаты анализа) способствует совершенствованию коммуникаций как внутри, так и за пределами вуза, минимизирует риски негативной интерпретации информации, вовлекает студента в создание позитивных образцов и наполнение контента качественным содержанием, в целом [2]. Контент, распространяемый комьюнити, становится самостоятельным инструментом формирования коммуникативного пространства, в котором определяется ценность членства для участников сообщества, а именно: пространство для уникального опыта общения с людьми с похожими интересами через постоянный поток обратной связи.

Современный контекст комьюнити определяет векторы вовлечения субъектов комьюнити в информационные процессы, внедряя цифровые технологии в медиапропаганду и совершенствуя традиционные коммуникационные площадки. Среди них – студенческие медиацентры, студенческие корпоративные медиа, студенческие аккаунты. Так, кафедра «Связи с общественностью» ВГТУ не только развивает традиционные информационные площадки (студенческая газета «PR– на связи!» и информационный бюллетень «PR-дайджест»), но и внедряет новые форматы, что ведет к динамичному переходу к цифровому медийному пространству.

Важной особенностью коммуникационного процесса на интернет-ресурсах является то, что пользователь превращается в активного и инициативного участника информационного взаимодействия, выполняя роль не только комментатора, но также эксперта, публициста и др., который создает совершенно новое медиаполе со своими личными предпочтениями. Так университетская среда становится пространством для творчества, развития креативных навыков.

На кафедре «Связи с общественностью» ВГТУ активно работают несколько студенческих комьюнити, которые представлены титульными аккаунтами в социальной сети ВКонтакте: креативное бюро «Прессспублика», «Кафедра «Связи с общественностью» ВГТУ», «PR – прямого действия. Мастерская профессионалов», «Научный клуб», «WOW, абитуриент», «Клуб выпускников», которые формируют конструктивное взаимодействие, создают особую атмосферу вовлеченности.

Наш век – уникальное время для PR. У нас есть доступ к беспрецедентному уровню возможностей распространения информации. Большая часть каналов – открытые ресурсы и ограничены только нашим воображением. PR становится гораздо более пластичной и креативной сферой бизнеса. Можно продемонстрировать ценность PR на примере простой формулы: создаем оригинальный контент + (плюс) распространение = (равно) длительный PR-эффект, а главное – активное погружение в цифровую PR-среду.

Выводы

Университет – это всегда поиск новых знаний, решение новых задач, развитие и творчество, ведь профессионалы, обладающие базовыми компетенциями и профессиональными навыками, высоким творческим потенциалом, становятся сегодня самым востребованным ресурсом.

Какие они, студенты ХХI века? Очень разные. Главное – у них есть понимание социокультурного духа времени. Включенность в социально значимые активности способствуют личностному развитию, воспитанию патриотизма, любви и уважения к Отечеству, формированию таких качеств личности, как ответственность за собственные поступки. В рамках комьюнити студент включен в социально значимые активности, что способствует его личностному росту в составе команды, воспитанию патриотизма и высокой гражданской позиции. А главное – идеальный студент понимает, в чем ценность «умных коммуникаций» как на уровне личности, так и на уровне общества. Привить студенту культуру поведения в интернет-пространстве, научить молодого человека продвигать полезные и добрые дела, быть неравнодушными – все это важнейшие составляющие современного образования.

Список источников

1. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2024. С. 114.
2. Гуреева А.Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. 2016. № 6. С. 192 – 208.
3. Степанов В.Н., Иванов С.В. Коммуникационный аудит «присутствия» (веб-презенс) образовательной организации в интернете // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. № 2. С. 342 – 354.
4. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 2. С. 63 – 71.
5. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 2. С. 63 – 71.
6. Кибакин М.В., Крюкова М.М. Концепция власти коммуникации Мануэля Кастельса в научном дискурсе цифровой социологии // Цифровая социология. 2020. Т. 3. № 3. С. 4 – 11.
7. Кужелева-Саган И.П., Спичева Д.И. Феномен цифрового кочевничества в современном междисциплинарном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 72 – 87.
8. Пинчук А.Н., Карепова С.Г., Тихомиров Д.А. Транспрофессиональное образование в студенческом дискурсе: востребованность, ожидания, риски // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 3. С. 184 – 220.
9. Автохутдинова О.Ф., Исхаков Р.Л. К итогам международной научно-практической конференции и студенческих чтений // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23. № 3 (165). С. 5 – 10.
10. Build brand humanity by mastering empathy on a scale. URL: <https://www.braze.com/resources/reports-and-guides/build-brand-humanity-by-mastering-empathy-at-scale> (дата обращения: 06.03.2025).

References

1. Gavra D.P. Fundamentals of Communication Theory: a textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 114 p.
2. Gureeva A.N. Theoretical understanding of mediatization in the digital environment. Bulletin of Moscow University. 2016. No. 6. P. 192 – 208.
3. Stepanov V.N., Ivanov S.V. Communication audit of the "presence" (web presence) of an educational organization on the Internet. Issues of the theory and practice of journalism. 2022. No. 2. P. 342 – 354.
4. Evgenyeva T.V., Selezneva A.V., Antonov D.E. Political culture of Russian student youth: value, figurative-symbolic and behavioral aspects. Humanities. Bulletin of the Financial University. 2021. Vol. 11. No. 2. P. 63 – 71.
5. Evgenyeva T.V., Selezneva A.V., Antonov D.E. Political culture of Russian student youth: value, figurative-symbolic and behavioral aspects. Humanities. Bulletin of the Financial University. 2021. Vol. 11. No. 2. P. 63 – 71.
6. Kibakin M.V., Kryukova M.M. The concept of the power of communication of Manuel Castells in the scientific discourse of digital sociology. Digital sociology. 2020. Vol. 3. No. 3. P. 4 – 11.
7. Kuzheleva-Sagan I.P., Spicheva D.I. The Phenomenon of Digital Nomadism in Modern Interdisciplinary Discourse. Bulletin of Tomsk State University. 2020. No. 454. P. 72 – 87.
8. Pinchuk A.N., Karepova S.G., Tikhomirov D.A. Transprofessional Education in Student Discourse: Demand, Expectations, Risks. Education and Science. 2022. Vol. 24. No. 3. P. 184 – 220.
9. Avtokhutdinova O.F., Iskhakov R.L. On the Results of the International Scientific and Practical Conference and Student Readings. Bulletin of the Ural Federal University. Series 1: Problems of Education, Science and Culture. 2017. Vol. 23. No. 3 (165). P. 5 – 10.
10. Build Brand Humanity by Mastering Empathy on aScale. URL: <https://www.braze.com/resources/reports-and-guides/build-brand-humanity-by-mastering-empathy-at-scale> (date of accessed: 06.03.2025).

Информация об авторах

Скрипникова Н.Н., доктор филологических наук, доцент, кафедра «Связи с общественностью», Воронежский государственный технический университет, nnsinn@mail.ru

Лютая К.А., кандидат педагогических наук, доцент, кафедра «Связи с общественностью», Воронежский государственный технический университет, pashenkok08@rambler.ru

© Скрипникова Н.Н., Лютая К.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81-11; 81.42

¹ Черкасова И.П.

¹ Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ)

Концептуализация гуманизма в романе А. Грина «Золотая цепь»

Аннотация: статья посвящена изучению специфики концептуализации аксиологических доминант культуры в пространстве литературно-художественного дискурса. Цель – выявить особенности концептуализации понятия гуманизма. В качестве материала избран роман русского писателя Александра Грина «Золотая цепь». Методы исследования: частотный анализ, контекстуальный анализ, лингвистико-герменевтический анализ. Дискурс представлен как актуализация взаимодействия структур текста с эксталингвистическими факторами, что является определяющим для процессов восприятия и понимания информации. Опорными точками организации воплощенного художественного мира выступают ключевые слова (ключевые понятия), определяющие аксиологические доминанты и базирующиеся на них концептосферу художественного единства. В статье рассматриваются возникающие коррелятивные связи между концептуальной парадигмой лингвистики и эвристическим потенциалом, играющие важную роль в процессе изучения художественного дискурса. Основополагающие концепты определяют особенности функционирования художественного дискурса. Частотные слова, а также анализ словаря и текста позволяют выявить тематические группы, рассматриваемые с позиции идеи (С.Г. Воркачев), включающие понятия: дружба, любовь, дом, время, слово, действие. В результате на основе частотного словаря мы можем говорить о важных категориях, утверждающих мировоззрение, базирующемся на принципах утверждения гуманизма. Выявлены смыслы, репрезентирующие концепты. Приведенные примеры иллюстрируют освещаемые положения. Результаты исследования могут найти применение в учебных курсах по теории языка, теории дискурса, стилистике, интерпретации текста. Материал может быть использован в процессе изучения концептосферы художественного дискурса.

Ключевые слова: гуманизм, концептуализация, текст, дискурс, аксиология, доминанта, смысл

Для цитирования: Черкасова И.П. Концептуализация гуманизма в романе А. Грина «Золотая цепь» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 113 – 118.

Поступила в редакцию: 26 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹ Cherkasova I.P.

¹ Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (PKU)

Conceptualization of humanism in A. Green's novel "The Golden Chain"

Abstract: the article examines the conceptualization of axiological dominants in literary discourse. The aim is to study the conceptualization of humanism in the novel "The Golden Chain" by Russian writer Alexander Green. Research methods: frequency analysis, contextual analysis, linguistic and hermeneutic analysis. The discourse is presented as an actualization of the interaction of text structures with extralinguistic factors, which is crucial for

the processes of perception and understanding of information. The main points of the fictional world are the key words (key concepts) that define the axiological dominants and the conceptual sphere of fictional unity. Correlative connections arise between the conceptual paradigm and the heuristic potential, which play an important role in the process of studying fictional discourse. The fundamental concepts determine the functioning features of fictional discourse. Frequency words and analysis of the vocabulary and text make it possible to identify thematic groups considered from the perspective of an idea (S.G. Vorkachev). They include the following concepts: friendship, love, home, time, word, action. As a result, important categories based on humanism are identified. The meanings representing the concepts are revealed. The given examples illustrate the statements under consideration. The results of the research can be used in educational courses on language theory, discourse theory, stylistics, text interpretation. The data obtained can be used in the process of studying the conceptual sphere of fictional discourse.

Keywords: humanism, conceptualization, text, discourse, axiology, dominant, meaning

For citation: Cherkasova I.P. Conceptualization of humanism in A. Green's novel "The Golden Chain". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 113 – 118.

The article was submitted: May 26, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Полилогическое пространство современной коммуникации, опирающейся на поликодовые тексты, с течением времени расширяет палитру видов воздействия на реципиента, акцентируя его внимание в большей степени на форме, чем на содержании. Игра слов, увеличение доли визуального компонента и креализованных текстов в поле взаимодействия, приоритет эксплицитного компонента по отношению к имплицитному, а также высокая скорость коммуникации и объем информации зачастую оставляют имеющиеся смыслы скрытыми для читателя, нераспредмечеными. Результатом оказывается смена форм мыследеятельности, в большей степени нацеленная на переработку и структурирование объемов информации, чем творческое переосмысление, нацеленное на управление реальными процессами.

В.И. Карасик справедливо отмечает, что знание опирается на три базовых компонента, включающих чувственный опыт, здравый смысл и рациональную систему выведения нового знания из предшествующего [2, с. 9]. При этом, не умаляя роли первого и второго этапов, основополагающим и результативным является критическое мышление и оценка полученного опыта при имплицитном его сопоставлении с возможным идеалом. Цитируемый автор обращает внимание на важность системы понятийного анализа (аналогию, индукцию, дедукцию и др.) и специфическую особенность нового знания – неочевидность [2, с. 11]. Также исследователь подчеркивает два типа знаний, кардинально отличающиеся друг от друга – житейские и научные [2, с. 9]. Истинность данных утверждений является бесспорной, одновременно «научная» и «наивная» картины мира взаимосвязаны и взаимообусловлены. Прежде всего, они должны, опираясь на аксиологическую картину мира, служить преодолению хаоса и формированию мировой гармонии. Разрыв между картинами мира, отсутствие сбалансированности компонентов знания лежат в основе ложных суждений и выводов.

Литературно-художественный дискурс в данной связи выступает неповторимым и незаменимым альтернативным пространством, созданным творческим гением [3, 6, 8, 11, 15, 16], в котором происходит воссоединение научной и наивной картин мира. Языковые структуры позволяют мышлению читателя формировать среду, одновременно схожую и альтернативную реальной и виртуальной, нацеленную на развитие аксиологической картины мира и прогнозирование возможных результатов взаимодействия в обществе. Благодаря большому вниманию исследователей к потенциалу художественного текста, раскрыт многогранный ресурс его воздействия (Р. Барт, Г.И. Богин, Н.С. Валгина, В.В. Виноградов, И.Р. Гальперин, Н.А. Кожевникова, В.П. Литвинов, С.М. Мезенин, С.Г. Николаев, С.В. Серебрякова, З.Я. Тураева, В.И. Тюпа, И.В. Фоменко, К.Э. Штайн и др.). Одновременно, несмотря на обширные исследования, авторы отмечают их незавершенность. В.И. Тюпа называет произведение искусства сверхсложным образованием, а вопрос об онтологической специфике художественной реальности открытым [10, с. 18].

Пожалуй, одним из оснований, несмотря на палитру вариантов развития общества, является сохранение понятия гуманизма как основополагающего концепта в дилеммии «бытие – небытие». Художественный мир, обладающий потенциалом синергетического воздействия на читателя посредством объединения граней мира и демонстрации их неделимости, и прозаический мир, апеллирующий к мышлению и формированию проактивного мышления, включающего совокупность способностей: предвидеть проблемы, действо-

вать, предотвращая нежелательные последствия, брать на себя ответственность, понимая значимость аксиологических доминант бытия, констатируют вневременную значимость национальных и общечеловеческих ценностей.

Материалы и методы исследований

Одним из великих творцов, отразивших безграничный потенциал личности, приверженной гуманистическим идеалам, явился Александр Грин. На протяжении десятилетий его творчество вызывало разные оценки, тем не менее его наследие всегда вызывало интерес. Неповторимый язык мастера привлекал внимание читателей и исследователей (Э.А. Алиев, Т.Ю. Дикова, Т.Е. Загвоздкина, Е.А. Козлова, М.И. Крюкова, О.Л. Максимова, Т.А. Парамонова, В.А. Романенко, В.И. Хрулев, Г.Н. Шевцова, Ж. Чжан и др.). М.И. Крюкова акцентирует внимание на гибридизации слова, изображения и пространства [4, с. 4]. Ж. Чжан обращает внимание на использование автором средств психологической прозы (самоанализ, рефлексия), а также создание визуальных и акустических образов [13, с. 16] как характерные черты его творчества. Г.Н. Шевцова справедливо писала о том, что художественное наследие А.А. Грина «не изучено в полном объеме» [14, с. 3]. Данное высказывание остается актуальным и в наши дни.

Одним из самых загадочных произведений А.А. Грина является «Золотая цепь». А.А. Марков справедливо называет жанр романтической новеллой [7]. Общая тональность текста, система образов и аксиологических координат определяют специфику текста, позволяющую обнаружить мотивы, характерные для романтизма (Новалис, Ахим фон Арним, В.-Г. Вакенродер и др.). Нельзя не согласиться с Е.В. Кузиной, называющей жанр романтической прозы «наиболее недооцененной критикой и филологами на протяжении всей истории ее существования» [5, с. 5].

Методы исследования: частотный анализ, контекстуальный анализ, лингвистико-герменевтический анализ.

Результаты и обсуждения

В Философской энциклопедии гуманизм определяется как «система мировоззрения, основу которого составляет защита достоинства и самоценности личности, ее свободы и права на счастье» [12]. Также гуманизм получает трактовку как «признание ценности человека как личности, его права на свободное развитие и проявление своих способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений» [1]. Таким образом, ключевыми понятиями человеческих взаимоотношений являются: личность, достоинство, свобода, развитие, благо, счастье. Ценность литературно-художественного наследия, прежде всего, определяется приверженностью данным ценностям.

Заголовок произведения А.А. Грина «Золотая цепь» многозначен. Согласно словарю символов, «золото» охватывает палитру значений от чистоты, духовной просвещенности, гармонии до земной силы, славы и богатства и др. Это лексические единицы с положительными коннотациями. Цепь символизирует дружбу, единство, взаимосвязь, взаимопомощь, согласие, единство небесных и земных сил [9, с. 57]. По сути, кристаллизация данных ценностей, репрезентирующих в своем единстве понятие гуманизма, и представлена в романе посредством образов и контекстуальных смыслов.

Частотный словарь позволил провести анализ словоупотребления и выявить частотные слова текста, к которым относятся следующие: сказать 412, Дюрок 216, Ганувер 179, рука 172, Молли 140, мочь 131, лицо 116, видеть 115, говорить 107, Эстамп 100, Санди 95, глаза 93, другой 85, Дигэ 86, дело 86, думать 79, хотеть 77, поп 77, время 77, слово 74, увидеть 72, стены 72, двери 71, отвечать 70, ноги 58, большой 64, Галуэй 57, голова 56, смотреть 50, хороший (хорошо) 50, знать 49, голос 49, женщина 45, заметить 44, девушка 43, сделать 43, друг 42, золото 40, разговор 40. Заслуживает внимания тот факт, что в составе частотного словаря отсутствует негативно окрашенная лексика.

Частотные слова и анализ текста позволяют установить тематические группы, рассматриваемые с позиции идеи (С.Г. Воркачев): дружба, любовь, дом, время, слово, действие. В результате на основе частотного словаря мы можем говорить о важных категориях, репрезентирующих жизнь. Безусловно, частотный словарь выступает в качестве отправного пункта анализа кристаллизации смысла, подразумевающего рассмотрение лексики в динамике при взаимодействии контекстуальных смыслов. Приведем некоторые из смыслов, репрезентирующие концептуализацию гуманизма в романе.

Тематическое поле дружба включает частотные слова: Дюрок 216, Эстамп 100, Санди 95, поп 77, друг 42, Галуэй 57. Амбивалентность поля, базирующаяся на системе аксиологических координат «+» / «-» представлена как 5:1 по количеству слов и 9:1 по количеству упоминаний. Частотность единицы враг минимальна и составляет 4. В большей мере можно говорить о понятии недруг или другой, входящем в поле частотных слов, но контекстуально сопряженное с разными тематическими полями.

Я и мой друг Эстамп знаем руль и паруса и весь берег внутри залива, ты ничем не рискуешь.

В результате контекстуального анализа можно говорить о смысловом наполнении концепта в тексте романа. Друг – это защита и помощь, уверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне, отсутствие риска, возможность полагаться на знания и умения находящегося рядом человека как на свои собственные.

Она тотчас вышла и начала упрашивать меня приходить часто и «не вовремя»: «Тогда будет видно, что ты друг».

Несмотря на тот факт, что автор наделил своих героев необычными именами, в тексте он наполняет понятие дружбы привычными для носителей русской лингвокультуры характеристиками и смыслами, например, дружба предполагает отсутствие временных, ситуационных и иных границ взаимодействия, воспринимая друга как близкого человека, родного по духу, для которого не определяются ограничения.

Как водится, герою уступают место и общество, – сказал мне Дюрок.

Понятие дружбы сопряжено с понятием героизма и готовности к самопожертвованию.

Вдруг другой парень, с приурковатым, наглым лицом, стремительно побежал на нас, но, не добежав шагов пяти, замер как вкопанный, хладнокровно сплюнул и поскакал обратно на одной ноге, держа другую за пятку.

Одновременно другой – это не обязательно враг, взаимодействие с которым предполагает борьбу, это совокупность странных, иногда агрессивных действий, несопоставимых и невозможных в кругу друзей.

Тематическое поле любовь включает частотные слова: Молли 140, женщина 45, девушка 43, Дигэ 86, демонстрируя пропорции 3:1. Данное понятие определяет наполненность жизни. Понятие ненависти, выступающее словарной антитезой в лексической дихотомии «любовь – ненависть», появляется лишь 6 раз в контекстах, посвященных нелюбви в образе Дигэ.

А Молли – Молли, бог тебя знает, Молли, как ты выросла на дороге и не затоптали тебя!

Прекрасной Молли привет! Ах, Молли, красотка Молли!

Молли – символизирует эталон совершенства. Единство красоты и преданности. Посредством метафоры демонстрируется близость героини природе, естественность, искренность.

Любовь и дружба определяются как основополагающие аксиологические доминанты бытия, определяющие границу между счастьем и болью:

Молли была единственной девушкой, которую я любил. Не за что-нибудь, – хотя было «за что», но по той магнитной линии, о которой мы все ничего не знаем. Теперь все наболело во мне и уже как бы не боль, а жгучая тупость.

В литературно-художественном тексте на уровне лексики и образов обнаруживается и констатируется аксиологическая близость, взаимодействие и взаимозависимость, существующая между данными понятиями.

Дюрок сказал: – Я говорю ей, Эстамп, что, если любовь велика, все должно умолкнуть, все другие соображения. … Ни разница положений, ни состояние не должны стоять на пути и мешать. «Надо верить тому, кого любишь», – сказал он, – нет высшего доказательства любви.

Антитеза любви (нелюбовь), репрезентируемая в рамках поля и текста в целом посредством образа Дигэ, в данной связи служит для демонстрации совершенства и справедливости выбора героя и акцентуации идеи о справедливости любви как чувства, выбирающего достойных.

Жизнь потеряла для нее цену с того дня, когда она узнала, что есть дом с исчезающими стенами и другими головоломными тайнами. Она богата и объездила земной шар, но такого пирожного еще не пробовала.

Тематическое поле дом включает следующие частотные слова: стены 72, двери 71, дом 48, знать 49, думать 79; следует также учесть сопряженную частотную лексику: комната 35, жизнь 27. Данное поле определяет специфику внутреннего мира героя, в этой связи справедливой является возникающая в тексте двусмысленность текста, позволяющая распространить оценку на человека и жилище одновременно:

У мыса Гардена стоит дом моего друга Ганувера. … Дом в три этажа. Он велик, друг Санди, очень велик.

Также следует отметить отсутствие негативно окрашенной лексики. Стены и двери, выступающие как классические символы жизненных препятствий и выходов, в романтическом тексте А. Грина взаимосвязаны и легко подчиняются знанию и желаниям:

Я – Аладин, а эта стена – ну, что вы думаете, – что это за стена? … – Видите ли вы здесь дверь? – Нет, я не вижу здесь двери, – ответила, забавляясь ожиданием, Дигэ. – Но я знаю, что она есть.

Дом – пространство знания и размышлений:

Бывают минуты, когда, размышляя, не замечаешь движений, поэтому я очнулся, лишь увидев себя сидящим в кубрике против посетителей.

Тематическое поле времени, соотносящее внутренний и внешний миры, включает лексические единицы: время 77, час 28, минута 32, мгновение 8, напоминая об ограниченных возможностях человека.

Большое внимание уделяется автором слову, роли вербальной и невербальной коммуникации, определяющей вектор взаимодействия и бытия. Тематическое поле слово включает: сказать 412, говорить 107, слово 74, отвечать 70, голос 49, разговор 40. Именно слово в авторском мире формирует основу бытия и мышления:

Я слушал – и каждое его слово запоминал навсегда.

Сопряженной с пространством вербальной коммуникации является коммуникация невербальная, а также обращает на себя внимание широкое использование соматической лексики: рука 172, лицо 116, видеть 115, глаз(а) 93, увидеть 72, нога 58, голова 56, смотреть 50, заметить 44.

Глаз сверкнул, изумился и потеснился дать место второму глазу, оба глаза не предвещали, судя по выражению их, радостной встречи. Рука отпустила занавеску, кивнув пальцем.

Посредством метонимии автор трансформирует имплицитную информацию в эксплицитную, связывая духовный и физический миры.

Тематическое поле действие объединяет интенции, возможности, действия и результаты: мочь 131, дело 86, хотеть 77, сделать 43, золото 40.

Золотая цепь как образ, занимающий ключевую позицию в тексте (заголовок), служит объединяющим началом и одновременно средством проявления/ разоблачения человеческой души, открывающим приоритеты личности, оцениваемые в рамках дилеммы «гуманизм – алчность». Данный концепт определяет начало, а затем – завершенность герменевтического круга понимания, базирующегося на вере в духовные силы человека и человечества.

Выводы

Таким образом, герменевтический анализ, базирующийся на частотности слов в тексте, позволяет выявить контекстуальный потенциал ключевых слов. Романтический герой выступает средством репрезентации определяющей роли внутреннего мира героя по отношению к его деятельности во внешнем мире. А. Грин открывает и «детально прорисовывает» пространство внутреннего монолога и этапы рефлексии, демонстрируя палитру смыслов, определяющих вневременную значимость общечеловеческих ценностей, связывающих жизни и судьбы. Пространство романтического текста несет в себе мотивационный потенциал, утверждая возможность и достижимость гуманистических эталонов бытия.

Список источников

1. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. 2003. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/43774> (дата обращения: 12.02.2025).
2. Карасик В.И. Языковая пластика общения: монография. Волгоград: Парадигма, 2017. 462 с.
3. Кротова Д.В. Синтез искусств в русской литературе конца XIX-первой трети XX века (А. Белый, З.Н. Гиппиус, А.С. Грин, М.М. Зощенко). М.: Директ-Медиа, 2022. 160 с.
4. Крюкова М.И. Экфрастический тезаурус в прозе А.С. Грина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2019. 23 с.
5. Кузина Е.В. Специфика нарративной структуры и языковых средств дискурса англоязычной романтической прозы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Барнаул, 2012. 22 с.
6. Купавская А.А. Героиня в пространстве художественного текста: лингвопрагматический аспект (на материале произведений русской классики XIX в.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Майкоп, 2022. 201 с.
7. Марков А.А. Романтическая новелла или научная фантастика (к вопросу об определении жанра повести А. Грина «Золотая цепь») // А.С. Грин: взгляд из XXI века: сборник материалов Всероссийской научной конференции. Киров – Слободской, 22-23 сентября 2020 г. Киров, 2020. С. 80 – 85.
8. Поверенная А.А. Лингвокультурные особенности сказочного дискурса: аксиологический аспект (на материале немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2022. 191 с.
9. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: Фаир-Пресс, 2001. 204 с.
10. Тюпа В.И. Аналитика художественного. М.: Лабиринт РГТУ, 2001. 191с.
11. Фещенко В.В. Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвоэстетики // Новый филологический вестник. 2021. № 1 (56). С. 16 – 35.
12. Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2004. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/43774> (дата обращения: 10.02.2025).
13. Чжан Ж. Рассказы А.С. Грина 1900-х – 1910-х годов: типология героев, специфика поэтики: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.1. М., 2023. 23 с.
14. Шевцова Г.И. Художественное воплощение идеи движения в творчестве А.С. Грина (мотивный аспект): дис. ... канд. филол. наук: 5.9.1. Елец, 2003. 165 с.

15. Predelli S. Fictional Discourse: A Reply to von Solodkoff's 'Demoting Fictional Names'// The British Journal of Aesthetics. Oxford: Oxford University Press, 2022. No. 62 (2). P. 231 – 240.

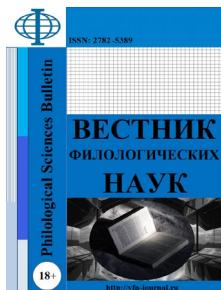
16. Solodkoff T. Demoting Fictional Names – A Critical Note to Predelli's Fictional Discourse: A Radical Fictionalist Semantics // The British Journal of Aesthetics. Oxford: Oxford University Press, 2022. No. 62 (2). P. 223 – 230.

References

1. Kononenko B.I. Large explanatory dictionary of cultural studies. 2003. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/43774> (date of access: 12.02.2025).
2. Karasik V.I. Language plasticity of communication: monograph. Volgograd: Paradigm, 2017. 462 p.
3. Krotova D.V. Synthesis of arts in Russian literature of the late 19th - first third of the 20th century (A. Bely, Z.N. Gippius, A.S. Green, M.M. Zoshchenko). Moscow: Direct-Media, 2022. 160 p.
4. Kryukova M.I. Ekphrastic thesaurus in the prose of A.S. Green: dis. ... cand. philological sciences: 10.01.01. Ekaterinburg, 2019. 23 p.
5. Kuzina E.V. Specificity of the narrative structure and linguistic means of the discourse of English-language romantic prose: dis. ... Cand. Philological sciences: 10.02.04. Barnaul, 2012. 22 p.
6. Kupavskaya A.A. Heroine in the space of a fiction text: linguopragmatic aspect (based on the works of Russian classics of the 19th century): dis. ... Cand. Philological sciences: 10.02.19. Maykop, 2022. 201 p.
7. Markov A.A. Romantic novella or science fiction (on the issue of defining the genre of A. Green's story "The Golden Chain"). A.S. Green: a view from the 21st century: collection of materials from the All-Russian scientific conference. Kirov – Slobodskoy, September 22-23, 2020. Kirov, 2020. P. 80 – 85.
8. Poverennaya A.A. Lingvocultural Features of Fairy-Tale Discourse: Axiological Aspect (Based on the German and Russian Languages): Dis. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.19. Krasnodar, 2022. 191 p.
9. Tresidder J. Dictionary of Symbols. Moscow: Fair-Press, 2001. 204 p.
10. Tyupa V.I. Analytics of the Fictional. Moscow: Labyrinth of the Russian State Technical University, 2001. 191 p.
11. Feshchenko V.V. Fictional Discourse: Towards a Definition of a Term in the Perspective of Linguoesthetics. New Philological Bulletin. 2021. No. 1 (56). P. 16 – 35.
12. Philosophy: Encyclopedic Dictionary. Moscow: Gardariki, 2004. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/43774> (date of access: 10.02.2025).
13. Zhang J. Stories of A.S. Green of the 1900s – 1910s: typology of heroes, specifics of poetics: dis. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.1. Moscow, 2023. 23 p.
14. Shevtsova G.I. Artistic embodiment of the idea of movement in the works of A.S. Green (motivational aspect): dis. ... Cand. Philological Sciences: 5.9.1. Yelets, 2003. 165 p.
15. Predelli S. Fictional Discourse: A Reply to von Solodkoff's 'Demoting Fictional Names'. The British Journal of Aesthetics. Oxford: Oxford University Press, 2022. No. 62 (2). P. 231 – 240.
16. Solodkoff T. Demoting Fictional Names – A Critical Note to Predelli's Fictional Discourse: A Radical Fictionalist Semantics. The British Journal of Aesthetics. Oxford: Oxford University Press, 2022. No. 62 (2). P. 223 – 230.

Информация об авторах

Черкасова И.П., доктор филологических наук, профессор, кафедра иностранных языков, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (ПКУ), Inna_cherkasova@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 316. 77 (075.8)

¹Александров С.Ю., ¹Буракова А.И.,
¹Шарифуллина С.В.

¹Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики

Эффективность медиамаркетинга в книжной отрасли

Аннотация: в условиях цифровизации и растущей конкуренции книжной отрасли производительность медиамаркетинга в ней становится важным фактором успеха книжного издания. Данная статья посвящена анализу современных трендов и инструментов медиамаркетинга, применяемых в книжной индустрии с целью выявления наиболее эффективных стратегий.

В статье исследованы вопросы эволюции потребительского поведения и его влияние на выбор книг; роль социальных медиа и контент-маркетинга в продвижении книг, эффективность различных рекламных каналов и форматов, методы анализа эффективности маркетинговых кампаний в книжной индустрии, тенденции для маркетологов в книжной отрасли в 2024 году.

Ключевые слова: книжный рынок, медиа, маркетинг, медиамаркетинг, книжный маркетинг, книжная отрасль, маркетинговые коммуникации, социальные медиа, медиакоммуникации, книга, реклама

Для цитирования: Александров С.Ю., Буракова А.И., Шарифуллина С.В. Эффективность медиамаркетинга в книжной отрасли // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 119 – 130.

Поступила в редакцию: 26 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹Aleksandrov S.Yu., ¹Burakova A.I.,
¹Sharifullina S.V.

¹St. Petersburg University of Management
Technologies and Economics

Effectiveness of media marketing in the book industry

Abstract: in the context of digitalization and growing competition in the book industry, the productivity of media marketing is becoming an important factor for the success of a book publication. This article is devoted to the analysis of modern trends and media marketing tools used in the book industry in order to identify the most effective strategies.

The article explores issues related to the evolution of consumer behavior and its impact on book selection; the role of social media and content marketing in book promotion; the effectiveness of various advertising channels and formats; methods for analyzing the effectiveness of marketing campaigns in the book industry; and trends for marketers in the book sector in 2024.

Keywords: book market, media, marketing, media marketing, book marketing, book industry, marketing communications, social media, media communications, book, advertising

For citation: Aleksandrov S.Yu., Burakova A.I., Sharifullina S.V. Effectiveness of media marketing in the book industry. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 119 – 130.

The article was submitted: May 26, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Актуальность исследования эффективности маркетинговых коммуникаций в книжной отрасли обуславливается современными изменениями в сфере торговли и потребительского поведения: в условиях повышающейся цифровизации и конкуренции на книжном рынке важным фактором становится эффективная стратегия продвижения. Книгоиздателям необходимо переосмыслить традиционные методы и адаптироваться к новым реалиям, привлекая и удерживая читателей. Поэтому роль маркетинговых коммуникаций несомненно важна и стремительно возрастает [1]. Эффективность маркетинговых стратегий значительно влияет на спрос книжной литературы: «Разработка эффективных маркетинговых кампаний – это неотъемлемая часть успешного продвижения книг» [1]. Поэтому необходимо рассмотреть, как традиционные, так и цифровые методы книжного маркетинга, т.к. «все активнее в этом процессе используются интернет-технологии, столь популярные у подрастающего поколения» [11].

Значение данного исследования также обусловлено изменениями в предпочтениях читателей. Традиционные подходы к визуальному и текстовому оформлению книг сегодня не всегда эффективны. Для успешного продвижения книг необходимо глубоко понимать потребности и интересы разных сегментов читательской аудитории, а значит «учитывать различные платформы и форматы – от печатных книг до электронных изданий» [1].

Цели и задачи исследования.

Основной целью данной работы является исследование эффективности маркетинговых коммуникаций в книжной отрасли. В рамках данной работы проанализировано текущее состояние книжного рынка, выявлены ключевые тренды и особенности, а также проведён анализ успешных маркетинговых стратегий, применяемых в современных условиях.

Важнейшими задачами данного исследования являются:

- определение основных видов маркетинговых коммуникаций, применяемых в книгоиздании, понимание их эффективности;
- сбор и анализ данных, которые позволяют выявить тенденции в поведении потребителей и их предпочтения при выборе литературы.
- выделение успешных стратегий в маркетинге книгоиздательского дела за период 2023-2024 года.

Материалы и методы исследований

В ходе исследования были использованы общие теоретические методы, такие как индукция, дедукция, анализ, синтез, абстрагирование и обобщение. Эмпирические методы – кейс-исследование, мониторинг книжных медиа и социальных сетей. Дополнительно было проведено качественное контент-аналитическое сравнение успешных маркетинговых кейсов российских и зарубежных авторов и издательств, с акцентом на применение цифровых стратегий и вовлечённость читателей в коммуникацию. В качестве источников рассматривались страницы авторов и издательств в социальных сетях (в частности, ВКонтакте, YouTube, Instagram), а также материалы книжных ярмарок, фестивалей и интервью в СМИ. Отдельное внимание уделялось анализу взаимодействия между авторами и аудиторией, а также особенностям построения личного бренда писателя в цифровом пространстве. Эмпирическую базу также дополнили данные о тиражах, упоминаниях книг в медиа и динамике вовлечённости пользователей в онлайн-активностях, что позволило оценить эффективность коммуникационных стратегий в количественном и качественном аспектах.

Результаты и обсуждения

Аспекты применения маркетинга в книжной отрасли.

Маркетинговые коммуникации играют важную роль в книжной отрасли, поскольку они помогают привлекать внимание читателей, формировать интерес к новым изданиям и поддерживать лояльность к брендам. Книжные издательства и авторы должны применять мультиканальный подход для достижения своей аудитории [6] Самые популярные методы привлечь внимание к книжным изданиям – это реклама в интернет-пространстве, использование социальных сетей для взаимодействия с читателями, создание контента в виде блогов и видеороликов, а также организация мероприятий, таких как встречи с автором и литературные фестивали, а также книжные ярмарки – их можно рассматривать драйверами книгоиздания.

Следует отметить, что особое значение в маркетинговых коммуникациях имеет создание сообщества читателей вокруг каждой книги или автора. Социальные сети становятся не только площадками для рекламы, но и важным инструментом для налаживания отношений с читателями [12]. Любая активность в социальных сетях, такие как участие в онлайн-дискуссиях, ответы на вопросы читателей и организация конкурсов, с книгами связанных, а также подготовка и разбор работы книжных ярмарок могут значительно повысить интерес к книгам.

Создание уникальных клубов читателей, где собираются интересующиеся определённой тематикой, становится популярной практикой [10]. В социальных сетях есть возможности организовывать совместные чтения, обсуждения книг и даже встречи с авторами. Так, в качестве примера выстроенной коммуникации автор – читатель, можно рассмотреть общение в социальной сети ВоВконтакте в авторских сообществах писателей и блогеров Ольги Савельевой (сообщество создано 16.12.2022 г.; 18 тыс. подписчиков), Вячеслава Денисова (сообщество открыто 14.06.2024 г.; 24 тыс. подписчиков), Сергея Лукьяненко (сообщество создано 16.01.2007 г.; 30,6 тыс. подписчиков), Павла Басинского (сообщество создано 22.12.2020; 1,3 тыс. подписчиков).

Писатели на своих страницах представляют информацию о себе и о своей гастрольной деятельности (знакомство зрителей с известными и новыми текстами), отзывы о посещении городов и встреч с читателями (О. Савельева, П. Басинский), а также представляют свое видение различных ситуаций и рецепцию новостной картины мира (С. Лукьяненко), знакомят читателей с новыми произведениями или напоминают рассказы, полюбившиеся публике (В. Денисов). Использование личных брендов авторов становится важной частью маркетинга [9]. Современные читатели заинтересованы не только в содержании книги, но и в личности автора [5]. Названные авторы активно используют социальные сети, чтобы делиться своим опытом, мыслями о времени и о себе, а также историей создания книг, тем самым создавая ожидание и интерес к своему произведению. Это взаимодействие создает атмосферу близости и доверия между автором и читателем, что, в свою очередь, приводит к увеличению продаж книг (об этом, например, лично пишут в импровизированных диалогах с читателями О. Савельева и С. Лукьяненко).

Примером успешного проекта по продвижению книги в России является работа П. Басинского «Подлинная история Анны Карениной» (книга вышла в декабре 2023 года в издательстве Елены Шубиной). Популярность книги была обеспечена вышедшим накануне её появления документально – игровым сериалом «Тайны Карениной» по мотивам произведения П. Басинского – с погружением в контекст XIX века, деталями сюжета и подробностями создания романа Льва Толстого. После представления фильма, при участии автора, на Витебском вокзале в Санкт – Петербурге была организована выставка вещей и костюмов, которые были востребованы актерами, играющими в фильме или были заимствованы в музеях страны для зримого представления исторической эпохи и необходимого для понимания сути авторской идеи временного контекста (открытие выставки – 3 июля 2024 г.). Большое интервью о Л. Толстом и о подлинной А. Карениной, о документальном сериале и о самой книге можно было читать в февральском номере журнала «Караван историй» (2024 г.) – объявление об интервью было размещено в сообществе писателя ВКонтакте (20.02.2024 г.).

Помимо «отчета о проделанной работе», на странице П. Басинского ВКонтакте встречаем информацию о награждении его орденом «За заслуги в культуре и искусстве» – награду из рук министра культуры Ольги Любимовой получили 25 деятелей культуры из разных областей. Напомним, что писатель уже является лауреатом Государственной премии РФ.

Коммуникативный маркетинг в истории популярности и востребованности книги писателя состоит в нескольких успешных предприятиях. Во-первых, это представление книги на книжной ярмарке NON / FICTION в Москве, в апреле 2024 г., встречи с читателями в разных городах страны и зарубежья (график гастролей также размещен в сообществе писателя) – они организовались на известных площадках культурных пространств; участие П. Басинского в популярном проекте «Библионочь» (апрель, 2024 г.) – информация об этом также размещена в социальной сети; участие в книжном фестивале «Красная площадь», в рамках Московской международной ярмарки (6-9 июня 2024 г.). Во-вторых, значительную роль в поддержании востребованности книги сыграл выход в прокат документально – игрового сериала «Тайны Карениной» в онлайн – кинотеатре KION 17 июля 2024 г. – трейлер был размещен в сообществе писателя (ВКонтакте, 18 июня, 2024 г.), сам сериал в полном объеме писатель разместил в своем сообществе (ВКонтакте, 18 июля 2024 г.). Наконец, 8 сентября 2024 года в сообществе было опубликовано объявление о творческой встрече с П. Басинским «Тайны Карениной. Литературный резонанс» в Буквоеде на Невском в Санкт-Петербурге. Анонсировался не только анализ разных аспектов романа, но и отклик образов и идей, заложенных Толстым, в современном мире. Апофеозом встреч с читателями стал флешмоб, организованный Басинским на своей странице в социальной сети ВоВконтакте: читателям предлагалось присыпать фотографии с книгой писателя и делиться впечатлениями об истории Анны Карениной, рассказанной Л. Толстым и адаптированной П. Басинским.

Книга «Подлинная история Анны Карениной» принесла писателю победу в самой авторитетной литературной премии России – премии «Большая книга», она стала второй после выхода и награждения его работы «Лев Толстой: бегство из рая» (2010). Роман Л. Толстого «Анна Каренина» продолжал изучаться

нашим современником: и после книги, посвященной главной героине романа, вышла книга, посвященная герою Константину Левину: «Подлинная история Константина Левина» (ноябрь, 2024 г.), но это уже другая история и другое возможное исследование.

Тираж книги «Подлинная история Анны Карениной» на момент ее печати составил 7 тыс. экземпляров (февраль, 2022 г.). Дополнительный тираж книги в апреле 2024 года составил 4 тыс. экземпляров.

Примером успешного кейса в Америке является книга «Игра Престолов» Джорджа Мартина, которая во многом благодаря своей адаптации в формате телесериала смогла привлечь внимание не только поклонников книг, но и широкой аудитории, которая раньше не интересовалась чтением [4]. Использование кросс-промоции книги и сериала продемонстрировало, как эффективно можно работать с несколькими платформами одновременно. Этот прецедент показывает, как успешная интеграция нескольких медиаплатформ может способствовать росту интереса к литературным произведениям и расширению их целевой аудитории.

На популярность книг также влияет и то, насколько убедительно продавец умеет рассказать про ее содержание, и насколько грамотно выстроена стратегия работы с покупателем. Важно уметь определить тип покупателя и суметь выстроить правильную коммуникацию, чтобы покупка была совершена, ведь достаточно часто книга является товаром спонтанного спроса.

Пример применения стратегий создания книжного сообщества в социальных сетях известными издательствами.

В последние годы книги стали не просто продуктом, но и культурным явлением, и маркетинговые стратегии, которые активны в книгоиздании, значительно изменились.

Один из ярких примеров применения маркетинговых стратегий можно увидеть на примере компании «Рипол Классик». Данное издательство занимает шестое место по числу выпущенных названий и тиражам по данным Отраслевого доклада «Книжный рынок России-2024» [13].

Издательство активно использует социальные сети для продвижения своих книг, что позволяет достичь широкой аудитории и вовлечь читателей в процесс обсуждения новых публикаций, что способствует формированию сообщества вокруг издательства и его авторов.

Стратегии, которые используют сообщество «Рипол Классик» в своем Telegram-канале:

- Короткие видео с мемами по мотивам популярных книг, которые производит данное издательство;
- Книжные подборки;
- Конкурсы и розыгрыши призов, что способствует увеличению активности пользователей;
- Факты об известных писателях, книги которых выпускает данное издательство;
- Отзывы и обзоры;
- Мемы в виде картинок и другой развлекательный контент.

Подробный контент-анализ последних 25 постов на момент 24.01.2025 г. в Telegram-паблике издательства «Рипол-классик» можно увидеть в таблице 1.

Изучив стратегию ведения канала издательством, мы определили достоинства и недостатки этого вида коммуникационного маркетинга.

Достоинства стратегии ведения канала:

- Регулярность выхода постов высокая даже в выходные дни.
- Привлечение внимания как к новинкам, так и к бестселлерам.
- Сотрудничество с книжными блогерами, активные коллаборации.
- Качественные рекламные и информирующие посты, которые пишет само издательство.
- Рекламные посты о книгах сопровождаются дополнительным развлекательным материалом, что способствует закреплению образа книги у читателей и увеличивает шанс покупки.

Недостатки стратегии ведения канала:

Слишком много конкурсов и розыгрышней призов, условием которых является подписка на каналы и репост, что может создавать впечатление об отсутствии информативности канала. При этом нет розыгрышней призов, где условием было бы творческое задание.

Отсутствие редактуры постов от партнеров («упорство Сизифа... привело нас к сдаче успешного двухтомника» – пример речевой ошибки, ведь согласно древнегреческой мифологии, Сизиф занимался бесполезным трудом).

Малое количество активности пользователей и комментариев, кроме постов с розыгрышами, в которых условием является оставление комментариев.

Таблица 1
Контент-анализ последних (на момент 24.01.2025 г.) 25 постов Telegram-канала «Рипол-классик».
Table 1
Content analysis of the latest (as of 24.01.2025) 25 posts of the Telegram channel "Ripol-classic".

Дата	Содержание поста	Тип материала	Цитата	Цель поста
24.01	Погружение в литературу как суперспособность	Краткое видео	А вы хотели бы иметь такую суперспособность? Если да, какая бы это была книга в первую очередь? 😊 Пишите в комментариях!	Развлекательная
24.01	Розыгрыш призов с партнерами	Конкурс через репост	КАК УЧАСТВОВАТЬ: ✓ Подписаться на каналы: ГУСЕВА ПЕЧАТАЕТ... (ссылка) авторский канал о книгах, путешествиях и интеллектуальном досуге Издательство РИПОЛ классик (ссылка) Издательство (ссылка) 2024 года». Fiction & non-fiction ✓ Поставить любую реакцию на пост ❤️□🔥😊 ✓ Нажать на кнопку «Участвовать» 31 января бот проверит выполнение условий и выберет победителей. Будут три книги и три победителя	Партнерство с другими каналами, розыгрыш призов, привлечение внимания к своей литературе
24.01	Подборка романов Сильвена Форжа	Книжная подборка	Хорошей пятницы! Впереди выходные и заслуженный отдых с хорошей книгой. Мы подобрали для вас сразу три, которые точно удивят и расскажут много нового о том, что стало так актуально в наше время	Реклама книг автора с помощью «книжной подборки»
24.01	Розыгрыш призов с партнерами	Конкурс через репост	🌟 На этой неделе у вас есть сразу три шанса выиграть потрясающую новинку – «Бюро темных дел» Эрика Фуасье! 🎲 Чем больше попыток, тем выше шанс на успех: участвуйте в трех розыгрышах и утройте свои возможности! 📌 Где проходят розыгрыши: ➡️ У нас (в закрепе) ➡️ У @helga_books ➡️ У @knigozarium	Партнерство с другими каналами, реклама книги Эрика Фуасье «Бюро темных дел»
23.01	Отзыв о книге Э. Фуасье «Бюро темных дел»	Отзыв от читателя	Огромное спасибо за такой развернутый и интересный отзыв! ❤️□	Продвижение книжной новинки с помощью отзыва от читателя

Продолжение таблицы 1
Continuation of table 1

23.01	Факты об авторе книги издательства	Факты биографии писателя Ромена Пуэртоласа	Об авторе В преддверии выхода новой книги Ромена Пуэртоласа «Под зонтом Аделаиды» мы хотим рассказать вам о ее авторе – человеке, который умудрился сделать свою жизнь захватывающим романом	Информационный материал, продвижение новинки
22.01	Розыгрыш призов с партнерами	Конкурс через репост	Детективы в нашем книжном клубе любят особенно, поэтому вместе с издательством Рипол Классик (https://t.me/ripol_classic) мы решили устроить РОЗЫГРЫШ для читателей с ярким призом ! Обязательно прочитаем вместе «Бюро темных дел» после того, как пройдёт розыгрыш. Что нужно делать, чтобы выиграть этот дектив? Быть подписанным на: Книгозариум (https://t.me/knigozarium) Рипол Классик (https://t.me/ripol_classic) Написать в комментариях к этому посту порядковый номер Всем удачи! У меня на эту книгу особые ожидания!	Партнерский материал, розыгрыш книги
22.01	Картина-мем	Мем	Мемчик в тему #Франкенштейн	Развлекательная, продвижение образа Франкенштейна, дополнительное промо книги
22.01	Текст о книге Мэри Шелли «Франкенштейн» с фактами о книге	Факты о книге	Если вы любите атмосферные истории с глубоким смыслом, книги серии «Библиотека Лавкрафта» станут идеальным выбором. Устройтесь поудобнее, откройте книгу – и отправьтесь в мрачный мир экспериментов, где наука и трагедия сплетаются в один гениальный сюжет	Реклама книги Мэри Шелли «Франкенштейн»
21.01	Идеи – советы издателя	Краткое видеомем и текст к нему	Представляете, если найдется писатель, который возьмет этот милый бесполезный факт для своего детектива? 😊 А что? Мы бы издали!	Развлекательный пост
21.01	Розыгрыш призов с партнерами	Конкурс через репост	Дарим бумажную книгу "Женщина в библиотеке" Сулари Джентилл	Партнерский пост с другим Telegram-каналом, продвижение книги

Продолжение таблицы 1
Continuation of table 1

21.01	Отзыв о книге Сулари Джентилл «Женщина в библиотеке»	Партнерский пост, коллаборация с книжными блогерами	<p>Нам очень приятна обратная связь с вами, дорогие друзья! Огромное спасибо всем, кто пишет отзывы и рецензии на наши книги!</p> <p>Преисполненные благодарностью, мы запускаем новую рубрику #отзыв_о_книге, в которой будем деляться с нашими подписчиками самыми яркими и интересными рецензиями книжных блогеров</p>	Партнерский пост, отзыв о книге
20.01	Розыгрыш призов с партнером	Конкурс через репост и оставление комментариев	<p>На этой неделе мы разыгрываем уже полюбившийся многим исторический триллер «Бюро темных дел» Эрика Фуасье в подарочном боксе с небольшими, но приятными подарочками в тему 🎁</p> <p>По отзывам читателей от этой книги невозможно оторваться, и у вас есть все шансы стать ее счастливым обладателем!</p>	Партнерский пост, розыгрыш книги
20.01	Итоги розыгрыша призов	Итоги розыгрыша	<p>Поздравляем победительницу нашего розыгрыша @tatiana_serg16 под номером 174! 🎉</p>	Привлечение внимания к партнерским розыгрышам призов
20.01	Реклама книжной новинки	Пост-уведомление с аннотацией о книжной новинке	<p>Новые книжки</p> <p>Издательство – Рипол Классик (https://t.me/ripol_classic)</p> <p>Алиса Бастиан</p> <p>Соавторство</p> <p>Любите читать истории про журналистов, который быстрее находит убийцу, чем полиция?</p> <p>Часто ли вы заглядываете в глубины своей души?</p>	Привлечение внимания к новинке

Продолжение таблицы 1
Continuation of table 1

20.01	Рубрика «забытые писатели»	Информирование читателей об неизвестных писателях и их книгах	Леонид Добычин – имя, вызывающее у одних восхищение, у других недоумение, а некоторые вообще слышат его впервые. Этот “забытый писатель” – не просто фигура, исчезнувшая из поля зрения. Его судьба настолько таинственна, что кажется вырванной из романа: ни могилы, ни архива, ни даже четкого представления о том, как он пропал. Возможно, его тело растворилось в водах Финского залива, оставив за собой лишь тихое эхо малоизвестных широкой публике произведений	Информирование читателей, привлечение внимания к книгам издательства
19.01	Впечатления от книги	Партнерский пост от блогера	Всем доброе утро, мои хорошие! Вчера снимала ролик «читаю час» на книгу «Непристойные уроки любви» Аниты Мюррей от издательства Рипол! (https://t.me/ripol_classic)	Партнерский пост от блогера, привлечение внимания к изданию
19.01	Краткое видео с мемами «когда сказала мужу “я на секундочку” и зашла к книжный»	Развлекательное видео	Как отдыхается, друзья? Для настроения 😊 #книжные_мемассы	Развлекательная
18.01	Рецензия от блогера на книгу издательства	Подробная рецензия от блогера, партнерский пост	Смартфоны, умные дома, роботы-пылесосы, Wi-Fi... Что общего у этого всего? Если вы подумали о прогрессе и удобстве, то вы заядлый оптимист... Так как это УГРОЗА с большой буквы "У"! "Под напряжением" Сильвен Форж Жанр: детектив, кибербезопасность, киберпреступления. 16+ Издательство: РИПОЛ классик (https://t.me/ripol_classic)	Партнерский пост, рецензия на книгу, коллaborация с блогером, продвижение книги издательства
18.01	Продвижение будущей новинки издательства	Анонс книги к дате рождения писателя	Сегодня исполняется 100 лет со дня рождения Жиля Делёза (1925-1995) – одного из самых ярких и влиятельных философов XX века. Долгожданное переиздание этого важнейшего научного труда в истории современной философии выйдет в марте этого юбилейного года. Следите за нашими новостями!	Анонс книги, привлечение внимания к новинке

Продолжение таблицы 1
Continuation of table 1

17.01	Партнерский пост от блогера	Анонс видео о книгах от блогера-партнера	<p>В эту «Книжную пятницу» расскажу о писателе, который крадет чужие идеи, об отеле с наемными убийцами (привет Джону Уику), еще о детском психологе и о маньяке, который писал роман.</p> <p>Расскажите в комментариях, а что читаете вы в январе? 😊</p>	Продвижение книжного блогера
17.01	Подборка книг от разных издательств, включая книги «Рипол-классик»	Книжная подборка от журнала MAXIM	<p>Редакция MAXIM отобрала фантастику, детективы, триллеры и другие новинки российской и зарубежной художественной литературы, которые мы ждем в наступившем году</p>	Продвижение двух книг издательства в материале журнала
17.01	Промо будущей книги, описание процесса производства	Анонс книги от издательства	<p>Но упорство Сизифа (привет древним грекам) и спартанский труд ведущего редактора Даниила Тестова привело нас к сдаче в печать двухтомника «Капитализм и шизофрения» Жиль Делёза и Феликса Гваттари! 🎉🎉🎉</p> <p>В марте эти книги придут на склад!</p> <p>Ну кайф же, а? 😊</p>	Реклама книжной новинки, анонс
17.01	Анонс книги	Анонс книги от издательства	<p>Мы приготовили настоящий подарок для всех ценителей интеллектуальной литературы: долгожданный двухтомник Жиля Делёза и Феликса Гваттари «Капитализм и шизофрения» в марте появится в продаже!</p>	Реклама книжной новинки
16.01	Картина карты Санкт-Петербурга с самыми продаваемыми книгами	Информирующий пост о продажах книг издательства в книжном магазине «Подписные издания»	<p>Самые продаваемые книги магазина «Подписные издания»</p>	Привлечение внимания к бестселлерам издательства

Кроме работы издательств над реализацией напечатанных книг в пользу их востребованности у читателя, необходимо отметить стратегическую в контексте коммуникационного маркетинга роль книжных ярмарок – они являются уникальным форматом культурно-просветительских мероприятий, играют важную роль в популяризации литературы и формировании устойчивой привычки к чтению среди различных возрастных групп, а также являются традиционным методом книжного маркетинга.

Книжные ярмарки создают среду, в которой книги становятся доступными и привлекательными для широкой аудитории. Анализ эффективности таких мероприятий может дать ценную информацию о том, как они влияют на читательскую аудиторию и как их можно улучшить для повышения интереса к чтению. Любые активности, связанные с успешной реализацией книг, предоставляют возможность не только познакомиться с новыми изданиями, но и лично взаимодействовать с авторами, участвовать в творческих мастер-классах и дискуссиях, что делает процесс знакомства с книгой более увлекательным и интерактивным.

Московская международная книжная выставка-ярмарка (ММКВЯ), одна из наиболее значимых книжных ярмарок в России, является ярким примером успешного применения коммуникационного маркетинга. С момента своего основания в 1977 году она превратилась в масштабное событие, объединяющее читателей, писателей, издательства и культурные организации. Её многообразная программа способствует развитию интереса к чтению, поддерживает книгоиндустрию и создает благоприятные условия для формирования читательской культуры. Понимая тенденции коммуникативного маркетинга настоящего времени – доступность в любых форматах – книжная ярмарка имеет свое сообщество в социальной сети Воконтакте: ММКЯ (основано 17.07.2015; 19 тыс. подписчиков).

В 2025 году пройдет 38-я Московская международная ярмарка (с 3 по 7 сентября 2025 г.) в 57 павильоне. В сообществе дан старт приему заявок для участия в работе ярмарки – устроители обещают «большой книжный праздник» с площадью ярмарки, превышающей площадь Экспоцентра практически вдвое. Почетный гость ярмарки в 2025 году – Индия. Удобный и продуманный интерфейс сообщества предполагает поиск по видеозаписям прошедших мероприятий в рамках книжной ярмарки в Москве за 2022-2024 г.

В рамках Московской международной книжной выставки-ярмарки (ММКВЯ) и других книжных мероприятий реализуются различные проекты, направленные на продвижение чтения и формирование читательской культуры. Нами было проанализировано несколько активностей и приведены самые яркие примеры успешных проектов 2024 года.

«Пространство чтения: будущее книги» – совместный проект ММКВЯ и медиагруппы «Красный квадрат». В рамках этого проекта обсуждались инновационные проекты, выходящие за рамки традиционной бумажной книги, такие как «Капитаны будущего» – познавательная экосистема для молодых читателей и зрителей. Этот проект включает иллюстрированные книги, мультсериал, курс лекций и выставку, что делает его уникальным примером продвижения чтения через мультимедийные форматы.

Фестиваль авторов и читателей ЛитРес на ММКВЯ-2024. ЛитРес, официальный цифровой партнер выставки, организовал ряд встреч с авторами, включая презентацию новой книги Андрея Васильева «Слеза Рода» и новых книг П. Басинского, посвященных осмысливанию романа Л. Толстого «Анна Каренина». Также был представлен лонг-лист литературной премии «Электронная буква – 2024», что стимулировало интерес к электронным и аудиокнигам среди посетителей.

Благотворительная акция «Подари ребенку книгу!» на Московской международной детской книжной ярмарке (ММДКЯ). Эта акция, организованная Российской государственной библиотекой для молодежи (РГБМ), позволяет посетителям покупать новые книги и передавать их в библиотеки, нуждающиеся в обновлении фондов. В 2024 году книги собирались для библиотек Валуйского района Белгородской области.

Издательская программа Правительства Москвы на ММКВЯ. В рамках этой программы представлено более 350 наименований книжных и мультимедийных изданий, что способствует популяризации чтения и поддержке книжной культуры среди московской аудитории.

Эти проекты оказывают положительное влияние на книжную культуру, стимулируя интерес к чтению и поддерживая книжную индустрию. Отзывы посетителей часто отмечают разнообразие культурной программы и доступность мероприятий для широкой аудитории. Например, встречи с писателями и презентации книг особенно популярны среди посетителей, что указывает на их эффективность в стимулировании интереса к чтению.

Отзывы можно найти на официальных сайтах ММКВЯ и ММДКЯ, а также в социальных сетях, где участники делятся своими впечатлениями от мероприятий. В основном отзывы о мероприятиях Московской международной книжной выставки-ярмарки (ММКВЯ) 2024 года были положительными. Воконтакте посетители отмечали разнообразие представленных книг, интересные и полезные мероприятия и выгодные цены на издания. Многие отмечали, что выставка была масштабной и интересной, с множеством новых и редких книг.

Книжные ярмарки играют важную роль в продвижении современной литературы и поддержке местных авторов и издателей – они настоящие драйверы книгоиздания. Ярмарки предоставляют возможность знакомства с новыми изданиями и поддерживают региональную книжную отрасль, что важно для развития культурной идентичности и поддержки федеральных и местных культурных проектов.

Для завершения анализа примеров применения маркетинговых стратегий в книжной отрасли стоит отметить, что каждый из этих случаев демонстрирует важность интеграции современных технологий и подходов к взаимодействию с читателями. На сегодняшний день маркетинговые стратегии, которые подчеркивают ценности, создают эмоциональную связь с читателями и используют технологии для получения обратной связи, становятся важными факторами успеха в книжном бизнесе.

Выводы

Перспективы дальнейших исследований в области маркетинговых коммуникаций в книжной отрасли представляют собой важный аспект, требующий внимания не только теоретиков, но и практиков. В связи с динамичными изменениями, происходящими в области чтения и потребления литературы, необходимо более детально исследовать различные сегменты целевой аудитории. Успешная реализация маркетинговых стратегий во многом зависит от понимания особенностей поведения потребителей, их предпочтений и мотиваций.

Список источников

1. Александров С.Ю., Торгунаков Е.А., Буракова А.И. Управление маркетинговыми коммуникациями в книгоиздательской сфере // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 7. № 5 (146). С. 259 – 265.
2. Белов В.А., Громова В.В. Современные читательские предпочтения подростков и юношества // Библиосфера. 2014. № 1. С. 31 – 37.
3. Буракова А.И. Методы использования инструментов вирусного маркетинга в книгоиздании // Реклама, PR и медиа: современное состояние и перспективы развития: сборник статей Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2024. С. 51 – 55.
4. Ерунцова Е.Р. Почему «Игра престолов» так популярна? // Актуальные вопросы научных исследований: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. 2018. С. 221 – 225.
5. Зылевич Д.П. Общая характеристика брендинга в издательском деле // Текст. Книга. Книгоиздание. 2019. № 19. С. 95 – 105.
6. Имяреков С.М., Кашичкин Н.А., Красников М.О. Специальные продажи и особенности книжного маркетинга // Интеграция науки в условиях цифровизации. Материалы Национальной научно-практической конференции: в 2 ч. Саранск: Российский университет кооперации, Саранский кооперативный институт, 2021. Ч. 2. С. 199 – 203.
7. Манаенко Е.И. Практические аспекты оценки эффективности digital-маркетинга на предприятии розничной торговли книжной продукции // Торговля и рынок. 2020. Т. 1. № 4 (56). С. 125 – 132.
8. Попова К.А., Чернышева А.М. Контент-маркетинг: создание привлекательного контента для целевой аудитории книжного рынка России // Научное образование. 2024. № 3 (24). С. 122 – 125.
9. Пушкарёва Е.В. Создание личного бренда писателя и его продвижение в социальных сетях // LXX Молодёжная научная конференция, посвященная 75-й Годовщине Победы в Великой Отечественной войне и 100-летию со дня рождения В.П. Лукачёва. Самара, 2020. С. 248 – 250.
10. Снегирёв Г.В. Книжный клуб: новые функции традиционной формы работы с читателем // Трансформация библиотек в цифровую эпоху: традиции и инновации: сборник материалов Ежегодной межвузовской студенческой научно-практической конференции. М., 2020. С. 31 – 34.
11. Хафизов Д.М. Основные социокультурные практики повышения читательской активности молодёжи в историко – культурном контексте // Общество: философия, история, культура. 2017. № 11. С. 113 – 115.
12. Чернякова М.Б. Инновации книжного маркетинга // Управление развитием социально-экономических систем: глобализация, предпринимательство, устойчивый экономический рост: материалы XXIV Международной научной конференции ученых и студентов. Донецк, 2023. С. 211 – 212.
13. Отраслевой доклад «Книжный рынок России: состояние, тенденции и перспективы развития» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 2024. 93 с.

References

1. Aleksandrov S.Yu., Torgunakov E.A., Burakova A.I. Marketing communications management in the publishing industry. Economy and management: problems, solutions. 2024. Vol. 7. No. 5 (146). P. 259 – 265.
2. Belov V.A., Gromova V.V. Modern reading preferences of teenagers and young adults. Bibliosfera. 2014. No. 1. P. 31 – 37.
3. Burakova A.I. Methods of using viral marketing tools in book publishing. Advertising, PR and media: current state and development prospects: collection of articles from the International scientific and practical conference. St. Petersburg, 2024. P. 51 – 55.
4. Eruntsova E.R. Why is Game of Thrones so popular? Current issues of scientific research: materials of the International (correspondence) scientific and practical conference. 2018. P. 221 – 225.
5. Zylevich D.P. General characteristics of branding in publishing. Text. Book. Book publishing. 2019. No. 19. P. 95 – 105.

6. Imyarekov S.M., Kashichkin N.A., Krasnikov M.O. Special sales and features of book marketing. Integration of science in the context of digitalization. Materials of the National scientific and practical conference: in 2 parts. Saransk: Russian University of Cooperation, Saransk Cooperative Institute, 2021. Part 2. P. 199 – 203.
7. Manaenko E.I. Practical aspects of assessing the effectiveness of digital marketing at a book retail enterprise. Trade and market. 2020. Vol. 1. No. 4 (56). P. 125 – 132.
8. Popova K.A., Chernysheva A.M. Content Marketing: Creating Attractive Content for the Target Audience of the Russian Book Market. Scientific Education. 2024. No. 3 (24). P. 122 – 125.
9. Pushkareva E.V. Creating a Writer's Personal Brand and Promoting It in Social Networks. LXX Youth Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War and the 100th Anniversary of the Birth of V.P. Lukachev. Samara, 2020. P. 248 – 250.
10. Snegiryov G.V. Book Club: New Functions of the Traditional Form of Working with Readers. Transformation of Libraries in the Digital Age: Traditions and Innovations: Collection of Materials of the Annual Interuniversity Student Scientific and Practical Conference. Moscow, 2020. P. 31 – 34.
11. Khafizov D.M. Main Sociocultural Practices for Increasing Reading Activity of Young People in the Historical and Cultural Context. Society: Philosophy, History, Culture. 2017. No. 11. P. 113 – 115.
12. Chernyakova M.B. Book Marketing Innovations. Managing the Development of Socio-Economic Systems: Globalization, Entrepreneurship, Sustainable Economic Growth: Proceedings of the XXIV International Scientific Conference of Scientists and Students. Donetsk, 2023. P. 211 – 212.
13. Industry report “Russian book market: state, trends and development prospects”. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. 2024. 93 p.

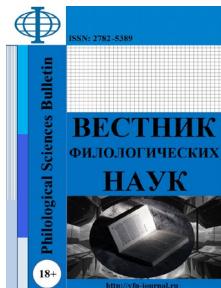
Информация об авторах

Александров С.Ю., Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Буракова А.И., Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Шарифуллина С.В., Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

© Александров С.Ю., Буракова А.И., Шарифуллина С.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.133.1

¹ Самарская С.В., ¹ Гордиенко Д.Я.

¹ Ростовский государственный экономический университет

Влияние компьютерных технологий на современную лингвистику

Аннотация: в данном исследовании рассматривается и изучается интеграция информационных технологий в лингвистику, подчеркивая их роль в анализе цифровых данных и помощи инновационным вычислительным моделям, предназначенным для лингвистического анализа. Авторами было выявлено взаимодействие между разработкой программного обеспечения и лингвистикой в создании систем для профессиональной, образовательной и автоматизированной обработки языка, включая лексические и фонетические аспекты. Исследование сосредоточено на изучении компьютерной лингвистики, использовании цифровых инструментов и систем для эффективной обработки лингвистических данных. Рассматриваются инновационные подходы к получению знаний и анализу языка, подчеркивая их практическое применение в современных лингвистических практиках. Результаты показывают, что применение информационных технологий в лингвистике повышает адаптивность и эффективность языковых систем. Это включает в себя достижения в вычислительных моделях, способных автоматически обрабатывать и анализировать язык, отражая современные тенденции глобализации и культурной среды.

Ключевые слова: лингвистика, семантика, цифровые технологии, компьютерный анализ, интеллектуальный ресурс

Для цитирования: Самарская С.В., Гордиенко Д.Я. Влияние компьютерных технологий на современную лингвистику // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 131 – 135.

Поступила в редакцию: 26 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹ Samarskaya S.V., ¹ Gordienko D.Ya.

¹ Rostov State University of Economics

The impact of computer technologies on modern linguistics

Abstract: this study reviews and explores the integration of information technology in linguistics, emphasizing its role in analyzing digital data and facilitating innovative computational models designed for linguistic analysis. The authors identified the interaction between software engineering and linguistics in creating systems for educational, professional and automated language processing, including lexical and phonetic aspects. The study focuses on the study of computational linguistics, the use of digital tools and systems for the effective processing of linguistic data. Innovative approaches to knowledge acquisition and language analysis are considered, emphasizing their practical application in modern linguistic practices. The results show that the application of information technology in linguistics increases the adaptability and efficiency of language systems. This includes advances in computational models capable of automatically processing and analyzing language, reflecting modern trends of globalization and cultural activation.

Keywords: linguistics, digital technology, semantics, computational analysis, intellectual resource

For citation: Samarskaya S.V., Gordienko D.Ya. The impact of computer technologies on modern linguistics. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 131 – 135.

The article was submitted: May 26, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

В области компьютерных наук прикладная лингвистика сыграла важную роль в разработке технологий обработки естественного языка (NLP), машинного перевода и приложений для изучения языка. Сотрудничество между лингвистами и компьютерщиками привело к значительному прогрессу в способности машин понимать и генерировать человеческий язык [1, 2]. Например, инструменты NLP теперь широко используются для автоматизированного перевода, анализа настроений и распознавания речи, преобразуя то, как языковые данные обрабатываются и используются в различных приложениях [4, 5]. Эти технологические инновации имеют широкие последствия, улучшая коммуникацию и доступность в глобализованном мире.

Прикладная лингвистика также пересекается с компьютерной наукой, особенно в разработке технологий обработки естественного языка (NLP). Джурафски и Мартин (2021) подчеркивают значительные достижения в области NLP, включая машинный перевод, автоматическое распознавание речи и анализ настроений. Эти технологии опираются на лингвистические теории для эффективной обработки и генерации человеческого языка [8]. Например, разработка систем машинного перевода, таких как GoogleTranslate, произвела революцию в межъязыковой коммуникации, сделав ее более доступной и эффективной. Таким образом, сотрудничество между лингвистами и компьютерными учеными расширило возможности языковых технологий и их приложений в различных областях [10].

Материалы и методы исследований

В настоящее время информационные технологии настолько широко распространились, что вторглись в языковое мышление, повлияли на восприятие языковых процессов и стали предоставлять передовые программные продукты для любых целей с помощью искусственного интеллекта. Лингвисты в целом, сосредоточены на формальной теории языка или на влияние вычислительных технологий на лингвистику [12]. Неудивительно, что существование конкретных закономерностей и случаев, продемонстрированных и выявленных теоретической лингвистикой, сегодня настолько доминирует, что сложные описания с исследованиями ИТ подчеркивают важность и уникальность исследования. На основе сравнительно-сопоставительного анализа исследований лингвистов-теоретиков и лингвистов, занимающихся цифровой лингвистикой было выявлено, что цифровые модели языка не отражают полностью характерные лексические, синтаксические и семантические языковые дескрипторы. Только благодаря наличию интеллектуального ресурса становится возможным определение методологий, которые до сих пор не были столь убедительны для лингвистического сообщества [11]. Чтобы изучать семантику лингвистической грамматики в полной мере, необходимо выстроить процесс между семантикой и синтаксисом. Этот процесс рассматривает определение значения слова в предложении и сложную обработку морфологического, синтаксического и правильного лексического значения.

Результаты и обсуждения

Компьютерные технологии вызвали грандиозные изменения практически во всех научных областях в последние годы, включая лингвистику, которая занимается изучением языка, его структуры, развития и места в социальном контексте [7].

Компьютерные технологии сделали возможным эффективное и всестороннее проведение лингвистических исследований. Вот некоторые примеры влияния компьютерных технологий на область лингвистики:

- искусственный интеллект и лингвистика.

Области искусственного интеллекта (ИИ) и обработки естественного языка (NLP) играют важную роль в развитии лингвистики. Технологии NLP позволяют компьютерам понимать и обрабатывать язык. Например, чат-боты, голосовые помощники (Siri, Alexa) и системы автоматического перевода создают возможности для общения на естественном языке [13, 14]. С помощью NLP можно выполнять такие задачи, как анализ текста, выявление семантической и синтаксической структуры и определение значений слов.

- корпусный анализ и обработка текста.

Компьютеры позволили лингвистам анализировать большие объемы текстов. Корпусный анализ – это проведение лингвистических исследований больших объемов текстов. Сегодня большие корпуса текстов, созданные на национальном и международном уровнях (например, корпус Google n-gram), могут использоватьсь для изучения информации об использовании языка. Такие аспекты языка, как грамматика, синтаксис и се-

мантика, анализируются более глубоко с помощью компьютеров. Например, языковые модели и статистика могут использоваться для изучения частоты использования слов или синтаксических структур.

- машинный перевод и языковое обучение.

Еще одним важным влиянием компьютерных технологий является разработка систем машинного перевода. GoogleTranslate и другие системы перевода полезны для перевода текстов с одного языка на другой. В этой области, в частности, большую роль играет развитие машинного обучения и искусственного интеллекта. Системы становятся все более и более способными точно и правильно переводить грамматические и лексические аспекты языка. В то же время лингвисты разрабатывают новые методы в области преподавания языков и перевода.

В качестве примера рассмотрим машинный перевод текста из лингвистической энциклопедии, анализ которого важен при изучении такого понятия как «единица языка»:

Language units are elements of the linguistic system that serve different functions and convey various meanings. The primary language units, in a narrow sense, form specific "levels" of the linguistic system, such as phonemes constituting the phonemic level, morphemes forming the morphological level, and so on (see Levels of Language). In a broader sense, the term language units encompasses a wide range of heterogeneous phenomena studied in linguistics. These include material units with a stable phonetic form, such as phonemes, morphemes, words, and sentences, as well as "relatively material" units (according to A.I. Smirnitsky), which have variable phonetic realization, such as structural models of words, phrases, and sentences [15].

Языковые единицы – это элементы языковой системы, которые выполняют различные функции и передают различные значения. Первичные языковые единицы в узком смысле образуют определенные «уровни» языковой системы, такие как фонемы, составляющие фонемный уровень, морфемы, образующие морфологический уровень, и т.д. (см. Уровни языка). В более широком смысле термин языковые единицы охватывает широкий спектр разнородных явлений, изучаемых в лингвистике. К ним относятся материальные единицы с устойчивой фонетической формой, такие как фонемы, морфемы, слова и предложения, а также «относительно материальные» единицы (по А.И. Смирницкому), которые имеют изменчивую фонетическую реализацию, такую как структурные модели слов, фраз и предложений) [9].

Как мы видим, машинный перевод с помощью GoogleTranslate является полностью эквивалентным и адекватным с точки зрения теории перевода и может значительно сократить время при изучении данной темы и подбора информации для исследований.

- интеграция информационных технологий в лингвистику.

Компьютерные технологии способствовали интеграции лингвистики с другими областями, такими как психолингвистика, социолингвистика, фонетика и когнитивные системы. С помощью компьютеров можно моделировать языковые процессы, имитировать различные слои языка. Например, используя компьютерные программы фонетического анализа, можно анализировать звуковые волны или наблюдать социальные аспекты языка.

- взаимодействие языка и культуры.

Компьютерные технологии также помогают изучать взаимодействие лингвистики и культуры. В настоящее время исследования в области вопросов «языка и культуры» часто проводятся с использованием информационных технологий [3]. Компьютерные системы помогают анализировать культурные и языковые различия, изучать, как язык функционирует в социальном контексте. Также можно анализировать, как язык изменяется в онлайн-среде, как формируются новые лексические комбинации и социальные связи.

- создание языковых ресурсов.

Компьютерные технологии также играют важную роль в создании языковых ресурсов. Компьютеры помогают в процессе создания языковых ресурсов, таких как словари, грамматики, языковые модели и корпусы. Эти ресурсы служат основой для лингвистических исследований. В то же время поиск новых и устаревших слов или выражений в языке осуществляется с помощью компьютерных программ.

- методологическое влияние компьютерной лингвистики.

Компьютерные технологии оказали значительное влияние на методологию лингвистических исследований. В настоящее время методы лингвистического анализа в большей степени основаны на автоматических и алгоритмических методах, чем на традиционных методах [6]. Применение компьютерных технологий к лингвистическим исследованиям и разработка новых методов создают широкие возможности не только для исследователей, но и для изучающих языки и специалистов.

Выводы

Внедрение компьютерных технологий произвело настоящую революцию в лингвистике, внедрив передовые методы, такие как анализ на основе искусственного интеллекта, автоматический перевод и надеж-

ную разработку языковых ресурсов. Эти достижения предоставляют более точные, систематические и всеобъемлющие инструменты для лингвистических исследований и приложений. Влияние компьютерных технологий выходит за рамки лингвистики, влияя на другие научные области, способствуя междисциплинарным исследованиям, упрощая процессы и улучшая доступ к языковым данным во всем мире.

Влияние компьютерной лингвистики глубокое и далеко идущее. Она преобразует способ нашего взаимодействия с технологиями, делая их более интуитивными и удобными для пользователя. Она разрушает языковые барьеры, позволяя людям с разным языковым бэкграундом эффективно общаться.

Несмотря на свой потенциал, зависимость от компьютерных технологий в лингвистике сталкивается с такими проблемами, как доступность ресурсов, неравный доступ в разных регионах и риск чрезмерного упрощения нюансов человеческого языка и культуры. Будущие исследования должны быть сосредоточены на устранении различий в технологическом доступе, улучшении адаптивности инструментов для разных языков и обеспечении соответствия достижений этическим и культурным соображениям в глобальном языковом мире.

Список источников

1. Внуковская А.В., Киржинов К.З. Нейролингвистическое программирование // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. № 1 (40). С. 26 – 28.
2. Кононенко А., Кравченко М., Недоспасова Л., Федорович Е. Электронные обучающие онлайн-платформы для образовательного подхода // Сетевые системы управления для подключенных и автоматизированных транспортных средств / под ред. А. Гуды. Чам: Springer, 2023. Т. 510. С. 111 – 121.
3. Мокроусов М.Н. Разработка и исследование методов и систем семантического анализа текстов на естественном языке: дис. ... канд. техн. наук: 13.05.01. Ижевск, 2010. 185 с.
4. Птущенко Е.Б., Петришин Д.В. Перспективные информационные технологии как инструмент познания в лингвистике // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусство-ведение. 2017. № 2 (197). С. 102 – 108.
5. Тоцкая И.В., Недоспасова Л.А. Образовательный потенциал чат-ботов в изучении иностранных языков: социолингвистические, дидактические и коммуникативные аспекты // Концепция. 2022. № 2. С. 111 – 112. URL: <http://e-koncept.ru/2023/231045.htm> (дата обращения: 25.03.2025).
6. Цветков А.А., Демина Н.В. Использование информационных технологий в лингвистике // Современная образовательная среда: теория и практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Интерактив Плюс, 2018. С. 86 – 87.
7. Ballim A., Wilks Y., Barnden J. Belief Description, Metaphor, and Intensional Identification // Cognitive Science. 1991. Vol. 15. No. 1. P. 133 – 171.
8. Chomsky N. The Minimalist Program. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. 426 p.
9. Cole J., Green G.M., Morgan J. Linguistics and Computation. Stanford: CSLI, 1995.
10. Mann W.C., Thompson S.A. Rhetorical Structure Theory: Towards a Functional Theory of Text Organization // Text. 1988. Vol. 8. No. 2. P. 243 – 281.
11. Narzullaeva D.B. Types of Teology in the World // American Journal of Public Diplomacy and International Studies. 2024. Vol. 2. No. 11. P. 21 – 24.
12. Bafoevna N.D. Etymology of the Book Quran // Ethiopian International Journal of Multidisciplinary Research. 2024. Vol. 11. No. 5. P. 713 – 715.
13. Sperber D., Wilson D. Relevance. Oxford: Blackwell, 1986. 331 p.
14. Sparck-Jones K. How Much Has Information Technology Contributed to Linguistics? 1997.
15. The Free Dictionary by Farlex: Linguistic Units. URL: <https://encyclopedia2.thefreedictionary.com/Linguistic+Units> (дата обращения: 25.03.2025).

References

1. Vnukovskaya A.V., Kirzhinov K.Z. Neuro-linguistic programming. Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1 (40). P. 26 – 28.
2. Kononenko A., Kravchenko M., Nedospasova L., Fedorovich E. Electronic online learning platforms for an educational approach. Network control systems for connected and automated vehicles. Edited by A. Guda. Cham: Springer, 2023. Vol. 510. P. 111 – 121.
3. Mokrousov M.N. Development and research of methods and systems for semantic analysis of texts in natural language: dis. ... Cand. of Engineering Sciences: 13.05.01. Izhevsk, 2010. 185 p.

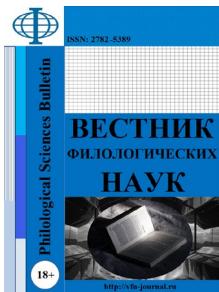
4. Ptushchenko E.B., Petrishin D.V. Promising information technologies as a tool for cognition in linguistics. Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Studies. 2017. No. 2 (197). P. 102 – 108.
5. Totskaya I.V., Nedospasova L.A. Educational potential of chatbots in the study of foreign languages: sociolinguistic, didactic and communicative aspects. Concept. 2022. No. 2. P. 111 – 112. URL: <http://e-koncept.ru/2023/231045.htm> (date of access: 25.03.2025).
6. Tsvetkov A.A., Demina N.V. The Use of Information Technologies in Linguistics. Modern Educational Environment: Theory and Practice: Proc. of the International Scientific and Practical Conf. Cheboksary: Inter-Active Plus, 2018. P. 86 – 87.
7. Ballim A., Wilks Y., Barnden J. Belief Description, Metaphor, and Intensional Identification. Cognitive Science. 1991. Vol. 15. No. 1. P. 133 – 171.
8. Chomsky N. The Minimalist Program. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. 426 p.
9. Cole J., Green G.M., Morgan J. Linguistics and Computation. Stanford: CSLI, 1995.
10. Mann W.C., Thompson S.A. Rhetorical Structure Theory: Towards a Functional Theory of Text Organization. Text. 1988. Vol. 8. No. 2. P. 243 – 281.
11. Narzullaeva D.B. Types of Theology in the World. American Journal of Public Diplomacy and International Studies. 2024. Vol. 2. No. 11. P. 21 – 24.
12. Bafoevna N.D. Etymology of the Book Quran. Ethiopian International Journal of Multidisciplinary Research. 2024. Vol. 11. No. 5. P. 713 – 715.
13. Sperber D., Wilson D. Relevance. Oxford: Blackwell, 1986. 331 p.
14. Sparck-Jones K. How Much Has Information Technology Contributed to Linguistics? 1997.
15. The Free Dictionary by Farlex: Linguistic Units. URL: <https://encyclopedia2.thefreedictionary.com/Linguistic+Units> (date of access: 25.03.2025).

Информация об авторах

Самарская С.В., кандидат педагогических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Гордиенко Д.Я., кандидат филологических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), dinara-na-donu@mail.ru

© Самарская С.В., Гордиенко Д.Я., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 1751.8

¹ Курляндская О.Г.

¹ Военный университет Министерства обороны Российской Федерации имени князя Александра Невского

Грамматико-синтаксические трансформации при переводе с русского языка на арабский и английский: обоснование идентичности

Аннотация: целью данной статьи является поддержка переводческой деятельности и расширение теоретических знаний о сходствах в неродственных языках. На примере исходного текста на русском языке и профессиональных переводов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» выявляем, демонстрируем и обосновываем грамматико-синтаксические трансформации, одинаковым образом подходящие для использования при переводе с русского на такие неродственные языки как английский и арабский. За основу классификации принимаем арабские грамматические временные формы. В результате проведения сравнительно-сопоставительного анализа выявляем такие грамматические трансформации, что являются типовыми для тех или иных грамматических времен во всех трёх языках.

Ключевые слова: составное сказуемое, переводческие трансформации, структурно-функциональный анализ, грамматические универсалии, роман «Мастер и Маргарита»

Для цитирования: Курляндская О.Г. Грамматико-синтаксические трансформации при переводе с русского языка на арабский и английский: обоснование идентичности // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 136 – 143.

Поступила в редакцию: 26 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹ Kurlyandskaya O.G.

¹ Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky

Grammatical and syntactic transformations in translation from Russian into both Arabic and English: substantiation of identity

Abstract: the purpose of this article is to support translation activity and broaden theoretical knowledge about similarities in unrelated languages. Using the Russian original text and professional translations of Bulgakov's novel "The Master and Margarita", we identify, demonstrate and substantiate grammatical and syntactic transformations that are equally suitable for use in translation from Russian into such unrelated languages as both English and Arabic. As the basis for classification, we take the Arabic grammatical tense forms. As a result of the comparative analysis, we identify grammatical transformations that are typical for certain grammatical tenses in all the three languages.

Keywords: compound predicate; transformations in translation; structural approach; grammatical universals; "The Master and Margarita"

For citation: Kurlyandskaya O.G. Grammatical and syntactic transformations in translation from Russian into both Arabic and English: substantiation of identity. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 136 – 143.

The article was submitted: May 26, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы заключается в выявлении новых возможностей в области адекватности и эквивалентности одного из ключевых факторов успешной коммуникации в современном мире – письменного перевода. В этой связи самым активным образом ведутся сравнительно-сопоставительные работы по наблюдению, выявлению и изучению аналогий между различными, в том числе неродственными, языками.

Так, например, в 2020-м году в Лидском университете (г. Лидс, Великобритания) было проведено сопоставительное исследование глаголов совершенного и несовершенного вида на основании оригинального текста Корана и его 7-ми переводов на английский язык [1, с. 6]; на базе Удмуртского государственного университете (г. Ижевск, Россия) исследовано морфологическое сходство двух таких неродственных языков как французский (романская группа) и сербский (славянская группа) [2, с. 45]; в рамках крупной международной конференции на базе Комплексного НИИ им. Х.И. Ибрагимова, РАН (г. Грозный, Россия) прозвучал доклад, позднее опубликованный в одном из сборников "The European Proceedings", на тему сопоставительных лингвокультурологических, то есть с учетом связи языка и культуры, исследований в области специфических национальных особенностей, а также сходства фразеологических оборотов русского и китайского неродственных языков [3, с. 556].

Стоит отметить, что с учётом бурного развития информационных технологий понимание процесса функционирования письменного перевода обладает высокой значимостью и в таком актуальном вопросе как создание и обновление программ машинного перевода.

Что касается новизны исследования: в статье впервые представлен подход к рассмотрению грамматических трансформаций в аспекте функционирования таких неродственных языков как русский, арабский и английский. В 2023 году нами было опубликовано методическое пособие, которое включает в себя обоснование семантико-грамматической идентичности арабских и английских глагольных конструкций [4, с. 5].

Цель данной работы заключается в установлении возможности использования ряда типовых переводческих трансформаций в процессе художественного перевода с русского языка на такие неродственные языки как арабский и английский.

Для достижения поставленной цели нами был поставлен ряд последовательных задач:

1. Выявить используемые в материале исследования соответствующие глагольные синтагмы в форме составных, а также простых глагольных сказуемых.
2. Провести сравнительно-сопоставительный синтаксический и семантический анализ выявленных синтагм на исследуемых языках.
3. Выявить и проанализировать используемые трансформации при переводе с русского языка на арабский и английский языки.
4. Предложить собственные рекомендации относительно использования выявленных закономерностей в практической работе переводчика и преподавателя.

Материалы и методы исследований

В качестве материала для исследования нами выбран уникальный образец эталонного современного русского языка – оригинальный текст романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», а также его профессиональные переводы, которые в различные годы выполнили: Хаффаль Юсеф – на арабский язык; Диана Бургин (при содействии Катрин Тьернан О'Коннор), Майкл Гленни, Хью Эплин – на английский.

Метод исследования: сравнительно-сопоставительный.

Результаты и обсуждения

Нами проведен сравнительно-сопоставительный анализ глагольных синтагм трех исследуемых языков – арабского, английского, русского.

Анализ материала проведен по следующей схеме: римскими цифрами обозначены арабские конструкции с участием составного глагольного сказуемого в том или ином грамматическом времени в порядке очередности выявления в арабском переводе.

Далее выписаны семантически близкие в плане отображения характера действия основного глагола арабские и английские сказуемые; отмечаем, что в целях систематизации грамматических конструкций исследуемых нами трех языков английские неличные формы глаголов – причастие и герундий, а также соответствующие глаголы русского исходного текста в форме инфинитива, рассматриваем в рамках дан-

ной работы в функции основных смысловых глаголов составного сказуемого, что в том числе соответствует правилам грамматики арабского языка.

Буквами А), Б), В) обозначены грамматические конструкции или предложения, соответствующие трем английским источникам.

Итак, рассматриваем примеры грамматических временных форм с участием фазисных глаголов, которые к настоящему моменту времени удалось проанаблюдать в ходе данной сравнительно-сопоставительной работы; это глаголы:

- I. Начинания действия,
 - II. Длительного времени,
 - III. Давнопрошедшего времени,
 - IV. Продолженного действия.

Такая классификация, соответствующая классической грамматике арабского литературного языка, принята нами за основу потому, что фазисные глаголы присутствуют во всех трех исследуемых нами языках. Как известно, именно фазисные глаголы обеспечивают максимально подробное рассмотрение видовременных глагольных конструкций.

I. Начинание действия в прошедшем времени (гл-л ادَب) / Verbal Construction with a Gerund (A), (B); Infinitive Construction (Б) (английский язык).

Семантически близкие лексические единицы:

امهارهظو ڦري حبلاء حاجتاب امهاءه جو دعقم ىلue اسلجو امهيلع ام اعفده، ناقزحي ادب ىتح نابي دالا ىوترا نا امو [5] اينورب عراش حاجتاب (the writers) began hiccupping (A), began to hiccup (B), started hiccupping (B).

- A) "The writers drank it down and immediately began hiccupping [6, c. 4].
 - B) "After drinking it the two writers immediately began to hiccup" [7, c. 4].
 - B) "Having quenched their thirst the writers immediately started hiccupping [8, c. 1].

«Напившись, литераторы немедленно начали икать, расплатились и уселись на скамейке лицом к пруду и спиной к Бронной» [9, с. 1] (1); (А), (Б), (В).

Как видим, основной смысловой арабский глагол **نَقْزَحِي** (1) находится в неизменяемой форме настояще-будущего времени. Английские неличные формы глагола – герундий "hiccupping" (A) и (B), инфинитив "to hiccup" (Б) – выступают в функции основных глаголов.

В связи с тем, что в арабском языке не существует инфинитивной формы глагола, основной смысловой глагол арабского составного сказуемого может быть либо в форме неизменяемого глагола настоящего будущего времени, как в рассматриваемом случае, либо в форме однокоренного ему масдара – именной части речи со свойствами глагола, по аналогии с герундием отображающей действие как процесс вне связи со временем и лицом.

Всего у нас пять глагольных конструкций с составным сказуемым включая русский исходный оригинал. Как видим, все они синтаксически идентичны между собой, в том числе: русская исходная конструкция «начали икать», арабское составное сказуемое начинания действия (1) «оба они начали икать»), английские сказуемые Verbal Construction with a Gerund "began hiccupping" (A) и "started hiccupping" (B), а также Infinitive Construction "began to hiccup" (Б).

Следовательно, во всех четырёх переводах мы находим нулевую переводческую трансформацию – когда синтаксическая структура исходного языка воспроизводится аналогичной конструкцией в переводе.

Что касается наибольшей корректности отображении исходного содержания, то семантически максимально близок, т.е. эквивалентен исходному русскому составному глагольному сказуемому «начали икать» английский перевод (Б) "began to hiccup": благодаря использованию основного смыслового глагола в форме инфинитива в данном переводе, также, как и в русском оригинале, акцентируется начало основного действия.

Что же до семантически близких друг другу переводов, то это арабский перевод (2) и английские переводы (A) и (B): при использовании арабского основного смыслового глагола "نَاقْزَحَ" в форме настояще-будущего времени с его префиксом настоящего времени "يَ" и английского герундия "hiccupping" в функции основного глагола с его окончанием настоящего времени "-ing" в каждом из этих случаев акцентируется не начинание действия, как в исходной русской синтагме, а процесс его совершения.

Как видим, семантически близкие друг другу глагольные синтагмы в арабском и английском неродственных языках – в данном случае те, что отображают действие в процессе его совершения – могут быть семантически равноудалены от исходной русской синтагмы с ее акцентом на начинании основного действия.

В этой связи стоит отметить, что отображающая синтаксическую идентичность русского источника и его переводов на арабский и английский языки нулевая переводческая трансформация, наблюдаемая нами выше в каждом из четырех переводах в рамках грамматической конструкции начинания действия, вовсе не подразумевает также и семантическую идентичность глагольных синтагм этих трех языков.

Так, синтаксически идентичный арабский перевод никогда не сможет воспроизвести семантическую идентичность русского источника в связи с отсутствием в арабском языке грамматической категории инфинитива: арабский основной глагол / масдар всегда будет обозначать действие в процессе совершения. Что же касается английского языка, тут семантическая эквивалентность основного действия целиком зависит от выбора переводчика между герундием и инфинитивом в функции основного глагола составного сказуемого и будет достигнута при выборе инфинитива.

II. Прошедшее длительное время (ар. яз., вспомогательный гл-бытия ناك / Past Indefinite Tense (A), (B) / Past Continuous Tense с причастием настоящего времени Participle One (вспомогательный гл-л "to be") (Б).

Семантически близкие лексические единицы:

2. ناك ليامتى / was swaying (from left to right) (Б).

ممأ اريسيو ان يممي ليامتى ناك ملأخ نم ىري ناك يذلأ قمأقلا ريسقلا نطاومل او فسألل ال يحتسم نكى مل لكلاز نكل ضرآلأا هامدق سمت نأ نود [5].

A) "But alas it was, and the tall transparent man swayed from left to right in front of him without touching the ground" [6, c. 4].

Б) "But alas it was, and the tall transparent gentleman was swaying from left to right in front of him without touching the ground" [7, c. 4].

В) "But, alas, it could, and the lanky citizen you could see through swayed to both left and right in front of him without touching the ground" [8, c. 1].

«Но это, увы, было, и длинный, сквозь которого видно, гражданин, не касаясь земли, качался перед ним и влево и вправо» [9, c. 1] (2); (Б).

В данных примерах мы видим две грамматических трансформации русского исходного глагола-сказуемого «качался»: арабский перевод в форме составного сказуемого (2) "ناك ليامتى" с участием основного глагола "ليامتى" в неизменяемой форме настояще-будущего времени и английский перевод (Б) "was swaying", также в форме составного сказуемого, с участием – в функции основного глагола – причастия Participle One.

Обе эти трансформации – арабское составное сказуемое длительного времени (2) и английское сказуемое Past Continuous Tense (Б) – отображают длительность действия русского сказуемого т.е. семантически идентичны исходной лексической единице, а также друг другу, в том, что касается отображения характера действия.

Синтаксически арабское составное сказуемое (2), равно как и английское составное сказуемое (Б), отличаются от исходного простого глагольного сказуемого русского языка «качался»; при этом оба они синтаксически идентичны друг другу.

Также наблюдаем две нулевые синтаксические трансформации "swayed" в переводах (А) и (В). Глагол-сказуемое "swayed" никакой длительности действия, заложенной в исходной русской лексической единице «качался», не передает; иными словами, не идентичен содержанию исходного русского глагола в том, что касается отображения характера основного действия.

Несмотря на то, что нулевой переводческой трансформацией для русского исходного текста является конструкция Past Indefinite Tense для английских переводов (А) и (Б), идентичными русскому исходному простому глагольному сказуемому в том, что касается корректности отображения содержания действия – а именно, его длительности – оказываются, как видим, синтаксические единицы с участием составного сказуемого: арабский перевод (2) в форме длительного времени и английская конструкция Past Continuous Tense (Б).

Иными словами, нулевая переводческая трансформация ни в одном из переводов не обеспечила семантическую идентичность по отношению к русскому источнику – что выявляется при семантическом сопоставлении глаголов-сказуемых с исходным русским текстом, а также друг с другом.

Делаем вывод, что в случае отображения грамматической длительности действия в исходном русском предложении, когда в арабских и английских переводческих трансформациях функционируют вспомогательные глаголы бытия "الآن" / "to be", простое глагольное сказуемое исходного русского текста («качался») обуславливает в качестве наиболее корректной для отображении содержания основного действия такую трансформацию в арабском и английском переводах, которая синтаксически в каждом случае отображается при помощи составного сказуемого. Дело в том, что при переводе как на арабский, так и на

английский языки исходную длительность действия русского глагола несовершенного вида как-нибудь иначе передать невозможно.

III. Давнопрошедшее время (арабский язык) / Past Perfect Tense (английский язык).

Семантически близкие лексические единицы:

3. بارسلاف ،ي هتن دق ءيش لك ناك ئين اث امحتف امدن عو ،هين يع ضمغا هن ا ئجرد ئلا ديدش بعر زولرب كلمت اهن يح

بارسلاف ،ي هتن دق ءيش لك ناك ئين اث امحتف امدن عو ،هين يع ضمغا هن ا ئجرد ئلا ديدش بعر زولرب كلمت اهن يح
[5, с. 11].

А) "And when he opened them, he saw that it was all over, the mirage had evaporated" [6, с. 4].

Б) "And when he opened them, he saw that it was all over, the mirage had dissolved" [7, с. 4].

В) "And when he opened them, he saw that everything was over, the mirage had dissolved" [8, с. 1].

«Тут ужас до того овладел Берлиозом, что он закрыл глаза. А когда он их открыл, увидел, что все кончилось, марево растворилось, клетчатый исчез, а заодно и тупая игла выскочила из сердца» [9, с. 1] (3); (А), (Б), (В).

По нашим наблюдениям, давнопрошедшее время в арабском языке и грамматически соответствующее ему Past Perfect Tense в английском – единственные в этих двух языках временные формы, когда не только вспомогательный, но и основной глаголы и в том, и в другом языках выступают в формах прошедшего времени.

В наличии четырех грамматических трансформации, каждая с участием составного сказуемого ((3) "ن اك (بارسلاف) دق رخبت" (марево) растворилось / (А) "(the mirage) had evaporated", (Б) и (В) "had dissolved"), русского исходного простого глагольного сказуемого «растворилось».

Семантически, а также синтаксически, все четыре перевода, отображающие факт совершения действия, эквивалентны друг другу.

Если сравнивать с русским исходным текстом, то синтаксического совпадения какого-либо из переводов, конечно же, нет: в русском языке не существует аналогичного грамматического времени. Что касается семантики, на наш взгляд, об эквивалентности содержания говорить возможно, поскольку арабский и английский переводы грамматически отображают очередность совершения исходных действий: ведь «марево растворилось» до того, как Берлиоз открыл глаза и «увидел, что все кончилось».

Как видим, русское простое глагольное сказуемое («растворилось») – в данном случае в форме глагола совершенного вида давнопрошедшего грамматического времени – вновь обуславливает в арабском и английском языках с целью достижения эквивалентности перевода такую грамматическую трансформацию, где в каждом случае участвует составное сказуемое; иными словами, арабское и английское составные сказуемые замещают собой простое глагольное сказуемое русской исходной синтагмы.

IV. Продолженное действие в прошедшем времени (вспомогательный гл-л ظ) / Past Simple Tense with Participle II (А), (Б), (В).

Семантически близкие лексические единицы:

4. ظضم غم (eye) remained closed (А), (Б), (В).

تلظ ني عل ظضم غم عر حالا [5, с. 31].

А) "The other eye remained closed" [6, с. 16].

Б) "The other eye remained closed" [7, с. 12].

В) "The other eye remained closed" [8, с. 2].

«Другой глаз остался закрытым» [9, с. 4] (26); (А), (Б), (В).

Данные примеры демонстрируют четыре нулевых синтаксических переводческих трансформации.

Как синтаксически, так и семантически все они соответствуют друг другу, а также исходной русской глагольной синтагме «(глаз) остался закрытым» с участием простого глагольного сказуемого «остался» в функции вспомогательного глагола и причастия «закрытым» в функции основного смыслового глагола.

Делаем вывод, что при переводе на арабский и английский языки русской исходной глагольной синтагмы, соответствующей грамматической форме продолженного действия, оптимальной является синтаксическая нулевая переводческая трансформация.

Как и ожидалось, наблюдаем тексты с великолепной и разнообразной грамматикой. По итогам исследовательской работы мы пришли к следующим существенным выводам:

1. Выявлены и рассмотрены грамматические формы:

I. Начинания действия в прошедшем времени,

II. Длительного времени в прошедшем времени,

III. Давнопрошедшего времени,

IV. Продолженного действия в прошедшем времени.

2. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу относительно корректности классификации русских, арабских, английских синтагм в соответствии с грамматическими временами арабского литературного языка, для которых характерно участие так называемых фазисных глаголов. Это помогло систематизировать и обобщению наблюдений – поскольку такие глаголы фактически присутствуют во всех трех рассматриваемых нами языках.

3. Для перевода русской исходной глагольной синтагмы на арабский и английский языки в грамматической форме I Начинания действия в прошедшем времени нужно использовать синтаксическую нулевую переводческую трансформацию. В данной временной форме именно она обеспечит эквивалентность перевода глагольных синтагм – при том условии, что при осуществлении перевода с русского языка на английский переводчик выберет глагол в форме инфинитива; ведь только инфинитив, в отличие от герундия, способен акцентировать начало основного действия в полном соответствии с содержанием исходной русской глагольной синтагмы.

4. При анализе переводов нами замечено, что арабской глагольной конструкции, отображающей прошедшее длительное время II – составному сказуемому с участием вспомогательного глагола бытия "كُن" – всегда соответствует русское исходное сказуемое в форме глагола несовершенного вида и английские конструкции во временных формах Past Continuous Tense или же Past Indefinite Tense.

5. Для достижения эквивалентности перевода с русского языка в рамках временной формы длительного времени при переводе на арабский и английский языки принимаем на вооружение в качестве оптимальной переводческую трансформацию с грамматической заменой русского исходного простого глагольного сказуемого на составное. Поскольку, отличаясь от русского исходного источника (простого глагольного сказуемого в форме глагола несовершенного вида) синтаксически, арабская и английская составные глагольные конструкции обеспечивают семантическую эквивалентность перевода с русского языка – отображение исходной длительности действия, присущей русским глаголам несовершенного вида – при помощи своих вспомогательных глаголов.

6. Для достижения эквивалентности перевода с русского языка на арабский и английский в рамках временной формы арабского давнопрошедшего времени III / английского Past Perfect Tense русское простое глагольное сказуемое в форме глагола совершенного вида прошедшего времени также обуславливает выбор перевода на арабский и английский языки с участием составного сказуемого, что также представляет собой грамматическую трансформацию замены русского исходного простого глагольного сказуемого на составное. Вспомогательные глаголы арабского и английского переводов в этих случаях обозначают время совершения действия в прошлом ранее другого действия в прошлом.

7. Для достижения эквивалентности перевода русскому исходному тексту в рамках грамматической формы IV Продолженного действия оптимальным выбором является нулевая синтаксическая трансформация.

Выводы

Замеченные нами структурно-семантические закономерности и совпадения, а также выявленные виды трансформаций при переводе с русского языка могут иметь как теоретическую значимость для расширения общего знания о языковых универсалиях, так и практическое применение в работе переводчика и преподавателя – в том числе в преподавании арабского языка по методу аналогии с учетом выявленных нами совпадений и закономерностей в русском, арабском, английском языках.

Хотелось бы отметить, что русское простое глагольное сказуемое в форме глагола несовершенного вида, соответствующее грамматической форме длительного времени, всегда обуславливает необходимость использования составного сказуемого при переводе на арабский и английский языки с целью отображения своей исходной длительности действия, а, следовательно, для достижения эквивалентности перевода.

Что касается арабского давнопрошедшего времени III / английского Past Perfect Tense со свойственной этому грамматическому времени жестко заданной очередностью действий, тут, как мы увидели, структурно и семантически идентичны все четыре рассмотренных варианта перевода и на арабском, и на английском языках: они переведены с участием составного сказуемого. Соответственно, синтаксически все эти рассмотренные нами переводы равным образом отличаются от исходных русских источников с их простыми глагольными сказуемыми в форме глаголов совершенного вида.

Иными словами, при переводе с русского языка на арабский и английский тех глагольных синтагм, что соответствуют временным формам длительного и давнопрошедшего времени, считали бы оптимальным выбор грамматической трансформации замены русского простого сказуемого составным.

Формулировка переводческой трансформации замены одного члена предложения другим – в нашем случае это замена простого глагольного сказуемого составным – принадлежит Р.К. Миньяр-Белоручеву [10, с. 122].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что – как показывают наблюдения – при переводе с русского языка на английский и арабский языки синтаксическая нулевая переводческая трансформация, несмотря на всю свою соблазнительность, далеко не в каждом случае обеспечит эквивалентность перевода: на практике, прибегать к трансформации замены простого глагольного сказуемого на составное приходится значительно чаще. А когда именно – это, как рассмотрено выше, напрямую зависит от грамматического времени, в рамках которого функционирует то или иное русское исходное глагольное сказуемое, которое изначально обуславливает тип трансформации и, соответственно, структуру такой важнейшей синтагмы как глагольное сказуемое языка перевода.

Список источников

1. Аласмари Д.С. Сравнительный анализ арабо-английской глагольной системы на основании текстового корпуса Корана // A Comparative Analysis of The Arabic and English Verb Systems Using the Qur'an Arabic Corpus. Великобритания: Лидсский университет, 2020. 249 с. URL: <https://etheses.whiterose.ac.uk/id/eprint/28818/> (дата обращения: 11.03.2025).
2. Медведева Д.И., Дегтярникова М.С. К вопросу о структурно-семантических сходствах французского и сербского языков на морфологическом уровне // Многоязычие в образовательном пространстве. Научный журнал УдГУ. Ижевск, 2020. Т. 12. С. 45 – 51.
3. Киселева Л.А. Лингвокультурологические основы сопоставительного изучения фразеологии неродственных языков // Linguocultural Basis Of Comparative Studies Of Phraseology Of Unrelated Languages. Social and cultural transformations in the context of modern globalism International Conference. The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. London, 2020. С. 555 – 561.
4. Курляндская О.Г. Современная специфика преподавания дисциплины «Практикум по культуре речевого общения арабского языка» с учетом новой роли преподавателя и билингвальности, грамматических языковых универсалий и контекста // Методическое пособие. М., 2023. 35 с. URL: <https://znanium.ru/catalog/authors/kurlandskaa-olga-gennadievna> (дата обращения: 20.03.2025).
5. Хаффаль Юсеф. Мастер и Маргарита. М.А. Булгаков / пер. на арабский язык. Бейрут: Al-Kamel Verlag, 2015. 576 с. URL: [Foulabook.com](https://foulabook.com) (дата обращения: 08.11.2023).
6. Бургин Д., Тиernan Катрин О'Коннор. The Master and Margarita. UK: Picador, 2010. 367 с.
7. Майкл Гленни. The Master and Margarita. London: Collins and Harvill Press, 1967. 205 с. URL: [eben001_mastermargarita_glenny.pdf](https://www.ebook.com/eb/0001/mastermargarita_glenny.pdf) (дата обращения: 18.01.2025).
8. Хью Эплин. The Master and Margarita. М.: КАРО, 2020. 600 с. URL: <https://www.litres.ru/book/mihail-bulgakov/the-master-and-margarita-master-i-margarita-kniga-dlya-cht-57399821/chitat-onlayn/> (дата обращения: 18.02.2025).
9. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М.: Readli.net, 1985. 96 с. URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=501&pg=1> (дата обращения: 05.10.2024).
10. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. 208 с.

References

1. Alasmari D.S. A Comparative Analysis of The Arabic and English Verb Systems Using the Qur'an Arabic Corpus. UK: University of Leeds, 2020. 249 p. URL: <https://etheses.whiterose.ac.uk/id/eprint/28818/> (date of access: 11.03.2025).
2. Medvedeva D.I., Degtyarnikova M.S. On the issue of structural and semantic similarities between the French and Serbian languages at the morphological level. Multilingualism in the educational space. Scientific journal of Udmurt State University. Izhevsk, 2020. Vol. 12. P. 45 – 51.
3. Kiseleva L.A. Linguocultural Basis Of Comparative Studies Of Phraseology Of Unrelated Languages. Social and cultural transformations in the context of modern globalism International Conference. The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. London, 2020. P. 555 – 561.
4. Kurylyandskaya O.G. Modern specifics of teaching the discipline "Workshop on the culture of speech communication of the Arabic language" taking into account the new role of the teacher and bilingualism, grammatical language universals and context. Methodical manual. Moscow, 2023. 35 p. URL: <https://znanium.ru/catalog/authors/kurlandskaa-olga-gennadievna> (date of access: 20.03.2025).
5. Haffal Yusef. The Master and Margarita. M.A. Bulgakov. Trans. into Arabic. Beirut: Al-Kamel Verlag, 2015. 576 p. URL: [Foulabook.com](https://foulabook.com) (date of access: 08.11.2023).
6. Burgin D., Tiernan Catherine O'Connors. The Master and Margarita. UK: Picador, 2010. 367 p.

7. Michael Glenny. The Master and Margarita. London: Collins and Harvill Press, 1967. 205 p. URL: eben001_mastermargarita_glenny.pdf (date of access: 18.01.2025).
8. Hugh Aplin. The Master and Margarita. Moscow: KARO, 2020. 600 p. URL: <https://www.litres.ru/book/mihail-bulgakov/the-master-and-margarita-master-i-margarita-kniga-dlya-cht-57399821/chitat-onlayn/> (date of access: 18.02.2025).
9. Bulgakov M.A. The Master and Margarita. Moscow: Readli.net, 1985. 96 p. URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=501&pg=1> (date of access: 05.10.2024).
10. Minyar-Beloruchev R.K. Theory and Methods of Translation. Moscow: Moscow Lyceum, 1996. 208 p.

Информация об авторах

Курляндская О.Г., Военный университет Министерства обороны Российской Федерации имени князя Александра Невского

© Курляндская О.Г., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 800:159.9

¹Логвина С.А.

¹Курский государственный университет

Когнитивно-прагматические основания дискурсивной природы эвфемизма

Аннотация: в настоящем исследовании предлагается методологическое осмысление эвфемизма как динамичного, контекстуально обусловленного и функционально нагруженного феномена, выходящего за рамки традиционного лексико-семантического подхода. Эвфемизм рассматривается не как изолированная языковая единица, а как элемент более широкого коммуникативного процесса, воплощённого в форме эвфемистического дискурса. В статье предлагается новое понимание эвфемистического дискурса, под которым понимается совокупность языковых, когнитивных и прагматических стратегий, направленных на смягчение, обход и адаптацию социально чувствительной информации в условиях модальных и нормативных ограничений.

В рамках когнитивно-дискурсивного и прагматического подходов эвфемизм анализируется как средство коммуникативной регуляции, обеспечивающее баланс между личным аффектом, институциональнойдержанностью и требованиями публичной приемлемости. В качестве эмпирической базы используется фрагмент интервью принца Гарри, насыщенный эвфемистическими стратегиями, отражающими механизм адаптации речевого поведения в условиях публичной уязвимости и социальной напряжённости. Анализ показал, что эвфемизация в данном контексте выполняет не только коммуникативную, но и репрезентативную и этико-защитную функции, демонстрируя потенциал эвфемистического дискурса как многоуровневой формы символического взаимодействия.

Ключевые слова: эвфемистический дискурс, когнитивно-прагматический подход, номинация, стратегии речевого смягчения, дискурсивная репрезентация, социально чувствительное содержание

Для цитирования: Логвина С.А. Когнитивно-прагматические основания дискурсивной природы эвфемизма // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 144 – 157.

Поступила в редакцию: 26 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹Logvina S.A.

¹Kursk State University

Cognitive-pragmatic foundations of the discursive nature of euphemism

Abstract: this study offers a methodological rethinking of euphemism as a dynamic, context-dependent, and functionally charged phenomenon that extends beyond the traditional lexical-semantic approach. Euphemism is viewed not as an isolated linguistic unit, but as an element of a broader communicative process embodied in the form of euphemistic discourse. The article proposes a new understanding of euphemistic discourse, defined as a set of linguistic, cognitive, and pragmatic strategies aimed at mitigating, circumventing, and adapting socially sensitive information within modal and normative constraints.

Within the framework of cognitive-discursive and pragmatic approaches, euphemism is analyzed as a means of communicative regulation, ensuring a balance between personal affect, institutional restraint, and the demands of public acceptability. As an empirical basis, the article examines a fragment from an interview with Prince Harry, rich in euphemistic strategies that illustrate the mechanisms of adapting speech behavior in conditions of public vulnerability.

bility and social tension. The analysis demonstrates that euphemization in this context serves not only a communicative but also a representational and ethical-protective function, highlighting the potential of euphemistic discourse as a multi-layered form of symbolic interaction.

Keywords: euphemistic discourse, cognitive-pragmatic approach, nomination, mitigation strategies, discursive representation, socially sensitive content

For citation: Logvina S.A. Cognitive-pragmatic foundations of the discursive nature of euphemism. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 144 – 157.

The article was submitted: May 26, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Эвфемизм представляет собой сложный лингво-культурный феномен, вызывающий устойчивый интерес исследовательского сообщества благодаря своей способности отражать, модулировать и направлять речевое поведение в соответствии с нормативными ожиданиями социокультурной среды. Как форма речевой адаптации, эвфемизм функционирует преимущественно в зонах социальной чувствительности, где прямое номинирование объекта может вступать в противоречие с этическими, коммуникативными и культурными установками. В таких случаях эвфемистические конструкции позволяют соблюсти баланс между необходимостью эксплицитного высказывания и требованиями вежливости, такта, нормативной приемлемости и риторической умеренности. В условиях усиливающейся социокультурной полисемии и усложняющейся коммуникации эвфемизм приобретает особую значимость как средство гармонизации межличностного и институционального общения. Кроме того, важным представляется вывод о сущностном понимании исследуемого феномена в качестве «продукта целой серии семантических и/или структурных преобразований» [2, с. 58]. Это особенно важно при контекстном анализе эвфемизма, включающем в себя референтные связи системных и экстралингвистических параметров.

Современные исследования эвфемизма постепенно выходят за рамки узколексикографической интерпретации, сосредотачиваясь на изучении его прагматических функций, дискурсивной динамики и когнитивных механизмов порождения и восприятия. Такой сдвиг акцентов обусловлен необходимостью учитывать коммуникативный контекст, намерения участников общения и культурные регуляторы речевого поведения, а также открывает перспективы к более точному описанию механизмов смыслового смещения, реляционной структуры эвфемистической номинации и факторов, определяющих допустимость речевого выбора в той или иной коммуникативной ситуации. Вследствие этого возрастает значимость анализа эвфемизма не только как языкового знака, но и как когнитивной и прагматической стратегии, встроенной в сложные структуры социального взаимодействия, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Цель данной работы – проанализировать эвфемизм не как статичную лексическую единицу, а как динамический элемент дискурсивной практики, формирующийся в процессе речевого взаимодействия и структурируемый интенциями коммуникантов, их социальными ролями, институциональными рамками и прагматическими целями. Такой подход позволяет рассматривать эвфемизм в составе более широкой коммуникативной конструкции – эвфемистического дискурса, функционирующего как комплекс стратегий смыслового смягчения в условиях социальной и этической чувствительности. Методологическая база исследования включает положения когнитивной лингвистики, теории дискурса, теории речевых актов, концепции «лица» и фреймового анализа. Научная новизна исследования заключается в смещении фокуса с трактовки эвфемизма как лексико-семантической единицы к его интерпретации в рамках когнитивно-дискурсивного и прагматико-реляционного подхода. Эвфемизм рассматривается как функциональная языковая структура, формируемая в условиях модальной и нормативной ограниченности речевого пространства.

Материалы и методы исследований

Несмотря на длительную историю изучения, эвфемизм остаётся понятием с размытыми границами, о чём свидетельствует отсутствие научного консенсуса относительно его точного определения и классификации. В условиях междисциплинарного подхода и на стыке когнитивной лингвистики, прагматики и социолингвистики современные исследователи всё чаще указывают на парадоксальные, но концептуально значимые свойства эвфемизма, которые задают новое направление в его осмыслении.

Во-первых, эвфемизм – это не категория самого слова (не является априорным свойством самого слова), а результат речевого употребления, зависящий от прагматического контекста, коммуникативной установки и модальности (Allan и Burridge, 1991). Во-вторых, эффект эвфемизации может быть достигнут и без

устойчивых эвфемистических лексем, путём грамматических, синтаксических, интонационных и дискурсивных средств (интонация, метафора, перифраз, умолчание и т.д.) (Burridge, 1998, Fairclough, 1995 и Brown&Levinson, 1987). В-третьих, эвфемизм представляет собой не столько набор выражений, сколько совокупность стратегий смыслового переоформления, реализуемых в конкретной речевой ситуации (выбор, смещение, подмена, обход, маскирование и переосмысление) [4, 9].

В связи с этим представляется оправданным введение понятия эвфемистического дискурса как аналитической категории, позволяющей рассматривать эвфемизм не в изоляции, а в рамках широкой системы речевого взаимодействия. Понятие эвфемистического дискурса включает совокупность речевых практик, направленных на реализацию эвфемистических стратегий в конкретных контекстах общения. Эвфемистический дискурс возникает в тех ситуациях, когда требуется соблюдение норм речевой этики, социального такта и коммуникативной деликатности. Он охватывает не только выбор отдельных лексических единиц, но и структурирует высказывания, аргументацию, стилистическую подачу и даже интонационно-прагматический настрой высказывания. Таким образом, эвфемистический дискурс, как нам представляется, это не просто набор слов-замен, а целостная система речевых актов, когнитивных сценариев и прагматических стратегий, направленных на снижение коммуникативного риска и управление социальной воспринимаемостью сказанного.

Методологическая база настоящего исследования строится на интеграции когнитивного, прагматического и дискурсивного подходов, обеспечивающих многоаспектное рассмотрение эвфемистического дискурса. В качестве основного объекта изучения рассматривается эвфемизм как динамическая единица речевого действия, включённая в широкий контекст социально регулируемой коммуникации.

Исследование опирается на положения когнитивной лингвистики (Болдырев Н.Н., Алексикова Ю.В., Кубрякова Е.С.), позволяющие рассматривать эвфемизм как репрезентанта специфического типа знания (евфемистического знания), функционирующую в системе культурных сценариев и фреймов. Принимая во внимание теоретические постулаты данного подхода, в нашем исследовании применяются методы концептуального анализа, фреймовой семантики и реконструкции когнитивных моделей.

В рамках когнитивно-прагматического подхода эвфемизм нами трактуется не как изолированная языковая единица, а как динамический элемент смыслового конструирования, встроенный в процессы концептуализации и регуляции межличностного взаимодействия, а также как результат активизации специфического типа языковой компетенции, основанной на эвфемистическом знании. Под этим знанием понимаем совокупность когнитивных, прагматических и социокультурных представлений, позволяющих говорящему распознавать, интерпретировать и применять эвфемистические конструкции в соответствии с требованиями коммуникативной уместности, речевого такта и модальной допустимости.

В рамках авторского подхода эвфемистическое знание включает в себя:

- когнитивное осознание стигматизирующего характера определённых номинаций;
- прагматическое понимание условий речевой деликатности и возможных стратегий её реализации;
- дискурсивные навыки адаптации выражения к типу общения и роли адресата;
- культурные нормы политкорректности и речевой этики, определяющие допустимый регистр.

Таким образом, эвфемистическая репрезентация становится возможной лишь в той мере, в какой участники коммуникации обладают разделяемым эвфемистическим знанием – то есть способностью ориентироваться в семиотических ограничениях, определяющих допустимые формы выражения в рамках конкретного социоречевого пространства.

Метод концептуального анализа позволяет выявить базовые смысловые оппозиции, лежащие в основе эвфемистического замещения, а также зафиксировать семантические зоны социальной чувствительности, в которых активируются стратегии косвенного называния. Эвфемизм в этом контексте интерпретируется как языковое выражение, модифицирующее способ доступа к стигматизированному концепту, при этом поддерживая логическую и когнитивную связность.

Фреймовая семантика даёт возможность рассматривать эвфемизм как маркер когнитивного фрейма, то есть репрезентативной структуры, организующей интерпретацию референта. Эвфемистическая номинация, как правило, переводит фокус с центральных компонентов исходного фрейма на периферийные или допустимые с точки зрения речевой нормы [8], тем самым снижая коммуникативное напряжение и обеспечивая модальную приемлемость.

Теория фреймов в данном исследовании используется не только как описательный, но прежде всего, как конструирующий инструмент когнитивного моделирования, позволяющий структурировать эвфемистическое знание и выделять релевантные смысловые связи после получения и первичного анализа языкового материала. Фреймовая реконструкция направлена на выявление типовых когнитивных сценариев, лежащих

в основе эвфемизации, а также на моделирование тех интенционально значимых аспектов контекста, которые определяют выбор эвфемистических стратегий в конкретных коммуникативных ситуациях.

На основе фреймового анализа осуществляется также реконструкция когнитивных моделей, позволяющая «восстановить» ментальные схемы, в рамках которых эвфемистическое выражение формируется в зависимости от интенции говорящего, контекста и социокультурной нормы. Именно на этом уровне особенно значимым становится понятие реляционного вектора, представляющего собой направленную семантическую связь между табуируемым содержанием и допустимой формой его языкового выражения. Такой вектор задаёт траекторию смыслового смещения, регулируемого pragmatically и социокультурно, и проявляет реляционный характер эвфемизма – как единицы, соотносящей референт, норму, адресата и речевую интенцию «здесь, и сейчас». Именно совокупность подобных реляционных связей, опосредующих выбор формулировки и интерпретацию эвфемистических выражений, и составляет основу того, что в данном исследовании определяется как эвфемистическое знание – когнитивный ресурс, позволяющий субъекту осознавать, конструировать и регулировать способы репрезентации социально чувствительных смыслов в соответствии с актуальными нормами и контекстуальными ограничениями.

Применение методов концептуального анализа, фреймовой семантики и реконструкции когнитивных моделей позволяет описать эвфемизм не только как лексико-семантическое явление, но и как динамическую языковую функцию, управляющую смысловым выбором в условиях модальной ограниченности и социальной чувствительности речи.

В данном исследовании pragmatischekий подход реализуется через анализ речевых актов (в частности, косвенных иллокутивных актов), стратегии вежливости (positive / negative politeness) и перлокутивного воздействия (Ларина Т.В., Арутюнова Н.Д., Саакян А.Р. и др.). Эвфемизм рассматривается как инструмент смягчения потенциально конфликтных высказываний, а его функционирование – в рамках конвенционализированных сценариев обхода и сокрытия.

Прагматический подход к эвфемизму исходит из того, что языковое выражение «не просто обозначает определённую реальность» [3, с. 721], но и выполняет коммуникативное действие, направленное на достижение конкретного эффекта – этического, психологического, социального. В этой парадигме эвфемизм рассматривается не как лексическая подстановка, а как интенционально мотивированный речевой акт, реализующийся в условиях модального ограничения и нормативной чувствительности.

С прагматической точки зрения, в настоящем исследовании эвфемистический дискурс определяется как совокупность речевых практик, ориентированных на минимизацию коммуникативного конфликта, смягчение социальной остроты высказывания и согласование формы выражения с ожиданиями адресата. В таком контексте эвфемизм рассматривается как средство речевой адаптации, регулирующее взаимодействие между говорящим и слушающим в условиях потенциальной деликатности и ценностной чувствительности коммуникации.

В рамках предлагаемого в данной статье прагматического анализа эвфемистического дискурса особую значимость, по мнению автора, приобретают следующие параметры:

- Интенция говорящего: эвфемизм формируется в зависимости от коммуникативной цели – будь то обход, защита, сглаживание, замещение, деликатность, репозиционирование смысла или удержание нормы.
- Принцип кооперации (Грайс): эвфемизм может осознанно нарушать максиму ясности или прямоты, но не ради искажения смысла, а ради социальной гармонизации общения, деликатного обхода острых тем.
- Речевая стратегия: эвфемизм используется как инструмент смягчённой импликации, при которой говорящий передаёт информацию косвенно, рассчитывая на интерпретационную компетенцию адресата.
- Полилогическая соотнесённость: эвфемистический дискурс встроен в социокультурное поле, где значение выражения зависит не только от говорящего, но и от пресуппозиции, контекста и идеологических рамок.
- Речевая этика и вежливость: эвфемизм соотносится с категориями лингвистической вежливости (Brown&Levinson) и реализует стратегии сохранения "лица" (face-saving), особенно в межличностном и институциональном общении.
- Роль адресата: понимание и принятие эвфемистической формы зависят от эвфемистического знания адресата – его способности интерпретировать сообщение как приемлемое, корректное, деликатное или ироничное. Эвфемизм, таким образом, адресуется не только факту, но и реакции на него [6, 7].

В условиях прагматически ориентированного дискурса эвфемизм выполняет реляционную функцию, согласующую смысл высказывания с речевой нормой и социокультурным ожиданием. Его интерпретация требует от адресата наличия эвфемистического знания, «способности декодировать непрямое» [5, с. 167], но прагматически мотивированное сообщение, вписанное в контекст взаимодействия.

В дополнение к применяемым в работе методам концептуального анализа, фреймовой семантики и реконструкции когнитивных моделей, дискурсивный анализ рассматривается в данном исследовании как очередной метод исследования эвфемистического дискурса (Фуко М., Фэрклоу Н., Т. ван Дейк, Карасик В.И., Арутюнова Н.Д. и др.). Такой подход ориентирован на рассмотрение эвфемизма не как автономной текстовой единицы, а как элемента эвфемистического дискурса – разновидности речевого действия, функционирующего в конкретных коммуникативных условиях и подчинённого совокупности социальных, модальных и прагматических регуляторов. Это обусловлено тем, что прагматическая природа эвфемизма изначально предполагает его контекстуальную зависимость: эвфемистическое значение не фиксировано в языке как таковом, оно возникает и актуализируется в процессе коммуникации. Следовательно, эвфемизм нельзя рассматривать как стабильную единицу системы, он представляет собой интерактивный смысловой выбор, который осуществляется с учётом социальных норм, ролей участников, модальных установок и прагматических ожиданий аудитории. Именно в рамках дискурсивного подхода появляется возможность анализировать, каким образом эвфемизм управляет смысловым пространством коммуникации и обеспечивает баланс между передачей информации и соблюдением этических норм общения.

В настоящем исследовании в качестве исходного положения принимается постулат о том, что принципиальное различие между текстом и дискурсом состоит в следующем: текст представляет собой формально организованную вербальную структуру (устную или письменную), обладающую когезией, завершённостью и синтаксической автономией. В отличие от этого, дискурс – это динамическая коммуникативная деятельность, включающая не только языковое содержание, но и интенциональную структуру, ролевые позиции участников, институциональные рамки, культурный контекст и потенциальные социальные эффекты высказывания. Дискурс, таким образом, представляет собой язык в действии, где форма и содержание соотносятся с контекстом, стратегиями говорящего и нормами коммуникативной допустимости.

Исходя из изложенного выше эвфемизм выступает в качестве ядерного понятия эвфемистического дискурса, поскольку, оставаясь лексемой, принадлежащей языковой системе, он одновременно обладает семиотической связью с дискурсивным пространством. Такая двойственная природа позволяет эвфемизму функционировать как мост между системными языковыми ресурсами и контекстуально обусловленными стратегиями коммуникации, интегрируя лексический выбор в более широкий процесс дискурсивного регулирования смыслов. Эвфемистическая номинация в этой парадигме теряет универсальность и приобретает контекстуально обусловленную функцию, становясь инструментом этического, модального и прагматического регулирования речевого взаимодействия. Значение и коммуникативный эффект эвфемизма формируются не в отрыве, а исключительно в границах конкретного дискурсивного события – интервью, публичного выступления, политического заявления или частной коммуникации. В таких условиях эвфемизм функционирует не как нейтральная лексическая замена, а как целенаправленный речевой акт, обеспечивающий смягчение, обход, маскирование или адаптацию социально чувствительного содержания.

Соответственно, эвфемистический дискурс следует рассматривать как многоуровневую коммуникативную модель, включающую когнитивную стратегию осмыслиения табуированной или конфликтной информации, прагматическую реализацию речевых намерений и социальную функцию сохранения гармонии, этикета и «лица» (в терминах Брауна и Левинсона). В нём эвфемизм выступает не как цель, а как инструмент смыслового маневрирования, регулирующий отношения между говорящим, адресатом и предметом речи в рамках культурно чувствительного контекста.

Эмпирическая часть исследования основана на анализе фрагмента интервью принца Гарри – представителя британской королевской семьи, чья публичная речь осуществляется в условиях высокой социальной напряжённости, глобального медиавнимания и институциональной репрезентативности. Подробности конфликта, обсуждаемого в интервью, а также его участники широко известны мировой аудитории, что формирует особую коммуникативную и эмоциональную нагрузку высказывания. В результате интервью приобретает статус акта публичного самораскрытия, требующего соблюдения стратегий речевой осторожности, управления имиджем и балансирования между личной откровенностью и институциональнойдержанностью. В рамках этого анализа используются методы качественного контент-анализа и корпусного подхода, направленные на выявление стратегий эвфемизации и описание их когнитивных оснований в контексте публичной и институциональной коммуникации.

Результаты и обсуждения

Для подтверждения и иллюстрации ключевых теоретических положений, изложенных в статье, в качестве эмпирического материала было выбрано интервью принца Гарри, которое интерпретируется нами как фрагмент эвфемистического дискурса, функционирующего в публичном и медиатизированном социальном регистре, где особую роль играют нормы политкорректности, риторика самоконтроля, а также стратегиче-

ское управление образом говорящего. Эвфемизм в данном контексте выступает не только как способ смягчения конфликтных тем, но и как инструмент деликатной репрезентации личной позиции в рамках культурно чувствительного и символически перегруженного контекста.

Прагма-когнитивная специфика исследуемого фрагмента во многом определяется особым эмотивным состоянием интервьюируемого: интервью было дано вскорости после проигранного судебного разбирательства, что значительно повлияло на речевую стратегию и модальность высказывания. С позиции психолингвистики такое состояние характеризуется высокой степенью аффективной вовлечённости, внутренним напряжением и необходимостью когнитивного контроля за формируемыми суждениями.

Так, на вопрос интервьюера: «How are you feeling about this decision...because clearly you have two children—Archie, Lilibet—they're not able to see their grandfather, their uncle, their cousins—in a way that you feel is safe for them. So what's your feelings, kind of, moving forward? Is there any way that this could be resolved?» (переводсангл. -Что вы думаете об этом решении... ведь, очевидно, у вас двое детей – Арчи, Лилибет – они не могут видеться со своим дедушкой, дядей, кузенами так, как вы считаете безопасным для них. Итак, какие у вас ощущения по поводу дальнейшего движения вперед? Можно ли как-то решить эту проблему?) (переводы здесь и далее выполнены нами- С. Логвина) интервьюируемый дает весьма развернутый и затяжной по времени ответ.

Prince Harry: Um... (pause 1.0s) the only—I mean, firstly— (pause 0.8s) I—yeah, you know— (pause 0.6s) I—I'm—I'm—I'm devastated. (pause 1.0s) Um—not so much as devastated as with the... with the loss— (pause 1.0s) that I am about the people behind the decision— (pause 1.5s) um—feeling as though this is... okay. (pause 1.2s)

You know— (pause 0.8s) I don't— (pause 0.5s) is it a win for them? (pause 0.8s) Is it a win that—you know—that I don't get the protection that the— (pause 1.0s) threats and risks and impact... facts... say that I should? (pause 1.3s) Um—I would hope they wouldn't consider it a win. (pause 1.0s) And I'm sure there's some people out there— (pause 0.5s) probably—most—most likely the people that wish me harm— (pause 1.0s) consider this a huge win. (pause 1.0s) Um—but you know—I've— (pause 0.8s) this is—there—there have been so many... (pause 1.0s) uh—disagreements, differences between me and... (pause 0.8s) uh—some of my family. (pause 1.2s) Um—this current situation that has been on—now—ongoing for five years— (pause 1.0s) with regard to, um—human life and safety— (pause 1.0s) is the sticking point. (pause 0.8s)

It is the only thing that's left. (pause 1.0s) Um—of course some members of my family will never forgive me for writing a book. (pause 1.2s) Um—of course they will never forgive me for lots of things. (pause 1.0s) But you know— (pause 0.7s) there is—I would—I would—I would love— (pause 0.4s) I would love reconciliation with my family. (pause 1.3s) I've always—I've—you know— (pause 0.8s) there's no point in... in—in continuing to fight anymore. (pause 1.0s) As I said—life is precious. (pause 1.0s) Um—I don't know how much longer my father has. (pause 1.2s) Um—you know—he—uh— (pause 0.8s) he—he won't speak to me because of this security stuff. (pause 1.0s) Um—but it would be nice to— (pause 0.5s) it would—nice—it would be nice to rec—reconcile. (pause 1.2s) As I learned through—uh— (pause 0.6s) through the First Nations throughout—uh— (pause 0.7s) Canada—because of the Invictus Games— (pause 0.8s) their—uh—their goal in life was always truth and reconciliation. (pause 1.2s) And I turned around to them in many conversations. I said – «Right. But reconciliation can't come without truth». (pause 1.5s) Well—I've now found out the truth. (pause 1.0s) Um—I've shared some of it with you today. (pause 1.0s) A lot of it exists out there— (pause 0.5s) whether people choose to ignore it or not. (pause 0.8s)

Um—you know— (pause 0.7s) so it would be nice to have that reconciliation part now. (pause 1.2s) Um—if they don't want that, that's entirely up to them. (pause 1.3s)—And now that this court battle is over, do you feel you will be able to approach your father and speak about some of those issues? I mean— (pause 0.5s) if—if— (pause 0.6s) if—no—I think—I don't think he would ever want to talk about it. (pause 1.0s) I think he would just push it aside. (pause 0.8s)

And—and the—you know—the argument will continue to be: «This is a government decision». (pause 1.2s) It may well be a government decision. (pause 1.0s) Um—but how did they reach that decision? (pause 1.0s) You know— (pause 0.5s) when the RAVEC chair—the first place that they went to— (pause 0.7s) was the—was the palace— (pause 0.8s) to understand what it is that the royal household—or what the royal family—want for me. (pause 1.2s) I have never, ever been allowed or—uh— (pause 0.8s) offered to make my own representations. (pause 1.0s) Not in 2020—and not for the last five years. (pause 1.0s) And the new RAVEC chair continues to avoid answering some very specific questions that I have. (pause 1.2s) [11].

Обсуждая глубокий семейный конфликт, разрешённый не в его пользу в судебном порядке, интервьюируемый в самом начале высказывания характеризует своё состояние как: «I—I'm—I'm—I'm devastated. Um—not so much as devastated as with the... with the loss—» («Я-я-я-я опустошён. Эм... не столько опусто-

шён, сколько из-за... потери...»). Повторение местоимения I и паузы с наполнителями (um) указывают на высокий уровень эмоционального напряжения, внутреннюю дезорганизацию и когнитивный поиск допустимой речевой формы в условиях публичной уязвимости. Выбор слова *devastated* (опустошён), а не более экспрессивных или агрессивных форм вроде *angry*, *furious* или *enraged*, свидетельствует о стремлении говорящего дистанцироваться от прямой конфронтации и отразить состояние внутренней травматизации без вовлечения в открытое обвинение. Эвфемистическая стратегия здесь выступает как инструмент прагматической оптимизации дискурса, обеспечивающий модальное смягчение высказывания и соответствие социальным ожиданиям аудитории.

Сравнение переживаемого состояния с утратой, в том числе с потенциальной аллюзией на смерть, подчеркивает глубину эмоционального удара, однако говорящий намеренно избегает персонализации: ни оппоненты, ни конкретные решения не получают оценочной характеристики. Это особенно заметно в следующей реплике: «*Um – I would hope they wouldn't consider it a win*» («Я надеюсь, они не воспримут это как победу»). Такая формулировка сочетает мягкую модальность (*I would hope*) и эвфемистическое смещение ответственности (*they* без уточнения), позволяя выразить несогласие с исходом ситуации, не переходя к обвинению, что демонстрирует прагматическую позицию говорящего, направленную на вежливое дистанцирование и минимизацию конфликта. В данном случае прагматизм речевого выбора заключается в том, чтобы выразить несогласие с исходом ситуации без перехода к открытому обвинению, сохраняя тем самым социально приемлемый тон и соответствующую нормам публичного дискурса.

В последующем фрагменте – «*um – feeling as though this is... okay*» («чувствую, что всё это... в порядке») – говорящий снова демонстрирует нерешительность, неуверенность и невозможность подобрать адекватную вербальную форму для описания собственных переживаний. Финальное *okay* выступает здесь как формула нейтрализации, стремление снизить уровень аффективной экспрессии и удержать речь в пределах приемлемой публичной модальности. При этом важно отметить, что эвфемистическую функцию здесь выполняет не одна лексема, а целый речевой фрагмент, в котором паузирование, самокоррекция и размытое модальное завершение (*okay*) образуют единую эвфемистическую единицу, которая участвует в формировании эвфемистического дискурса в целом, влияя на дискурсивную динамику высказывания и задавая тональность взаимодействия. В этом аспекте проявляется важная характеристика эвфемистического дискурса: способность формироваться не только за счёт отдельных слов, но и через композиционно-речевые конструкции, организующие восприятие и интерпретацию сказанного в социально приемлемом ключе.

На уровне выражение «*this security stuff*» («этот вопрос с безопасностью» или «эта история с охраной») представляет собой пример сниженной номинации, смягчающей восприятие социально и эмоционально значимой темы – утраты государственной охраны, ставшей центральным пунктом в судебном разбирательстве. Употребление обобщённого и разговорного слова *stuff* вместо более точных и формальных терминов (*security services, protection measures, legal battle over security*) выполняет сразу несколько стратегических функций в рамках эвфемистического дискурса.

С одной стороны, это речевой приём дистанцирования, позволяющий говорящему нейтрализовать эмоциональную и правовую значимость обсуждаемой проблемы, избежав открытого акцента на травматичном или уничижительном содержании. С другой стороны, разговорный регистр (*stuff*) создаёт эффект обыденности и снижает уровень формальной напряжённости – как в собственных переживаниях, так и в восприятии слушателей. Это позволяет перевести остро политизированную и институционально чувствительную тему в сферу более легитимной частной обеспокоенности, в которой говорящий выглядит скорее уязвимым, чем обвиняющим.

Такая формулировка свидетельствует о попытке когнитивной переработки аффективного опыта через его вербальное смягчение и смысловую редукцию. Вместо чёткой артикуляции претензий или фактов, субъект предпочитает использовать обобщённую и неформальную лексику, выполняющую регулятивную функцию – она защищает как от усиления эмоционального дистресса, так и от усиления конфликта.

Таким образом, «*this security stuff*» функционирует как эвфемистическая формула, скрывающая остроту проблемы и заменяющая прямую конфронтацию с системой на нарратив субъективной обеспокоенности, вписанный в рамки сдержанного публичного высказывания. Важно подчеркнуть, что выбор подобной формулировки детерминируется не только внешними прагматическими установками, но и когнитивными механизмами, активирующими на уровне внутренней речи. На этом этапе существенную роль играют психолингвистические факторы – в частности, возраст, гендер, социальный статус и ролевая позиция коммуниканта, – которые влияют на способы концептуализации и последующего языкового оформления эвфемистической стратегии. «Это объясняется тем, что исследуемый феномен не является частью одного единственного канала, но представляет собой продукт их совместной реализации в рамках лингвосемиотиче-

ской деривации» [1, с. 25]. Таким образом, в данном примере эвфемизация проявляется как результат комплексного взаимодействия когнитивных, психолингвистических и прагматических параметров, обеспечивающих адаптацию дискурса к требованиям публичной коммуникации.

Высказывание «*some members of my family will never forgive me for writing a book*» («некоторые члены моей семьи никогда меня не простят за написание книги») представляет собой многослойную эвфемистическую конструкцию, содержащую как минимум три значимых коммуникативно-прагматических смягчения. Во-первых, употребление выражения *some members of my family* вместо более категоричного *my whole family* или упоминания конкретных лиц позволяет избежать прямого персонализированного обвинения и минимизировать эффект отчуждения внутри семейного круга. Во-вторых, нейтральная формулировка «*writing a book*» отсылает к мемуарам «*Spare*» («Запасной»), содержащим острые откровения, вызвавшие широкий общественный резонанс; однако сама конструкция намеренно опускает название и контекст, тем самым снижая эмоциональную напряжённость. В-третьих, фраза «*will never forgive me*» замещает более резкое «*they hate me*» или другие формы прямого осуждения, позволяя сохранить эмоциональную дистанцию и избежать открытой конфронтации. Таким образом, высказывание реализует стратегию эвфемистического обхода, маскируя потенциально обвинительный и травматичный характер суждения посредством смягчённой, модально-нейтральной лексики.

Высказывание «*there's no point in continuing to fight any more*» (перевод: «нет смысла продолжать борьбу дальше») представляет собой характерный пример стратегии редукции конфронтационного потенциала высказывания и реализации эвфемистического умиротворения. С формальной точки зрения, конструкция оформлена как рациональное суждение, в котором эмоционально окрашенное действие *fight* («бороться») лишается прагматической мотивации (*there's no point*), тем самым сводя к минимуму конфликтный заряд. Такая формулировка сигнализирует о стремлении к завершению фазы открытого противостояния, переходу к саморегуляции и поиску легитимации собственной позиции через логику «выхода из борьбы», а не «поражения».

Кроме того, использование обобщённой конструкции без уточнения адресатов или причин конфликта (*continuing to fight* без субъекта и объекта) позволяет избежать конкретизации и персонализации, что усиливает эффект речевой нейтрализации. Такая структура также создаёт образ говорящего как примиряющей стороны, готовой прекратить эскалацию ради сохранения эмоционального баланса и морального контроля. Таким образом, данное высказывание выполняет сразу несколько функций: эвфемистическую (смягчение), регулятивную (снижение эмоциональной эскалации) и презентативную (создание образа рационального, миролюбивого субъекта). В рамках эвфемистического дискурса это соответствует стратегии «интерпретативного ухода» – сознательной переформулировке конфликтной ситуации в терминах исчерпанности, а не непримиримости.

Фраза «*he won't speak to me*» («он не разговаривает со мной») представляет собой смягчённую форму выражения социального и эмоционального разрыва, в которой конфронтационный подтекст значительно редуцирован. Вместо прямого указания на конфликт, отвержение или разрыв отношений (например, *he has cut me off*, *we are estranged*, *he hates me*), говорящий использует описательную конструкцию, обозначающую отказ от общения как факт, но не как обвинение или эмоциональную травму.

С прагматической точки зрения, такая формулировка выполняет функцию межличностного самосохранения: она позволяет сохранить лицо как говорящего, так и адресата (в терминологии Brown&Levinson – стратегия негативной вежливости). Это указывает на стремление дистанцироваться от стигмы, связанной с ситуацией отторжения, сохраняя при этом нейтральный, констатирующий тон. Отсутствие очевидных причинно-следственных связей (не указывается, почему не говорит) и избегание оценочной лексики свидетельствуют о выборе речевой стратегии «приглушённой экспрессии».

Таким образом, «*he won't speak to me*» функционирует как эвфемистическая формула, скрывающая глубину и характер конфликта за внешне нейтральной констатацией, при этом имплицируя эмоциональную отчуждённость и осложненную коммуникацию. Это выражение типично для эвфемистического дискурса, в котором присутствует необходимость сохранения социального имиджа, самоконтроля и модального смягчения при освещении межличностных конфликтов в публичной сфере.

Выражения «*the decision*» («решение») и «*those behind the decision*» («те, кто стоит за решением») представляют собой примеры безличностной, имплицитной номинации, позволяющей говорящему обсуждать источник угрозы, давления или несправедливости, не переходя к прямому указанию на конкретных акторов. Такая стратегия – типичная форма эвфемизации, направленная на снижение остроты высказывания за счёт распыления ответственности и смягчения персонального обвинения.

Подобные конструкции сигнализируют о внутреннем конфликте говорящего между потребностью выразить недовольство и необходимостью соблюдения речевых норм, исключающих открытую конфронтацию. Использование неопределённых обозначений (*decision, those*) позволяет сохранить модальный контроль над ситуацией и создать пространство для интерпретации, где угроза или давление ощущаются, но не артикулируются напрямую.

Кроме того, такие выражения выполняют важную дискурсивную функцию: они позволяют сконструировать нарратив отчуждения, несправедливости или потери влияния, не нарушая рамки институциональной лояльности или семейной этики. В публично значимом высказывании подобные формулировки служат стратегией косвенного обвинения – своего рода «переноса вины» в абстрактное пространство, где ответственность существует, но не имеет чётких очертаний.

Таким образом, «*the decision*» и «*those behind the decision*» представляют собой элементы дискурсивного маскирования, выполняющие как коммуникативно-смягчающую, так и репутационно-защитную функцию, особенно в условиях публичной уязвимости и институциональной зависимости говорящего.

Наряду с широким спектром эвфемистических конструкций, интервьюируемый систематически использует лексемы и высказывания, демонстрирующие стремление к примирению и эмоциональной реабилитации. Характерными примерами являются:

«I would love reconciliation with my family («Я бы очень хотел примирения с семьёй»);

«It would be nice to reconcile...» («Было бы хорошо помириться...»);

«But reconciliation can't come without truth» («Но примирение невозможно без правды»).

Эти фразы функционируют в рамках эвфемистического дискурса, поскольку позволяют говорящему затрагивать болезненные и потенциально конфликтные темы, избегая при этом прямого обвинительного тона. Особенno показателен пример «*differences between me and some of my family*» («разногласия между мной и некоторыми членами моей семьи»), где явный конфликт редуцируется до нейтрального *differences*, а персональная направленность смягчается неопределённой ссылкой на *some of my family*. Это позволяет сохранить тон уважения и избежать открытой конфронтации, несмотря на очевидную глубину разрыва.

Таким образом, стремление к примирению и лексическая презентация «надежды» на восстановление отношений интегрируются в общий эвфемистический дискурс, в котором доминируют осторожность, неопределенность и эмоциональное самосодерживание как защитные и презентативные стратегии эвфемистического дискурса.

В качестве стратегии эмоционального смягчения рассмотрим положительно-оценочную лексику. Речь интервьюируемого характеризуется активным использованием положительно-маркированной лексики – прилагательных, наречий и глаголов с явно позитивной семантикой (*love, nice, precious, hope, beautiful, kind, important* и др.). Такая лексика выполняет важную эвфемистическую и эмоционально-регулятивную функцию: она позволяет говорящему обсуждать острые или травматичные темы в смягчённом, примирительном ключе, не прибегая к прямым обвинениям или жёсткой критике.

Примеры:

«I would love reconciliation with my family» – глагол *love* (не нейтральное *like*) вводит нарочито эмоционально положительный вектор, контрастирующий с контекстом конфликта и акцентируя намерение на восстановление, а не на эскалацию.

«Life is precious» – прилагательное *precious* («ценный») придаёт высказыванию универсальный гуманистический оттенок, смешая фокус с конкретных обвинений на более высокие ценности.

«It would be nice to reconcile...» – прилагательное *nice* маркирует желание гармонии, но избегает категоричных утверждений или требований, создавая эффект деликатной надежды.

Дополнительное смягчающее воздействие оказывает употребление положительно окрашенных интенсивирующих наречий – «*really*», «*so*», «*always*», «*absolutely*» и др. Эти элементы усиливают эмоциональную экспрессию без использования грубой, конфликтной лексики, выполняя функцию интонационного усиления без негативной коннотации.

Примеры:

«I really hope for understanding» – наречие *really* маркирует глубину переживания, сохраняя при этом мягкость интонации.

«It's always been about love» – *always* добавляет устойчивость и искренность высказыванию, дистанцируя его от временных эмоций или обвинений.

Таким образом, положительно-оценочная лексика в совокупности с эмоционально смягчающими наречиями формирует дискурсивную стратегию эмоционального примирения.

Особого внимания заслуживают грамматические конструкции, направленные на эвфемизацию содержания высказывания, смягчение эмоциональной экспрессии и реализацию стратегии речевого самоконтроля. Интервьюируемый регулярно прибегает к модальным глаголам (would, could, might) и неопределенным субъективным формулировкам, которые позволяют ему избегать категоричных утверждений, создавать эффект гипотетичности и оставлять пространство для интерпретации. Примеры таких выражений включают: «I would hope...», «It would be nice to reconcile...», «Some people out there...», «I don't think he would ever want to talk about it...», «That's entirely up to them». Такие конструкции играют ключевую роль в формировании стратегии вежливого дистанцирования и переноса ответственности: говорящий уходит от прямых оценок и обвинений, возлагая интерпретацию ситуации на адресата или внешние обстоятельства. Употребление формата «that's up to them» («это зависит от них») позволяет выразить личную позицию, не нарушая этических норм и не провоцируя открытую конфронтацию.

Модальные глаголы в сочетании с условными и вежливо-смягченными конструкциями выполняют также психолингвистическую функцию защиты: создают безопасную дистанцию между говорящим и травматичным содержанием; маркируют эмоционально сложные темы как гипотетические или внешне обусловленные; и позволяют выразить обиду, разочарование или надежду в рамках допустимой речевой модальности.

Специфические грамматические структуры с признаками нарушения линейности. Речь интервьюируемого характеризуется высоким уровнем синтаксической нестабильности, проявляющейся в повторах, эллиптических конструкциях, незавершенных фразах и прерываниях синтаксической развертки. Примеры: «I would – I would – I would love...» «If – if – if we could just...» «I mean, I don't... I don't think he'd ever want to talk about it...». На первый взгляд такие формы могут быть интерпретированы как проявление нерешительности или речевой дезорганизации, однако в действительности они выполняют ряд значимых коммуникативных и психолингвистических функций в рамках эвфемистического дискурса.

Во-первых, повтор и синтаксическое удвоение (I would – I would...) служат механизмом когнитивной коррекции, позволяя говорящему отрегулировать формулировку до социально приемлемой, менее конфликтной версии. Это особенно важно при затрагивании чувствительных тем, когда необходим тщательный отбор лексики и структур, чтобы не нарушить норму публичной вежливости и не спровоцировать негативную реакцию.

Во-вторых, эллиптические и незавершенные конструкции (if – if – if..., I don't...) создают эффект самоудерживания, как если бы говорящий сознательно останавливает себя на грани высказывания чего-то слишком резкого, личного или недопустимого. Такие паузы и прерывания указывают на внутреннюю борьбу между эмоциональной реакцией и стратегией речевого контроля.

В-третьих, данные нарушения линейности создают интонационный ритм доверительности – они приближают речь к спонтанной, «живой» форме высказывания, что способствует усилению эффекта искренности. В условиях публичной уязвимости это повышает воспринимаемую достоверность и снижает вероятность негативной интерпретации высказывания.

Таким образом, подобные синтаксические особенности нельзя рассматривать как простые ошибки или следствия речевой неуверенности. Это – сознательно активируемые грамматические средства эвфемизации, которые позволяют смягчить высказывание, структурно адаптируя его под нормы речевой этики, социального тонкого и эмоционального самоконтроля.

Паузы и фрагментированная структура речи. Речь интервьюируемого отличается рваной интонационно-синтаксической организацией, насыщенной паузами, повторениями и обрывами фраз: «I would... I would love – I would love reconciliation...», «If they don't want that... that's entirely up to them...».

Такая насыщенная и достаточно длительная (как показал скрипт интервью фиксируется значительное количество пауз со средней длительностью около 0,7 секунды) паузация выполняет несколько важных функций: сигнал внутреннего самоконтроля – паузы служат своеобразными «запинками», во время которых говорящий как бы фильтрует формулировки, «пропуская» потенциально резкие или эмоционально конфликтные высказывания. Поиск социально приемлемой формы – колебания отражают когнитивную обработку материала в режиме реального времени, обусловленную необходимостью соблюдения норм публичного высказывания, особенно учитывая статус говорящего как представителя британской монархии. Конструирование искренности – фрагментированность и нерешительность в речи создают эффект аутентичного переживания, эмоциональной подлинности, что, в свою очередь, усиливает восприятие речевого акта как честного и неагрессивного.

Так, паузы и синтаксические обрывы работают в системе эвфемистического дискурса как структурные механизмы речевой саморегуляции, позволяющие балансировать между личной травмой и публичной деликатностью.

Речь интервьюируемого также изобилует типичными элементами спонтанного говорения, междометными конструкциями и вводными формулировками, такими как «um», «youknow», «I mean», «well», «I guess» и другие. Эти элементы, традиционно рассматриваемые в лингвистике как прагматические маркеры смягчения (hedging), выполняют в контексте интервью не просто вспомогательную, а функционально значимую роль в рамках эвфемистической речевой стратегии. Они способствуют регулированию высказывания в условиях публичной уязвимости, смягчая акценты, снижая конфронтационную нагрузку и обеспечивая гибкость речевой позиции.

Основные коммуникативные функции указанных прагматических элементов включают:

- Нейтрализацию категоричности – использование маркеров неопределённости и модальных конструкций («maybe», «probably», «I don't think») позволяет говорящему избегать жёстких оценок и демонстрировать открытость, сомнение или рефлексивность. Это особенно важно в условиях, когда любое твёрдое утверждение может быть воспринято как обвинение или провокация.

- Эмоциональную защиту – вводные и междометийные элементы формируют когнитивное расстояние между эмоционально насыщенным содержанием и его вербализацией, что способствует снижению риска аффективной реакции и обеспечивает контроль над просодической организацией высказывания. Особенно ярко эта функция проявляется в упоминаниях «чувствительных» тем – отношений с отцом, лишения охраны, публичного давления.

Использование подобных конструкций придаёт высказыванию черты межличностной аутентичности и эмоциональной открытости, способствует снижению коммуникативных барьеров и повышает воспринимаемую искренность речи. В результате усиливается вовлечённость адресата в процесс осмысливания содержания и формируется позитивный образ говорящего как открытого, доброжелательного и социально эмпатичного коммуниканта. Уклонение от прямой конфронтации – нерешительность, выраженная через повторения, вводные слова и замедления темпа, позволяет говорящему обходить потенциально конфликтные формулировки, не вступая в прямой полемический контакт с оппонентами. Это важная часть стратегии сохранения «лица» в эвфемистическом дискурсе. Рассмотрим на примерах:

«But, you know, it would be nice to reconcile...» – конструкция «you know» не несёт новой информации, но способствует смягчению интонации и включению адресата в эмоциональный контекст высказывания.

«Well, I've now found out the truth...» – вводное слово «well» создаёт ощущение спонтанности и подготовки к признанию сложного факта, смягчая его восприятие.

«I don't... I don't think he'd ever want to talk about it...» – повторы и модальное «don't think» демонстрируют нерешительность и деликатное избегание прямого обвинения.

Таким образом, междометия, модальные выражения и речевые «паузы» выполняют не просто вспомогательную, а стратегически значимую функцию в структуре эвфемистического дискурса. Они обеспечивают баланс между аффективной откровенностью и прагматической сдержанностью, что особенно важно в условиях публичного самораскрытия и институциональных ограничений. Речевая нерешительность, выраженная через междометия, вводные слова и смягчающие конструкции, служит механизмом когнитивно-эмоциональной регуляции, встроенным в эвфемистический дискурс и отражающим как коммуникативные, так и психологические особенности высказывания.

Активность текстового уровня в эвфемистическом дискурсе способна репрезентировать смысловые противопоставления смысловые противопоставления (тема-рематическое варьирование), формирующие основу эвфемистической стратегии говорящего в интервью. Эти антиномии задают фрейм структурирования дискурса, в котором интервьюируемый противопоставляет формализованные, институциональные элементы – базовым человеческим ценностям и эмоциональным переживаниям. Характерные пары оппозиций включают:

- «судебный процесс» ↔ «семья»,
- «государственное решение» ↔ «личная безопасность»,
- «роль» ↔ «жизнь»,
- «официальный статус» ↔ «человеческая ценность»,
- «институция» ↔ «родина» и «отец».

Эти бинарные структуры позволяют говорящему не предъявлять претензии напрямую, а интерпретировать конфликт как столкновение двух несовместимых мировоззрений – институционального и личностного. Таким образом, речь строится не как прямая жалоба или обвинение, а как драматизированное свидетельство внутреннего конфликта, завуалированное под участие в широкой общественной дискуссии о справедливости, безопасности, достоинстве и границах личного и публичного.

Данная структура высказывания реализует стратегию морального фрейминга, в рамках которого говорящий апеллирует не столько к частной боли, сколько к универсальным ценностям. Это позволяет формировать образ не «обиженного сына» или проигравшего истца, а обличителя структурной несправедливости, при этом избегая прямых обвинений в адрес конкретных лиц.

Такие противопоставления служат не только семантическими осями высказывания, но и важнейшим инструментом эвфемизации: они позволяют перенести эмоциональный фокус с личной травмы на общественно значимые смыслы, оформляя частную драму в формате деликатного, но содержательно насыщенного публичного высказывания.

Наряду с тема-рематическим переключением: в пределах одного высказывания происходит смещение фокуса с политического на гуманистическое, с индивидуального – на общественно значимое, интервьюируемый использует ряд дополнительных риторических приёмов, направленных на структурирование дискурса и снижение конфликтного потенциала высказывания эвфемистическом дискурсе.

Таким образом, уже на уровне структурных особенностей высказывания и риторической организации речи становятся заметны характерные приёмы, с помощью которых говорящий смягчает восприятие проблемных тем, регулирует эмоциональный фон коммуникации и опосредует смысловые акценты.

В совокупности такие приёмы формируют стратегический компонент эвфемистического дискурса, который реализуется через многообразие речевых и pragматических тактик. Далее рассмотрим наиболее типичные стратегии эвфемистического дискурса.

Тактика подведения итогов. Фразы типа «This is the only thing that's left» («Это всё, что осталось») и «That speaks volumes» («Это говорит о многом») функционируют как смысловые коды завершения, подводящие итог сказанному и одновременно создающие эмоционально сдержанный аккорд в finale. Они позволяют закрыть высказывание без острой эмоциональной экспрессии, заменяя категоричный вывод на нейтрально-медитативную формулировку.

Тактика комплимента / эмпатийного вложения. Высказывания вроде «Life is precious», «I love my country», «I would hope they wouldn't consider it a win» содержат личностно окрашенные, позитивные формулировки, которые играют роль эмоциональных буферов. Они позволяют сместить акцент с конфликта на ценностные ориентиры – любовь, заботу, надежду. Это формирует образ говорящего как морально уравновешенного и человечного субъекта, что снижает градус возможных обвинений и усиливает доверие аудитории.

Тактика разрушения стереотипа / институционального мифа.

Интервьюируемый последовательно противопоставляет официальной позиции необходимость обеспечения безопасности как базовую человеческую потребность, а не привилегию, вытекающую из социального статуса. Такой подход дестабилизирует традиционное институциональное представление, согласно которому защита предоставляется как знак принадлежности к иерархии. Через это противопоставление интервьюируемый утверждает право на защиту как универсальную норму, а не как монархический атрибут.

Комбинация лексических эвфемизмов, паузации, междометий и модальных смягчений, и разноплановых речевых стратегий в речи интервьюируемого создаёт текст высокого эвфемистического потенциала. Его речь – это не просто рассказ о конфликте, а взвешенная дискурсивная стратегия, направленная на снижение коммуникативной остроты, сохранение ролевой вежливости и формирование позитивного социального образа при обсуждении чувствительных тем.

Выводы

В ходе проведённого исследования мы приходим к заключению, что эвфемистический дискурс представляет собой сложное, многослойное и интерактивно обусловленное коммуникативное явление, формирующееся через отбор и применение как вербализованных, так и невербализованных средств, предназначенных для презентации социальной или психологической реальности, ограниченной в возможности открытого выражения по этическим, институциональным или культурным причинам.

В рамках когнитивно-прагматического анализа эвфемизм рассматривается не как ограниченный лексический феномен, а как система многоуровневого смыслового маневрирования, направленная на обеспечение речевого баланса в условиях повышенной эмоциональной и социальной чувствительности. Этот вывод подтверждён результатами эмпирического анализа интервью, продемонстрировавшими практическую реализацию указанных стратегий.

Особенностью эвфемизма как части эвфемистического дискурса является его нелинейная и распределённая форма выражения, при которой нарушается традиционная структура высказывания, а коммуникативный смысл распределяется между различными уровнями: вербальными, паралингвистическими и контекстуальными компонентами. В результате эвфемистический дискурс выходит за рамки исключительно лингвистиче-

ского пространства и реализуется на уровне речевых актов и дискурсивных сценариев, формируя сверхтекстовую структуру, включающую участников общения, их роли, цели и контекст взаимодействия.

Показательно, что в публичной речи – особенно в ситуациях социальной уязвимости и институционального давления – эвфемистический дискурс выполняет не только коммуникативную, но и репрезентативную и этическую функции. Он позволяет говорящему смягчать высказывание, сохраняя при этом содержательную насыщенность, управлять восприятием собственной позиции и избегать прямых конфликтов, тем самым выступая важнейшим инструментом речевой адаптации в сложных коммуникативных условиях.

Список источников

1. Зубкова О.С. Диалектика амбивалентного языкового знака с позиции лингвосемиотической деривации // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 2 (12). С. 22 – 26.
2. Зубкова О.С., Логвина С.А. Актуальные тенденции и закономерности развития эвфемии. Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга», 2022. 206 с.
3. Зубова Л.В. Мода на эвфемизмы и ее последствия // Коммуникативные исследования. 2024. Т. 11. № 4. С. 715 – 729.
4. Kovshova M.L. Lingvokulturologicheskiy analiz idiom, zadadok, poslovic i pogovorok. Antroponimicheskiy kod kultury. M., 2019. 400 c.
5. Orlova O.S. Euphemisms and riddles about birth and death in Russian and English-speaking cultures: the principle of indirect nomination. M.: Lenand, 2022. 240 c.
6. Porokhnitskaya L.V., Chirvonaya M.O. Conceptual aspects of multimodal euphemization (based on English-language Internet advertising related to the consumption of alcoholic beverages). Cognitive studies of language. 2024. No. 2-1 (58). P. 565 – 568.
7. Porokhnitskaya L.V., Chirvonaya M.O. Metonymic models of euphemization in languages of different structures. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2023. No. 10 (878). P. 72 – 76.
8. Radbil T.B. Metalinguistic commentary “in a good sense (of the word)” as a mechanism of evaluative interpretation in the Internet media discourse. Language – speech – text in Internet communication: collection of scientific articles. N. Novgorod: Publishing house of N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2023. P. 79 – 87.
9. Saakyan L.N., Severskaya O.I. Euphemism in intercultural communication // Vostochno-europейский вестник. 2015. № 3. С. 75 – 81.
10. Perez C. Augusto Euphemisms and Political Correctness // Linguistic and Literary Broad Research and Innovation. 2024. Vol. 13. Iss. 1. P. 7 – 16.
11. Видео интервью: «Prince Harry tells BBC he wants ‘reconciliation’ with Royal Family | BBC News». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m1eUXtSbJUE>.

References

1. Zubkova O.S. Dialectics of an ambivalent linguistic sign from the standpoint of linguosemiotic derivation. Theory of language and intercultural communication. 2012. No. 2 (12). P. 22 – 26.
2. Zubkova O.S., Logvina S.A. Current trends and patterns of development of euphemism. Kursk: Publishing house of ZAO "Universitetskaya kniga", 2022. 206 p.
3. Zubova L.V. Fashion for euphemisms and its consequences. Communicative studies. 2024. Vol. 11. No. 4. P. 715 – 729.
4. Kovshova M.L. Lingvokulturologicheskiy analiz idiom, zadadok, poslovic i pogovorok. Antroponimicheskiy kod kultury. M., 2019. 400 p.
5. Orlova O.S. Euphemisms and riddles about birth and death in Russian and English-speaking cultures: the principle of indirect nomination. M.: Lenand, 2022. 240 p.
6. Porokhnitskaya L.V., Chirvonaya M.O. Conceptual aspects of multimodal euphemization (based on English-language Internet advertising related to the consumption of alcoholic beverages). Cognitive studies of language. 2024. No. 2-1 (58). P. 565 – 568.
7. Porokhnitskaya L.V., Chirvonaya M.O. Metonymic models of euphemization in languages of different structures. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2023. No. 10 (878). P. 72 – 76.
8. Radbil T.B. Metalinguistic commentary “in a good sense (of the word)” as a mechanism of evaluative interpretation in the Internet media discourse. Language – speech – text in Internet communication: collection of scientific articles. N. Novgorod: Publishing house of N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2023. P. 79 – 87.

9. Saakyan L.N., Severskaya O.I. Euphemia in intercultural communication. Upper Volga Philological Bulletin. 2015. No. 3. P. 75 – 81.
10. Perez C. Augusto Euphemisms and Political Correctness. Linguistic and Literary Broad Research and Innovation. 2024. Vol. 13. Iss. 1. P. 7 – 16.
11. Video interview: “Prince Harry tells BBC he wants ‘reconciliation’ with Royal Family | BBC News”. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=m1eUXtSbJUE>.

Информация об авторах

Логвина С.А., кандидат педагогических наук, кафедра иностранных языков, Курский государственный университет, г. Курск, svet.logvina@mail.ru

© Логвина С.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
УДК 821.161.1

¹ Уздеева Т.М.

¹ Чеченский государственный педагогический университет

Концепт «дорога» в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» и повести Н.С. Лескова «Очарованный странник»

Аннотация: в данной статье исследуется мотив дороги в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» и повести Н.С. Лескова «Очарованный странник». Толстовский роман богат мотивами, однако, мотив дороги связан с каждым романным персонажем. Преломление этой темы в художественном нарративе писателей-современников представляет большой интерес. В статье акцентируется смысловая наполненность дорожного дискурса у обоих писателей. В данной работе противопоставляется буквальное и символическое значение образа дороги у двух русских прозаиков 19 века. В статье рассмотрены пути-дороги как главных, так и второстепенных героев романа-эпопеи Толстого и повести Лескова. Обозначено состояние изучения этого вопроса в современной науке, аппелируя к работам последних лет, обобщившим значение дорожного дискурса у многих русских писателей 19 века.

Ключевые слова: хронотоп, мотив, дорога, судьба, восхождение, концепт, концепция, роман-эпопея, повесть

Для цитирования: Уздеева Т.М. Концепт «дорога» в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» и повести Н.С. Лескова «Очарованный странник» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 158 – 162.

Поступила в редакцию: 26 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹ Uzdeeva T.M.

¹ Chechen State Pedagogical University

The concept of "road" in the epic novel by L.N. Tolstoy "War and Peace" and the story by N.S. Leskov "The Enchanted Wanderer"

Abstract: this article examines the road motif in L.N. Tolstoy's novel War and Peace and N.S. Leskov's story The Enchanted Wanderer. Tolstoy's novel is rich in motifs, however, the road motif is associated with each character in the novel. The refraction of this theme in the artistic narrative of contemporary writers is of great interest. The article emphasizes the semantic content of the road discourse in both writers. This work contrasts the literal and symbolic meanings of the road image in two Russian prose writers of the 19th century. The article examines the paths-roads of both the main and secondary characters in Tolstoy's epic novel and Leskov's story. The author of the article outlines the state of the study of this issue in modern science, appealing to the works of recent years, which generalized the significance of the road discourse in many Russian writers of the 19th century.

Keywords: chronotope, motif, road, fate, ascent, concept, concept, epic novel, novella

For citation: Uzdeeva T.M. The concept of "road" in the epic novel by L.N. Tolstoy "War and Peace" and the story by N.S. Leskov "The Enchanted Wanderer". Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 158 – 162.

The article was submitted: May 26, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Актуальность работы, связана с тем, что концепт «дорога» в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» и повести Н.С. Лескова «Очарованный странник» совсем не исследован в современном литературоведении. В данной работе впервые проводится такой литературоведческий анализ. При наличии достаточного количества работ о пребывании Толстого на Кавказе в российском литературоведении, нет работ, обобщивших место и значение концепта [10].

Основная цель – исследование концепта «дорога» в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» и повести Н.С. Лескова «Очарованный странник».

Задачи:

- сравнительный анализ путей-дорог как главных, так и второстепенных героев романа-эпопеи Толстого и повести Лескова;

- описательный анализ образов героев, их духовных рефлексий, их перемещений, значимости пути в их жизни.

Материалы и методы исследований

В работе использованы такие методы литературоведческого анализа, как сравнительный и описательный, позволяющие анализировать разные литературные явления, учитывая личность автора и культурные факторы.

Материалы, использованные в работе, извлечены из романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» [8] и Н.С. Лескова «Очарованный странник» [6].

Результаты и обсуждения

Концептуальное пространство является реализацией семантического потенциала, заложенного в языке художественного произведения [1].

Национальный менталитет – система стереотипов поведения личности [3].

Тема дороги в русской литературе обширна, многогранна и глубока [9].

Вписанность персонажей писателя в определенные пространственные структуры активизирует в сознании читателя архетипические смыслы [7].

Ядро концепта составляют прототипичные слои с максимально чувственно – визуальной конкретностью [2].

В романе «Война и мир» дорог много. Они все реализуются в художественной концепции романа и буквально, и опосредованно. Дорога в смысле жизненного пути есть у каждого из персонажей: у Болконского, у Безухова, у Ростова, у Курагина и т.д. Безухов, вернувшись из Европы, сразу попал в высший петербургский свет и окунулся вначале в беспутную жизнь русских офицеров. Его дорога лежала к Курагиным. Всю дорогу Пьер в сомнениях: хорошо ли ехать туда, так как он дал честное слово «не ездить» Болконскому, а до этого «ездить» Курагину. Он думает: «...все эти честные слова – такие условные вещи, не имеющие никакого определенного смысла...» [8]. Знаменательно, что подобная рефлексия будет сопровождать героя всю его жизнь. Высланный из Петербурга, Пьер едет в Москву к умирающему отцу, даже не предполагая, что эта дорога приведет его к богатству.

Дорога Андрея Болконского после света лежала в родовое имение – Лысые горы. На следующий день он собрался в дорогу. Толстой пишет: «В минуты отъезда и перемены жизни, на людей, способных обдумывать поступки, обыкновенно находит серьезное настроение мыслей. В эти минуты обыкновенно повествуется прошедшее, и делаются планы будущего» [8]. Болконский спешил на войну. Русская армия из Австрии двигалась с боями по Европе, и дорога героя совпадала с дорогой армии. В этой военной дороге есть эпизод, когда Болконский, будучи адъютантом Кутузова, был отправлен курьером в Брюонн. Это был шаг к повышению. Толстой пишет, что Андрей был счастлив поручением и дорогой вспоминал все подробности успешной битвы русских. Герой даже не замечал «разнообразные леса, поля, деревни» слева и справа. Однако, само посещение австрийского военного министра остыло его пыл и переменило образ мыслей с радужных на более трезвые. На обратном пути Болконский близко разглядел отступающую русскую армию, и он увидел много безобразий и воскликнул с иронией: «Вот оно, милое православное воинство!» Военная дорога Болконского довела его до Аустерлица, где он был ранен. Для понимания образа Болконского большое значение имел христоматийно известный эпизод с «небом» на поле Аустерлица. Здесь происходит переоценка ценностей у героя: он жаждавший славы с помощью «неба», приходит к осознанию пустоты своих желаний, к осознанию ценности самой человеческой жизни.

Часть вторая второго тома описывает дорогу Пьера Безухова в Петербург. Позади дуэль с Долоховым, разрыв с женой. Остановившись на постоялом дворе, Пьер впал в раздумья настолько сильно, что не ви-

дел и не слышал никого. Его рефлектирующее сознание не позволяло расслабляться. «Что дурно? Что хорошо? Что надо любить, что ненавидеть? Для чего жить, и что такое я? Что такое жизнь, что смерть? Какая сила управляет всем?» – спрашивал он себя [8]. Здесь на постоялом дворе произошла знаменательная встреча Пьера с известным масоном своего времени Осипом Алексеевичем Бездеевым, после которой наступит новый поворот в духовной жизни, в дороге жизни Безухова. Вступив в масонскую ложу, пожертвовав им большую сумму денег на милостыню, Пьер уехал в свои имения. Большая часть его крестьян находилась в Киевской губернии, куда отправился герой. Намерения Пьера были самые гуманные: освободить крестьян от крепостной зависимости, построить школы, больницы, приюты для крестьян, освободить от тяжелых работ женщин с детьми. Не имея практического чутья, а только щедрость и добро в душе, Безухов был жестоко обманут своим же плутом – управляющим. Весной 1807 года Пьер возвращался в Петербург и ему по дороге во всех его землях устроили бутафорские отчеты о делах. Однако герой счастлив, ибо наивно полагал, что его новшества внедрены в жизнь. По дороге он заехал к Андрею Болконскому в Лысые горы. Их разговоры дали очень многое обоим героям. Прожив безвыездно два года в деревне, Болконский решил поехать в рязанские имения своего сына. Эта поездка знаменательна встречей с дубом. Эпизод «с дубом» – важное звено в понимании образа героя, как отмечают многие исследователи [8]. Здесь возникает мотивозвучия безнадежного – грустного восприятия жизни героя и огромным уродливым дубом, как бы отжившим свое. Затем Болконский едет в Отрадное к Ростовы. На обратном пути он вновь встречается с дубом, но уже расцвевшим, с «шатром сочной, темной зелени». Возродившийся дуб созвучен пробуждающейся душе Андрея. Под впечатлением встречи с юной Наташей, Болконский воскрес. Герой в августе 1809 года уехал в Петербург с намерением служить и приносить пользу. Проведя там четыре месяца, вернулся домой, отягченный впечатлениями. Далее герой едет в Москву, делает предложение Наташе. В главе одиннадцатой части четвертой второго тома описана дорога в Мелюковку, которая открывает все красоты русского зимнего пейзажа. Для молодой графини Наташи это дорога к истокам, к народным русским корням, которые в угощении, танцах, обрядах, музыке. Наташа Ростова вместе с отцом поехала в Москву, где побывала в театре, в свете, и где зародилась интрига с Анатолием Курагиным. Ее драматическая связка и участие Пьера к горю Наташи завершает второй том романа. По дороге домой Пьер впервые счастлив.

После свидания в Москве с Пьером, Болконский уехал в Петербург по делам, а затем в армию. По дороге он заехал в Лысые Горы навестить родных. Там его поразило «точно то же течение жизни». «Та же степенность, та же чистота, та же тишина были в этом доме, те же мебели, те же стены, те же звуки, тот же запах и те же робкие лица, только несколько постаревшие» – пишет автор [8]. Думая о домашних, герой ищет смысла и в своих поступках. «Я еду в армию, зачем? – сам не знаю...» [8]. Охваченный жаждой мести Курагину, Болконский ищет все же более высокой цели для себя.

Дороги Болконского и Безухова тесно сплетены с дорогой русской армии, которая передвигаясь с места на место, должна была все же отступать. Вскоре Москва опустела, и небо над ней закрыло зарево пожарищ. Пол России было завоевано Наполеоном, умер князь Болконский, осознавший перед смертью, что любовь к близким – есть единственный правильный смысл жизни человеческой, что любовь связывает человека с жизнью. Военная дорога Пьера привела его в плен к французам. Пьер в плену многое осознал и пришел к невероятным выводам, «что человек сотворен для счастья, что счастье в нем самом, в удовлетворении естественных человеческих потребностей, и что все несчастье происходит не от недостатка, а от излишка; но теперь, ... он узнал еще новую, утешительную истину – он узнал, что на свете нет ничего страшного» [8]. Также на героя произвело большое впечатление поведение простых русских солдат и, в особенности, мысли и дела Платона Каратеева.

Его духовная рефлексия обогащается «Жизнь есть все. Жизнь есть бог. Все перемещается и движется, и это движение есть бог. И пока есть жизнь, есть наслаждение самосознания божества. Любить жизнь, любить бога. Труднее и блаженнее всего любить эту жизнь в своих страданиях, в безвинности страданий» [8]. Это было нравственное и духовное восхождение героя. После своего плена Пьер приехал в Орел и здесь, заболев, пробыл три месяца. К Пьери пришло счастливое чувство свободы, чувство жизни и чувство бога. Из Орла вместе с приятелем по свету Вилларским Безухов отправился в Москву. Эта дорога принесла ему новое дыхание. «Он все время путешествия испытывал радость школьника на вакации» – пишет повествователь. Ямщики, смотрители, мужики – все имело для него теперь новый смысл. Доехав до Москвы, Пьер доехал и до своего счастья – его полюбила Наташа. Дорога жизни Наташи Ростовой привела ее, через многие испытания, к счастью семейной жизни с Пьером.

Как резюмируют ученые, в романе-эпопее Л.Н. Толстого переплелись множество дорог. Это и дороги личные (у каждого героя) и дороги общие (народные) [5]. Великие исторические события, описанные в ро-

мане, способствовали переплетению этих дорог. Дорога народной судьбы в ту эпоху завершилась победой над Наполеоном и освобождение русской земли. Дороги героев были схожи в том, что все они духовно и нравственно очищались и восходили. Многие приходили к богу. Главные герои – Наташа Ростова и Пьер Безухов – обрели счастье в семейной жизни. Болконский перед смертью дошел до многих важных истин.

Эти дороги жизни героев Толстого на долгие времена остаются в памяти благодарных читателей.

Повесть Н.С. Лескова «Очарованный странник» также сопряжена с дорожным дискурсом. Написана и опубликована она в 1873 году. Примечательно, что повествование начинается со слов: «Мы плыли по Ладожскому озеру от острова Каневца к Валааму...» Путники плывут и ведут беседы об увиденном, сходясь во мнении, что на остров Карелу можно было ссылать ссыльных, он ничем не лучше далекой Сибири. Далее повесть строится как рассказ в рассказе, поскольку в беседу пассажиров внедряется рассказ Флягина о своей жизни». Был я у матушки молитвенный сын...» – начинает свою исповедь герой» [6]. Вся его жизнь – это длинная дорога, полная приключений. Первое из них случилось с ним в дороге. Он, не желая того, способствовал смерти мужика крестьянина. Второй случай произошел с героем тоже в дороге, когда он вез господ в карете в Воронеж. Лошади понесли, и господа могли погибнуть, но Иван Флягин со всей своей богатырской силой спас их, а сам чуть не погиб. Но эти же господа жестоко наказали героя за отрубленный кошкен хвост. В большой обиде Флягин убежал из имения к цыганам. Те заставляли его красть лошадей. И от них ушел Иван. Побывал герой и в няньках. Но дорога его на этом не завершилась.

Иван Флягин попал к татарам, от которых пытался бежать неудачно. Но вскоре, прожив у татар десять лет, женившись, народив детей, Флягин вновь убежал, пешком пришел в Астрахань, оттуда его переслали в свою губернию, к своему барину. Оттуда дорога героя лежала к другому князю, который хорошо оплачивал его знание коней. Далее рассказчик поведал историю любви к цыганке Груше, свое бегство от князя по большой дороге, которая привела его в реку на Кавказ. Здесь герой пробыл пятнадцать лет, где за храбрость и мужество был удостоен чинов. Далее дорога лежала в Петербург, где он побывал в актерах. Последней пристанью героя стал монастырь. Но и отсюда дорога героя продолжилась. Вступая в разговор путников в самом начале, герой был на финише своей дороги. Постаревший и уставший, он ехал на богомоление в Соловки к Зосиме, чтобы перед смертью поклониться.

Труден и опасен был путь героя Лескова. В какие только края не бросала его судьба. Нельзя не согласиться с Ю.Н. Кольцовой в том, что герой вышел из всех испытаний богатырем духа, сохранил свое добре сердце и веру в свое предназначение – быть божким сыном [5]. Исповедь очарованного странника вся пронизана мотивом дороги.

Выводы

В результате анализа образов героев, их духовных рефлексий, их перемещений, значимости пути в их жизни, автор статьи пришел к следующим выводам: дорога у обоих писателей несет символическую нагрузку как обозначение жизненного пути. Дороги героев интересны и в буквальном смысле как перемещения не только в пределах пространства России, но и в пределах чужих земель. Дороги литературных героев ведут их к нравственному восхождению и нравственному совершенствованию, но по-разному у каждого писателя.

Мотив дороги в «Войне и мире» Л.Н. Толстого также имел глубокий философский смысл. У каждого героя своя дорога – жизненный путь. Через страдания, испытания и лишения проходят Болконский, Безухов, Ростова, но их путь – это путь духовно-нравственного восхождения. Герои становились лучше, чище, выше, благороднее. Хронотоп дороги в повести «Очарованный странник» Н.С. Лескова очень значим. Многое дорог прошел Иван Флягин. Но его жизненная дорога была дорогой к богу и родной земле.

Список источников

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология / под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267 – 279.
2. Бацева Э.Б. Репрезентация концепта «Дом» в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир»// Международный научный журнал «Вестник науки». 2021. № 5 (38). Т. 5. С. 27 – 33.
3. Еромасова А.А. Ментальность русского человека как феномен национальной культуры. СПб., 2007. 402 с.
4. Каменская Л.Я. Тема пути в русской литературе. М., 1994. 175 с.
5. Кольцова Ю.Н. Концепт пути в произведении Н.С. Лескова «Очарованный странник» // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 2. С. 58 – 69.
6. Лесков Н.С. Очарованный странник: собр. соч. в 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 218 – 337.
7. Нагина К.А. Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л.Н. Толстого: дис. ... док. филол. наук: 10.01.01. Воронеж, 2013. 615 с.

8. Толстой Л.Н. Война и мир. М.: Оникс-лит, 2018. 1109 с.
9. Торопчина Л.В. Мотив дороги в творчестве русский писателей XIX века. М., 2016. 187 с.
10. Уздеева Т.М. Тема кровной мести и русской дуэли в произведениях Л.Н. Толстого (современный взгляд на преподавание этого аспекта в школе и в вузе) // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3. № 10. С. 22 – 26.

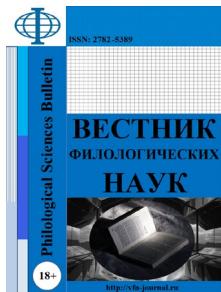
References

1. Askoldov S.A. Concept and word. Russian literature: Anthology / edited by V.P. Neroznak. Moscow: Aca-demia, 1997. P. 267 – 279.
2. Batseva E.B. Representation of the concept “Home” in L.N. Tolstoy’s epic novel “War and Peace”. International scientific journal “Bulletin of Science”. 2021. No. 5 (38). Vol. 5. P. 27 – 33.
3. Eromasova A.A. Mentality of a Russian person as a phenomenon of national culture. St. Petersburg, 2007. 402 p.
4. Kamenskaya L.Ya. The theme of the path in Russian literature. Moscow, 1994. 175 p.
5. Koltsova Yu.N. The concept of the path in the work of N.S. Leskov "The Enchanted Wanderer". Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication. 2000. No. 2. P. 58 – 69.
6. Leskov N.S. The Enchanted Wanderer: collected works in 12 volumes. Moscow: Pravda, 1989. Vol. 2. P. 218 – 337.
7. Nagina K.A. Spatial universals and characterological collisions in the works of L.N. Tolstoy: diss. ... doc. philological sciences: 10.01.01. Voronezh, 2013. 615 p.
8. Tolstoy L.N. War and Peace. Moscow: Onyx-lit, 2018. 1109 p.
9. Toropchina L.V. The road motif in the works of Russian writers of the 19th century. Moscow, 2016. 187 p.
10. Uzdeeva T.M. The theme of blood feud and Russian duel in the works of L.N. Tolstoy (a modern look at teaching this aspect in school and university). Bulletin of Philological Sciences. 2023. Vol. 3. No. 10. P. 22 – 26.

Информация об авторах

Уздеева Т.М., кандидат филологических наук, доцент, кафедра литературы и методики ее преподавания, Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный, yzdeeva@mail.ru

© Уздеева Т.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
УДК 811.351.21

¹ Чалаева П.Ш., ¹ Омарова Г.Р.

¹ Дагестанский государственный университет

Семантические особенности паремиологических единиц лакского языка

Аннотация: в статье исследуются семантические особенности лакских паремиологических единиц на материале лакского фольклора и романа Абакара Мудунова «Огонь в крови» («Оъттуву лархъсса ҆лу»), рассматривается место проклятий, благопожеланий и злопожеланий в кругу устойчивых выражений лакского языка. Указывается, что для паремиологических единиц (проклятий, благопожеланий и злопожеланий) лакского языка характерна образность и эмоциональность.

Ключевые слова: лакский язык, лакский фольклор, лакская литература, паремиологические единицы, проклятия, благопожелания, злопожелания

Для цитирования: Чалаева П.Ш., Омарова Г.Р. Семантические особенности паремиологических единиц лакского языка // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 163 – 168.

Поступила в редакцию: 26 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹ Chalaeva P.Sh., ¹ Omarova G.R.

¹ Dagestan State University

Semantic features of paremiological units of the Lak language

Abstract: the article explores the semantic features of Lak paremiological units based on Lak folklore and Abakar Mudunov's novel «Fire in the Blood» («Оъттуву лархъсса ҆лу»), examines the place of curses, blasphemies and grudges in the circle of stable expressions of the Lak language. It is pointed out that the paremiological units (curses, well-wishes and ill wishes) of the Lak language are characterized by imagery and emotionality.

Keywords: the Lak language, Lak folklore, lak literature, paremiological units, curses, good wishes, ill wishes

For citation: Chalaeva P.Sh., Omarova G.R. Semantic features of paremiological units of the Lak language. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 163 – 168.

The article was submitted: May 26, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Актуальность статьи. Статья посвящена анализу языковых особенностей лакских проклятий, благопожеланий и злопожеланий в фольклоре и художественной литературе (в лакских народных лирических песнях и романе лакского прозаика Абакара Мудунова «Огонь в крови» («Оъттуву лархъсса ҆лу»)).

Анализируя проклятия, благопожелания и злопожелания лакского языка в фольклоре и литературе, мы даем представление об истории, культуре, национальном своеобразии и языке лакцев.

Цель статьи – выявление и анализ особенностей проклятий, благопожеланий и злопожеланий в лакском фольклоре и художественной литературе, которая приводит к решению следующих задач: определить,

классифицировать, изучить и установить особенности проклятий, благопожеланий и злопожеланий, зарегистрированных в лакском фольклоре и в романе Абакара Мудунова «Огонь в крови».

Проклятия, благопожелания и злопожелания выражают эмоции, направленные на призыв добра или зла, разочарования или благополучия и успеха, горя или радости.

В лакском языке проклятия известны под термином «зайдрду», благопожелания – «зукълурду», злопожелания – «зай-зукълурду».

Проклятия, благопожелания и злопожелания – часть языка и культуры лакского народа, которые передавались из поколения в поколение, и задача наша собрать и сохранить всё богатство языка, отраженное в фольклоре и литературе лакцев.

Традиционно проклятия, благопожелания и злопожелания сохранились в сельской местности Лакии (Лакского и Кулинского районов Республики Дагестан), но с каждым годом исчезают из языка в связи с оттоком сельского населения и активным билингвизмом. Нынешнее поколение не знает фольклорных традиций своего народа, не знает проклятия, благопожелания и злопожелания как элемента лакского фольклора.

Новизна статьи. Попытка специального исследования проклятий, благопожеланий и злопожеланий лакского языка на анализе языковых особенностей большого текстового материала из фольклора и художественной литературы.

Теоретическая значимость статьи заключается в том, что изучение и описание проклятий, благопожеланий и злопожеланий позволит расширить знания и обогатить фонд паремиологических единиц лакского языка.

Практическая ценность. Материалы статьи могут быть использованы при составлении словарей проклятий, благопожеланий и злопожеланий лакского языка, а также в исследовании языковой картины мира лакского языка.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили проклятия, благопожелания и злопожелания лакского языка, извлеченные из лакского фольклора и романа Абакара Мудунова «Огонь в крови».

Основным методом, использованным при написании работы, является описательный метод.

Паремиологические единицы лакского языка исследовались в трудах Хайдакова С.М., Абдуллаева И.Х., Халилова Х.М., Самедова Д.С., Мудуновой Г.А. и многих других авторов.

Анализ проклятий, благопожеланий и злопожеланий в лакской художественной литературе (на примере романа Абакара Мудунова «Огонь в крови») проводится впервые.

Результаты и обсуждения

Проклятия, благопожелания и злопожелания значимы в культуре лакского народа и занимают важное место в лакском фольклоре и лакской художественной литературе. Они применимы в живой речи и в наши дни, при выражении зла или блага собеседнику по тому или иному событию, в той или иной ситуации. Произнося их, человек полагался на силу слова. Верил, что слово может принести горе или счастье тому, кому оно адресовано.

В монографии С.М. Хайдакова «Очерки по лексике лакского языка» проклятиям, заклинаниям и пожеланиям посвящен раздел «Проклятия, заклинания и пожелания как фразеологические единицы» [11, с. 120-127].

В статье Г.А. Мудуновой «Свадебная обрядовая поэзия лакцев» «отображены вопросы, касающиеся магической поэзии в устном народном творчестве лакцев: свадебных причитаний, величальных песен, песен-наставлений (советов), шуточных (корильных) песен» [5, с. 78].

В статье «Фольклорные мотивы в творчестве Абакара Мудунова» Г.А. Мудунова «раскрывает фольклорные мотивы в творчестве лакского писателя Абакара Мудунова, использование писателем фольклора в качестве сознательно применяемого художественного приема и в целях обогащения идеально-национального комплекса литературной повествовательной системы» [6, с. 253].

В последнее время возрос интерес к паремиологическим единицам лакского языка (проклятиям и пожеланиям). В диссертационных исследованиях Абачаевой М.М. «Язык песенного фольклора лакцев» [2], Сагидовой М.П. «Сравнительный структурно-семантический анализ соматических фразеологических единиц дагестанских языков: на материале аварского, даргинского, лакского, лезгинского и табасаранского языков» [10], Нажаевой С.М. «Семантико-лингвокультурологический анализ фразеологических единиц лакского языка в сопоставлении с английским» [11] и научных статьях Мутаевой М.И., Мишаевой М.В. «Экспрессивно-устойчивые сочетания негативного характера даргинского и лакского языков» [7, с. 82-88], Адуховой Ж.М-З. «Прагматические характеристики речевого акта проклятия в лакском языке» [3, с. 95-98], Омаровой Г.Р., Чалаевой П.Ш. «Проклятия и пожелания в лакском фольклоре» [9, с. 56-61], Абакаровой М.А. «Лакские паремиологические единицы с религиозным кодом культуры» [1, с. 1-10] и др.

Проклятия, благопожелания и злопожелания имеют практическое значение, ибо многие из них были созданы в результате наблюдений за повседневной жизнью.

В древности проклятия, благопожелания и злопожелания были связаны с магией, ритуалами, религией, но постепенно утратили эту связь. В наше время они воспринимаются как ситуативные зло или добро желания.

Различают обрядовые и необрядовые проклятия, благопожелания и злопожелания. Обрядовые проклятия, благопожелания и злопожелания произносятся по традиционным формам (например, свадебным и похоронным), а необрядовые – посвящаются многообразным ситуациям в быту.

Лакские проклятия и благопожелания тематически разнообразны. Они произносились и произносятся по разным случаям и отображают повседневную жизнь.

Можно выделить следующие тематические группы лакских благопожеланий...

Благопожелания, связанные с детьми и с рождением детей: Нитти-буттал дянив хъуна хъуннав! «Чтобы рос среди родителей!»; ТалихIрайн букканнав! «Чтобы были счастливы!»; Ина мюрциминнаву хъунна, хъуниминнаву лавайма шивуй! «Чтоб среди маленьких большим, а больших самым важным стал!»; Ина талихI-тирхандарайн уккивуй! «Чтобы много счастья было у тебя!»; Ина чаннайн уккивуй! «Чтобы ты к свету шел!»; Ина инсантуран ка-кумаг бан буюхъайсса дунияллийн уккивуй! «Чтобы людям всегда помогал, поддерживал!»; Вий баргъ бацIивуй, вий барз бацIивуй! «Чтобы и солнце, и луна были с тобой!».

Благопожелания, связанные со свадьбой: Кунная ку рязину личIаннав! «Чтоб друг другом довольные были!»; Ща лихханнин битаннав! «Пока насладитесь, чтоб вместе были!»; Буттха лавхъхъусса арсгу, ниттиха лавхъхъусса душгу хъуннав! «Чтобы сын на отца и дочь на маму похожи были!»; Ина талихI-тирхандарайн буккивуй! «Чтобы счастлива была!»; Вил ужагъраяту баракат яла къалагивуй! «Чтобы баракат всегда был в твоем доме!».

Благопожелания, связанные с будничной жизнью людей, хозяйственной деятельностью, бытом: Вил Тулунттуй оыл, урхълуу барт, суу къама, урцIуву иникIма, чан къашивуй! «Чтобы корова в хлеве, в кувшине сметана, тесто на противне всегда были!»; Вил жангъу, бакIгу цУллу бивуй! «Чтобы и голова, и душа были здоровы!»; Вил ахир хайр дивуй! «Чтобы конец был хорошим!»; Вил бувсмур бацIивуй! «Чтобы тобой сказанное сбылось!»; Вил ялату чаннасса къини яла къалагивуй! «Чтобы светлый день всегда был с тобой».

Благопожелания, связанные с дорогой, с отъездом: Ххуллухъин баннав! «Удачного пути!»; Т1айлабацIу баннав! «Счастливого пути!»; ДакI ххарину зана икIаннав! «Чтобы радостно вернулся!»; Лавгний барт лаганнав! «Удачно прибыл!»; Ка бакыннав! «Удачи!»; Ххуллу бигъасса хъуннав! «Легкого пути!».

Благопожелания, связанные с одиночеством и возможностями: Буслай, бувсмур гъаз къабайссагу къахъуннав! «Чтобы понимающий был!»; Дан чай, дан къашавай къаличIаннав! «Чтобы всё исполнялось!»; Дулун чай, ка щая щилай къаличIаннав! «Чтобы мог подарить всё, что хотел!»; Учин чай, учин къахъанай къаличIаннав! «Чтобы сказал всё, что хотел!»; УвкIма чай, учанма акъа къаличIаннав! «Чтобы было кому навестить!»; Дуканмур чай, дуканмур дакъа къаличIаннав! «Чтобы было что покушать!»; Дустал чай, дустал бакъа къаличIаннав! «Чтобы всегда были друзья!»; Уссур-ссу чай, уссур-ссу бакъа къаличIаннав! «Чтобы всегда была родня!».

Благопожелания здоровья и долголетия: Вивату цУцIаву дуккивуй! «Чтобы болезнь покинула!»; Вил жангъу, бакIгу цУллу бивуй! «Чтобы здоровье было хорошим!»; Вил жан цУллу дивуй! «Чтобы здоровье было!»; Вил ахир хайр бивуй! «Чтобы конец был хорошим!»; Вил агуулданун арулла никирай ккаши къак-каккивуй! «Чтобы семь поколений не знали голода!»; Ина тИиртIунийн ка, увкунийн махъ биллай личIивуй! «Чтоб твоя рука достигала до желаемого, а твое слово выполнялось!».

Проклятия можно условно классифицировать по тематическим группам...

Проклятия, связанные с частями тела: Вил кару къакъивуй! «Да иссохнут твои руки!»; Вил яру лещивуй! «Чтоб у тебя глаза высохли!»; Вил янил чани къаккаккивуй! «Чтобы твои глаза света не увидели!»; Вил маз къакъивуй! «Чтобы твой язык усох!»; Вил кару дагъивуй! «Чтобы твои руки исчезли!»; Вил бакIрайн бала бучIивуй! «Чтобы на твою голову большая беда пришла!»; Вил къакъарттий къявда шивуй! «Чтобы холерой заболел!».

Проклятия, связанные с хозяйственной деятельностью, домом человека: Вил къатта ччуччивуй! «Чтоб твой дом сгорел!»; Вил вилах лещивуй! «Чтоб всё твоё исчезло!».

Проклятия, связанные с детьми, родителями, семьей: Агуулданий буминнацIа шивуй! «Чтобы твой род прервался!»; Ина цучIав акъа личIивуй! «Чтобы ты без никого остался!».

Проклятия, связанные со здоровьем: Вин цУцIаву лачIивуй! «Чтобы ты смертельно заболел!»; Вин ажал биеvуй! «Чтобы ты заболел!».

Проклятия, связанные с жизнью и смертью человека: Лавгния зана къаикланнав! «Чтобы ты назад не вернулся!»; Лухли цуцлаврил угъаннав! «Чтобы тебя черная болезнь одолела!»; Дуржагырал царапал угъаннав! «Чтобы тебя огонь ада проглотил!»; Ахир пуч даннав! «Пусть твой конец будет плохим!».

Проклятия, благопожелания и злопожелания связаны с эмоциональным состоянием человека. Если мужчины скучны на пожелания и отрицательные эмоции и чувства демонстрируют с помощью мата, то женщины любят, верят и часто используют в речи проклятия, благопожелания и злопожелания. Женщины уверены, что озвученные проклятия, благопожелания и злопожелания могут материализоваться. Свои жалобы, переживания, обиды, ненависть и бессилие они вкладывали в слова-зайдру, а свои мечты и пожелания в слова-зукълурду.

Помимо проклятий и благопожеланий есть еще одна разновидность – злопожелания «зукълу-зайдру». Человек произносит их якобы с добрыми намерениями, но со скрытым злым умыслом, например, Ина бабан битивуй «Чтобы ты маме осталась» говорят молодой девушке, девушке на выданье, что означает «что-бы ты не вышла замуж никогда, осталась в родительском доме».

Наиболее типичными для лакского языка являются проклятия и благопожелания, злопожелания встречаются реже как в устной речи лакцев, так и в фольклоре и литературе.

Проклятия: Вил ахир пуч дивуй! «Да будет твой конец плохим!»; Вил няракъатта ойттул буцшивуй! «Да наполнится твоя черепная коробка кровью!»; Вил пардав царапал чучччивуй! «Да умрешь ты в брачную ночь!» (букв. «Да сгорит твой занавес» (раньше ложе новобрачных занавешивали пологом); Вил ца чарий чичивуй! «Да напишут твое имя на камне!» (т.е. «Да умрешь ты»); Вин къаккавкса къаличшивуй! «Да переживаешь ты все беды и ужасы!»; Ина айрщарал укивуй! «Да съест тебя земля!»; Ина ойнкъучул ивчивуй! «Да умрешь ты от скарлатины!»; Ина ойттул бярав агъивуй! «Да упадешь ты в кровавое озеро!»; Ина ухлагивуй! «Да пропадешь ты!»; Ина лухли варсуу урувххун учланнав! «Чтобы тебя в черной бурке принесли!» (по традиции в черной бурке провожают в последний путь мужчин); Вил яру пякъ учиннав! «Чтобы глаза твои лопнули» и др.

Благопожелания: Вил ойрму лахъи бивуй! «Да будешь ты жить долго!»; Дакл ххарину зана икланнав! «Радостно вернулся!»; Ина талихтрайн буккивуй! «Чтобы много счастья было!»; Ина мурадрайн биевуй! «Чтобы счастливы были!»; Тиртунийн ка диеувуй! «Чтобы рука дотянулась до желаемого»; Вил махъ биллай личшивуй! «Чтоб твое слово выполнялось!»; Ина цууллу ивуй! «Да будешь ты здоровым!»; Ина ччинийн биевуй! «Чтобы ты дошел до желаемого!»; Ина рязину личланнав! «Чтобы ты довольным был!»; Хъунма хъуннав! «Чтобы выросла (достигла зрелости)!»; Бусанма акъа къаличланнав! «Чтобы не остался без того, с кем поделиться!»; Гъанчу чай, гъанчу бакъа къаличланнав! «Желая родню, чтобы без родни не остался!»; Айрхи бигъасса хъуннав! «Легкого пути!» и др.

Проклятия, благопожелания и злопожелания встречаются не только в устной речи и фольклоре (особенно в лирических песнях и плачах) лакцев, но и в художественной литературе. В романе «Огонь в крови» лакского прозаика Абакара Мудунова проклятия, благопожелания и злопожелания включены в речь персонажей для выражения эмоций, добрых и злых намерений, для образной передачи чувств.

Архну гъан циванни, къунну ттула къиргъучла уссиав, бава дирчтиву, хави кунма лагу лахтлай... [4, с. 6]. «Зачем далеко ходить, вчера был у своей куропатки, чтоб ее мама умерла, как тонкое деревце сгибалась...». Красоту, грациозность и молодость героини Мариян сельский богач Касин восхваляет через злопожелание смерти её матери, которая родила и воспитала такое чудо.

– Ивкы туну, ттуккуй! Маз бякъин вил... «Умри, осел (обращение к человеку), чтобы язык твой замерз!» [4, с. 23]. В данном контексте персонаж не только называют «ослом», но и проклинают, желая, чтобы язык отсох (замерз).

Самая сильная клятва – клятва родителями: ...нава бувсса ниттийн нааына хъуннав... «...пусть постигнет несчастье мою мать» – говорит молодая девушка возлюбленному, тем самым подчеркивая значимость и силу своей любви. Вар, ина, Мариян, ттуху къаувкуссияв: «Агар на вийн хилип хъурча, нава бувсса ниттийн нааына хъуннав», – куну «Разве ты не говорила мне, Мариян, если я отвернусь от тебя, да будет проклята моя мать?» [4, с. 14].

Как видим и в первом примере: бава дирчтиву «чтобы мама умерла» и во втором примере: ниттийн нааына хъуннав «будь проклята мать» – любой поступок ребенка направлен на мать: маму проклинают и за красоту дочери; мамой клянутся, чтобы доказать верность и значимость клятвы.

Буттал бактрайн хъанашав... «Клянусь головой отца...» [4, с. 30]. В данном случае герой клянется головой отца, т.е. жизнью, чтобы показать силу данного слова-обещания.

Мариян булун увкуссар тăрхха, ссят хъинмур тăйла дацаннав «Говорят, Мариян сосватали, да удачным будет этот час» [4, с. 40]. Добрый путь желают девушке, которую сосватали: Ссят хъинмур тăйла дацаннав «да удачным будет этот час, час сватовства».

Благопожелание: Ай зун хăалал шивухъул! «Да будете прощенными вы!» [4, с. 18] встречается часто в устной речи, одно из самых распространенных выражений.

– Агъ, Ххадижай, оърмуул дуччин дитаннав «Ах, Хадижа, чтобы ты сполна насладилась (дословно: наелась) жизнью» [4, с. 20]. Долгой жизни желают Хадиже, произнося благопожелание Оърмуул дуччин дитаннав «Да насытишься ты жизнью, проживешь столько, сколько хочешь».

В тексте встречаются и двойные благопожелания. Абакар Мудунов использует этот прием для придания благопожеланию значимости:

– Вил арсгу, бакăгу цăултушивуй, бачугъар, Сарат, ттuvура нара къабучан- ххурав тăй дуссияв «Пусть твой сын и ты (дословно: твоя голова) будут здоровы, проходи, Сарат, надеялась, что ты навестишь нас» [4, с. 27].

Или: – Ина заннал яивуй, вил ахир хайданийн дуккивуй «Да хранит тебя господь, да будет конец твой к доброму» [4, с. 33].

И проклятия, и благо-злопожелания искусно включены автором в речь персонажей, что помогает Абакару Мудунову продемонстрировать яркие самобытные образы горцев.

Выводы

В статье проведен анализ лакских паремий (проклятий, благопожеланий и злопожеланий). Выявлено тематическое многообразие лакских проклятий, благопожеланий и злопожеланий, которые произносились и произносятся по разнообразным случаям и большинство разрядов отображает повседневную жизнь.

Наиболее типичными для лакского языка являются проклятия и благопожелания. Злопожелания встречаются реже как в устной речи лакцев, так и в фольклоре и литературе.

Лакские проклятия, благопожелания и злопожелания представляют большой интерес для исследователей культуры, истории и языка.

Список источников

1. Абакарова М.А. Лакские паремиологические единицы с религиозным кодом культуры // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/24FLSK420.pdf>.
2. Абачараева М.М. Язык песенного фольклора лакцев. Махачкала, 2013. 151 с.
3. Адухова Ж.М-З. Прагматические характеристики речевого акта проклятия в лакском языке // Вестник Дагестанского научного центра. 2023. № 89. С. 95 – 98.
4. Мудунов А.А. Оъттуву лархъсса ц1у. Махачкала, 1968. 368 с.
5. Мудунова Г.А. Свадебная обрядовая поэзия лакцев // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 31. Вып. 3. С. 78 – 86.
6. Мудунова Г.А. Фольклорные мотивы в творчестве Абакара Мудунова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 253 – 256.
7. Мутаева М.И., Мишаева М.В. Экспрессивно-устойчивые сочетания негативного характера даргинского и лакского языков // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 33. Вып. 4. С. 82 – 88.
8. Нажаева С.М. Семантико-лингвокультурологический анализ фразеологических единиц лакского языка в сопоставлении с английским: дис. кан. филол. наук: 5.9.5. Махачкала, 2015. 23 с.
9. Омарова Г.Р., Чалаева П.Ш. Проклятия и пожелания в лакском фольклоре // Вопросы кавказского языкоznания и тюркологии. 2023. С. 56 – 61.
10. Сагидова М.П. Сравнительный структурно-семантический анализ соматических фразеологических единиц дагестанских языков: на материале аварского, даргинского, лакского, лезгинского и табасаранского языков: дис. кан. филол. наук: 5.9.5. Махачкала, 2013. 160 с.
11. Хайдаков С.М. Очерки по лексике лакского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 199 с.
12. Халилов Х.М. Устное народное творчество лакцев. Махачкала, 2004. 322 с.

References

1. Abakarova M.A. Lak paremiological units with a religious code of culture. The world of science. Sociology, philology, cultural studies. 2020. No. 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/24FLSK420.pdf>.
2. Abacharaeva M.M. The language of the song folklore of the Laks. Makhachkala, 2013. 151 p.
3. Adukhova Zh.M-Z. Pragmatic characteristics of the speech act of curse in the Lak language. Bulletin of the Dagestan Scientific Center. 2023. No. 89. P. 95 – 98.

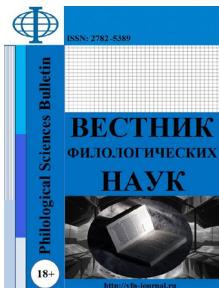
4. Mudunov A.A. O'ttuu larkh'ssa ts1u. Makhachkala, 1968. 368 p.
5. Mudunova G.A. Wedding ritual poetry of the Laks. Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Humanities. 2016. Vol. 31. Iss. 3. P. 78 – 86.
6. Mudunova G.A. Folklore motifs in the works of Abakar Mudunov. Problems of history, philology, culture. 2014. No. 4 (46). P. 253 – 256.
7. Mutaeva M.I., Mishaeva M.V. Expressive-stable combinations of a negative nature in the Dargin and Lak languages. Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Humanities. 2018. Vol. 33. Iss. 4. P. 82 – 88.
8. Nazhaeva S.M. Semantic-linguocultural analysis of phraseological units of the Lak language in comparison with English: dis. ... can. philological sciences: 5.9.5. Makhachkala, 2015. 23 p.
9. Omarova G.R., Chalaeva P.Sh. Curses and wishes in Lak folklore. Issues of Caucasian language studies and Turkology. 2023. P. 56 – 61.
10. Sagidova M.P. Comparative structural and semantic analysis of somatic phraseological units of the Dagestan languages: based on the Avar, Dargin, Lak, Lezgin and Tabasaran languages": dis. ... can. philological sciences: 5.9.5. Makhachkala, 2013. 160 p.
11. Khaidakov S.M. Essays on the vocabulary of the Lak language. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. 199 p.
12. Khalilov H.M. Oral folklore of the Laks. Makhachkala, 2004. 322 p.

Информация об авторах

Чалаева П.Ш., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет,
kr68@bk.ru

Омарова Г.Р., Дагестанский государственный университет

© Чалаева П.Ш., Омарова Г.Р., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 81-139

¹ Чуев А.А.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Прагмалингвистические особенности устной речи советской и российской молодёжи

Аннотация: в статье представлены результаты исследования устной речи советских и современных российских молодых людей в возрасте от 13 до 23 лет. Сравнение расшифровок проведено с помощью авторского метода прагмалингвистического анализа. Было показано, что советские школьники и студенты существенно больше использовали в своей речи авторские синтагмы, окказионализмы, пословицы и поговорки, фразеологизмы, крылатые слова, афоризмы и другие виды цитации, а также слова, обладающие коннотативным значением. И наоборот – значительно меньше допускали вульгаризмы, канцеляризмы, обсценную лексику, речевые ошибки, трюизмы и штампы. Исследование наглядно демонстрирует разницу между речью молодёжи доцифровой и современной эпох. Норма владения русским языком у современных подростков ощутимо снижена по сравнению с их советскими сверстниками. Полученные результаты коррелируют с данными параллельных исследований устной и письменной речи представителей советской и современной эпох. Ранее автором настоящей статьи был проведен анализ речевых образцов профессиональных авторов медиакоммуникаций, героев кино и сериалов обозначенных периодов. Кроме того, проанализированы школьные сочинения юных потребителей советского и современного медиаконтента. Показано как транслируемые авторами медиакоммуникаций речевые образцы для подражания влияют на речь подрастающего поколения.

Ключевые слова: прагмалингвистика, устная речь, молодёжь, медиакоммуникации

Для цитирования: Чуев А.А. Прагмалингвистические особенности устной речи советской и российской молодёжи // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 169 – 177.

Поступила в редакцию: 26 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹ Чуев А.А.

¹ St. Petersburg State University

Pragmalinguistic features of oral speech of Soviet and Russian youth

Abstract: the article presents the results of a study of the oral speech of Soviet and modern Russian young people aged 13 to 23. The transcripts were compared using the author's method of pragmalinguistic analysis. It was shown that Soviet schoolchildren and students used significantly more author's syntagmas, occasionalisms, proverbs and sayings, phraseological units, catchphrases, aphorisms and other types of quotation, as well as words with a connotative meaning in their speech. And vice versa – they allowed significantly fewer vulgarisms, officialisms, obscene vocabulary, speech errors, truisms and cliches. The study clearly demonstrates the difference between the speech of young people of the pre-digital and modern eras. The norm of proficiency in Russian among modern teenagers is noticeably lower compared to their Soviet peers. The obtained results correlate with the data of parallel studies of the oral and written speech of representatives of the Soviet and modern eras. Previously, the author of this article analyzed speech samples of professional authors of media communications, heroes of films and TV series of the designated periods. In addition, school essays of young consumers of Soviet and modern media content were analyzed. It is

shown how speech samples for imitation broadcast by authors of media communications influence the speech of the younger generation.

Keywords: pragmalinguistics, oral speech, youth, media communications

For citation: Chuev A.A. Pragmalinguistic features of oral speech of Soviet and Russian youth. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 169 – 177.

The article was submitted: May 26, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Настоящее сравнение является частью большого исследования эволюции речи российской молодёжи в период формирования новой цифровой среды. Бурное развитие информационных технологий пришлось на вторую половину XX и начало XXI веков. В то же время в России происходили масштабные социальные изменения, которые усилили трансформацию коммуникативной сферы молодых людей и не только.

Юноши и девушки в возрасте от 13 до 23 лет выбраны неслучайно для настоящего исследования. Школьники и студенты уже обладают необходимым жизненным опытом и речевыми навыками, достаточными для социальной коммуникации, но в то же время ещё «не испорчены» специализированной работой, которая может оставить существенный отпечаток на речевом поведении. Кроме того, молодые люди находятся на подъёме жизненных сил, связанном с половым созреванием. Такое состояние благоприятно сказывается на речевой коммуникации, поскольку способствует достижению успеха у представителей противоположного пола. Также в этот период речь является одним из основных инструментов для повышения доминантности. В более старшем возрасте важность речи в подобных поведенческих стратегиях становится менее очевидной. Это связано с уменьшением половых гормонов и с изменением условий жизни [13].

Выбранная возрастная группа интересна своей относительной однородностью. У школьников и студентов во многом похожий жизненный опыт. Они ещё не успели сильно стратифицироваться по уровню доходов, общественному влиянию и профессиональным навыкам. Молодые люди живут в сравнительно единой, искусственно созданной социальной среде и адаптируются к ней. Условия жизни учащихся сохраняются десятилетиями. Изменения, даже самые незначительные, легко проследить простым сравнением жизни учащихся разных эпох. В России сложился своеобразный исторический феномен, когда после распада СССР на одной территории и в новом культурном пространстве оказались молодые люди, говорящие на одном языке. И в то же время сравнительно быстро стали отличаться быт, система ценностей, образовательные программы, способы коммуникации и речевые образцы СМИ. Эти изменения существенно повлияли на устную речь молодёжи.

Для исследования эволюции речи автором настоящего исследования разработан метод pragmalingвистического анализа, показавший наибольшие устойчивые различия как в устной, так и в письменной речи выбранных референтных групп по сравнению с другими опробованными автором данного исследования методами. Ранее pragmalingвистическому анализу были подвергнуты расшифровки телевизионных информационных и развлекательных программ позднесоветской и современной эпох, расшифровки реплик героев и закадрового текста востребованных у молодёжи кинолент и сериалов обозначенного периода [9], публицистические статьи ведущих газет и журналов, выходивших в России в течение последних 50 лет [16], а также школьные рукописные сочинения советских и российских юношей и девушек [10]. Обнаружены корреляции между результатами исследований. Обозначена тенденция pragmalingвистических изменений в речи авторов медиакоммуникаций и молодых потребителей медиаконтента, связанная с возникновением виртуальной среды и развитием цифровых технологий. С появлением социальных сетей доступ к массовой аудитории получили все их пользователи. Поэтому образцом для подражания, в том числе речевого, теперь может стать любой человек. Вне зависимости от возраста, пола, профессиональных навыков и способностей. На смену телевидению, профессиональным переводчикам и сценаристам пришли любительские видеоблоги [24], и они больше востребованы у подрастающего поколения [21].

Проведённое ранее сравнение письменной речи современных старшеклассников и их советских ровесников показало, что с точки зрения pragmalingвистических конструкций у современных подростков письменная речь оказалась существенно примитивнее. При этом речевые образцы молодые люди в значительной степени заимствуют именно из средств массовой коммуникации. На слух подражать проще, чем текстам художественной литературы. Причём юные авторы берут на вооружение самые элементарные речевые приёмы [10].

Показательно также исследование прагмалингвистических конструкций в кинолентах и сериалах, популярных у советской и российской молодёжи. Оно демонстрирует синхронное упрощение устной речи героев и закадрового текста в фильмах, востребованных у подростков [9].

Тому же принципу следуют и профессиональные авторы медиакоммуникаций – создатели информационных и развлекательных телепрограмм, а также авторы газет и журналов. Исследование публицистических текстов популярных советских изданий, которые продолжают выходить в печать до сих пор, показало тот же тренд на упрощение речи со сменой эпох и развитием цифровых технологий. Речевые эталоны меняются в медиакоммуникациях повсеместно, а вместе с ними меняется речь молодёжи [16].

В погоне за рейтингами средства массовой коммуникации адаптируют свой язык под молодёжную аудиторию, потому что она составляет существенную долю среди всех групп потребителей медиаконтента и при этом наиболее активна [23]. Таким образом языковые нормы, взятые у блогеров, принимаются СМИ как современные и затем транслируются в качестве речевых образцов для всех участников медиакоммуникаций. Цель настоящего исследования – оценка влияния новой виртуальной среды на устную речь молодёжи.

Материалы и методы исследований

Фрагменты устной речи – и советских, и российских школьников и студентов – взяты из СМИ. Юные участники медиакоммуникаций выступают в исследовании сразу в двух ипостасях. Они рассказывают о своей жизни в СМИ, тем самым становясь образцами для подражания, а также демонстрируют своей публичной речью актуальный уровень владения языком. Сравнение устной речи молодежи в массе даёт представление о лингвистических возможностях не только говорящих, но и многих других их сверстников, то есть – о свойствах речи молодёжной среды обеих рассматриваемых эпох в целом.

В фокусе исследования устная речь молодых людей в возрасте 13-23 лет. Это школьники и студенты, активные пользователи социальных сетей, лидеры мнений. Все они успешны в виртуальной среде. Показали себя как молодые актёры, музыкальные исполнители или видеоблогеры. До блокировки в России самого популярного видеохостинга YouTube все герои исследования побывали на верхних строчках его рейтингов – как со своим медиаконтентом, так и в качестве приглашённых артистов в сторонних проектах.

В 2015-2021 годы наиболее популярными юными интернет-героями были Влад А4 (более 30 миллионов подписчиков), иностранный агент Алишер Моргенштерн (более 10 миллионов подписчиков), Катя Клэп (более 7 миллионов подписчиков), Саша Спилберг (более 6 миллионов подписчиков), Марьяна Ро (более 6 миллионов подписчиков), иностранный агент Николай Соболев (более 5 миллионов подписчиков), Инстасамка (более миллиона подписчиков). В качестве материалов для исследования устной речи российской молодёжи использовались расшифровки интервью с обозначенными видеоблогерами, а также – с другими медийными лицами указанного возрастного диапазона. Это артисты и видеоблогеры иностранный агент Face, Pharaon, Кирилл Бледный, иностранный агент Монеточка, Тима Белорусских, Slava Marlow, Даня Милохин, Юля Гаврилина, Молодой Платон, Аслан Шукаша и Глеб Калюжный.

Для сравнения взяты расшифровки устной речи советских подростков. Это герои программы «До 16 и старше...», которая выходила на Центральном телевидении СССР, а затем на «1 канале Останкино» и «ОРТ» с 1983 по 2001 год. Выборка ограничена 1991 годом. Выпуски программы состоят из набора интервью и сюжетов на различные темы, интересующие молодёжь. Некоторые герои давали довольно развернутые интервью, в которых подробно рассказывали о своей жизни и делились впечатлениями на исторические события. Такие интервью представляют большой интерес для настоящего исследования – они очень похожи на современные интервью с блогерами.

Ещё один любопытный формат – это, когда ведущий программы устраивает дискуссию и даёт высказаться каждому из многочисленных юных участников. Комментарии в таком случае несравненно короче. Однако они представляют едва ли не ещё больший интерес, чем развернутые интервью, потому что расшифровка такой дискуссии даёт возможность оценить уровень владения языком целой группы сверстников. Любопытно, что и персональные интервью, и групповые дискуссии показывают сопоставимые результаты анализа.

И советские, и современные российские молодые люди повествуют в своих публичных выступлениях о том, что их волнует. Только говорят они очень по-разному. Эту разницу заметили пользователи интернета. Они разместили в социальных сетях нарезки фрагментов советской программы «До 16 и старше» и эксплицировали качественный уровень устной речи героев: «Вы только послушайте их грамотную речь!» [25]. Тем самым подчёркивая, что речь молодёжи раньше была лучше, чем у современных подростков. Однако интуитивных ощущений недостаточно для справедливой оценки.

Для сравнения речи отдельных спикеров и социальных групп автором настоящего исследования был разработан метод прагмалингвистического анализа. Выступления советских и российских молодых людей в средствах массовой коммуникации переводились в текст. Затем были взяты цельные фрагменты этих текстов.

Каждый фрагмент – это около 500 последовательных словоупотреблений. Короткие дискуссии группы советских юных спикеров расшифрованы и взяты целиком. Было составлено два корпуса текстов: советский и современный российский. Каждый – объёмом более 10000 словоупотреблений, что достаточно для стабилизации статистики [1]. Далее из этих корпусов извлекались словоупотребления, составляющие авторские синтагмы [20], окказионализмы [7], пословицы и поговорки, фразеологизмы [11], крылатые слова, афоризмы и другие виды цитации [19], а также слова, обладающие коннотативным значением [2] – это первая категория. А также извлекались словоупотребления, составляющие вульгаризмы [15], канцеляризмы [3, 18], обсценную лексику [15], речевые ошибки, трюизмы и штампы – это вторая категория. Таким образом, каждая категория составила некий массив словоупотреблений. Затем были подсчитаны доли первой и второй категорий в каждом корпусе. Эти доли сравнивались между собой.

Результаты и обсуждения

Анализ советского корпуса показал, что в устной речи молодых людей доцифровой эпохи сравнительно часто встречаются авторские синтагмы, фразеологизмы, коннотативные слова и другие грамматические формы и конструкции первой категории. Например, авторские синтагмы «засахаренные портреты», «приближать и представлять человека идущего рядом с тобой», «история будет стоять на месте»; фразеологизмы «за обе щёки уплетает», «ни с того ни с сего», «кто его знает», «вся в слезах», «глаза как у филина», «в душе»; слова с коннотативным значением «дикий был, жуткий», «потихоньку привыкал, сейчас освоился», «устрашающий крик», «замялся», «немножко, конечно, боязно стало», «прынёт», «вырывался», «скрутили его», «здравенные», «в смех жуткий бросился», «обдумывала», «ни бойкой, ни шумной», «притягивала к себе людей», «просто потрясли», «железный человек», «влюблены в историю, в декабристов». Доля первой категории в корпусе – 7%.

Единицы второй категории попадаются в расшифровках довольно редко – всего 4% от всех словоупотреблений корпуса. Это канцеляризмы «на протяжении 22-х лет существования», «погибла в результате несчастного случая»; штампы «проходил вечер, посвящённый», «просто почувствовала в этот момент», «этого недостаточно», «не обращают на это внимание», «не тратить на это время», «в общем», «сразу это пошло», «в целом». Позднесоветские старшеклассники и студенты были способны синтезировать устную речь практически без режущих слух речевых ошибок, размывающих смысл сообщений канцеляризмов и штампов, а также без мата и вульгаризмов. Таким образом, баланс показателей смещен в сторону грамматических форм и конструкций, положительно влияющих на точность передачи задуманного говорящим и восприятие устной речи слушающим.

В корпусе расшифровок устной речи современных подростков встречаются единичные авторские синтагмы и окказионализмы, употребляются наиболее распространённые фразеологизмы. Например, «до сих пор», «язык заплетается», «даёт плоды», «с ног до головы», «льёт воду», «в глубине души», «принимаю всё близко к сердцу» и другие. Присутствуют слова с коннотативным значением – «наткнулся», «взмыленный», «вкалывать», «впахивать», «трубила», «шелуха». Однако подсчёт показал, что грамматические формы конструкции первой категории в корпусе занимают всего около 1%. Доля второй категории значительно больше. Помимо обсценной лексики и вульгаризмов в корпусе обнаружены многочисленные речевые ошибки. Например, «откуда у меня идёт заработка», «уходить от реальности, потому что жить реально очень сложно». Канцеляризмы – «реально сплю», «это реальность», «настолько уникальное состояние», «ну не пребывал в сферах моего интереса», «выставляю себе определённые графики», «это официальная тема», «определенные моменты», «будем находить какие-то точки соприкосновения», «это было связано с моей квалификацией, с моим родом деятельности», «связанного с музыкой», «в плане инженерии», «были негативно настроены», «какая-то защитная реакция могла быть» и другие. Штампы – «всё нормально», «на полном серьёзе», «ну не очень хороший результат», «меня это напрягало в основном по началу», «какие-то интересные моменты», «образовательный контент», «как бы нормальная тема» и тому подобное. Итого вторая категория в корпусе составила около трети всех словоупотреблений – 30%.

Молодые потребители современного медиаконтента в 7 раз меньше демонстрируют речевое творчество и богатство русского языка, чем их советские сверстники (1% против 7%). И в то же время в 7,5 раз чаще ругаются и допускают речевые ошибки (30% против 4%).

Ранее автором настоящего исследования проведено сравнение тех же корпусов на наличие структурно незавершённых высказываний. Явление описала Т.Н. Колокольцева [5]. Структурно незавершённые высказывания – это «широко распространенные в спонтанном общении построения, характеризующиеся в конструктивном плане обрывом синтагматической цепи, в содержательном – наличием невербализованных смыслов и возможностью субъективно-модальных или подтекстных коннотаций, а в просодическом – специфическим интонационным оформлением». Например, «Валерка в общем-то тоже способный парень, но

Женька!». Некоторые исследователи считают такие построения ненормативными. Например, О.А Лаптева пишет: «разговорная речь изобилует незаконченными построениями, неоформленными фразами, «самоперебивами», самыми различными приёмами вставок и добавлений (подчас же не получающих конструктивного завершения)». Другие – рассматривают структурно незавершённые высказывания как норму, а именно как разновидность эллипсиса в разговорной речи. Например, «Боюсь, не увижу: у меня зрение», то есть слабое зрение.

Главное, исследователи сходятся во мнении, что структурно незавершённые высказывания экономят усилия говорящего [5]. Вместо того, чтобы закончить фразу, спикер обрывает её по принципу достаточности и тем самым предлагает слушающему достроить предложение самостоятельно, исходя из контекста. Причём обрывает в любом месте – пишет Колокольцева – «для них не существует каких-либо структурных ограничений или запретов. Здесь встречаются и такие незамещенные позиции, которые невозможны ни в каких иных типах высказываний. Так, например, структурно незавершённые высказывания могут заканчиваться словами, морфолого-сintаксические особенности которых предопределяют обязательное наличие при них каких-либо других слов или предикативных конструкций (согласы, предлоги, связки, некоторые частицы)». Например, «у вас здесь жарко, а у нас...».

Доля структурно незавершённых высказываний в корпусе расшифровок устной речи советской молодёжи – 4,5%. Сложив результаты двух параллельных исследований корпуса, можно представить значение той небольшой части из всего сказанного молодыми людьми, которая могла бы вызывать затруднения в расшифровке у слушателя. 4,5% структурно незавершённых высказываний в корпусе и чуть меньше грамматических форм и конструкций второй категории (4%) не дают в сумме и десятой части от всех словоупотреблений в расшифровках. Это значит, что всё остальное (9/10) образцовая речь. Причём почти десятая её часть – языковые находки, обогащающие повествование.

Речь современных подростков наполнена структурно незавершёнными высказываниями почти в 7 раз больше. Искомая доля в их корпусе – 30%. В составе структурно незавершённых высказываний современных юных ораторов множество грамматических форм и конструкций второй категории, можно сказать, что результаты обоих исследований накладываются друг на друга. А значит усиленной расшифровке слушателем устной речи современных молодых ораторов подлежит не 60%, как может показаться при сложении показателей, а меньше. Однако даже если полностью наложить результаты, полученные при обоих исследованиях, выходит, что больше трети всех устных словоупотреблений современными молодыми людьми портят коммуникацию.

Выводы

Современные российские молодые люди значительно упрощают свою речь, то есть экономят на ней усилия. Причины этого явления легко объясняются с помощью известного в лингвистике принципа «говорящего и слушающего». В 1940 году его описал ученик Фердинанда де Соссюра и один из издателей его знаменитого «Курса общей лингвистики» – Альбер Сеше [14]. Говорящий старается уменьшить расход своей энергии по аналогии с любым другим видом человеческой деятельности. Однако это возможно до тех пор, пока экономия не угрожает самой цели коммуникации. То есть слушающий должен понимать, что ему сообщают и при этом не хочет прикладывать для расшифровки послания больше усилий, чем говорящий. Возникает некий баланс, который, может смещаться в ту или иную сторону. Один из наиболее эффективных способов сэкономить энергию на производстве речи – это подбор самых распространённых и примитивных лексических единиц, а также универсальных языковых конструкций. Среди которых мат, вульгаризмы, канцеляризмы и штампы. Из-за такого подхода страдает смысловая точность передачи сообщения. Слушающему приходится чрезмерно напрягаться и достраивать недостающие речевые элементы повествования исходя из контекста. Наоборот сэкономить усилия на расшифровке речи слушающий может, когда говорящий изъясняется наиболее полно.

Речевой баланс по принципу «говорящего и слушающего» у советских и современных российских подростков смещён в разные стороны. Интуитивно подобранные заголовки, под которыми в последние годы размещают в социальных сетях видеофрагменты с выступлениями советских подростков, верно подмечают главное свойство речи молодёжи ушедшей эпохи. Это речь грамотная. Однако с интерпретацией столь общей оценки возникали трудности [25]. Современный зритель уже настолько привык достраивать речь юных ораторов исходя из контекста, что, услышав подростковую речь доцифровой, советской эпохи почувствовал резкую разницу в восприятии предлагаемых образцов. Важно подчеркнуть, что это контраст заметен даже неспециалистам. Речь totally упрощается. Обратить вспять этот тренд быстро не получится.

Прагмалингвистика подразделяется на функциональную и скрытую [8]. Объект функциональной – непосредственно речевая деятельность, объект скрытой – речевое поведение. Если речевая деятельность склады-

вается из речевых актов, то речевое поведение – из речевых поступков. Речевая деятельность имеет коммуникативную стратегию – в широком смысле это планирование речи с учётом условий общения и личных особенностей участников разговора. Непосредственное решение языковых задач – коммуникативная тактика. Принципиальная разница в том, что тактика, в отличие от стратегии, преследует не главную цель коммуникации, а сфокусирована на реализации в речи конкретных намерений, из которых строится полотно повествования. А стратегия имеет в основе мотив, подобно стимулу к любому виду человеческой деятельности. И коммуникативная стратегия – это иерархия целей: от основной к второстепенным. Исходя из этой иерархии речь может быть разделена на части, то есть на стратегические значимые речевые единицы и производные от них. И поскольку язык предоставляет множество способов достижения как основных, так и второстепенных целей, особый интерес представляет индивидуальный выбор субъекта тех или иных лингвистических средств. Подобный подход позволяет оценить успешность достижения поставленных целей коммуникации.

В противовес речевой деятельности, речевое поведение не осознаётся [8]. Оно вырабатывается в течение всей жизни человека. Минимальная единица речевого поведения – речевой поступок. Это привычное действие по выбору субъектом речи тех или иных речевых сигналов. Решая языковые задачи в схожих коммуникативных ситуациях со временем у говорящего или пишущего фиксируются наборы речевых поступков, которые в последствии используются интуитивно. Сам по себе машинальный подбор речевых приёмов в тех или иных условиях раскрывает собеседнику дополнительную информацию о субъекте речи. Оно тоже не всегда осознаётся адресатом и принимается к сведению. Такие скрытые значения в скрытой прагмалингвистике называются нюансами смысла [8].

Поскольку речевое поведение вырабатывается десятилетиями и не осознаётся, рассчитывать на его резкое изменение не приходится [6]. Это значит, что современные подростки не смогут волевым усилием изменить свою речь, даже если очень захотят. Кроме того, сама цифровая среда не способствует такому развороту [4]. Новые интернет-герои продолжают появляться, а их непрофессиональный контент – завоёывать любовь молодёжи [22]. Остановить деградацию русской речи в таких условиях может только осмысленная политика средств массовой коммуникации и массового воздействия по перманентной демонстрации богатых возможностей русского литературного языка.

Ранее было показано, что у советских профессиональных авторов художественных и нехудожественных медиапродуктов баланс между искомыми грамматическими формами и конструкциями смещён в пользу слушателя, а не говорящего [9]. Расшифровывать и воспринимать такую речь легче. Советские школьники и студенты старались придерживаться того же принципа, поэтому цифры, полученные в результате исследований их устной речи, демонстрируют также смещение баланса в пользу слушателя, а не говорящего – 7% против 4%. Современные профессиональные авторы и художественных, и нехудожественных медиапродуктов наоборот демонстрируют пренебрежение обозначенным принципом. Баланс их устной речи смещён в обратную сторону [9]. Сделав это своей нормой, современные средства массовой коммуникации обозначили для юных потребителей дозволенные границы построения речи. Они существенно снижены по сравнению с советскими образцами. Соответственно, российская молодёжь с лёгкостью взяла на вооружение транслируемые примитивные приёмы общения. Это демонстрирует баланс долей первой и второй категории в устной речи современных подростков – он примерно такой же, как и у современных средств массовой коммуникации: 1% против 30%, то есть смещённый значительным образом в пользу говорящего, а не слушающего. Последний вынужден додумывать то, что на самом деле имел в виду говорящий.

Снижение таким образом языковой нормы приводит к ещё одной проблеме. Не утруждаясь в подборе наиболее удачных грамматических форм и конструкций, уточняющих смысл сообщения, а наоборот пренебрегая слушателем и упрощая свою речь, современные молодые люди постепенно вовсе утрачивают навык производства речи с комфортной для восприятия скоростью, что и подтверждает дополнительное исследование устной речи юных непрофессиональных участников медиакоммуникаций обеих эпох на наличие структурно незавершённых высказываний [17]. В сравнении с советскими школьниками и студентами, у которых структурно незавершённые высказывания встречаются эпизодически и совокупно занимают в корпусе небольшую долю, современные юноши и девушки ощущают хуже формулируют свои мысли.

В целом результаты, полученные при исследовании корпусов расшифровок устной речи представителей обеих эпох, демонстрируют колоссальную разницу. Описанные выше корреляции – не просто намечают траектории движения тех или иных показателей, а сообщают также о большом пройденном пути по этим траекториям, то есть – о серьёзной деградации речи молодёжи за минувшие десятилетия.

Учитывая всё вышеизложенное, в новом свете предстаёт социальная трансформация, которая произошла в России за минувшие полвека. Распад Советского союза привёл к слому многих составляющих жизненного уклада населения, в том числе и медиасфера, а появление виртуальной среды общения и новых средств мас-

совой коммуникации усилили эти стихийные изменения. Настоящее исследование позволяет оценить степень влияния пройденной за указанный период социальной эволюции, а также технологического прогресса – в частности, цифровизации – на устную речь молодёжи.

Мессенджеры, социальные сети, видеохостинги и стриминговые сервисы занимают всё больше места в жизни подростков, формируют новую виртуальную среду общения, своих героев и язык. Важно отметить, что язык социальных сетей и цифровых медиа не ограничивается виртуальным пространством. Это не какая-то изолированная среда общения, не один из каналов получения информации о происходящих в мире событиях, новых тенденциях в сфере культуры, достижениях науки и техники. Язык виртуальной среды – основной язык общения молодёжи и не только. Онлайн и офлайн. Нормы, установившиеся случайным образом в цифровом мире, преимущественно по принципу достаточности, давно стали нормами во всех сферах языкового общения новых поколений. Другими словами, виртуальная речь стала реальной.

Список источников

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: ЛЕНАНД, 2021. 368 с.
2. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: избранные труды. М.: Изд. «Наука», 1977. 322 с.
3. Гальперина Э.Я. Слово живое и мёртвое. М.: АСТ, 2018. 416 с.
4. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 26 – 38.
5. Колокольцева Т.Н. Структурно незавершенные высказывания в русской разговорной речи: дис. ... док. филол. наук: 10.02.01. Саратов, 1984. 197 с.
6. Кущева О.Ю. Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 155 – 156.
7. Лекант П.А. Современный русский язык: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2022. 493 с.
8. Матвеева Г.Г., Самарина И.В., Селиверстова Л.Н. Два направления в современной прагмалингвистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 12. С. 50 – 57.
9. Мисонжников Б.Я., Чуев А.А. Исследование прагмалингвистических конструкций в кинолентах и сериалах, популярных у советской и российской молодёжи // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2022. Вып. 68. С. 165 – 181.
10. Мисонжников Б.Я., Чуев А.А. Исследование прагмалингвистических конструкций в сочинениях советских и российских школьников // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2024. Вып. 78. С. 85 – 98.
11. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. СПб.: Вариант, 1994. 543 с.
12. Орехов Б.В. «Проблеск» Ф.И. Тютчева в ретроспективе корпуса: очерк корпусной поэтики // Корпусный анализ русского стиха: сб. ст. / отв. ред. В.А. Плунгян, Л.Л. Шестакова. М.: ИЦ «Азбуковник», 2014. Вып. 2. С. 305 – 319.
13. Савельев С.В. Морфология сознания. М.: ВЕДИ, 2021. Т. 2. 208 с.
14. Сеше А. Программа и методы теоретической лингвистики: Психология языка. М.: Едиториал УРСС, 2003. 264 с.
15. Скворцов Л.И. Культура речи // ЛЭС. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 247 – 248.
16. Чуев А.А. Исследование прагмалингвистических конструкций советской и российской публицистики // Медиа в современном мире. 62-е петербургские чтения: сб. мат. ежегодного 62-го Международного научного форума: в 2 т. / отв. ред. А.А. Малышев. СПб.: Медиапапир, 2023. Т. 1. С. 191 – 192.
17. Чуев А.А. Исследование структурно незавершённых высказываний в речи советской и российской молодёжи // Труды института системного программирования РАН. 2024. Т. 36. № 2. С. 193 – 198.
18. Шварцкопф Б.С. Канцеляризмы // ЛЭС. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 212.
19. Шварцкопф Б.С. О некоторых лингвистических проблемах, связанных с цитацией // GRAMOTA.RU. 2006. URL: <https://gramota.ru/journal/stati/nauka/o-nekotorykh-lingvisticheskikh-problemakh-svyazannykh-s-tsitsatistyey?ysclid=mapbow2wuo871439079> (дата обращения: 15.03.2025).
20. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. М.: Гос. изд. «Высшая школа», 1963. 86 с.
21. Ежегодный отчёт о проведённых исследованиях уполномоченной организации по исследованию объёма аудитории за 2022 год // MEDIASCOPE.NET. 2022. URL: <https://mediascope.net/otc-rkn/#> (дата обращения: 15.03.2025).
22. Короткие видео смотрят 95% опрошенных школьников // TASS.RU. 2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21648215?ysclid=m3el4t4742200387964> (дата обращения: 15.03.2025).

23. Медиапотребление россиян: мониторинг // WCIOM.RU. 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-rossijan-monitoring> (дата обращения: 15.03.2025).
24. YouTube – «телевидение» XXI века // WCIOM.RU. 2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/youtube-televidenie-xxi-veka> (дата обращения: 15.03.2025).
25. Теперь я знаю. Дети СССР. Вы только послушайте их грамотную речь! // YOUTUBE.COM. 2020. URL: <https://youtu.be/K6xV1rt2jJI> (дата обращения: 15.03.2025).

References

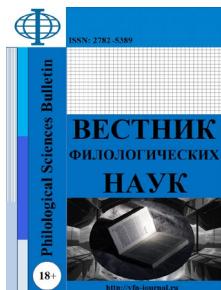
1. Baranov A.N. *Introduction to Applied Linguistics*. Moscow: LENAND, 2021. 368 p.
2. Vinogradov V.V. *Lexicology and Lexicography: Selected Works*. Moscow: Publ. "Science", 1977. 322 p.
3. Galperina E.Ya. *The Living and the Dead Word*. Moscow: AST, 2018. 416 p.
4. Dobrosklonskaya T.G. *Media Linguistics: Current Directions in the Study of Media Speech*. Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2020. No. 4. P. 26 – 38.
5. Kolokoltseva T.N. *Structurally Unfinished Statements in Russian Colloquial Speech*: Dis. ... Doc. Philological sciences: 10.02.01. Saratov, 1984. 197 p.
6. Kushcheva O.Yu. *Anthropocentric paradigm in modern linguistics*. Bulletin of Adyghe State University. 2006. No. 4. P. 155 – 156.
7. Lekant P.A. *Modern Russian language: textbook for universities*. Moscow: Yurait Publishing House, 2022. 493 p.
8. Matveeva G.G., Samarina I.V., Seliverstova L.N. *Two directions in modern pragmalinguistics*. Bulletin of St. Petersburg University. 2009. Series 12. P. 50 – 57.
9. Misonzhnikov B.Ya., Chuev A.A. *A study of pragmalinguistic constructions in films and TV series popular among Soviet and Russian youth*. The World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal. 2022. Iss. 68. P. 165 – 181.
10. Misonzhnikov B.Ya., Chuev A.A. *A study of pragmalinguistic constructions in the writings of Soviet and Russian schoolchildren*. The World of Linguistics and Communication: Electronic Scientific Journal. 2024. Iss. 78. P. 85 – 98.
11. *Phraseological dictionary of the Russian language*. Edited by A.I. Molotkov. SPb.: Variant, 1994. 543 p.
12. Orekhov B.V. "Gleam" by F.I. Tyutchev in the retrospective of the corpus: An essay on corpus poetics. *Corpus analysis of Russian verse: collection of articles*. Corres. ed. V.A. Plungyan, L.L. Shestakova. M.: IC "Azbukovnik", 2014. Iss. 2. P. 305 – 319.
13. Savelyev S.V. *Morphology of consciousness*. M.: VEDI, 2021. Vol. 2. 208 p.
14. Seshe A. *Program and methods of theoretical linguistics: Psychology of language*. M.: Editorial URSS, 2003. 264 p.
15. Skvortsov L.I. *Speech culture*. LES. M.: Sov. encyclopedia, 1990. P. 247 – 248.
16. Chuev A.A. *Study of pragmalinguistic constructions of Soviet and Russian journalism. Media in the modern world*. 62nd St. Petersburg Readings: Collection of Materials from the Annual 62nd International Scientific Forum: in 2 vol. Ed. A. A. Malyshev. St. Petersburg: Mediapapir, 2023. Vol. 1. P. 191 – 192.
17. Chuev A.A. *Research of Structural Unfinished Statements in the Speech of Soviet and Russian Youth*. Proceedings of the Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences. 2024. Vol. 36. No. 2. P. 193 – 198.
18. Schwarzkopf B.S. *Clericalisms*. LES. Moscow: Sov. Encyclopedia, 1990. 212 p.
19. Schwarzkopf B.S. *On Some Linguistic Problems Related to Citation*. GRAMOTA.RU. 2006. URL: <https://gramota.ru/journal/stati/nauka/o-nekotorykh-lingvisticheskikh-problemakh-svyazannykh-s-tsitsatsey?ysclid=map6ow2wuo871439079> (date of access: 15.03.2025).
20. Shcherba L.V. *Phonetics of the French language*. Moscow: State Publishing House "Higher School", 1963. 86 p.
21. Annual report on the studies conducted by the authorized organization for audience research for 2022. MEDIASCOPE.NET. 2022. URL: <https://mediascope.net/otc-rkn/#> (date of access: 15.03.2025).
22. Short videos are watched by 95% of surveyed schoolchildren. TASS.RU. 2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21648215?ysclid=m3el4t4742200387964> (date of access: 15.03.2025).
23. Media consumption of Russians: monitoring. WCIOM.RU. 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-rossijan-monitoring> (date of access: 15.03.2025).
24. YouTube – “television” of the 21st century. WCIOM.RU. 2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/youtube-televidenie-xxi-veka> (date of access: 15.03.2025).

25. Now I know. Children of the USSR. Just listen to their literate speech! YOUTUBE.COM. 2020. URL: <https://youtu.be/K6xV1rt2jJI> (date of access: 15.03.2025).

Информация об авторах

Чуев А.А., Санкт-Петербургский государственный университет, alexanderchuev@yandex.ru

© Чуев А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 7 / 2025, Vol. 5, Iss. 7 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.581

¹ Сакаева Л.Р., ¹ Иванова Т.К.,
¹ Сорокина Т.В., ¹ Хэ Еми

¹ Казанский федеральный университет

Исследование метеорологической лексики (на материале фразеологических единиц русского и китайского языков)

Аннотация: статья посвящена сопоставительному анализу метеорологических фразеологических единиц (ФЕ) в русском и китайском языках с опорой на когнитивную лингвистику и лингвокультурологический подход. Цель исследования заключается в выявлении алломорфизма и изоморфизма в метафорических моделях, отражающих восприятие природных явлений в различных культурах. Как показало исследование, ФЕ русского языка отражают переживаемый личный опыт, отраженный в знаковых жизненных ситуациях. В китайском языке погодные явления интегрированы в сложную концептуальную систему, в которой природное – не столько часть описания, сколько способ организации смыслов.

Ключевые слова: язык, фразеология, метеорологическая лексика, русский, китайский, метафора, культурная семантика

Для цитирования: Сакаева Л.Р., Иванова Т.К., Сорокина Т.В., Хэ Еми. Исследование метеорологической лексики (на материале фразеологических единиц русского и китайского языков) // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 7. С. 178 – 181.

Поступила в редакцию: 26 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 27 июня 2025 г.

¹ Sakaeva L.R., ¹ Ivanova T.K.,
¹ Sorokina T.V., ¹ He Yemi

¹ Kazan Federal University

Research of meteorological vocabulary (based on phraseological units of the Russian and Chinese languages)

Abstract: the article is devoted to the comparative analysis of meteorological phraseological units (PU) in the Russian and Chinese languages based on cognitive linguistics and linguacultural approach. The purpose of the study is to identify allomorphism and isomorphism in metaphorical models reflecting the perception of natural phenomena in different cultures. As the study showed, the phraseological units of the Russian language reflect personal experience, reflected in familiar life situations. In the Chinese language, weather phenomena are integrated into a complex conceptual system, in which the natural is not so much a part of the description as a way of organizing meanings.

Keywords: language, phraseology, meteorological vocabulary, Russian, Chinese, metaphor, cultural semantics

For citation: Sakaeva L.R., Ivanova T.K., Sorokina T.V., He Yemi. Research of meteorological vocabulary (based on phraseological units of the Russian and Chinese languages). Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (7). P. 178 – 181.

The article was submitted: May 26, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: June 27, 2025.

Введение

Фразеологический фонд языка представляет собой живой и неиссякаемый источник, обеспечивающий обогащение языка новыми выразительными средствами. Фразеология охватывает широкий круг проблем, связанных с семантикой, структурой сочетаний слов, особенностями их функционирования и образования. Значимую роль при этом играют сопоставительные исследования [4]. Исследователи стремятся глубже раскрыть и обосновать теоретические вопросы контактирования неродственных или отдаленно родственных и разносистемных языков, их взаимодействия и влияния [5]. Благодаря сопоставительным исследованиям разносистемных языков, выявились факты благоприятного воздействия на развитие и становление местных языков.

Метеорологическая лексика является значимой составляющей системы любого языка и охватывает широкий круг понятий, связанных с атмосферными явлениями, природными условиями и климатическими особенностями. Эта лексика активно используется в разнообразных сферах речевой деятельности: в обыденной коммуникации, художественной литературе, научных исследованиях и средствах массовой информации и не только отражает специфику природного окружения общества, но и воплощает многовековые культурные традиции, сложившиеся на основе внимательного наблюдения за изменениями в окружающей среде и природных явлениях. Метеорологическая лексика изначально принадлежит к сфере научного и повседневного описания природных явлений. Однако в процессе языкового развития она начинает выполнять метафорические и символические функции. В русском и китайском языках такие лексемы интегрируются в состав устойчивых выражений, пословиц и идиом, создавая значительный пласт фразеологических единиц с метеорологическим компонентом.

Эти выражения не только отражают погодные реалии, но и несут в себе эмоциональную и культурную значимость, отображая мышление народа, структуру восприятия мира и оценочные модели. Как отмечает Е.В. Важенина, современный язык выполняет не только коммуникативную, но и культурно-идеологическую функцию, способствуя формированию национального сознания [1, с. 36]. В данном контексте метеорологическая фразеология представляет собой ценный инструмент для анализа лингвокультурных различий.

Материалы и методы исследований

В процессе сопоставительного исследования метеорологической лексики на материале ФЕ русского и китайского языков применен сопоставительный метод, метод фразеологической идентификации и фразеологического анализа А.В. Кунина, компонентный анализ в сочетании с методом словарных дефиниций, метод синхронного сопоставления ФЕ, разработанный А.Д. Райхштейном. В качестве вспомогательной методики для уточнения сферы применения ФЕ использовался опрос информантов.

Результаты и обсуждения

В русском языке метеорологические ФЕ зачастую служат средством выражения интенсивных эмоций. Так, ФЕ «туча на душе», «буря в сердце», «гром среди ясного неба» и др., иллюстрируют внутренние состояния человека через призму природных катастроф [3, с. 1292]. Данное явление можно интерпретировать в контексте метафоры «эмоция – стихия». В отличие от этого, в китайской традиции погода ассоциируется с гармонией, цикличностью и внешними условиями общества. Выражения, такие как «风调雨顺» (ветры мягкие, дожди благоприятные), символизируют общественное благополучие, стабильность и порядок. Исследователь В.А. Курдюмов в своей работе подчеркивает, что китайская концепция природы основывается на принципе баланса и даосском восприятии мира [2, с. 47].

Как показало исследование эмпирического материала, русская модель исследуемых единиц характеризуется внутренней экспрессивностью и драматизмом, тогда как китайская модель проявляется во внешней сбалансированности и философском подходе.

ФЕ, содержащие метеорологические компоненты, часто представляют собой сложные объекты для перевода, поскольку их значение определяется не только лексическим составом, но и культурным контекстом. Так, выражение «После дождичка в четверг» обозначает неопределенное будущее и используется в значении «никогда». В китайском языке существует аналогичное выражение «猴年马月» (в год обезьяны, в месяц лошади) [6, с. 34]. Несмотря на различия в буквальных образах, их функция – передача иронического сомнения остается неизменной. Следовательно, при переводе необходимо применять функциональный подход.

Метеорологическая фразеология может служить эффективным инструментом в процессе преподавания иностранных языков, особенно в контексте русского языка как иностранного и китайского языка. Сравнительный анализ образных выражений способствует развитию метафорического мышления и формированию межкультурной компетенции. Так, китайское выражение «风雨交加» (ветер и дождь – снаружи и внутри)

может быть интерпретировано как метафора, отражающая сложные внутренние и внешние обстоятельства. Оба выражения описывают сложные жизненные ситуации, однако делают это различными способами: русская идиома передает эмоциональную бурю, тогда как китайская использует многослойный образ конфликта. Моральные качества часто связываются с чистыми и прозрачными образами: 清如冰洁如玉 – «прозрачна, как лёд; чиста, как яшма» – характеризует безупречно честного и внутренне красивого человека. С другой стороны, выражение 风雨如晦 – «ветер и дождь затемняют день» – указывает на трудности и нестабильность, 朝露危机 (опасность, как утренняя роса) передаёт ощущение краткости и хрупкости жизни [2, с. 61]. Неожиданные события описываются с помощью образа грома среди ясного неба – 晴天霹雳, что подчёркивает внезапность, потрясение. Идею полной неподготовленности иллюстрирует метафора 耳未闭雷已至 – «не успел закрыть уши, как уже раздался гром».

При описании метеорологических ФЕ можно выделить несколько метафорических тематических групп:

1. В данную группу включены выражения, описывающие осадки: «льёт как из ведра», «замело как саваном» и др., которые отражают особенности и трудности погодных условий. Усиливает восприятие интенсивности дождя через образ потока воды, создавая при этом яркую и запоминающуюся картину.

2. Группа описывает сезонность: «весна в душе», «зимняя спячка» символизирует эмоциональное состояние (обновление, возрождение, инертность и др.) Данные ФЕ описывают общепринятые ассоциации, связанные с цикличностью природы и влиянием на человеческое состояние. Весна ассоциируется с пробуждением, ростом и надеждой, в то время как зима – с покоем, унынием и замедлением жизненных процессов. Использование этих образов позволяет лаконично и выразительно передать сложные эмоциональные переживания.

3. Группа охватывает явления, связанные с ветром и температурой: «продувает насквозь» позволяет описывать не только физическое воздействие холода, но и эмоциональную отстранённость. В данном случае, метафора холода используется для передачи чувства одиночества.

Наблюдаемая в метеорологической фразеологии полисемия свидетельствует о высокой степени адаптивности лексических единиц, способных изменять семантическую нагрузку в зависимости от контекста: в выражении «солнце семьи» ассоциируется с теплом, заботой, тогда как в конструкции «солнечный удар» оно приобретает деструктивную окраску, указывая на внезапность и опасность воздействия внешней среды. Подобная вариативность употребления демонстрирует глубинную способность языка посредством контекстуализации строить сложные культурно-специфические семантические модели.

Выводы

Проведённый семантический анализ выявляет закономерности метафорического осмысления метеорологических терминов, фиксируя трансформацию прямых значений в сложные концептуальные модели. Так, выражение «ветер в голове» трансформируется в характеристику персональной характеристики, связанной с легкомыслием. Или «тёмные облака над головой» – облако, утратившее буквальный смысл, становится носителем метафоры тревоги, неопределённости или угрозы. Ключевую роль в данном выражении играет ассоциация тёмных облаков перед надвигающейся бурей, символизирующей неблагоприятные обстоятельства. Подобные случаи метафоризации, обусловленные универсальными когнитивными процессами, обеспечивают органическое сплетение физического и эмоционального в структуре языка.

Прямой перевод таких выражений может привести к недоразумениям или утрате смысла. В связи с этим в переводческой практике целесообразно применять функциональный подход, который предполагает поиск не буквального, а прагматически и культурно эквивалентного аналога. Так, русское выражение «град проблем», которое является метафорой, обозначающей резкое и массовое возникновение трудностей, подобно тому, как проблемы обрушаются, как ливень или град; китайская идиома «雪上加霜», что в дословном переводе означает «добавить иней на снег» и метафорически описывает ситуацию, когда уже существующие трудности усугубляются. Обе языковые единицы передают концепцию нарастания проблем и предельной нагрузки, однако используют различные природные образы: русская метафора характеризуется динамичностью и агрессивностью (ливень, буря), в то время как китайская идиома является статичной, но не менее драматичной (мороз, холод). Такое сопоставление способствует глубокому пониманию не только лексического, но и культурного содержания рассматриваемых выражений [7].

Таким образом, метеорологическая лексика, входящая в состав ФЕ русского и китайского языков, отражает как универсальные метафорические модели, так и уникальные особенности национальной картины мира. Русская традиция характеризуется склонностью к драматизации, экспрессии и отображению внутренних конфликтов, в то время как китайская традиция акцентирует внимание на концепциях баланса, гармонии и коллективного выживания. Перевод подобных выражений требует учета культурного контекста, а их использование в преподавании способствует развитию метафорического мышления и межкультурной

компетенции. Исследуемые единицы служат отражением языковой картины мира и является эффективным инструментом в обучении и межкультурной коммуникации.

Список источников

1. Важенина Е.В. Языковые реформы в Китае во второй половине XX века как инструмент внешней и внутренней культурной политики // Китай и соседи. 2021. С. 35 – 39.
2. Курдюмов В.А. Общие концепции метафоры и метафора в китайском языке // Вестник МГПУ. Серия: Филология. 2022. № 3. С. 47.
3. Лю Яньчунь. Метеорологическая лексика в русском и китайском языках: системный аспект // Вестник Башкирского университета. 2011. № 4. С. 1290 – 1295.
4. Сакаева Л.Р., Фаткуллина Ф.Г., Ялалова Р.Р. Структурно-грамматическая характеристика субстантивных и адъективных фразеологических единиц, характеризующих болезнь – здоровье в английском, немецком и русском языках // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. № 3. С. 735 – 739.
5. Сакаева Л.Р. Отражение антропоцентризма во фразеологии английского, русского и таджикского языков: Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2004. 217 с.
6. Суравикина Е.В. Составные номинации погодных явлений и их образный потенциал // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 232 – 237.
7. Yahin M.A., Sakaeva L.R., Mikhailovna B.O. The comparative analysis of anthropocentric phraseological units in Russian, English and Tatar languages // The Social Sciences. 2016. Vol. 11. No. 16. P. 4048 – 4052.

References

1. Vazhenina E.V. Language reforms in China in the second half of the 20th century as an instrument of foreign and domestic cultural policy. China and its neighbors. 2021. P. 35 – 39.
2. Kurdyumov V.A. General concepts of metaphor and metaphor in the Chinese language. Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Philology. 2022. No. 3. 47 p.
3. Liu Yanchun. Meteorological vocabulary in Russian and Chinese: a systemic aspect. Bulletin of Bashkir University. 2011. No. 4. P. 1290 – 1295.
4. Sakaeva L.R., Fatkullina F.G., Yalalova R.R. Structural and grammatical characteristics of substantive and adjectival phraseological units characterizing illness – health in English, German and Russian. Bulletin of Bashkir University. 2017. Vol. 22. No. 3. P. 735 – 739.
5. Sakaeva L.R. Reflection of anthropocentrism in the phraseology of English, Russian and Tajik languages: Comparative-historical, typological and contrastive linguistics: dis. ... Cand. Philological Sciences: 10.02.20. Kazan, 2004. 217 p.
6. Suravikina E.V. Compound nominations of weather phenomena and their figurative potential. Bulletin of the Chuvash University. 2010. No. 4. P. 232 – 237.
7. Yahin M.A., Sakaeva L.R., Mikhailovna B.O. The analysis of anthropocentric phraseological units in Russian, English and Tatar languages. The Social Sciences. 2016. Vol. 11. No. 16. P. 4048 – 4052.

Информация об авторах

Сакаева Л.Р., доктор филологических наук, профессор, Казанский федеральный университет,
liliyasakaeva@rambler.ru

Иванова Т.К., доктор филологических наук, профессор, Казанский федеральный университет

Сорокина Т.В., кандидат филологических наук, доцент, Казанский федеральный университет

Хэ Еми, Казанский федеральный университет